

АНАЯ
АНСОВСКАЯ

НЕВЕСТА
МРАЧНЕЙШЕГО

Старая сказка гласит: "Едва юная дева коснется яблока хрустального, оно разобьется, и бог Талл, суровый повелитель сна и смерти, обретет свою суженную".

Я читала эту сказку, но никогда не думала, что невестой Его Мрачнейшего Величества стану я! Однако, яблоко разбито, вокруг полно подозрительных незнакомцев и странностей, а в двери уже стучится свадебный кортеж!

Ну что же, не время расслабляться, ведь мне предстоит пройти три испытания, доказать, что я Та Самая, и спасти дедушку, ведь Мрачнейший не признает отказов.

Одно меня беспокоит: один из рыцарей Талла явно точит на меня зуб, но и с этим разберемся!

Меня зовут Лиззет Магницкая, внучка сказочника и невеста Мрачнейшего, и я готова к приключениям!

Часть первая. Глава 1. О луже и яблоке

<...Судьба есть. Она витает в воздухе над нами, жестокая, но ласковая, и отчаянно неумолимая. Она неподкупна и раздает подопечным только те подарки, которые они заслуживают. Кому-то поцелуй принцессы и полцарства в придачу, а кому-то уголек, завернутый в яркую шуршащую бумагу с праздничным рисунком.

Не жалуйтесь, если не получили ожидаемого. Иногда судьба лучше знает, что нам нужно, еще до того, как мы сами это осознаем...>

"Сказки о богах и героях" под ред. Л.Р. Магницкого. Том 2.

Это был один из тех дней, когда неприятности так и сыплются с неба, словно из рога изобилия: сломанный каблук, забытый на плите чайник, уехавший без тебя последний автобус. Мелкие пакости судьбы, накапливаясь, становятся огромным снежным комом плохого настроения, который увлекает тебя своим весом под гору уныния. Ты летишь на полной скорости вниз и не можешь остановиться.

Давным-давно известно, что все хорошие истории начинаются солнечным, весенним деньком, когда ничто — ни на земле, ни в небе, — не предвещает грядущих приключений. А моя история началась с лужи. Но, впрочем, все по порядку.

Эта история началась поздней осенью, в тот момент, когда октябрь встретился с ноябрем. В воздухе уже кружились редкие снежинки, играли друг с другом в салочки и соревновались — кто быстрее доберется до земли. Пахло морозами и безысходностью. Люди спешили по тротуарам, засунув озябшие руки в карманы и спрятав носы в воротники пальто, мимо них мчались машины. Весь мир вокруг погрузился в странную апатию, пораженный ранними заморозками. На дворе была уже не осень, но зима еще не вступила в свои права. И это пограничное состояние вызывало глухую тоску где-то под ребрами.

Я снова подула на заочевенные ладони, сердито поглядывая на красный глаз светофора. Конечно же, он и не думал сменяться зеленым. Стоило бы признать, что сегодня, как впрочем и всегда, все было против меня. Где-то там, на небосклоне, в день моего рождения засияла Несчастливая Звезда, и до сих пор сияет, став моим верным спутником в этой жизни.

С самого утра неприятности посыпались на меня как из рога изобилия. Я проспала — будильник не прозвенел вовремя. В доме закончился кофе, я позабыла перчатки, да, и к тому же, выскочила за дверь в легких, осенних туфлях. И вот теперь, безнадежно опаздывая и дрожа от холода, приплясывала на пешеходном переходе, изо всех сил надеясь не отморозить пальцы на ногах.

Красный круг, задумчиво моргнув, неспешно сменился желтым. Я напряглась, как бегун перед самым стартом, ведь электронные часы, висевшие на торговом центре через дорогу, показывали без пятнадцати двенадцать.

— Дедушка меня прибьет, — простонала я сквозь зубы, проигнорировав вопросительный взгляд пожилого мужчины, стоящего рядом. Ему не понять степень моего отчаяния, ведь действительно стоило бы поторопиться. Дедуля Лео терпеть не может ждать.

Зеленый вспыхнул на противоположном конце улицы, как сигнальная ракета. Я, с возгласом радости, торопливо припустила через дорогу, все глубже удаляясь в старую часть города, где располагалась дедушкина лавка. Прохожие провожали меня взглядами: возмущенными или полными любопытства.

Стуча каблуками по растрескавшемуся асфальту, покрытому хрупкой корочкой льда, я петляла в лабиринтах двухэтажных светло-желтых домов. Неизвестно, почему дедушка открыл свой магазин именно здесь, в самом сердце старой застройки. Ведь чтобы добраться до его антикварной лавки, нужно десять минут бродить между здешних строений с картой в руках. И то, никакой гарантии, что поиск увенчается удачей. Но стоило бы признать, дела у дедушки шли не в пример лучше, чем может показаться сначала: потенциальные покупатели отыскивали нашу лавку даже с закрытыми глазами.

Эх, как же он, наверное, сейчас злится! Ведь сегодня такой особенный день...

Я задумалась, и, словно в наказание за это, меня слегка занесло на повороте. На полном ходу я влетела в самый центр огромной лужи, разлившейся от одного края улицы до другого. Каблуки разъезжались на тонком льду, покрывающем глубокую лужу хрустящей корочкой. Балансируя и пытаясь удержать равновесие, я осознала в полной мере, что сегодня самый расцвет влияния моей злополучной Звезды.

Вот именно тогда все и случилось.

Сначала моего уха достиг едва уловимый звук — это трескался лед, не выдержав моего веса. Тонкая трещина змеилась от моих ступней дальше, вперед, раздаваясь вширь. Громкий хруст, и вот я уже стою по щиколотку в ледяной воде, а еще через секунду, потеряв равновесие, шлепаюсь пятой точкой в самую грязь.

Тело тут же сковало холодом. Он стал подниматься от ступней и запястий вверх, сотрясая тело неумолимой дрожью. Глаза защипало от обиды. Конечно, я должна свалиться в лужу именно в тот долгожданный день, когда дедушка решил взять меня в ученицы. Ни в какой другой!

Пальто пропиталось водой, делая мои скованные попытки подняться на ноги еще более неловкими, а пальцы не слушались. Я барахталась в луже, и благодарила бога, что на улице никого не было.

— Вам помочь? — чей-то низкий голос прозвучал совсем рядом, а я, кажется, узнала, что такое — сгореть со стыда.

Опустив голову ниже и пряча глаза за челкой, я пробормотала едва слышно:

— Спасибо, не нужно.

Я не видела, с кем разговариваю, в поле зрения попадал только подол темного пальто. Неловкость разливалась в воздухе, как эта самая чертова лужа. Хотелось, чтобы назойливый незнакомец оставил меня в покое, исчез, растворился в пространстве так же незаметно, как и появился.

— Но я, все же, настаиваю.

В голосе равными долями слышались насмешка и забота, и неизвестно, что меня раздражало сильнее.

Вспыхнув, я вскинула голову, стремясь ответить. Желательно, что-нибудь грубое, такое, после чего у анонимного доброхота начисто бы отбило желание лезть не в свое дело. Но, почти сразу же, прикусила язык.

Высокая фигура, закутанная в темный плащ, балансировала на доске, которую я с самого начала не заметила. Мужчина разглядывал меня, не таясь, с любопытством и недоумением, как неведомую зверушку. На его лицо, красивое, но холодное, легла печать смутного узнавания. Такая, по обыкновению, появляется, когда смотришь на человека, откуда-то тебе знакомого, но никак не можешь вспомнить его имя. Но я готова была побиться об заклад, что вижу его впервые. Если мы хоть раз встречались, я бы точно

запомнила. Таких не забывают.

Заметив, что я его рассматриваю, мужчина протянул мне руку. Поколебавшись, я протянула ему свою.

Меня подняли на ноги одним мощным рывком, даже не пошатнулись. Я и глазом не успела моргнуть, как уже стояла на хлипкой, трухлявой доске, рядышком со своим спасителем.

— Ну, спасибо...наверное, — смущенно проговорила я, спеша освободить руку из цепкой хватки незнакомца. Мужчина меня, кажется, даже не слушал. Он сосредоточенно пялился себе под ноги, в лужу. На бледных щеках вспыхнули два ярких пятна.

Ситуация была, мягко сказать, двусмысленная: незнакомый мужчина, прижимающий меня к себе посреди улицы. Но, каюсь, меня разобрало любопытство. Я украдкой бросила взгляд вниз, в грязную воду, гадая, что же такое он там узрел, и тут же застыла, как громом пораженная.

Это было наше отражение, но какое-то неправильное. У меня никогда не было таких длинных волос, заплетенных в странную прическу. Моих волос едва хватает, чтобы собрать их в коротенький хвостик.

В моем гардеробе нет столь пышных платьев из шелка и кружева.

У моего отражения было все это. А еще, в дополнение ко всему прочему, изящная корона, из костей. И надменная, холодная улыбка.

Мое отражение держал за руку рыцарь в черных матовых доспехах. Потребовалась минута, чтобы понять: рыцарь — точная копия моего спасителя. За исключением мелких деталей: длинного меча на поясе и шрама у переносицы. В остальном — вылитый.

Старая улица захолустного городка тоже пропала, исчезли обшарпанные, грязно-желтые стены, хмурое небо. Исчезло все вокруг. За спинами наших двойников в луже виднелся величественный замок. Можно было даже разглядеть флаги, вывешенные в бойницах. Замысловатая вязь серебром и темный холст фона.

Я двинулась назад, доска подо мной захрустела. Но мужчина даже не шевельнулся, продолжая сжимать мою ладонь. Сказать, что я была напугана, значит, ничего не сказать. Сердце в грудной клетке стучало как оголтелое, а ноги дрожали.

— Колокол зазвучит. Всему свое время. Вода своевольна, но и ее можно укротить.

Слова эти прозвучали неприлично звонко, отражаясь от стен ближайших домов. Я открыла рот, чтобы произнести хоть что-нибудь, но не успела.

Пытливо заглянув мне в глаза, незнакомец развернулся и ушел. Наверное, стоило его окликнуть, потребовать объяснений, но момент был уже упущен. Мужчина скрылся за ближайшим углом, а я осталась в полном одиночестве, мокрая, замерзшая и растерянная.

Меня практически вырастили дедушка и его антикварный магазинчик. Родителям всегда было некогда, разъезды, конференции, командировки, поэтому большую часть своей жизни я провела рядом с дедом Лео, в его старой лавке. Мне ужасно нравились все эти занятные штуки, привезенные с разных уголков света: фарфоровые вазы, хрустальные бокалы, резные деревянные столики, недавно справившие двухсотлетний юбилей, и серебряные украшения. Здесь всегда пахло как-то по-особенному, полиролью для дерева и лимонами.

Именно здесь я сделала свои первые шаги. Здесь дедушка читал мне сборник старых сказок, укачивая меня на коленях. Это место — маленькая лавка, торгующая старыми

вещами и историей, — я считала своим домом. Уже позже, сразу после совершеннолетия, я заимела собственную квартиру, но дом у меня остался только один.

Наверное, теперь вы сможете понять, насколько этот день был важен для меня. Сегодня дедушка решил взять меня в ученицы, чтобы передать — не сейчас, но позже, — свое дело именно мне.

Сегодня все должно было быть идеально... Но, к сожалению, таковым не являлось.

Настроение достигло самой низкой отметки, когда я добралась до магазина. Продрогла до костей, еле волочила ноги, да еще и опоздала на час. Дедушка будет в ярости, подумала я, но как-то безразлично. Я протянула руку, чтобы открыть дверь, но тут звякнул колокольчик над входом, и на улицу из лавки выскользнула девушка.

Хорошенькая, с короткой стрижкой и в модном пальто, но я ее здесь никогда раньше не видела. Постоянных клиентов я знала в лицо и могла по пальцам пересчитать, и она в их число не входила. Пока я немного озадаченно таращилась на незнакомку, та кинула в мою сторону настороженный взгляд. А потом все произошло так быстро, что я даже не успела сориентироваться.

Карие глаза расширились от изумления, и девушка в ту же секунду буквально сложилась вдвое, отвешивая мне поклон до земли.

Я испуганно отшатнулась, хватаясь рукой за косяк. Голова закружилась, пришлось привалиться боком к стеклу витрины, чтобы не упасть.

Но оттуда на меня посмотрела та, что и полчаса назад из лужи. Кружев на ней было теперь еще больше, но улыбка стала немного теплее. Не сказать, чтобы меня это вдохновило.

— Какого... — задохнулась я, переводя взгляд туда, где стояла незнакомка.

У отражения не было лица. Собственно говоря, _оно_ вряд ли было человеком, хоть и имело относительно человеческий силуэт. Темная сущность, плотный черный туман, с провалами глаз и рта. Какая-то сфера, пронзительно-голубого цвета пульсировала там, где у людей находится солнечное сплетение. Пульсировала и вращалась, приковывая к себе взгляд. На мгновение мне стало дурно, к горлу подступила едкая желчь. Девчонка взвилась, оттолкнув меня плечом, и бросилась вниз по улице.

— Что происходит с этим миром?! — в замешательстве прошептала я, наблюдая, как она убегает. Грязь запачкала ее сапожки и подол пальто, но девчонка не обращала на это внимания, торопясь поскорее удрать. Ветер распушил рыжие волосы вокруг ее головы ярким рыжим орелом, видимым издали.

Голова шла кругом, и я никак не могла подобрать разумного объяснения подобным выходкам совершенно незнакомых людей. Как будто все вокруг сговорилось, устроив грандиозный розыгрыш! Все, что мне оставалось, пучить глаза и открывать рот от удивления, как золотой рыбке, неспособной выжать из себя ни единого звука.

Возможно, это и есть дурацкий розыгрыш, рассуждала я, наконец, делая шаг в полумрак лавки, но до первого апреля еще несколько месяцев. Дедушка, стоящий у окна с покупателем, одарил меня строгим взглядом, намекая, что прекрасно видит, в каком виде я заявилась, но вслух ничего не сказал. Я тоже ограничилась понятливым кивком и скрылась в закутке, где обычно вешали верхнюю одежду, и стоял на плите старый медный чайник, закопченный только с одной стороны.

Хорошо, если отмести дурацкие видения в луже и стекле, все вполне логично. Меня захотели разыграть, меня разыграли, и я даже немного испугалась. Ха-ха, очень смешно, всем спасибо, все свободны.

Маленькая конфорка вспыхнула ярким пламенем, я установила на решетку чайник, рассматривая собственное отражение в пузатом, блестящем боку. Теперь оно было нормальным: крысиный хвостик, вздернутый покрасневший нос и глаза, которые от тревоги еще больше посветлели.

Сейчас все было нормально, но я была уверена на сто процентов в том, что не показалось. И еще на двести, что черная ужасающая тварь в стекле была реальнее некуда. При одном только воспоминании, меня продрало холодком по хребту. Я поежилась, поднося ладони к огню, чтобы согреться. После неловкого заплыва в луже меня еще слегка знобило.

Чайник сообщил о своей готовности тоненьким свистом, и я вздрогнула, выныривая из собственных мыслей. "Может, я схожу с ума?" — размышляла я, разливая чай по чашкам. Или стоит дедушке рассказать?

Но по прошествии некоторого времени между событиями, их странность выцвела, и теперь мой страх казался простым ребячеством, как и идея пожаловаться дедушке. Старик бы повертел пальцем у виска, посоветовав не маяться дурью, а приняться за уборку. Пыль с товаров надо было протирать ежедневно, а иначе было недолго и нагоняй схлопотать.

— Лизочка, чай! — поторопил дедушка из-за ширмы, словно ощутив через разделяющую нас преграду мои сомнения.

— Иду, дедушка!

Нет, определенно точно не стану ему рассказывать. Я обогнула ширму, осторожно двигаясь вперед и удерживая в руках жестяной поднос с чашками и сахарницей. Наверное, только дедушка бы и смог понять меня. Сколько себя помню, он вечно рассказывал истории о странных богах, пугающих героях и сердился на меня, когда я называла все это сказками. Но одно дело — сказочки из древней, рассыпающейся на пыль и страницы книжки, а совсем другое — пугающие видения и знакомцы.

Серебряные ложечки тихонько звякнули, когда я не слишком аккуратно поставила поднос на столик. Дедушка еще раз кольнул меня строгим взглядом и снова повернулся к посетителю.

Сегодня к нам заглянул постоянный клиент. Рядом с дедушкой, невысоким элегантным мужчиной, господин Шмайер казался настоящим великаном. Было смешно смотреть, как он неловко мнетя, посреди магазина (ну вылитый медведь в дорогом, сшитом на заказ пальто!), стараясь втянуть плечи и богатырскую грудь в себя, чтобы не задеть ни одну из тех бесчисленных штучек, толпящихся на полках магазина. И сегодня дедушка Лео продемонстрировал покупателю что-то действительно особенное: маленькую золотую птичку. Старик держал фигурку на ладони, как живую, чтобы представить ее Шмайеру в самом выгодном свете.

Я осторожно пробралась на свое место — маленький диванчик в углу магазина, у самого окна. На подоконнике валялся старый блокнот: множество исписанных разноцветных страниц на растянутой пружинке. Пока я бездумно листала его, до моего слуха доносились обрывки разговора. Шмайер, басовито гудя, уточнял стоимость и редкость безделушки. И тут я вспомнила, что сказал мне дедушка, когда я впервые встретила господина Шмайера.

— Лизочка, — произнес тогда дедушка, опуская большую теплую ладонь на мою макушку, — такие люди, как он, покупают бесценные произведения искусства, спускают кучу денег на картины и скульптуры, которые не вызывают у них ни единой эмоции, а все ради одной цели. Они стремятся заполнить пустоту в своих душах.

Я непонимающе насупилась, поэтому дедушка потрепал меня по волосам и пояснил:

— Это бесполезно. Ведь какими бы красивыми эти вещи не были, сколько бы они не стоили, в них нет ни души, ни тепла.

Тогда я еще мало что понимала, но дедушкины слова врезались в память насмерть.

Господин Шмайер заглядывал к дедушке пару раз в месяц. У него было совершенно непроницаемое имя-отчество и очень виноватые глаза. Себя он привык величать "коллекционером", но у его коллекции не было ни упорядоченности, ни цели. Он просто скупал все, на что падал взгляд. Дедушка недовольно пофыркивал в пушистые усы и называл подобное отношение "варварством".

Но все равно, я была рада его визиту. Пока он здесь, дедушка не станет меня отчитывать, а потом, глядишь, и вовсе остынет.

Задумавшись, я водила ручкой по линованной бумаге, пытаюсь воссоздать по памяти образ, преследовавший меня в луже и стекле. Но художником я всегда была неважным. Вместо величественности и ужаса получалась только сухая ерунда. Почему-то я разозлилась.

— А что это? — великан выпрямился, задев головой люстру в викторианском стиле. Та отозвалась мелодичным звоном, а я на секунду отвлеклась от своего нелепого рисунка.

Ладонь господина Шмаейра потянулась к хрустальному яблоку, установленному на мягкой подушечке в самом центре зала. Когда погода была ясная, солнечные лучи проникали в хрусталь под таким углом, что оно казалось живым, налившимся золотистым соком. Но сейчас яблоко было обычным изделием из стекла, но, тем не менее, оно привлекло к себе взгляд покупателя.

Дедуля Лео поспешил закрыть фигурку собой.

— Это не продается.

Великан надулся, становясь похожим на двухметрового обиженного ребенка, глаза его зажглись неподдельным азартом. Гонка началась!

Я с некоторым любопытством наблюдала их словесную баталию. Шмайер, привыкший покупать все, что ему нравится, предлагал бешенные деньги за кусок хрусталя, но дедушка был непоколебим.

— Оно не продается, — старик качал головой, как китайский болванчик, глядя снизу вверх на раззадоренного коллекционера.

Их схватка продолжалась, по меньшей мере, час, но Шмайер ушел ни с чем. Раздосадованный, он крепко хлопнул дверью напоследок, но был виноват сам. Из всего, что мог предложить наш магазин, бизнесмен выбрал именно то, чем дедушка дорожил больше всего.

Проводив гостя взглядом, дед без сил опустился в свое кресло, обмахиваясь газетой. На его лбу выступила испарина. Прикрыв глаза, он пробормотал:

— Вот тебе пример невежи, Лиззет. Более того, самый опасный его подвид: невежа настойчивый. Тебе нужно быть твердой, если такой индивид встретится на твоём пути.

Я нахмурилась. Терпеть не могу, когда меня называли по полному имени. Лучше уж попростому, Лизочкой. И я ну никак не понимала, почему дедушка носит с этим яблоком как курица с яйцом. Ничего ценного в куске хрусталя не было, оно даже не являлось сколько-нибудь старым или редким. Но дед все равно берег его как зеницу ока. Я кинула на безделушку раздраженный взгляд.

Злополучное яблоко все так же восседало на своем месте, глядя на все прочие

экспонаты немного надменно, как кронпринц обзревает собственную свиту. Не знаю почему, но на мгновение мне показалось, что в глубине хрусталя сверкнуло что-то, наполняя фигурку темно-синим туманом. Но стоило моргнуть и приглядеться, как видение исчезло.

Раздраженно фыркнув, я снова уткнулась в блокнот.

Тогда я еще не знала, что сегодняшний день — лишь начало.

Часть первая. Глава 2. Незнакомец в синем и театр теней

Не доверяй собственной тени. Никто не знает, что она замышляет (с)

Переведя дух, дедушка вернулся к делам. Листал собственные записи, обзвонил пару клиентов, сообщая, что их заказ поступил в магазин. Читал письма (бумажные, дедуля не переносил плодов технического прогресса). А ближе к вечеру накинул на плечи пальто и, подхватив под локоть зонтик (за окном зарядил нешуточный дождь с мокрым, липким снегом), отправился навестить старого приятеля.

Я осталась в полнейшем одиночестве, но одиноко себя отнюдь не чувствовала. Еще с детства, будучи предоставленной самой себе в магазине, я находила чем занять себя. Сегодня, например, я отрыла в завалах кладовой старую, потрепанную книгу сказок. На потемневшей от времени и сырости обложке была изображена занятная парочка. Статный юноша, с мечом наперевес, опустившийся на одно колено, и девушка, протягивающая тонкую, хрупкую руку склонившемуся перед ней возлюбленному. От причудливой игры света и тени в дождливый день мне почудилось, что нарисованный рыцарь очень похож на утреннего незнакомца. Но я тут же отказалась от этой идеи: будь моя воля, я бы и в дождевых каплях, покрывающих витрину и все окна, могла узреть силуэт того мужчины. Мысли начинали заикливаться, вертяться раз за разом вокруг одной и той же темы, а таким темпом не долго и совсем умом двинуться.

Помотав головой, я устроилась поудобнее, планируя провести время с пользой. Погода располагала к этому как нельзя лучше. Хмурые тучи напоздали своим раздувшимся телом на маленький городок, чиркая тучным пузом об антенны и столбы высоковольтных передач, словно огромный небесный кит, опустившийся слишком низко. Ветер завывал отчаянно и дико, иногда захлебываясь воем на самых высоких нотах.

Накинув на ноги плед, я открыла книгу на своей самой любимой сказке.

"...В день, когда почил его самый любимый герой, юноша Верелл, с сердцем храбрым, но чутким, безутешный в своем горе бог Мориус приказал потушить солнце.

— Не достойно оно, — раздавался его громopodobный голос над всеми равнинами и горами, океанами и пустынями, — светить, раз этот достойный муж покинул нас.

И погасло солнце, и воцарилась ужасающая мгла. Землю окутал туман и стужа, гиб скот, горевали люди. Смотрел Мориус на плачущих подданных своих, и плакало сердце его..."

Тихонько звякнул дверной колокольчик, возвещая о посетителе. Я отложила книгу, поднимаясь навстречу клиенту и растерянно глядя перед собой. Мыслями я была еще там, в книге, горяя вместе с богом Мориусом у надгробного камня его любимца, поэтому я не сразу обратила внимание на того, кто вошел в магазин. А обратив, немного опешила.

Мужчина, стоящий на пороге, был одет в щеголеватый костюм темно-синего шелка, и держал в руках высокий цилиндр в тон. Зонтика у него с собой не было, но почему-то гость ни капельки не вымок, и улыбался лукаво и небрежно, будто прогуляться под ураганным ветром и дождем и остаться сухим для него — плевое дело, он обычно такие дни вторниками называет.

Но самое примечательное в замысловатом и слегка странном костюме был его галстук. Черный, расшитый лазурными звездами. Они мерцали, переливались и постоянно двигались

по шелковой ткани галстука. Зрелище, надо сказать, впечатляющее. Незнакомец дал мне фору в пару минут и возможность хорошенько его рассмотреть, а затем подал голос:

— Крив'этта! Да будет сей день благословенен для вас, прекрасная леди!

И едва-едва согнул спину, имитируя вежливый поклон и выжидающе уставившись на меня снизу-вверх. Мне пришлось пробормотать что-то отдаленно похожее на "Добрый вечер" и поинтересоваться, что привело его в наш магазин.

Гость разогнулся с недовольным видом. Наверное, я нарушила ритуал, ответив не так, как ожидалось. И теперь мужчина сердился, скрестив руки на груди.

— Как невежественна молодежь! — чуть слышно пробормотал он себе под крючковатый нос.

— В чем, собственно, я невежественна? — тут же отозвалась я. Прозвучало весьма грубо, согласна, но я была в своем праве. Одного только взгляда на худощавую фигуру, затянутую в синий шелк, мне хватило, чтобы закипеть. Хватит с меня странностей на сегодня!

Незнакомец вздрогнул, будто не ожидал от меня ответа. Узкий рот, похожий на щель почтового ящика, дрогнул. Щеки стали белыми, как мел, и пошли рябью. Из глубины лица мужчины проступало нечто жуткое, пугающее. Верхняя губа поползла вверх, обнажая черные зубы. В воздухе ощутимо запахло тиной и гнилью.

Тень, падающая на стенку, разрослась, вытянулась, принимая очертания невиданного существа. С громким шелестом из спины, как из недр тьмы, выпростались громадные крылья.

Я попятилась, пытаюсь нашарить рукой телефон.

Но все кончилось так же быстро, как и появилось. В мгновение ока чужая тень приняла обыкновенные размеры, а незнакомец в синем костюме стал выглядеть обыденно, если не сказать немного скучновато. Никаких ужасающих челюстей и мертвенно-бледной кожи. Обыкновенный посетитель, каких в месяц приходят десятки.

Он смотрел на меня с легкой досадой, притопывая по полу носком ботинка:

— Леди, что-то не так?

Я пыталась отдышаться, сжимая в руке мобильник:

— Нет, извините.

Наверное, стоило бы набрать дедушку и попросить его вернуться поскорее. Мне не разрешалось обслуживать клиентов, особенно настолько странных и пугающих. Но руки словно онемели, мне оставалось только безвольно наблюдать, как кружатся бирюзовые звезды по галстуку.

Мужчина кивнул и медленно шагнул к витринам. Он разгуливал по магазину, чувствуя себя как дома. С любопытством разглядывал китайский фарфор, хмыкал себе под нос и что-то бормотал.

Я настороженно следила за каждым его шагом, иногда отвечая на пространные вопросы, вообще не относящиеся к антиквариату. Например:

— Я проездом в вашем городишке. Не подскажете ли, моя прекрасная леди, частенько ли у вас такая чудесная погода на дворе?

Или:

— Где у вас в городе самое высокое здание?

И все в таком же духе. Воздух в комнате с течением времени становился все тяжелее, на меня накатывала нешуточная дрема. Веки казались неподъемными, шум дождя за окном стал

напоминать ту колыбельную, которую когда-то в детстве пел дедушка, если я боялась привидений и монстров в шкафу.

"Белый, белый снег,

Алая водица..."

Присев у стола, я оперлась на ладонь, стараясь не заснуть. Чудак-покупатель отошел от витрины с украшениями и направился прямым ходом к яблоку. В полусне мне почудилось, что у его ног вертится темно-рыжая лисица с пушистым хвостом. Она разевала ярко-красную пасть, высовывая розовый язык, а мужчина, раз за разом, отталкивал ее ногой, чтобы не мешалась.

"Что же, девочка моя,

Все тебе не спится?"

— Какой чудесный экземпляр!

Ноздри покупателя хищно раздулись, когда он протянул свою руку к хрустальному яблоку. Лиса от возбуждения тихо заскулила. Откуда здесь вообще взялся лесной зверь? Но мне так хотелось спать, тело сковала смертельная усталость. Все, чего я желала на тот момент, заключалось в одном: поскорее бы странный гость ушел, прихватив своего питомца, и позволил мне вздремнуть пару часиков.

— К нему нельзя прикасаться, — невнятно пробормотала я, окончательно сморенная.

Мужчина обернулся. Синий шелк его костюма мягко переливался, завораживая. Его улыбка, мягкая и лукавая, не предвещала ничего хорошего.

— Да, я не могу его коснуться. Зато можешь ты! Иди сюда, элант'ем! Сежз'ам!

Тело повиновалось. Медленно, как во сне, я добрела до мужчины, едва не споткнувшись об чужой рыжий хвост, с черными подпалинами. Лиса окинула меня поразительно осмысленным взглядом и посторонилась. Сама не ведая, что творю, я протянула руку к яблоку. В ту секунду я была готова поспорить, что весь смысл моей жизни и заключался именно в этом: взять в руки хрустальное яблоко, бережно хранимую моим дедом драгоценность. Зачем, почему, кто этот незнакомец, и что вообще происходит вокруг меня, — все эти вопросы казались просто шелухой, ничего не значащей. В голове звенела восхитительная пустота.

Но когда я, под прожигающим взглядом незнакомца в синем, коснулась яблока кончиками пальцев, оно как живое попыталось ускользнуть от меня. Покачнувшись на подставке, оно секунду будто бы раздумывало, а затем лопнуло. Расколось ровно на две половинки, идеально симметричные. Внутри у меня что-то оборвалось.

Раздался ликующий вскрик. Дверь в лавку распахнулась, впуская порывистый, ледяной ветер, который швырнул мне в лицо пригоршню снега. Тени, скрывавшиеся до этого в углах магазина, кружили вокруг меня, радостно приплясывая. Эти невообразимые силуэты были похожи на огромных птиц, чудовищ, прекрасных женщин. Целый театр теней.

Человек в синем, расплывшись в довольной улыбке, подхватил под брюхо свою лису и, поправив цилиндр, завертелся юлой на одном месте и пропал.

В ту же секунду стало тихо. Больше не завывал ветер, не плясали тени. Даже свет как будто сделался тусклее. И только на полу лежали две половинки разбившегося хрустального яблока.

Часть первая. Глава 3. Телефонные разговоры и кукла

<...Куклы много чего умеют, только мы об этом не догадываемся...>

Ф. Берннет «Маленькая принцесса»

Едва не плача от отчаяния, я упала на колени, пытаюсь соединить осколки. Две абсолютно симметричные части, яблоко просто лопнуло посередине, и теперь не было ни единого шанса вернуть все, как было.

— Дедушка меня убьет, — скулила я, лихорадочно размышляя о том, как можно починить фигурку. Купить новую? Нет, это невозможно. Дед знает свое сокровище до последней борозды на хрустальном черенке. Склеить? Хрусталь был такой чистой воды, что следы от клея определенно бросались бы в глаза. Бесполезно.

Я уронила руки на колени, все еще держа в руках несчастное разбитое яблоко. Нет выхода. Нужно дождаться деда и покаяться во всем. Вряд ли он поверит, что я была зачарована странным незнакомцем в синем, а также его ручной лисой, но стоило бы попытаться. Он, конечно, будет дико зол, но старик всегда был отходчив. Стоило попытаться счастья.

Но сколько бы я ни ждала, дедушка не возвращался. Все улицы небольшого городка были погребены под первым снегом, смешавшимся с почти-зимними сумерками, густыми и темно-синими как чернила, а дедушки все не было. Я подняла трубку, чтобы позвонить дедушкиному другу, тому, у которого он так задержался, но вместо привычных гудков телефонная линия встретила меня тишиной. Плотной тишиной, с еле слышными щелчками где-то вдали. Вздохнув, я положила трубку на рычаг. Наверное, из-за урагана где-то оборвало провода, и связь не работает. Сколько раз я просила дедушку купить мобильный телефон, и все без толку!

Но тут телефон разразился громким, дребезжащим звонком. Помедлив секунду и глубоко вздохнув, я подняла трубку.

— Ал. ло?

Громкое шипение хлынуло мне в ухо морской волной. Иногда сквозь этот раздражающий звук пробивался чей-то голос, низкий и вибрирующий.

— Дедушка?

Шипение замолкло, остались только пощелкивания.

— Это Магницкая Лиззет? — раздался в трубке зычный незнакомый голос. От неожиданности я едва не уронила аппарат со стола.

— Да, это я, кто гово...

— Будьте готовы. За вами выдвигаются. Доброй ночи! Крив'этта!

И тишина. Я пару минут кричала в трубку "Алло!", но шутник, — если это и правда был телефонный розыгрыш, — не отзывался. Гудков тоже не было слышно. Дрожащими руками я положила трубку на место, и кулем плюхнулась в дедушкино старое кресло. Либо это мир сходит с ума, либо я. Другого объяснения, при всем старании, не находилось. Настольные часы, с резной фигуркой сатира наверху, ехидно пробили полночь. Наверняка, дедушка уже давно дома, видит десятый сон, а я торчу здесь, терзая себя чувством вины.

Нужно было уходить. У меня было примерно восемь часов, чтобы придумать, как оправдаться перед стариком завтра утром, и моя голова, распухнув от всех странных

сегодняшних событий, нешуточно разболелась.

Взгляд мой упал вниз, под стол, и холодок пробежал по загривку. Телефонный кабель был перегрызен пополам. Телефон не работал.

Мои руки так дрожали, что мне не удалось с первого раза попасть в замочную скважину. Ключ лязгал об дверь, а затем упал в снег. Охая и кривясь, я окунула руки в сугроб, пытаюсь его отыскать. Кисти тут же заныли от ужасного холода, а ключ, словно насмехаясь, ускользал из-под пальцев, стоило мне его нащарить. Наконец, я выудила его из снега и заочневшими руками заперла дверь. Дернув последний раз за дверную ручку, и убедившись, что магазин закрыт, я поспешила домой.

Улица встретили меня тьмой и безлюдностью. На заметенных тротуарах не было ни одного человека, не горел ни единый уличный фонарь. Но у меня уже не оставалось сил удивляться или пугаться. Только один раз мне показалось, что я вижу прохожего. Темная фигура, почти два метра ростом, двигалась навстречу по перекрестку, но стоило мне бросить на нее взгляд, тут же свернула к соседней улочке.

Без особых происшествий я добралась до дома, поминутно оглядываясь, словно за мной следили. Ощущение чужих глаз, впривившихся мне в затылок и спину, сводило с ума.

Ну, что за ерунда, рассуждала я, пытаюсь нащарить непослушными руками в кармане ключ от входной двери. Утро вечера мудренее, правильно? Вот сейчас заберусь в кровать, согреюсь, а завтра все будет, как обычно. Никаких незнакомцев, несущих всякий вздор, никаких неработающих, но звонящих телефонов, никаких...

В подъезде темень стояла египетская. Я провела ладонью по стене, ожидая наткнуться на выключатель, но он как сквозь землю провалился. Еще и мобильник разрядился, подсветить было нечем. Чертыхнувшись сквозь зубы, я шаг за шагом, на ощупь начала подниматься вверх. Отсутствие света было соломиной, а я — тем самым ослом из басни, груженным сверх меры событиями сегодняшнего дня, что даже легчайшая соломинка была способна переломить мне хребет.

В подъезде вспыхнул свет. Тусклый, жидкий, струящийся откуда-то сверху, — он на пару минут ослепил меня, и я не заметила куклу, сидящую на нижней ступеньке следующей лестницы. Можно было подумать, что ее забыли дети из соседней квартиры, но нет. Что-то мне подсказывало, что здесь она сидит по мою душу. Ее хорошенькое личико было повернуто прямо на меня, а голубые глаза цепко удерживали мой взгляд. Крохотные фарфоровые ручки она чинно сложила на коленях.

Жуткая кукла, странный синеватый свет, ощутимо расширяющееся пространство тесного подъезда в пятиэтажке, — все неуловимо напоминало старый ужастик, из тех, что пугали до коллик в детстве.

Пухлые кукольные губки разомкнулись:

— У Талла отвратительное вкус. Ты со мной согласен, Эсмаэль?

Голос у куколки оказался на редкость противным, писклявым и капризным, как у маленькой принцессы. Тень упала на фарфоровое личико, изуродовав его. Внизу, куда не доставал свет, завозилось нечто. Я смогла уловить в клубящейся тьме пролета только восемь мохнатых лап и челюсти с капающей оранжевой слюной. Наверное, это и есть Эсмаэль, решила я.

Нет, вот была последняя соломинка. Истошно завопив, я взлетела вверх по лестнице к своей квартире. Заперев дверь на все замки, я обессилено сползла по ней вниз. Так и сидела,

обняв колени и всхлипывая, и молилась о том, чтобы поскорее наступило утро.

Часть первая. Глава 4. Прибытие свадебного кортежа

Низкий мужской голос, раздавшийся в комнате перед рассветом, был сначала принят мной за ускользающий хвост последнего сна, такого теплого и уютного. Но любой сон имеет обыкновение заканчиваться, рано или поздно.

— Это точно она?

Я беспокоюсь, плотнее прижимая щекой подушку. Будильник еще не прозвенел, а значит, можно было подремать еще час или два.

— Никаких сомнений, именно она. Синий хитрец никогда не лжет. Старик, конечно, любит недоговаривать, но ложь — его единственное табу. Да и яблоко разбито, ты же знаешь, — отвечал ему второй, чуть тише.

Я приоткрыла один глаз. Голоса в комнате, бывшие частью сна, отчетливо раздавались в спальне и звучали до тошноты реально.

— О, смотрите-ка, принцесса соизволила проснуться, — ликовал теперь еще и третий голос, женский. Нет, в квартире определено я была не одна. И снова, так некстати, вспомнились вчерашние приключения, дурацкая цепь событий, лишившая меня покоя. Ночью впечатления стали блеклыми, выцвели, и теперь не так пугали, но внутренности все равно обожгло колкими холодом сомнения: закрыла ли вчера я дверь? Иначе как незваные гости смогли бы сюда попасть?

Я нерешительно приоткрыла и второй глаз. Со сна зрение сфокусировать никак не получалось, картинка расплывалась, но я смогла уловить очертания двух высоких фигур, стоящих у окна, и одной миниатюрной, сидящей рядышком со мной на кровати. Один из тех, кто стоял поодаль, издевательски помахал мне ладонью, привлекая внимание.

С робкой надеждой, что мне все это только снится, я закрыла глаза. Бывают же такие домерзости реальные сны, в которых ты никак не можешь определиться, наяву это происходит, или же ты проснешься через минуту в собственной постели. Я украдкой ущипнула себя за руку и ойкнула от неожиданности. Больно. Но незваные гости, наблюдая, как я ставлю самой себе синяки, ухмылялись и не думали рассыпаться рассветным туманом и каплями росы.

Вздыхнув, я села на кровати, протирая глаза:

— Ну, и кто вы такие?

Гневная реплика вышла невнятной, помешало несвоевременное желание хорошенько зевнуть. Один из вторженцев пару раз насмешливо хихикнул, прикрывая рот рукой. Его возмутительно рыжие патлы, судя по всему, не знавшие ни расчески, ни укладки, торчали во все стороны. Одет мужчина был очень странно — в изящные, ручной работы, доспехи. Я подобных никогда не видела ни в одной из дедушкиных книг. На блестящем нагруднике красовалась помесь дракона и кошки: усатое, крылатое и когтистое нечто. Я украдкой окинула взглядом остальных — те же панцири, те же рисунки, выгравированные на блестящем металле.

Рыжий, заметив, что его рассматривают, широко улыбнулся, отчего россыпь веснушек на его носу стала заметнее, и произнес:

— Ты разбила яблоко. Ты идешь с нами.

Миниатюрная фигурка, сидящая совсем близко, оказалась очень суровой молодой девушкой. Ее строгие зеленые глаза так и обещали, что никакой пощады от нее ждать не

следует. В коленях девушка держала увесистый свиток, и мне, почему-то, стало дурно от одного лишь взгляда на него. Белые, почти седые волосы, постоянно падали ей на лицо, а она отводила их в сторону все с тем же суровым, неприступным видом.

— Мы обязаны сопроводить тебя к нашему повелителю, — процедила она, всем своим видом показывая, как ее утомляют долгие рассусоливания. "Я человек дела" — как бы говорили ее нахмуренные брови, видневшиеся над краем тонких очков без оправы.

— Я..Яблоко?

Ага, понятно. Дедушка опять шутить изволит. Наверное, пришел пораньше в магазин, увидел, что я натворила, и решил проучить нерадивую ученицу.

— Я все поняла, это вас дедушка подговорил? — я с облегчением рассмеялась, расправляя складки на одеяле. Обладательница зеленых глаз взглянула на меня слегка неодобрительно, а потом обернулась на своих спутников. Рыжий растерянно таращился то на меня, то на стоящего рядом мужчину.

— Руц, мы ничего не напутали?

Тот, кого называли Руцем, сделал два шага к моей кровати и наклонился, внимательно рассматривая меня. На нем были такие же легкие доспехи, как и на всех остальных, а волосы, аккуратно перехваченные в хвост, были белее снега. Пару минут он сканировал меня пронзительным взглядом, а затем так же внезапно выпрямился, оборачиваясь к рыжему товарищу:

— Никаких ошибок, Виллан. Это именно она.

И тут мое терпение лопнуло. Мне уже надоел весь этот спектакль из репертуара местного театра самодеятельности. Выбравшись из кровати, я решительно и твердо попросила покинуть мою жилплощадь. Зеленоглазая прищурилась, поднимая руку со свитком, но меня уже было не остановить.

— Проваливайте, — процедила я, уперев руки в бока и обводя притихших вторженцев ледяным взглядом. Ну, дедушка, ну удружил. Не знаю, как у меня хватило сил, но я вытолкала наглое трио за дверь, не обращая внимания ни на попытки что-либо объяснить со стороны Руца, ни на издевательское хихиканье рыжего Виллана.

Как только дверь за ними захлопнулась, я перевела дух. Сердце снова застучало как оголтелое, но теперь я хотя бы могла найти объяснение тому, как трое совершенно незнакомых мне людей оказались в моей квартире ни свет, ни заря. В запертой изнутри квартире, кстати говоря. Дедушка дал им ключ?

Спать уже не хотелось, стоило, наверное, позавтракать и собираться. Но прежде всего я набрала дедушку, желая "поблагодарить" за столь неожиданное пробуждение. Впустить в мой дом странных незнакомцев, ишь что учудил! Но трубку он так и не взял.

Когда мне надоело слушать длинные гудки, я скинула звонок. Я смутно ощущала, что что-то не так, но пока еще не могла определиться — что именно. Пока это было лишь не оформившееся чувство тревоги, поселившееся в горле, но с каждой минутой оно лишь разрасталось, заполняя легкие и живот. Что-то внутри твердило мне, что стоит поторопиться, иначе я опоздаю.

Подтягивая пижамные штаны и приглаживая растрепанные волосы, я вползла в кухню, надеясь перехватить бутерброд или чашку чая до выхода, но тут же устало привалилась к косяку.

За столом сидел Виллан, тот самый рыжий юноша, которого сотоварищи я выпихнула за дверь десятью минутами ранее. На столе, исходя горячим паром и восхитительным

ароматом свежесваренного кофе, томилась моя любимая кружка. Глядя на ее пестрый бок с отколотым краешком, я тяжело вздохнула. Кофе в доме кончился еще вчера.

— Еще раз привет, — рыжий сощурился, одаряя меня одной из своих ослепительных улыбок, — присоединишься?

— Как?...

— Как мы вошли? — Виллан наклонил голову к плечу и взглянул прямо на меня, а я вздрогнула от неожиданности. Сквозь тело будто прошел разряд тока. Голубые глаза, в мелкую черную крапинку, цепко разглядывали меня. Крупный хищник, гипнотизирующий свою глупую, сопротивляющуюся добычу. Облик штатного балагура слетел с него разом, словно порыв ветра сорвал с дерева последнюю осеннюю листву, обнажив суть. Я сглотнула, невольно попятившись, но Виллан ухмыльнулся, отводя глаза, и дышать стало легче.

— Сама-то как думаешь?

Я молча развернулась на месте, возвращаясь в коридор. Замок недовольно щелкнул, поддаваясь не с первого раза, но, приложив некоторое усилие, я распахнула дверь на площадку. Пусто.

— Не нас ищешь?

Даже не оборачиваясь я могла сказать, что остальные незваные гости стоят за моей спиной.

Из моей груди вырвался еще один тяжеленный вздох. Доброе, блин, утро.

Гости расположились вокруг маленького обеденного стола на неудобном диване — «уголке», потеснив Виллана и неуклюже стучаясь коленками. Градус абсурда накалялся. Чувствуя себя неловко под пристальным взглядом трех пар глаз, я предельно аккуратно разлила по кружкам кипяток, выставила на стол все нехитрое угощение, которое нашла, а затем решила спросить:

— Так кто вы такие?

— Твоя свита и свадебный кортеж, — самодовольно похвастался Виллан, не обращая внимания на предупредительный тычок в бок от своего соседа, Руца. Я недовольно поморщилась. Час от часу не легче. Голова мало-помалу наливалась болью, которая грозила перейти в мигрень.

— Какая еще свита?!

— Ты невеста бога Талла, — девушку, представившейся Шартиар, казалось, мало тревожили мои сомнения и заботы. Она, даже здесь, на маленькой кухоньке и с овсяным печеньем в руке, умудрялась выглядеть грозно и пугающе. — Ты разбила проклятое яблоко.

Точно, яблоко. Чертово разбитое яблоко. Боль в правом виске стала еще сильнее. Не в силах сдержаться, я прижала ладонь к лицу.

— Я, кажется, схожу с ума.

На мгновение у меня появился соблазн поделиться с вторженцами всеми теми сумасшедшими событиями, которые приключились со мной вчера, но что-то мне подсказывало, что эти ребята и так знают предостаточно и смогут открыть мне глаза еще на множество странных событий, но хотела ли я этого? Определенно нет, потому что чудеса и не думали заканчиваться.

Руц, переглянувшись с остальными, будто заручаясь их поддержкой, поднялся на ноги и сделал шаг ко мне. Выставленные вперед ладони должны были убедить меня в добрых намерениях, но я все равно инстинктивно отступила. В бедро больно впился уголок

кухонного гарнитура.

— Нет, мы не разыгрываем тебя. Нет, мы не знакомы с твоим дедом, кем бы он ни был. Да, все это правда. Потому что, если бы мы шутили, я бы смог сделать вот так?

Чужая холодная ладонь мягко коснулась моей макушки. Руц, тепло улыбаясь, погладил меня по взъерошенным прядям, чутко всматриваясь в глаза, а затем отстранился, словно оглядывая плоды своего труда.

— Ну, как ощущения? — сложив руки на груди, мужчина ожидал моей реакции. Я с сомнением прислушалась к себе. Вроде все было как обычно, кровь циркулировала по венам, сердце стучало, а желудок настойчиво требовал еды, издавая крики погибающего кита. Только...

— Голова больше не болит! Твоих рук дело?

Руц самодовольно ухмыльнулся, опускаясь на свое место. Я проводила его тяжелым взглядом и с не менее тяжелым сердцем проговорила:

— Ладно, выкладывайте. Будем считать, что на ближайший час я вам верю. Только учтите, что кредит доверия Лиззет Магнитской не бесконечен.

Виллан и Руц почти в унисон расхохотались.

— Постараемся не обмануть твои ожидания, элант'ем!

Часть первая. Глава 5. Потерянная невеста

Ожидания не оправдались: каждое слово Виллана и Шартиар (Руц в основном молчал) звучало как отборнейший бред. Я как будто попала в самый отвязный эпизод старенькой передачи «Розыгрыш». Ну, сами посудите: молодой бог влюбляется в смертную девушку, едва увидев ее на карнавале, куда он пришел посмотреть на людей. К счастью, чувства вспыхнули взаимные, ведь частенько подобные истории не имеют радужного и позитивного конца. Недолго думая, влюбленные обручились, и Талл подарил девушке хрустальное яблоко, выкованное в глубоких штольнях мастерами-гномами. Нашел, конечно, достойный подарок дочке фермера, ничего не скажешь!

«Долго и счастливо» не вышло, невеста слегла от загадочной болезни и, не дожив дня до свадьбы с богом смерти, умерла. История печальная, с одной стороны, но и курьезная донельзя. Таких сказок в дедушкиных книгах было навалом, ничего из ряда вон выходящего. Однако...

— То есть вы хотите меня убедить, — медленно, собирая мысли в кучу, произнесла я, — Талл после смерти возлюбленной просто смирился, а затем зачаровал хрустальное яблоко, дабы оно дало подсказку, где искать ее в следующей жизни? И теперь утверждаете, что эта возлюбленная — я? Как-то сомнительно. Он же бог смерти, почему просто не вернул ее к жизни?

Виллан театрально закатил глаза, прижимая руку к груди:

— Это была великая история любви! Такие чувства! Такие! О, как они любили друг друга!

Я взмахом руки прервала бьющий фонтан эмоций, они только мешали думать. Руц и притихший Виллан терпеливо следили, как я стараюсь сложить два и два так, чтобы получилось пять. Бурный поток восторженных реплик со стороны рыжего рыцаря Талла никак не объяснял финт с яблоком, умершей невестой и остальным. Только добавлял трагичности и мрачных красок, от которых было не по себе.

Понимая, что сомнения грызут меня изнутри, в дело вновь вступила Шартиар. Она молча приподнялась на месте, выкладывая на стол свиток, который до сих пор держала на коленях. И снова меня от одного взгляда на пергамент бросило в дрожь, а затем — пробил озноб. Странная реакция на, всего лишь, длинный кусок бумаги, но я привыкла доверять интуиции.

— Он мог бы воскресить ее, — тихо произнесла Шартиар, сверкнув стеклами очков, — но не стал рисковать. Возвращенные к жизни не всегда остаются теми, кого мы знали и любили. Проще дождаться, пока они переродятся. Для богов сотни лет длятся как один миг, а Его Величество терпелив.

От тоски и грусти в голосе Шартиар мне захотелось плакать. Руц и Виллан тоже погрустнели, опуская глаза. У меня закралось маленькое подозрение, совсем крошечное, но минута за минутой оно набирало вес и росло в размерах. А взглянув на виноватые, почти похоронные лица гостей, до меня, наконец, окончательно дошло.

— Вы знали ее!

— Мы знали _тебя_, - с мягкой, почти отеческой улыбкой поправил меня Руц.

Вот так раз! Приехали! Я сидела как громом пораженная, наблюдая, как Шартиар переплетает пальцы, словно лепит из глины, а в воздухе повисают разноцветные искры —

следы ее жестов. Но поражена я была не заявлением, что мы все когда-то были знакомы. Я удивлялась собственному спокойствию и невозмутимости. Вокруг творились странные вещи, а я сидела и чаевничала с тем, благодаря кому они и происходили.

— Меня?

Вместо ответа Шартгар развернула свиток, и он с мягким шуршанием закрыл собой обеденный стол. На пергаменте, который занял всю столешницу и еще свисал по краям, была изображена девушка. Портретная техника весьма интересная — мозаичная. Но нарисовано определенно красками и, как говорит всегда дедушка, на века. В нескольких местах краска трескалась, но не осыпалась. Качественная работа. Поглощенная мастерством художника, я не сразу заметила, что девушка имеет со мной определенное сходство. Ладно, не буду лукавить, она была моей точной копией. И охнула, подаваясь вперед и жадно оглядывая черты лица на картине. Точно, сомнений никаких. На портрете была изображена я. Прослеживая взглядом плавную линию шеи, раскосый разрез глаз и завитки смоляных локонов, я поймала себя на мысли, что все это уже видела. Для того чтобы убедиться, я вскочила и осмотрела пергамент со всех сторон. На свисающем его крае обнаружилась пропажа — изящная костяная корона. Девчонка смотрела на меня снисходительно, словно ожидала от меня именно такого поведения. Я видела ее в собственном отражении вчера: в луже и витрине.

— Теперь ты видишь, — негромко сказала Шартгар, прикасаясь к моей руке. Кожу обожгло холодом, ведь ладонь девушки была не теплее льда. Я мотнула головой, стараясь не думать, что означает этот жест. Пускай гадают сами.

— И что вы мне предлагаете? — растеряно пробормотала я, разглядывая свои смешные пижамные штаны. Я выглядела попросту нелепо: всклокоченные волосы после сна, старая пижама и растянутая майка с эмблемой рок-группы восьмидесятых. Тоже мне, невеста грозного бога. Я надеялась, что рыцари Талла заметят несоответствие ожиданий и реальности, а может быть, даже поймут, что ошиблись. Статистика гласит, что на свете есть как минимум пятеро двойников, возможно, они просто спутали?

Руц словно прочитал мои мысли. С тяжким вздохом он потянулся ко мне, ободряюще сжал плечо. Солнечный луч заплясал по столу, отражаясь от полированного нагрудника. Зверь на доспехах подмигивал мне, мол, не бойся, прорвемся!

— Его Мрачайшее Величество не ошибается. И не знает отказов. Тебе придется пойти с нами.

— А если я откажусь? — прищурившись, я взглянула на Виллана, который с дико сосредоточенным видом ковырял скатерть. Рыжий рыцарь Талла даже не поднял глаз и уклончиво ответил:

— Взгляни в окно.

Я недоверчиво хмыкнула, но в окно все-таки выглянула. И замерла на месте.

На часах было без четверти двенадцать, самый разгар дня. Но улицы и дороги были пусты. Ни одного человека, ни кошки, ни бродячей собаки. Пусто. Светило позднее ноябрьское солнце, ветер колыхал голые черные ветви, и все. Больше ничего.

— Где... все?

Виллан расслабленно потянулся, одаривая меня очередной улыбкой:

— Спят. И будут спать до тех пор, пока ты не согласишься.

Ярость закипела так же внезапно, как закипает кофе в турке, стоит только отвернуться. Я прыжком развернулась к рыцарями, намереваясь вытрясти из них ответ.

— В смысле?!

Виллан лишь пожал плечами, предлагая домыслить остальное мне самой.

И тогда я поняла, что попала.

Часть первая. Глава 6. Четвертый рыцарь

— Может, объяснитесь?

Руц с Шартгар молчали, не поднимая глаз. Шартгар медленно сворачивала свиток, виток за витком, только Виллан усмехался, подкидывая на ладони яблоко. Намек я поняла, но ничего не успела возразить. Гостей на кухне стало больше, в проходе застыл еще один незнакомец. На нем были те же доспехи, что и на остальных, только зверь на панцире не отчеканен, а выведен серебром.

— Я знаю тебя, — я ткнула пальцем в мужчину, на что тот лишь пренебрежительно хмыкнул. Черные волосы, синие глаза, шрам, пересекающий переносицу. Тот самый парень, вытащивший меня из лужи вчера! И он тоже?

— Айден, ты опоздал, — Шартгар сверкнула глазами на вновь прибывшего рыцаря, упираясь руками в бедра. Мне показалось, или в голосе девушки я расслышала нотки облегчения?

— Эта девица — невеста? — рыцарь сдвинул брови и сложил руки на груди.

— Может, ты меня сам спросишь? — предложила я, невольно повторяя его позу. Так и стояли мы напротив друг друга, нахмурившиеся и преисполненные недоверия. Но Айден меня принципиально игнорировал, это ясно. Не смотрел в глаза, пропускал мимо ушей реплики, да и вообще, делал вид, что на кухне находятся только его соратники. Даже если бы я сплясала перед ним канкан, вряд ли бы на непроницаемом лице рыцаря отразилось бы что-то, хоть отдаленно напоминающее удивление. Сплошная каменная стена.

— Нам пора. Если упирается — тащите силой, — скомандовал Айден, давая понять, кто здесь главный, и вышел с кухни. Но в коридоре так и не появился — растворился в воздухе.

Я скрипнула зубами, едва сдерживая раздражение:

— Какое милое начальство. Само радушие.

Я ведь почти договорилась! Еще немного, и рыцари поняли, что меня бесполезно убеждать, уговаривать и настаивать. Еще чуть-чуть, и они ушли бы ни с чем. Сейчас же все рухнуло. Я начинала потихоньку наполняться черной антипатией к рыцарю.

Виллан приподнялся, выходя из стола:

— Мы не можем его послушаться. Тебе придется пойти с нами.

Огорошенная таким заявлением, я отступила на шаг, загоняя себя в ловушку. Между холодильником и раковиной негде было развернуться, и план побега сорвался.

— Или я иду с вами, или все люди гибнут, так?

Рыжий рыцарь пожал плечами, демонстрируя полное пренебрежение к моим моральным метаниям:

— Как минимум, тебе необходимо поговорить с Таллом. Может, ты хотя бы его сможешь убедить. Пойдем.

Какое-то время я еще пыталась торговаться с рыцарями, предлагала им варианты, но бесполезно. Перспективна остаться в одиночестве в мире, где все спят, испугала меня до мурашек. Я не совсем верила в реальность происходящего, слишком уж гладко все получалось, и выбор был очевиден.

Я собиралась в путь предельно медленно, стараясь тянуть время. Тщательно подбирала одежду, вдумчиво красилась и очень долго чистила обувь, в сотый раз проводя щеткой по ботинкам до тех пор, пока в отражении не увидела себя.

Руц выглянул в коридор, когда я стояла перед трюмо, заплетая косичку. В двенадцатый раз.

— Бесполезно тянуть время, Лиззет. Только Айдена разозлишь.

При звуке своего имени я вздрогнула, ощутив, как тяжело стало дышать. Ну, хотя бы стоило попытаться.

Выходили из подъезда цепочкой, Руц с Шарттиар шли в авангарде, передо мной, а замыкал Виллан. Айдена мы встретили на улице, его высокая фигура дисгармонировала с обшарпанной лавочкой и шестеркой баклажанового цвета, которую сосед опять припарковал напротив дверей в дом. Рыцарь был мрачнее тучи, и пришлось прикусить язык, чтобы все едкие комментарии, коих было в избытке, не посыпались из меня.

— Наконец-то, — прошипел Айден, стоило нам показаться на улице, и пошагал вперед, вынуждая нас следовать за собой. Шарттиар с Руцем обступили меня, то ли охраняли, то ли конвоировали.

— Ты тоже рыцарь Талла? — спросила я между делом Шарттиар, чтобы скоротать время. Неизвестно, куда меня вели, может, нам вообще придется пешком топтать до самого царства Мрачнейшего. Куда мы идем, кстати, мне тоже не сказали. Вот в таком информационном вакууме и приходилось существовать.

Шарттиар отвлеклась от созерцания земли под ногами и улыбнулась. Улыбка у нее была приятная, едва заметная.

— Согласно книге Традиций, я твоя наставница. Должна давать тебе советы при выполнении испытаний, а также вести к алтарю.

— Каких испытаний? — с подозрением уточнила я. Дело пахло керосином, ведь никто ничего мне не говорил про испытания! Наставница покосилась на меня и с досадой цыкнула, осознавая, что проболталась. Где-то в отдалении послышалось бормотание Айдена, мол, язык отрежу. Я метнула ему в спину яростный взгляд, с каждой минутой он нравился мне все меньше и меньше. На фоне неприязни к Айдену я начала испытывать смутную симпатию к остальным рыцарям. Такое себе эмоциональное замещение.

— Из вас каждое слово приходится клещами вытаскивать! — вскипела я, полная осознания собственной правоты. — Что за испытания? Какая еще книга Традиций? Вы желаете, чтобы я послушно шла как овечка на заклание, безмолвная и согласная на все? Нет, так не пойдет!

Айден остановился, разворачиваясь ко мне лицом. Возможно, он был в ярости, но по неподвижному, непроницаемому лицу трудно было понять.

— Ты узнаешь все, что захочешь. Позже.

И вновь продолжил путь. Мне не осталось ничего, кроме как закрыть рот и последовать за ним, игнорируя взгляды, которыми обменялись Шарттиар и Руц.

Поглощенная мыслями и тревогами, я не сразу заметила, насколько пусто вокруг. Из окна все казалось не таким страшным, но сейчас я увидела все, каким оно было, и испугалась.

Город вымер. Никто не мчался по автострадам в машинах, тротуары, магазины и остановки были совершенно пусты.

Мир вокруг казался серым, ненастоящим, будто припорошенная пылью или пеплом старая фотография. Даже огненно-рыжие вихры на затылке Виллана, вставшего по праву руку от Айдена, стали какими-то блеклыми, выцветшими.

— Какого... — закашлялась я, не успев закончить фразу до конца. Я понимала, что все

люди уснули, но такой пустоты вокруг я не ожидала. Словно я попала в декорации, откуда сбежали все актеры. Жутко.

Айден поморщился, только этим движением выражая все то презрение к моей скромной персоне, которое переполняло его, грозясь вот-вот выплеснуться через край. Окей, ты меня на дух не переносишь, я от тебя тоже не в восторге, так, может быть, начнем двигаться дальше? А не закатывать глаза и кривиться, когда кто-то из нас двоих открывает рот. Однако, факт взаимной неприязни не отменяет того факта, что...

— Айден, твоих рук дело? — спросила, озаренная внезапной догадкой.

Рыцарь, опешив, сбился с шага. Не знаю почему, но я была уверена, что вся эта катастрофа — дело рук Айдена. Судя по тому, что трое рыцарей старательно прятали ухмылки, я была не далека от истины.

— Я здесь не причем, — холодно отчеканил Айден, оборачиваясь. Я сделала пару шагов назад:

— А кто тогда?

Город был пуст, мертв и безлик, и никак не напоминал то, чем он являлся еще вчера. Маленькой вселенной, полной жизни и людей. Не всегда хороших, но людей. Они жили, любили, мечтали и к чему-то стремились, а теперь их нет.

— Его Ужасающее величество бог Талл — покровитель гибели и сна, — Руц коснулся моего плеча и немного грустно улыбнулся. От ужаса у меня открылся рот, но Виллан поспешил успокоить:

— Ты же знаешь, пока они только спят. Но сон не может продолжаться вечно, ему на смену обязательно придет смерть.

— Только, если...

— Только если, что? — тут же переспросил Виллан, невинно улыбаясь. На его щеках появились очаровательные ямочки. Наверное, не будь ситуация настолько абсурдной, а момент настолько не подходящим, я бы даже залюбовалась. Я кашлянула, собираясь с мыслями, разделяя их на полезные и ненужные. Вторых оказалось на порядок больше. Нашла время восхищаться мужской красотой, идиотка, когда все твои близкие в опасности.

Стражи и наставница молчали.

Выбор. Теперь он встал передо мной в полный рост, — двадцатиметровый колосс из отчаяния и сожалений. Что не выбери — перспективы не впечатляющие. Но стоило представить дедушку, родителей и друзей, погруженных в этот тлетворный сон, как стало дурно. Пройдут годы, а от них останется только несколько горстей праха. А все из-за меня. Если бы я только не тронула треклятое яблоко!

Никто из новых знакомых не старался повлиять на меня. Скажи я сейчас «нет», они бы развернулись и ушли, наверное, даже не вспомнили через час, кто я такая. Они терпеливо ждали, пока я сама сделаю выбор, даже если выбора не было.

Наставница неожиданно тепло улыбнулась и, крепко ухватив меня за рукав, увлекла в соседний переулок. Она знала мой ответ еще до того, как он окончательно сформировался и позволил себя озвучить. Голос Шартиар был тих, но я отчетливо разобрала каждое сказанное ею слово:

— Оно разбилось бы. Не сейчас, так потом. Через год, через десять лет, или на следующей неделе. Потому что так нужно было. Катализатором было вовсе не яблоко. А ты.

Как на привязи, склонив голову и уткнувшись глазами в землю, я следовала за Шартиар, которая все дальше и дальше удалялась вглубь дворов. Ее пытливый взгляд обшаривал старые

дома и дорогу перед собой, в поисках чего-то особенного. Рыцари, не отставая, следовали за нами шаг в шаг.

На перекрестке, ожидаемо пустом, как и все вокруг, наставница остановилась как вкопанная.

— Ничего не понимаю, — донеслось до меня ее неразборчивое бормотание. Виновато прикусив губу, Шартгар оглянулась на Айдена, замыкающего маленький отряд. В ее взгляде с каждой минутой все сильнее и сильнее разгоралась паника.

Айден, насторожившись, медленно потянулся к голенищу сапога. Я почему-то знала, с вероятностью в сотню процентов, что там запрятан нож. Откуда мне было это известно? Понятия не имею, но тогда меня это совсем не волновало.

Теперь можно было сказать со всей уверенностью: что-то действительно было не так.

Часть первая. Глава 7. Казнить нельзя помиловать

Прожив всю жизнь в этом городе, я знала его как свои пять пальцев. Хорошо, может и не весь, но эти-то улицы были давно изучены вдоль и поперек. Но я понимала, чему удивляется Шартгар. Пройдя такое расстояние, мы вновь оказались на том самом злополучном перекрестке в десяти метрах от моего дома.

Наставница, поправив сползшие на переносицу очки, встревожено осмотрелась:

— Не помню, чтобы мы заворачивали.

И тогда случились сразу две вещи.

Сначала Шартгар громко вскрикнула и затрясла рукой в воздухе, которой еще секунду назад тянулась к оружию. Во все стороны полетела кровь, ядовито-зеленого цвета, шипящая и пенящаяся как кислота.

А затем рыцари бросились врассыпную. Справа и слева грянули оглушительные взрывы.

Оставшись лицом к лицу с опасностью, я впала в ступор. Противник не показывался, предпочитая атаковать издалека, и страх сковал тело, не давая ни единой возможности сдвинуться с места. Я злилась на себя, злилась на свои непослушные ноги, и еще больше — на Айдена. Почему именно на него? Да кто ж его знает! Скорее всего, из-за невозможного вида «я-все-знаю-наперед». Как выяснилось, все предусмотреть заранее даже ему не под силу.

И в момент наивысшего отчаяния кто-то грубо дернул меня за подол пальто вниз, на землю, накрывая собой. Наверное, все-таки Айден, потому что черные волосы при этом так и норовили забиться мне в рот. Пришлось отплеиваться, и вместе с этим момент потерял всю значимость и романтичность. Сотни прочитанных любовных романов и просмотренных романтических комедий не смогли донести до меня одной мысли: если на тебя падает мужчина в полном боевом облачении, это чревато переломами ребер.

— Ты тяжелый! — прошипела я, уткнувшись лицом в промерзшую землю. Дышать было тяжело, Шартгар все так же жалобно кричала где-то совсем рядом, и мне было страшно.

Асфальт с ужасающим грохотом пошел глубокими трещинами, огромные пласты его, влекомые то ли магией, то ли еще какой-то неведомой силой, поднимались в воздух и обрушивались на нас с Айденом сверху всей мощью. Но в сантиметрах десяти от наших тел асфальтовые обломки разбивались о невидимый щит.

Надо бы спросить потом у Айдена, что это за фокусы такие. Если выживем, конечно.

— Ты магией владеешь? — прохрипел рыцарь мне на ухо. Все его тело напряглось от натуги; держать щит, рассчитанный на двоих, было совсем непросто.

— Ты издеваешься, что ли?!

— Тогда у нас большие проблемы.

Мне удалось ткнуть Айдена локтем под ребра, но победа была сомнительная. Мы по-прежнему были в полнейшей... опасности.

Виллан отступал назад, прижимая к себе всхлипывающую Шартгар. Ее окровавленная рука повисла безвольной плетью вдоль тела, истекая маслянистой бурой жидкостью. Виллан зло скалился, глядя в небо, и громко поминал вслух всех знакомых лично ему божеств и духов. Помогало слабо.

Руц вообще исчез из поля зрения, оставив после себя обугленную дыру на асфальте. Зажмурившись, я молилась тем же богам, которых вспоминал Виллан, чтобы с Руцем все

было хорошо. Интуиция подсказывала мне, что не зря рыцари Талла действуют четверкой. Если хоть один выходит из боя — приходится тяжело.

А затем томный голос, противно растягивающий гласные, ехидно промурлыкал:

— Так, так, так! Вот это номер! Интересно, что же скажет Его Мрачайшее Величество Талл, если увидит невесту с Первым Советником в таком положении? Весьма компрометирующая ситуация!

К нам присоединился кто-то еще.

Я резко вскинула голову, заехав затылком в подбородок Айдена. Рыцарь отозвался приглушенной бранью, но слезать с меня не спешил.

Незнакомец завис в воздухе, прямо над нами и, кажется, не испытывал серьезных неудобств от того, что под ним не было никакой опоры. Но внимание привлекало отнюдь не это. На нем была маска, разрисованная и полностью скрывающая лицо. Намалеванная на ней жуткая улыбочка почему-то сразу давала понять — этот парень не положительный герой в абсурдной пьесе, в которой мне (за какие только грехи!) отведена одна из главных ролей.

— Вилф! Что тебе здесь надо?! — сквозь стиснутые зубы прорычал Айден, по-прежнему не думая сдвигаться вправо или куда-то еще, чтобы дать мне, наконец, сделать глоток воздуха. Он был одурающе горячий, даже через два слоя одежды я чувствовала жар. А потом я вспомнила.

— Вилф? Вилф Красноглазый? — уточнила я, стараясь отвлечься от того, что меня к земле прижимает мужчина. Видел бы дедушка! Здорово бы мне досталось...

— У меня что, проблемы с речью? — недовольно переспросил рыцарь, не сводя глаз с врага. Тот задорно хихикнул и отвесил мне шуточный поклон:

— О, меня здесь знают? Привет, милое дитя, сколько я ждал этой встречи. У нас с тобой особенная связь, скоро ты в этом убедишься.

За приторно-сладкой завесой его голоса мне слышалось нечто иное. Ожидание, нетерпение. Целый калейдоскоп эмоций, их многообразие сводило меня с ума. Закружилась голова.

— Но ведь это герой из дедушкиных сказок! Он мне в детстве про него рассказывал!

— Сказки — не выдумка, — рыкнул Айден, осторожно поднимаясь сам и поднимая меня на ноги, — он настолько же реален, как и я.

Я пряталась за плечом Айдена, очень малодушно и трусливо, согласна. Но стоило мне увидеть, как кудесник издевательски машет мне ладонью, у меня побежали мурашки по загривку. Я боялась Вилфа, и он об этом прекрасно знал.

Пока они с рыцарем сверлили друг друга взглядами, — Айден яростным и острым, а Вилф — неизвестно каким, — я лихорадочно перебирала в памяти все, что знала о Вилфе еще с тех самых, "сказочных" пор.

Знаний накопилось негусто: сильный колдун, вечно строит козни героям, иногда помогает, но чаще только вредит. Был сюжет, где его победила юная дева, обхитрила, но как? Не помню...

Вилф терпеливо ждал, пока я вспомню хоть что-то, и не спешил нападать. Иногда он или Айден обменивались короткими репликами, в которых не было ничего кроме яда и желчи. Рыцарь недолго любил Красноглазого, а Вилф был не способен испытывать чувства вообще. Я припомнила, что его сердце было похищено, но кем? И зачем память подкинула мне именно эту информацию?

— Дай пройти, владыка ждет нас, — Айден поднял глаза в него, опуская ладонь на эфес меча. Явная угроза. Я нервно покусывала костяшку большого пальца, загнанная в тупик. Ну, хоть убей — не помню! Вот бы сейчас дедушкины книги сказок под рукой оказались.

— Владыка? — Вилф издевательски хохотнул, не скрывая пренебрежения. — Разве владыка еще может хоть что-то?

Айден окаменел, выпрямляя спину. Все насмешки в свою сторону он пропускал мимо ушей с ледяным хладнокровием, но стоило задеть Талла — мигом приготовился устроить обидчику кровавую баню.

Вилф, увидев атакующую позу рыцаря, хмыкнул:

— К тому же, трое из вас ранены. Девчонка безобидная, от щелчка пальцев загнетса. А тебе я не по зубам, А-а-йден.

Вспомнила! Я дернула Айдена за руку, привлекая внимание.

— Ну, чего? — рыцарь свел брови, отчего на лбу появились три глубокие борозды, символ тяжких раздумий.

— Я знаю, как его уговорить уйти, — я прикрыла рот ладонью, опасаясь, что Вилф может читать по губам и поймет, что я замышляю. Айден хмыкнул, но прислушался. План действий пересказать было делом нескольких секунд, но он не привел рыцаря в восторг.

— Ты хоть понимаешь, на что подписываешься?! — рыкнул Айден, отодвигая меня в сторону. — Вилф Красноглазый не какой-нибудь там герой из сказки, которого обхитрить как нечего делать. Он могущественный колдун.

Я все это знала и так: в книге дедушки все было рассказано. И про то, что он отбирал первенцев у несчастных родителей, которым не посчастливилось заключить с ним сделку. И про то, что он мастак обманывать всех вокруг, забирая самое дорогое.

— Другого выхода нет, Айден! — я всплеснула руками, не зная, как доказать собственную правоту.

Рыцарь покачал головой:

— Ты сумасшедшая!

Вилф развлекался, подбрасывая в воздух люминесцентные шары, брызжущие искрами. Асфальт больше не трескался, не проваливался, да и фонарные столбы перестали колыхаться, как трава под гнетом легкого ветерка. Я сделала широкий шаг вперед, привлекая внимание Вилфа. Он с любопытством уставился на меня сверху вниз как на диковинную зверушку, которая вот-вот сделает сальто или прыгнет через кольцо как в цирке.

Столько пристальный взгляд выдержать было непросто. Вилф был пронизан силой, темной и вязкой, как деготь, она сочилась из него как яд. Ни с того, ни с сего, я начала ощущать ее очень четко, и в глубине души я знала — почему.

— Я хочу предложить тебе сделку, — громко провозгласила я, протягивая руку с плотно сомкнутым кулаком. Ноги у меня дрожали, словно я вновь вернулась в среднюю школу и вот-вот побегу городской марафон. Но я не боялась Вилфа, я боялась, что он раскусит мой незамысловатый план. Если мы играли в кошки-мышки, я точно не была бы крысоловкой.

Айден неодобрительно заворчал за спиной, но не вмешивался, позволяя мне решить вопрос.

Потянулась тишина. Красноглазый разглядывал меня с интересом, словно взвешивал мою фигурку на огромных, невидимых весах. Чаши колебались, колебался и Вилф. Наконец, он вздохнул притворно, опускаясь чуть ниже.

— Каковы условия?

Я едва сдержала торжествующую улыбку. Ловушка захлопнулась.

Часть первая. Глава 8. Сделка

Вилф спускался медленно, отдавая предпочтение не экономии времени, а сценическим эффектам. Каждое движение сопровождалось огнями и, я уверена, что не показалось, музыкой. Айден терял терпение, раз за разом порываться вступить в бой, но жалобный плач Шартиар где-то вдалеке, и мой предупреждающий взгляд останавливали его.

— Что ты можешь мне предложить? — Красноглазый разглядывал сжатый кулак, в голосе слышалась насмешка. Пускай улыбается, пока может, решила я.

Пожав плечами, я спрятала руку за спину:

— Сделку, обыкновенную сделку.

Вилф, наконец, опустился на землю. Каблуки звонко щелкнули о старый асфальт, и длинный шелковый подол одеяния колдуна стелился по пыли и грязи. До этого момента я не замечала, как странно он одет. Я мало знала о модных пристрастиях и поветриях другого мира, но фигура Вилфа была замотана в десяток разномастных тканей, до зубовного скрежета аляповатых. В его наряде преобладали оттенки красного и оранжевого, такие яркие, что слепило глаза.

Конфликтовать с волшебником, обладающим грандиозной силой, небезопасно. Еще опаснее — пытаться его обмануть.

— Каковы условия? — колдун сделал два мягких шага вперед. Одежда скрадывала движения, и казалось, что он плывет по земле.

— Осторожно! — цыкнул Айден, когда Вилф подошел совсем близко ко мне. Так близко, что я смогла разглядеть узор на его маске — десяток разнокалиберных завитков алого цвета. В голосе рыцаря слышалась тревога, но не о моей скромной личности. Он переживал, что их квартет завалит задание, когда колдун прикончит дерзкую девчонку на месте, даже горстки пыли не оставит.

Пауза тянулась целую вечность. Я старательно подбирала слова, избегая двусмысленности. Дедушкины сказки научили меня хорошей привычке: говорить прямо, избегая полутонов и недосказанностей. Вилф использует любое слово против меня, если я как следует не подготовлюсь.

— Ты нас пропустишь, — медленно, едва ли не по слогам, произнесла я, делая упор на слово «нас», — а я обещаю тебе исполнить одну твою прихоть.

Вилф захлопал в ладоши, издевательски хохоча. Он был в полном восторге, как ребенок, которому пообещали купить самую лучшую игрушку в «Детском мире» за хорошее поведение.

— Согласен? — я повысила голос, стараясь перекрыть приступ истерического смеха. Хохот оборвался так же внезапно, как и грянул. Подбоченившись, Вилф презрительно окинул меня взглядом:

— Да что мне с тебя брать, девочка? Обыкновенная смертная, ты ничего не можешь...

— Я невеста Талла, — грубо перебила я колдуна, на миг растерявшись от гордости, прозвучавшей в голосе. Не прошло и часа с тех пор, как мне открыли истину, а я уже козыряю новым титулом, словно так и надо!

Красноглазый заинтересовался, наклонил голову, внимая моим словам. Мое предназначение не было для него секретом, он наслаждался тем, как я пытаюсь играть в поддавки.

— Я невеста Талла, — повторила я, уже чуть менее уверенно, — мы сочтемся с тобой, кудесник.

Он не откажется, это исключено. Если и научили меня дедушкины сказки чему-нибудь, так это пониманию, что невеста божества, пускай даже и трижды смертная, наделена исключительной властью. Властью над собственным избранником. Мы с Таллом еще не были знакомы, но я уж как-нибудь постараюсь объяснить ему ситуацию, когда Вилф Красноглазый придет за своей платой.

Айден за спиной шумно выдохнул через нос, пробормотав что-то невнятное и очень возмущенное.

— Что ты предложишь мне в качестве залога? — будь Вилф хищником, он бы истекал слюной, предвкушая плоды, которые он сможет пожать с заключенной сделки. — Мне нужны гарантии.

Я вновь выставила вперед руку, развернув ладонью вверх. В самой середине лежала сережка с крупным, сверкающим на солнце камнем. Рубин, кровавый камень. Вторая болталась у меня в ухе, одинокая, лишившаяся пары.

— Годится, — кивнул Вилф, взмахнув рукавом. Украшение на ладони затрепетало, сопротивляясь чужеродной магии, а затем взмыло вверх, чтобы через секунду скрыться в бледной ладони Вилфа. Я с отчаянием смотрела, как мой план рушится. Слишком быстро!

За спиной чертыхнулся Айден, хватая меня за руку и утягивая в сторону. Белая вспышка разорвалась между мной и Вилфом, заставляя последнего прикрыть глаза широким рукавом. Поток белого света трехметровым столбом устремился в небо, скрывая тень, которая скользнула через него.

— Мы с тобой никаких сделок не заключали, колдун, — хрипло проговорил Руц, прижимая к обнаженному горлу Вилфа Красноглазого узкий клинок. Нож не светился, не имел особых рун или узоров, обыкновенный кусок стали, но Вилф испугался не меньше, чем я. Волшебник замер на месте, поднимая руки в воздух. Вокруг запястий с противным хрустом защелкнулись магические наручники. Я обернулась — Шарттиар тоже была здесь. Виллан, придерживающий ее за талию, помогал ей сотворить заклинание. Очертания их фигуры на миг расплылись, и я увидела нити — они соединяли обоих рыцарей в единое целое. Виллан делился с Шарттиар жизненной силой, она толчками бежала по «нитям», и тошнотворная открытая рана на руке девушки медленно затягивалась.

— Ты пойдешь с нами, — устало сказала Шарттиар, накладывая еще одно заклинание. Оно сковало ноги Вилфа, позволяя делать маленькие, семенящие шажки. Без своих плавных движений, без театральных ужимок, Вилф Красноглазый не казался таким жутким.

— Ты все равно мне должна, девочка, — зло процедил Вилф в мою сторону, конвоируемый Айденем и Руцем.

Я осталась стоять, глядя ему в спину. На душу опустился тяжелый груз: я крупно попала. Руц опоздал, или я слишком поторопилась, и теперь я была обременена сделкой с самым хитроумным колдуном обоих миров.

Часть первая. Глава 9. Отбытие

Место перехода между мирами вряд ли было отмечено на картах, во всяком случае, не на земных. Я ждала чего-то сногсшибательного — радужных арок, струящегося золотистого света и звукового сопровождения. Насмотрелась сериалов и фильмов, скажете вы и будете совершенно правы. Представления о других мирах я черпала именно оттуда. Еще немного из сказок бабушки, но в основном из современного кинематографа. По дороге я вспомнила, кем является мой жених — богом сна, смерти и тлена, и воображение рисовало переход уже в мрачных тонах. Грезился пролом в стене мироздания, из которого веет холодом, под ногами хрустит лед, а на выходе встречаются скелеты, бречащие желтоватыми костями. Подобный вариант уже был не столь притягательным. Я ничего не знала о другом мире, но добровольно шла за рыцарями, как овечка на заклание. Человек быстро расставляет приоритеты, когда от его поступков зависит жизнь неисчислимого количества людей. Я не была столь альтруистична: меня заботили только родители и бабушка, а когда я поймала себя на малодушии, то поразились. Никогда бы не подумала, что я настолько мелочна, но факт есть факт.

Реальность оказалась весьма банальна. На перекрестке двух коротких улочек Айден остановился, усаживая Вилфа Красноглазого на древнюю лавочку. Колдун послушно уселся на нее и нахохлился. Рыцари негромко переговаривались между собой. Язык казался одновременно и знакомым, и совершенно новым. Значение отдельных слов угадывалось по взглядам и жестам, но в целом я не понимала ничего. И очень злилась.

— Ну, и чего мы стоим? — крикнула я рыцарям, а затем смутилась. Я нервничала, не зная, чего ожидать, а потому срывалась. Еще и Вилф глаза мозолил, лишенный сил, но преисполненный язвительности. На мой вопрос он только фыркнул, пошевелил скованными руками и снова затих.

Айден покачал головой, раздосадованный моим поведением. Наверное, будь кто-нибудь другой на его месте, я бы получила хорошую взбучку, но темноволосый рыцарь вновь был образцом хладнокровия. Только рубец, пересекающий нос, потемнел и стал четче.

— Надо подождать, — мягко произнес Руц, даря мне улыбку. Он разговаривал со мной почти нежно, как с неразумным ребенком. Для рыцарей я была капризной, взбалмошной девчонкой, едва ли не младенцем, за которым нужен глаз да глаз. Мои невольные няньки тяготились мной, особенно Айден, и он даже не пытался этого скрывать.

Ну, надо подождать, так надо, решила я, отходя в сторонку и, от нечего делать, разглядывая Вилфа.

Красноглазый тихонько сидел на лавочке и смотрелся там также нелепо, как если бы фазан попал в курятник. Аляповатая одежда мужчины контрастировала с грязно-бурой лавкой и такими же серыми стенами. Он, и правда, был красноглазым. Глаза цвета спелой красной смородины зыркали на меня из-под разрисованной цветастой маски. Несомненно, он прикладывал все силы, изыскивая пути к спасению.

— Ты обижена, цветочек? — окликнул он меня мягко. Удивленная, я вздрогнула:

— Ты пытался меня убить. Обижена? Нет, что ты.

В ответ кудесник прищелкнул языком:

— Дерзишь. А ведь я могу раздавить тебя как таракана, только щелкнув пальцами.

— Только щелкнуть ими ты и не можешь, — хмыкнула я. Беседа быстро теряла в цене. Я

почти наяву видела, как мысли циркулируют в его голове, складываясь в план побега. Но никто не собирался предоставлять ему ни единого шанса.

— Прости, цветочек, на войне все средства хороши. Так вы здесь говорите?

— А ты, значит, солдат? — заинтересовавшись, я присела на корточки рядом с лавкой и взглянула на кудесника снизу вверх.

— Обижаешь, цветочек, офицер. По рангу ближе к Айдену.

Удивительно, но даже в маске его голос звучал ясно и звонко. Тоже магия? А что же прячется за ней? Каков он на самом деле?

Я потянулась рукой, чтобы сдвинуть маску в сторону. Но чужая рука, коснувшаяся плеча, остановила меня.

— Не стоит, Лиззет. Маска — его защита от чужих чар. Но и пока она на нем, а руки его скованы, он не сможет причинить нам никакого вреда.

Я кивнула и сделала пару шагов назад, так, просто чтобы чувствовать себя в безопасности. Айден двигался почти беззвучно, и сейчас я была даже рада этому. Кудесник дернулся, зашипев как раздраженная змея, которую без спроса подняли за хвост:

— Раздери тебя Рикс, Айден! У меня почти получилось!

— Пока я здесь, ничего не выйдет.

Вилф заскрипел зубами. Айден дернул его за шкурку, вынуждая подняться на ноги:

— Нам пора.

Я обернулась на рыцарей. Виллан радостно размахивал руками, указывая на точку в небе. Она стремительно приближалась, на глазах становясь все крупнее и крупнее. В синюющем небе, на фоне бледного раннего заката, к нам неслась карета, запряженная шестеркой гривастых коней. Лошади перебирали мощными ногами, двигаясь плавно и уверенно, пока не опустились на землю, нервно всхрапывая от нетерпения.

Красноглазый с неохотой встал и поковылял к экипажу, подволакивая левую ногу. Он повернул ее полчасика назад, когда попытался сбежать, но с Руцем шутки были плохи. Одним только движением он повалил Вилфа на землю, отсекая все пути к бегству.

Проходя мимо меня, Вилф рванулся из рук Айдена вперед. Горячий шёпот, вырвавшийся сквозь узкую щель маски, обжег мне щеку:

— Они лгут тебе. Я знаю правду. Приди ко мне, когда будешь готова ее узнать, цветочек.

Сильный тычок в спину от Руца побудил Красноглазого продолжить движение. Напоследок кудесник обернулся, сверкнув двумя раскаленными углями из-под маски. На минуту мне показалось, что я вижу его хищную улыбку. Он, словно паук, расставил сети, а теперь терпеливо ждал, когда же я суну в них свой любопытный нос.

"Бойся меня, цветочек. Я теперь твой самый худший ночной кошмар."

— Кто такая Рикс? — сглотнув комок в горле, я обернулась к Айдену.

— Тебе лучше не знать, — с кривой улыбкой отозвался он, закрывая тему.

Внутри кареты оказалось куда удобнее, чем я могла предположить. Мягкие сиденья, ненавязчивый свет кованной газовой лампы, висевшей у самого потолка. Айден кивнул Руцу, который, под белы ручки, уволок Вилфа вместе с собой на козлы. Туда же отправился Виллан, постукивающий себя по голенищу сапога хлыстом.

— Аккуратнее, — хмуро напутствовал их Айден, галантно пропуская меня и Шартиар вперед. Мы забрались внутрь, усаживаясь поудобнее. Шартиар болезненно морщилась каждый раз, когда приходилось двигать правой рукой. Магия Виллана помогла ей, но до

окончательного выздоровления было еще далеко. Она села напротив меня, почти прилегла на сиденье, закрывая глаза. Тревожно-бледная, тяжело дышащая, она казалась хрупкой как птичка, только силы в ней было гораздо больше, чем во мне или Руце. «Она куда сильнее, чем кажется», шепнул мне внутренний голос, и я согласилась.

— Скучать мы ему не дадим, — раздался веселый голос Виллана снаружи, не предвещающий ничего хорошего для Вилфа. Я ему даже посочувствовала немного. Айден кивнул, вскакивая на ступеньку, и проворно забрался внутрь экипажа, устраиваясь рядом с Шартиар. Громко хлопнула дверца, отрезая меня от привычного мира, заржали лошади, предвкушая новый полет. Глаза сами собой закрывались, усталость навалилась на меня как пуховая перина, и я не смогла ей сопротивляться.

Часть первая. Глава 10. Падение

Дрема оказалась недолгой и тревожной. Во сне меня преследовала лиса, старик в синем костюме и Вилф. Последний громко хохотал, глядя на то, как я пытаюсь вырваться из зловещего дома, в котором три десятка дверей на улицу, и лишь одна настоящая. И даже проснувшись, я не могла избавиться от ощущения, что меня окутала липкая паутина. В ушах звучал издевательский смех Вилфа, показалось, что я чувствую его взгляд сквозь стенку кареты. Интересно, он может проникать в чужие сны?

Шартиар спала, негромко посапывая. Меловая бледность на щеках сменилась ровным румянцем, и рана, виднеющаяся через разорванный рукав кителя, обернулась розовым блестящим рубцом. Я выпрямилась на сиденье, разминая затекшие ноги; места не хватало, я то и дело стукалась коленями о колени Айдена. Рыцарь смотрел в окно, но за ним лежала непроглядная тьма, без единого намека на солнечный луч. Смутный свет лампы не разгонял плотных сумерек, собравшихся в экипаже, с каждой минутой становилось все темнее. Спустя четверть часа я уже не различала лица попутчиков и даже очертания собственных рук. И, в конце концов, свет погас окончательно, погружая нас во мрак.

— Почему свет потух? — растерянно спросила я, заерзав на сидение. Ты не осознаешь, насколько важен свет, пока не окажешься в темноте. Уверенность в том, что все идет как надо, тут же исчезает, если происходит что-то из ряда вон выходящее.

Айден помолчал, прислушиваясь к тому, что происходило снаружи, а затем негромко ответил:

— Она решила, что так будет лучше.

— Она? — вопросов становилось все больше, но их поток быстро иссяк, когда Айден раздраженно вздохнул и попросил:

— Помолчи, а?

Пришлось послушаться. Я не видела лица рыцаря, только слышала дыхание — его и Шартиар. Напряжение нарастало, и пусть экипаж по-прежнему двигался, плавно и уверенно, покачиваясь из стороны в сторону, что-то точно было не в порядке.

Когда карета вздрогнула, замирая в воздухе, а затем резко ухнула вниз, набирая катастрофическую скорость, было совсем не до удивления. Слишком ожидаемо. Ну, не могло со мной случиться ничего обыденного, я же все-таки родилась под Несчастливой Звездой. С громким свистом экипаж летел к земле, кувыркаясь в воздухе. Меня швырнуло вперед, когда, на очередном вираже, его тряхнуло и с новой силой потянуло вниз. Я влетела в распахнутые руки Айдена, как в долгожданные объятия, пребольно стукнувшись лбом о металлическую пластину плеча. Доспех отозвался приглушенным звоном, но растущая шишка была меньшим из зол. Смутьиться или издать возмущенный вопль я не успела — Айден перехватил меня за талию, прижимая к себе, а второй рукой придерживая на месте Шартиар. Без сознания, ослабшая, она не могла защитить себя от травм.

С тяжким треском и грохотом карета встретилась с землей. Нас троих подкинуло в воздух и выкинуло прочь из кареты, когда дверца после удара распахнулась и повисла на одной петле. Из-за трех кульбитов в воздухе, а затем и жесткого приземления, к горлу подступила тошнота, и голова изнутри взорвалась адской болью, похожей на мигрень. Колючие ветки, на которые я рухнула, были покрыты шипами размером с детский мизинец, и больно пропоролы кожу на ладонях до кровавых борозд.

С громким стоном я поднялась на ноги, вытаскивая из рук занозы. Головная боль не унималась, а с каждой минутой становилась все сильнее. Во рту появился противный металлический привкус паники.

Вокруг — тишина и огромные, устрашающего вида деревья, возвышающиеся над нами, как Великая Китайская Стена. Росли они очень плотно, и расстояние между ними не превышало полуметра. Подножье каждого из них опутывали густые кусты, ощерившиеся злобными шипами. Кора деревьев, бугристая и шершавая, блестела от смолы, которая в сумерках казалась багровой. Как будто кровоточат, подумала я и вздрогнула от этой мысли.

— Ты цела? — Айден легко коснулся моего плеча, проверяя, что со мной все в порядке. Я кивнула, избегая встречаться с ним глазами. Казалось, я вот-вот расплачусь, вконец замученная чередой неприятностей, которые старательно подтачивали во мне веру в лучшее.

Шартиар повезло чуть больше: она упала на густую траву, и только синяк на скуле отливал бледно-сиреневым. Неудачно приложилась о дверцу при падении, Айден не успел среагировать и перехватить ее раньше. За нее я переживала сильнее, чем за себя. Глядя на маленькую фигурку, лежащую между нами, я прикусила губу, чтобы сдержать слезы. Я погладила Шартиар по волосам, подняла очки, которые упали на землю, и спрятала в карман. Они ей сейчас не пригодятся.

Виллан и Руц пропали. Айден обошел карету дважды и продемонстрировал мне обрезанный повод:

— Кто-то отстегнул лошадей. Обрезали ножом.

И все, ни единого более слова. Виллан и Руц исчезли, а вместе с ним и Вилф Красноглазый. Кто знает, может он уже стоит за одним из деревьев, придумывая, как поквитаться. Неужели падение экипажа его рук дело?

— И что же нам теперь делать? — спросила я, не рассчитывая, в общем-то, на ответ. Но рыцарь Талла ответил, и я пожалела, что вообще что-либо спрашивала.

— Надо идти за подмогой. Иначе нам не выжить. Ты останешься здесь.

Он был прав. Одна — ранена и не может себя защитить. Другая — бесполезна и беспомощна как ребенок.

Я огляделась по сторонам. Мы стояли на поляне, едва ли больше трех метров диаметром. Вокруг только колючие заросли и частокол громадных стволов, которые, сплетаясь узловатыми ветвями, образовывали непроходимую стену. Остаться здесь? Или пойти за помощью?

Пока я размышляла, Айден поставил ровно карету, которая при падении завалилась на бок, становясь похожей на мрачную избушку-на-курьих-ножках. А после бережно занес в карету Шартиар, укладывая на сиденье. Я топталась за его спиной, понимая, что именно мне придется остаться и сторожить.

— Я ненадолго. Сидеть здесь. Никуда не уходить. Если я приду, а тебя нет, то из-под земли достану, — Айден хмурился, раздавая указания, и у меня сложилось впечатление, что он не шутит. Обязательно достанет и тогда устроит сладкую жизнь, мало не покажется.

— Будет кто-то звать — не отвечать. Все понятно?

Я опять кивнула, смиряясь с мыслью, что мне придется остаться в одиночестве (почти), посреди жуткого леса, оберегая Шартиар.

Айден убедился, что я приняла наставления к сведению, тоже кивнул каким-то своим мыслям, а затем, поправив меч, проскользнул через кусты и скрылся в лесу.

Я осталась совсем одна.

Часть первая. Глава 11. Лес

Я полагала, что осталась одна, но это было крупным заблуждением. Вокруг был лес, и лес был живой. Мой разум, конечно, мог помрачиться от пережитых событий, но одно было неоспоримо — деревья вокруг жили собственной жизнью. Ветра не было, ни единого дуновения, но как только Айден скрылся из виду, я начала замечать, что ветви шевелятся. Они извивались, замирая каждый раз, когда на них подал взгляд, сплетались все теснее и теснее, а сами деревья — молчаливые стражи леса, поскрипывали то здесь, то там. Они разговаривают, с ужасом поняла я, и тут же, словно они прознали, что их раскусили, скрип стал громче. У каждого дерева был свой голос, непохожий на других. От их голосов по спине бежали мурашки. Лес жил, общался и был очень зол на незваных гостей.

Айден мог за себя постоять, но мы — нет. Я забралась внутрь экипажа, в самый дальний угол, малодушно предполагая, что кто бы не вышел на поляну, не станет обыскивать все закоулки кареты. Тьма скрывала меня и Шарттиар подобно пологу, но я трусила. Ну, а кто бы смог сохранить невозмутимость духа? В другом мире я пробыла не дольше часа, еще не успев ознакомиться со здешними порядками и обычаями, а уже столкнулась со множеством проблем. Но никто не говорил, что будет просто.

Мрачные мысли в огромном количестве роились в голове. Куда меня угораздило ввязаться! План был прост — добраться до Талла; объяснить, что они ошибается и ему лучше найти другую невесту; а затем вернуться домой, в обыкновенный мир, где нет места мрачному лесу, предназначениям становиться женой бога смерти и злобным колдунам, которые только и думают, что лишит тебя жизни. В мир, где изо дня в день одна и та же рутина: помощь дедушке в лавке, чтение книг и редкие встречи с подругами, с которыми давно уже разошлись пути и не о чем поговорить. При мысли, особенно мрачной, о прежней жизни, стало тошно, и желание предаваться сожалениям быстро сошло на «нет». Вот еще, развесила сопли! Если чему и научил меня дедушка и его сказки так это тому, что заранее сдаваться — несусветная глупость. Борись или умри!

Воодушевленная, я приняла шорох на поляне за резвящуюся в кустах лесную живность, а потому не обратила внимания. Ну, подумаешь, лиса пробежала или прополз уж. В детстве я частенько коротала лето в оздоровительных лагерях, которые по странной традиции располагались в отдалении от человеческого жилья, глубоко в лесу, и животные рядом с корпусами отрядов не были из ряда вон выходящим явлением.

Но Шарттиар беспокойно завопилась, раскидывая в стороны деревянные, непослушные руки. Я кинулась к ней, придерживая, чтобы она не соскользнула с гладкой обивки сиденья и не ударилась снова. Синяк на ее скуле налился фиолетовым, опух и даже в смутном свете, пробивающимся откуда-то извне, выглядел жутко болезненным, особенно на фоне бледной кожи Наставницы.

— Где...где Айден? Где. все? — хрипло прошептала Шарттиар, предпринимая безуспешные попытки сесть. Распахнув мутные глаза, подернутые странной желтоватой пленкой, она возбужденно шарил ладонями по бархатной обивке, царапала ее ногтями и тяжело вздыхала, словно все вокруг причиняло невыносимые страдания. Я опустилась перед ней на колени, помогая подняться. Рана на руке, только-только затянувшаяся, светилась жутковатым зеленым светом, от которого тянуло чем-то потусторонним. С таким освещением, как правило, показывают порталы в загробный мир в дурацких сериалах

лохматых годов.

— Где он? — жалобно стонала девушка, дотрагиваясь до моего лица мертвецки холодными ладонями. — Я ничего не вижу!

— Он скоро вернется! — торопливо проговорила я, сжимая ее ладони своими, пытаюсь их чуточку согреть. Айдэн ушел уже очень давно, а шум на поляне становился все громче. Ломались ветви, хрустели кусты, сминаясь под грузной поступью невидимого еще гостя. Завывание, прежде смутно слышимое, стало отчетливым. Оно угрожающе звенело со всех сторон одновременно, погружая меня в состояние тихой паники.

А затем я услышала рычание. Оно тянулось на низкой ноте, заполняя все пространство, ввинчиваясь в уши и вытесняя все здравые мысли, оставляя только одну: «Беги».

Часть первая. Глава 12. Зверь

Я никогда не была трусихой, скажем, что у меня очень остро развит синдром самосохранения. Если вы не идете поздно вечером по темному переулку, а предпочитаете освещенный проспект, пусть даже и на три квартала дальше топтать, это же не значит, что вы трусите? Вовсе нет, просто беспокоитесь о сохранности кошелька и украшений. Если вы обходите десятой дорогой стаю бродячих собак, это значит, что вы всего лишь избегаете вероятности познакомиться с вирусом бешенства и походом в травматологию, верно?

Вот и сейчас, я не трусила. Трусость в подобной ситуации — вынужденная мера. Громкое ворчание невидимого монстра, его тяжелая поступь, под которой гнулись ветки колючих кустов — все внушало трепет и ужас. Будь рядом Айден, или Виллан, или Руц, может я бы чувствовала себя куда спокойнее. Но я была одна, только Шарттиар рядом, да и та — слепая и беспомощная.

Бежать хотелось, сверкая пятками и не показываясь больше на поляне. Плевать на Айдена, плевать на всех. Я напряглась, выглядывая из проема экипажа, выбирая направление. Но сердце кольнуло — Шарттиар застонала, хватая меня за рукав и притягивая к себе.

— Не ходи, — еле-еле шевеля губами, проговорила она и протянула другую руку к бедру, на котором висел меч. Он не был таким же длинным, как оружие других рыцарей, даже не меч вовсе — изящный клинок без гравировки. Он крепился снизу к нагруднику широким кольцом, отцепить которое было делом сноровки.

Плотную тишину леса разорвал в клочья низкий рык. В нем было все: угроза, предупреждение и злорадство. Шаги послышались ближе — монстр, громадный и злой, бродил вокруг, не решаясь подойти вплотную. Воображение нарисовало его тремя-четырьмя штрихами, и я содрогнулась. Он был огромен — от его движений колыхались стволы деревьев, земля дрожала под ногами, а карету трясло из стороны в сторону. Я слышала, как раздается хриплое дыхание за стеной. Зажмурившись, я считала про себя, надеясь, что как только доберусь до тысячи, незваный гость уберется восвояси, а там скоро и Айден вернется.

Но события разворачивались не так, как я хотела бы. Зазвенела сталь. Шарттиар разомкнула кольцо, освобождая клинок из оков. Она пыталась схватить меч непослушными пальцами, но он выскользнул из ладони и упал, с громким звоном, мне под ноги. Помедлила я лишь секунду, а затем наклонилась и схватила его. Пальцы сомкнулись вокруг рукояти меча с непривычной ловкостью. Я подняла клинок к глазам: по серебристому лезвию побежала искра, юркая и деловитая, обрисовывая невидимый до этого рисунок. На металле расцвел цветок, робкий и невинный. При взгляде на него, в груди что-то задрожало, раздаваясь в стороны. Сдаться? Ну, уж нет! Шарттиар не может сражаться, зато могу я!

Преисполненная отчаянной яростью, я выскочила из экипажа, заслоня собой вход. Я была готова встретиться лицом к лицу с противником, даже если окончится все печально. Меч, легкий и маневренный, приходилось держать двумя руками, ребристая рукоять натирала кожу ладоней, но я вцепилась в нее, как в последнюю надежду.

Поляна оказалась пуста. Я огляделась, насколько хватало взгляда, но не увидела ничего. Колени, подрагивающие от страха, подкосились, и мне пришлось опереться о стену кареты. Пусто. Никого. Но я же не сошла с ума? Я слышала, что здесь бродит нечто.

— Покажись! — голос дал петуха, и мой испуганный крик разнесся далеко за пределы

поляны. Эхо еще долго гуляло между деревьев, но никто не откликнулся. Монстр, или что там вышло на поляну, привлеченное шумом, скрылся.

Однако некогда было расслабляться. Я ощущала ответственность за чужую жизнь: Шарттиар снова потеряла сознание, обмякнув на сиденье, и я готова была сложить голову, но защитить ее. Почему я внезапно стала такой бесстрашной? Все просто. Рана, которую получила Шарттиар при нападении Вилфа Красноглазого, предназначалась мне. Он промахнулся, ведь шли мы совсем рядом, и погрешность при попадании была минимальной. Страдания, которые должна была испытывать я, выпали на ее долю. Я была обязана ей.

Легкий шорох за спиной и скрежет. Я прыжком обернулась, успевая увидеть, как кто-то или что-то скрывается в ближайших зарослях. Успела разглядеть только длинные, мощные лапы и шерсть, серебрящуюся в неверном свете, который едва-едва пробивался через кроны.

— Я тебя не боюсь! — выкрикнула я вслед чудовищу, чувствуя, как дрожь поднимается от колен вверх, к рукам. Меч в руках ходил ходуном, но решимость, она была фонтаном где-то внутри. Я была готова встретить лицом к лицу любой оживший кошмар.

С сухим шорохом раздвинулись колючие кусты, и показалась узкая звериная морда. Пасть, плотно сомкнутая, демонстрировала три десятка крупных клыков, каждый из которых был длиной с мой мизинец. Аккуратно перебирая лапами и припадая к земле, монстр вылез из зарослей полностью и вытянулся. Я стиснула зубы: в холке зверь был выше меня. Он возвышался надо мной, угрожающе рыча и приносясь. Загнутые когти загребали землю, когда он проходил туда-сюда, не нападая и не уходя. Он походил на волка, только гораздо крупнее, и белоснежная шерсть в темноте светилась серебром.

— Я тебя не боюсь, — твердо произнесла я, глядя в глаза зверя, горящие зеленым огнем. В ответ чудовище коротко рявкнуло, затем еще раз и еще, и я с изумлением поняла — оно смеется. Оно смеется надо мной! Я была готова трястись от страха, быть сожранной или раненной, но не готова была быть осмеянной сказочным монстром, встреченным в сказочном лесу.

Размахнувшись, я воткнула меч в землю у ног, прямо перед мордой зверя. Я вложила в движение всю ярость, весь страх, которые клокотали во мне, грозясь вот-вот выплеснуться в пространство. Только войдя в новый, сказочный мир, я уже устала от всех подлянок, которые он мне подкидывал. Хватит, надоело!

— Уходи, — глядя прямо в глаза зверя, прошептала я, опираясь на клинок, вошедший в промерзшую землю на треть, — или ты, или я. А я не оставлю Шарттиар.

Зверь недоверчиво пошевелил ушами, а затем ухмыльнулся, демонстрируя зубастую пасть.

— Первое испытание засчитано. Ты храбра, элант'ем, и готова защищать. Ты станешь прекрасной женой Его Мрачнейшему Величеству.

Речь зверю давалась тяжело, он то и дело сбивался на рык, но стоило ему произнести свою короткую речь, как клинок, воткнутый в землю перед его приплюснутым носом, засветился, разгоняя тьму. И поляна, еще минуту назад бывшая угрожающей и необитаемой, преобразилась. Корявые ветви развернули сочную, молодую зелень, а кусты втянули шипы. Зверь наблюдал за метаморфозой, усевшись на задние лапы, и засучил хвостом, завидев смутные фигуры за ближайшим деревом.

— Айден, ты опаздываешь, — зверь радостно высунул язык, точь-в-точь щенок, дождавшийся возвращения любимого хозяина. Черный рыцарь проигнорировал упрек,

выходя на поляну. Я смотрела, как он ведет за собой тройку лошадей, и медленно, но верно понимала все. Разрозненные кусочки сложились в одну картину с громким щелчком в моей голове. Меня обманули.

Часть первая. Глава 13. Три испытания

Первым побуждением было — устроить скандал, но подобное поведение только дало бы Айдену лишний повод презрительно кривить губы и называть меня капризной девчонкой. Придя к такому выводу, я с усилием подавила вспышку гнева, которая грозилась перерасти в пожарище. Было нелегко, в груди клокотал клубок невысказанных слов и беспочвенных претензий. И они изо всех сил рвались на волю.

Пока я боролась с эмоциями, которые душили меня и требовали выхода, рыцари Талла развили бурную деятельность, направленную на приведение в порядок экипажа. Айден возился с лошадьми, вполголоса уговаривая их не артачиться и вернуться в упряжь. Помимо воли, я следила, как он управляет с животными, которые всхрапывали и били копытами о землю. На губах рыцаря бродила смутная улыбка, и я с удивлением поняла, что он чем-то очень доволен. За время отсутствия он успел сменить рыцарский нагрудник на строгий форменный китель с высоким воротником. На груди, чуть выше сердца, сверкала шестиконечная звезда. Зверь, развалившийся на поляне, бил хвостом, поднимая в воздух опавшие листья и сухие травинки, и никуда не собирался уходить.

Не отдавая себе отчета, я наблюдала за Айденом, не пряча глаз и отмечая каждое движение. Вот он наклонился, поднимая поводья с земли. Вот притянул морду лошади к себе, похлопывая гривастую по крупу.

Мое пристальное внимание к черному рыцарю не осталось незамеченным. Руц нарисовался со спины, опуская тяжелые ладони на плечи мне на плечи. Я вздрогнула от неожиданности:

— Не люблю, когда ко мне подкрадываются.

Руц в ответ усмехнулся, вставая рядом. Он тоже рассматривал Айдена, да так, словно первый раз его видел, а затем сказал:

— Не обижайся на него.

Я обернулась, заглядывая Руцу в лицо:

— Обижаться?

Рыцарь усмехнулся, приглаживая белые, как снег, волосы слегка нервно, будто не был уверен в силе своих слов:

— Три испытания. Это традиция. Необходимо доказать, что ты Та Самая. Советник хочет, чтобы все прошло идеально, от этого многое зависит.

Руц произнес титул Айдена легко и непринужденно, но я ощутила, какая ответственность лежит за словами. Ближайший к Таллу, именно он отвечает, за то, чтобы я добралась до его Владыки живой и невредимой. Конечно, ответственность лежала на всех рыцарях, но Айден был их капитаном, лидером, и не мог не тревожиться за успешность миссии.

Я помолчала, наблюдая, как Виллан бережно устраивает Шартуар в карете, накрывая Наставницу плащом из добротной, тяжелой ткани. Пальцы мужчины скользнули по бледной щеке Шартуар, одаривая ее короткой лаской, а затем рыжий рыцарь отошел к Айдену, помогая запрячь лошадей и проверить крепления. Только нахмуренные брови показывали, что тяжкие мысли не дают ему покоя. Он действительно переживал за Шартуар.

— А если я не хочу доказывать? — грубо спросила я, скорее по инерции, нежели действительно злясь. Вся злость выдохлась как вчерашнее шампанское, которое забыли

заткнуть пробкой. — Если мне все это ни к чему?

Руц пожал плечами, оставляя вопрос без ответа, но даже этого хватило. Я поняла все и без слов. Выбора у меня нет.

— Испытаний всего три? Значит, осталось еще два.

— Не расслабляйся. Они будут только сложнее.

Ха, да кто бы сомневался!

— Куда делся Вилф? — прищурившись, уточнила я. Этот вопрос терзал меня уже четверть часа, с момента как я выяснила, что меня обманули.

Руц в ответ пожал плечами, темнея лицом:

— Сбежал. Испарился в один миг, только его и видели.

У меня оставались вопросы, но я решила приберечь их на потом.

— Ты долго будешь придуриваться? — крикнул Айден, и я вздрогнула, принимая слова на свой счет. Но он обращался не ко мне, а к зверю, который бухнулся на спину, чтобы почесать белоснежную, искрящуюся шерсть о землю.

— Время почти истекло.

Зверь отозвался протяжным зевком, переворачиваясь на живот, припадая на все четыре лапы и размахивая хвостом, словно щенок готовый к играм. Он хитро щурился, вывалив розоватый язык, не выказывая никакого уважения самому Советнику Его Мрачнейшего Величества. Для него все увещевания были пустым звуком, а я даже не понимала, что Айден от него требует. Уйти?

Виллан выпрямился, в несколько шагов преодолевая расстояние до зверя. Животное попыталось отпрыгнуть, но рыцарь оказался проворнее. Он прыжком обхватил массивную шею зверя, притягивая вытянутую, как у волка, морду к своему лицу:

— Не дури, пора заканчивать.

Зверь лениво пошевелил ушами, распахивая светящиеся зеленые глаза. Я застыла на месте. Зеленые глаза.

— Шарттиар? Это она? — я обернулась к Руцу, который прикусил нижнюю губу и не торопился отвечать. Голова шла кругом: Наставница оборотень? Да нет, не похоже. Ее тело все еще лежало в экипаже, но кто тогда Зверь?

Виллан то ласково уговаривал, то угрожал зверю, но тот игнорировал любые воззвания, воротил нос и урчал что-то неразборчивое. Человеческой речью он владел слабо. Сквозь рычание и короткие, лающие приступы воя, иногда мелькали слова, однако, разобрать ничего не выходило.

Айден устало потер глаза и сказал, поясняя:

— Чем дольше она в проекции, тем сложнее вернуться назад. Но проекция — как тряпина, с каждой минутой засасывает глубже в себя. Они своевольны, их тяжело заставить исчезнуть. А без этого Шарттиар не придет в себя.

Я кивнула, позволив себе подумать об этом позже. Пищи для размышления накопилось немало, и требовалось время, чтобы все обмозговать. Я бы отдала что угодно за несколько часов в тишине, я смертельно устала. Глаза сами закрывались, я бы не отказалась от пары часов сна в месте, не похожем на лес, населенный чудовищами.

— Нет, стой! — выкрикнул Виллан, нарушая благословенную тишину леса, и я мигом собралась. Распахнув глаза, я успела заметить, как серебристый хвост скрывается за ближайшим деревом. Проекция Шарттиар сбежала.

Часть первая. Глава 14. Погоня за Зверем

— Как ты мог ее упустить?! — Айден напустился на Виллана со всей яростью, на которую был способен. Он так не бесился, даже когда Вилф Красноглазый выказывал полнейшее неуважение к его повелителю. Раскрасневшийся от ярости, схватившийся рукой за меч, он внушал смутное чувство безотчетного страха. Голова закружилась, небо поменялось местами с землей, а перед глазами встала картина — Айден разрубает от плеча до пояса врага, который встал у него на пути. Я видела, как наяву, темную кровь, масляно блестящую на лезвии. Айден отпихивает умирающего врага в сторону и идет дальше, и ни единый мускул на его холодном лице не дрогнул. Меня пробил холодный пот. Я не знала, откуда видение пришло ко мне, но оно пугало своей кровавостью и жестокостью. Айден не был душкой и душой компании, но на безжалостного маньяка тоже не походил. Черный рыцарь схватил Виллана за грудки, притягивая к себе. Обстановка накалялась.

Виллан, болтающийся в руках Советника беспомощной тряпичной куклой, метнул в сторону Шартлар взгляд, полный отчаяния, но та осталась равнодушной. Она лежала, разметав руки в стороны, и невидящие глаза уставились во тьму.

— Я не понимаю. Это продолжение испытания? — уточнила я, ни к кому конкретно не обращаясь, но рыцари были слишком заняты выяснением, кто прав, а кто дурак рыжий. Руц стремительно пересек поляну, бескомпромиссно вклиниваясь между товарищами. Не сложно разнять драку, если один из соперников не имеет никакого желания сражаться. Мгновение, и Виллан вновь нацепил привычную маску: лицо разгладилось, на губах расцвела ехидная улыбка. Только вина все равно сочилась из каждого слова, из каждого движения, как черная ядовитая смола. Слова Айдена причиняли боль, и Виллан плохо скрывал, как сильно они ранили.

— Она уже сбегала, однажды. Вернется, — легкомысленно воскликнул Виллан, отмахиваясь от Айдена. Но взгляд карих глаз снова и снова возвращался к лесу: стало светлее, деревья уже не притворялись жуткими, однако росли густо, и заблудиться было раз плюнуть. Айдена подобное объяснение не убедило. Скорее, только раздражило. Напряжение стало ощутимым, еще чуть-чуть и случилось бы непоправимое. Но огонь, плещущийся на дне зрачков Айдена погас, и он отступил, внезапно устыдившись вспышки гнева.

— Прости, — отводя глаза произнес черный рыцарь, отворачиваясь, — нам нужно ее найти. Время на исходе. Берите коней, в путь двинемся налегке.

Виллан и Руц будто только и ждали приказа. Двинулись к лошадям, распустили упряжь. Лошади нервничали, трясли густыми гривами и косили черными, внимательными глазами, недовольные тем, что их вновь выпустили из упряжки. Я скептически смотрела на действие, видя проблему, которую рыцари пока не замечали. Лошадей было трое, а нас — четверо. Такой себе вариант книги «Трое в лодке, не считая собаки».

— Мне опять здесь оставаться? — я все же решила подать голос, когда рыцари взгромоздились в седла. Они вполголоса обсуждали план действий, совсем позабыв о том, что основная миссия была в том, чтобы сопроводить меня к Таллу. Не сказать, чтобы я сильно расстроилась. Может быть, даже слегка успокоилась. Визит к Его Мрачнейшему Величеству откладывался, но оставаться в одиночестве в лесу вновь я не тоже не желала.

Айден взглянул на меня так, словно впервые видел. Мысли его бродили где-то далеко, и он был слегка удивлен вопросом, повиснувшим в воздухе. Мы смотрели друг на друга минуту

или две, пока Айден взвешивал все «за» и «против». Руц и Виллан не вмешивались, позволяя Советнику самому принять решение.

Наконец, он двинулся вперед, на ходу протягивая мне руку. Одним движением он втянул меня в седло прямо перед собой.

— Держись крепче, — процедил он сквозь зубы мне на ухо. Я промолчала, не давая повода конфликту. Вот найдем Шарттиар, тогда и пообщаемся.

Виллан взмахнул рукой, будто встряхивал простыню. Экипаж вместе с Шарттиар исчез.

— Она будет ждать нас в месте следующей остановки, — неохотно пояснил Айден и первый направил лошадь на узкую тропинку, которая петляла между деревьями, уводя нас все глубже в лес. Виллан пристроился за ним, с трудом справляясь со своим конем. Скакун ему попался норовистый, то и дело стремился удрать вбок, сбиваясь с проложенного пути. Руц замыкал маленький отряд. Я обернулся на рыцарей, игнорируя раздраженное цыканье Айдена, и не удержалась от удивленного вздоха. Виллан ехал с закрытыми глазами, опустив поводья. Между ладоней мужчины замер тяжелый амулет в виде той же шестиконечной звезды, которая горела знаком отличия на груди Айдена и больно колола мне в спину, когда дорога становилась слишком ухабистой. Но звезда рыжего рыцаря вибрировала, сотрясая воздух, и пульсировала нежно-розовым светом. Магия! Это была именно она! Та самая магия, о которой я столько читала в сказках. Каждая пульсация звезды отзывалась в груди ударом сердца, и я испугалась. Поскорее отвернулась, чтобы не чувствовать, не знать, не слышать...

— Что он делает? — спросила я вполголоса, опасаясь отвлекать рыцаря от ритуала. Мало ли, может при нем необходимо соблюдать строжайшую тишину, иначе исполнителя разорвет на сотни кусочков? Я ничего не знала о магии.

Айден ответил не сразу — мы выбрались на дорогу, которая прорезала лесную чащу широкой полосой. Лошади почувствовали волю и ускорили ход, переходя с шага на рысь. Воздух пропитался ароматом каких-то трав, но ничего подобного я раньше не встречала. Солнце до сих пор не встало, по лесу гуляли плотные сумерки, пускай и не такие темные как часом ранее. Я оглядывалась по сторонам, жадно замечая каждую деталь, впитывая их как губка. Мне все было интересно, я поразились неутолимой алчности на впечатления, которая пробудилась внутри. И я почти забыла, что спрашивала, когда Айден наклонился ко мне, шепча в самое ухо:

— Пытается найти проекцию Шарттиар так, как мы делали раньше. Но не получается.

С языка едва не сорвалась сотня вопросов: «Почему?», «Она и раньше сбегала?», «Что будет, если мы ее не найдем?», «Почему мы двигаемся так медленно, если времени нет?». Только я не была самоубийцей. Айден прижимался грудью к моей спине и был напряжен. Напряжение сквозило в голосе, в том, как он держал поводья, даже в том, как он держался в седле. Вместо этого, я, слегка стесняясь обуревающего меня любопытства:

— Времени же много прошло, почему же солнце не встает?

По ощущениям, прошло не меньше нескольких часов, и вот-вот должен был наступить рассвет, однако нас все еще обступала мягкая, волнующая тьма, которая и не собиралась рассеиваться. Послышался еле слышный вздох — Айден не ожидал вопроса. Наверное, рассчитывал, что я буду пытаться его вопросами о магии, связи Виллана и Шарттиар и обустройстве мира, где я оказалась благодаря нелепому пророчеству. С мрачным удовлетворением я отметила про себя, что смогла удивить рыцаря. Неплохое начало.

— Наш мир — царство вечных сумерек. Так решил Его Величество в незапамятные

времена, и так продолжается до сих пор.

— Почему?

Еще один вздох, куда более нетерпеливый.

— Тьма делает вещи другими, меняет их истинную суть, — произнес рыцарь так, словно я, неразумное дитя, спрашивала что-то, само собой разумеющееся.

Айдену приходилось разжевывать каждую деталь, каждый факт, казавшийся ему очевидным, как что-то, выходящее за рамки понимания. Легкое раздражение, скользившее в низком, глубоком голосе, было вполне оправдано, я даже не обижалась. Я бы тоже чувствовала себя неловко, если бы мне пришлось описывать мироустройство моего мира вторженцам со стороны. Но там, в моем мире, рыцари Талла ощущали себя вполне комфортно, не задавались вопросами о смене времени суток, не пугались электрического чайника и ощущали себя как дома. А я здесь была чужая, и все вокруг — в новинку.

— За лесом есть старая крепость, — Айден помолчал, словно не решаясь продолжать. Он склонился над моим плечом, разглядывая дорогу. Я терпеливо ждала, пока он вновь выпрямится в седле, перестав прижиматься настолько близко. Я болезненно воспринимала любое вторжение в личное пространство, даже от близких, поэтому каждый раз, когда Айден прикасался к спине или колену, поправляя поводья, в животе скручивался горячий пульсирующий клубок. Уже пожалела, что напросилась с ними. Ожидала бы их в точке сбора, присмотрела бы за телом Шартитар. У рыцарей на это счет было другое мнение.

— Старая крепость? — мне не терпелось подтолкнуть разговор в верном направлении. Тишина, слишком близкий контакт и шепот у самого уха меня отвлекали. Я все еще не забыла суть кошмарного видения, которое еще долго будет преследовать меня во снах. Огонь и кровь. Казалось, закрой глаза, и смогу ощутить металлический запах, который пронизывал видение, как запах соли — морское побережье.

За спиной раздался треск, какой часто раздается при статическом электричестве, и звонкий голос Виллана оповестил нас с плохо скрываемым торжеством:

— Нашел! Она в старой крепости!

— Что она там забыла? — пробормотал Айден в растерянности, но, тут же, собрался и прищипнул коня. Лошадь встала на дыбы, а затем рванула вперед, не разбирая дороги. Ветер бил в лицо, словно хотел оставить парочку ссадин.

— Держите мечи наготове. Хозяйка старой крепости не любит незваных гостей!

Я вцепилась в седло, зажмурившись и считая про себя удары копыт о землю. Интуиция меня никогда не подводила, и теперь она утверждала, что у нас большие проблемы. И я ей верила.

Часть первая. Глава 15. Старая крепость

Разговаривать на ходу было невозможно, ветер свистел в ушах, заглушая любой звук. Даже если бы Айден кричал мне что-то прямо на ухо, я бы не смогла различить ни слова. Но Советник не думал даже тратить драгоценное время на объяснения — мы просто мчались вперед, сквозь кусты и прочие преграды, чтобы как можно раньше достигнуть крепости. В животе снова скрутилась тугая пружина, словно приближалось что-то неизбежное и вряд ли приятное.

Дорога вывела наш маленький отряд прямо к крепости. Она, и правда, была старой, сквозь камни, из которой была сложена крепостная стена, пробивалась трава и тоненькие, слабые деревца, стремящиеся на волю. Крепость была древней, очень древней. А еще она была необитаема.

Витражные окна, узкие выемки для лучников в башнях, наружные лестницы, — все выглядело заброшенным и пустым. Ни единого человека, ни тусклого проблеска огня. Ничего. Однако, не стоило терять бдительности. В этом мире даже за углом могло поджидать все, что угодно.

— Лошадей оставляем здесь, — Айден прыгнул на землю, протягивая мне руку. Я могла бы и сама спешиться, но, все же, решила воспользоваться помощью. Подошвы кед коснулись пожухлой, коричневой травы, и меня снизу вверх прострелило холодом. Я была совсем не подготовлена для приключений. Кеды, которые я натянула в спешке, были слишком легкими для промозглой сырости, царившей у крепости. Пальто почти не защищало от сквозняков, на поляне было куда теплее. Я сделала несколько шагов, осматриваясь, когда заметила, что все пространство от нашей остановки до замка усеяно мелкими веточками, которые мрачно белели в темноте. При каждом шаге они хрустели под подошвой, превращаясь в труху. Я пригляделась внимательнее, присела и протянула руку к одной из веток, и почти тут же отпрянула, закрывая рот ладонями, чтобы не завопить. На земле сплошным ковром валялись кости, слишком мелкие, чтобы быть человеческими. Животных и птиц, скорее всего, жуть какая! Сердце в груди громко бухало, я никак не могла перевести дыхание, напуганная до крайности. Кем были хозяева старой крепости? Почему столько костей?...

— Руц, — Айден понизил голос, обращаясь к товарищу, — ты останешься здесь.

Руц кивнул, оглядывая руины цепким взглядом, который учитывал все — мелкие выбоины в стенах, расположение лестниц и бойниц. Руц был воином до мозга костей, а таких издали видно. Они даже на свидании с девушкой изучают расположение выходов в ресторане для возможного отступления. А в булочную ходят каждый раз другим путем, чтобы нельзя было отследить передвижение. Мой отец был таким — вечно напряженным и хмурым, и я знала подобный типаж мужчины. Недоверчивые, настороженные, всегда готовые к битве.

— Девчонка остается с тобой.

Я вскинула голову, возмущенная до чертиков. Айден снова растерял все крохи удовлетворения от успешно пройденного мной испытания, и теперь пытался уязвить меня ледяным голосом и пренебрежением. Складывать два и два меня учили еще в школе, так что, то, что Айден меня терпеть не может, не было загадкой. Новостью это тоже не было, но небрежно брошенное "девчонка" и взгляд искоса больно ударили под дых именно сейчас.

Промолчать? Ну, уже нет!

— Почему я должна ждать вас здесь? Как будто бы я недостойна. Без обид, Руц.

Рыцарь пожал плечами и спрятал улыбку, а вот Айден, которого я грубо дернула за китель и развернула к себе лицом, не смог скрыть изумленно распахнувшиеся глаза. Моя дерзость — акт неповиновения и неуважения, встал ему поперек горла, а я не собиралась упрощать ему жизнь. Пускай выкручивается, решила я про себя, пылая от ярости. Хватит сбрасывать меня со счетов.

Наверное, мне в голову ударила эйфория от того, как легко я справилась со Зверем и первым испытанием. Она переполняла меня, внушала уверенность в силах, но никакой силы у меня не было. Я оставалась смертной девчонкой, которую вытащили в чужой мир. Самоуверенность горела в груди, кипела в венах, обжигая изнутри колючими пузырьками веселой злости.

Айден наклонился ко мне, и будучи на две головы выше, ему не составило большого труда сделать свои слова намного весомее, чем мои:

— Поищи другой способ умереть. Его Мрачайшее Величество мне не простит, если ты отдашь концы здесь, в глухомани. Будешь артачиться — свяжу, а ты меня потом еще и поблагодаришь

«Ага, то есть, умереть мне разрешат только перед тронем Великого Талла» — подумала я, но озвучивать не стала. Слишком велик был соблазн, но Айден не пытался мне угрожать, он констатировал факт. Если я тронусь с места, то остаток вечера (или утра? Как они вообще здесь различают день и ночь?), проведу со связанными руками в обнимку с деревом.

Виллан за спиной Айдена давился смехом, наши перепалки с Советником его только забавляли. Руц оказался более сдержанным — его куда сильнее интересовали кусты и внешняя стена старой крепости. Я тоже обратила на нее внимание, смирившись со своим положением. Остаться здесь? Ну, хорошо. Только спасибо я уж точно не скажу этому заносчивому индюку. Но я могла обижаться сколько угодно, однако Айден был кругом и всюду прав. От меня не было толку, я не владела магией или мечом. В реальной, не постановочной схватке, я попрощалась бы с жизнью быстрее, чем сказала «ой».

Я всем своим видом выражала скорбную покорность Айдену и судьбе, а потому черный рыцарь махнул Виллану, чтобы тот следовал за ним, и они быстро поднялись по ступенькам старинной лестницы. При подъеме ступени крошились, грозясь вот-вот совсем развалиться, и выглядело это все как затея не совсем здравая. Старые руины хранили какой-то секрет, и рыцари Талла знали его, предпочитая не посвящать в него таких бесправных гостей, как я. Нам с Руцем оставалось только ждать. Я обернулась на своего соглядата, но тот, по-прежнему, буравил каменную кладку стены хмурым взглядом и покусывал губу.

— Что-то не так? — подозрительно щурясь, уточнила я у него, тоже разглядывая серые камни, которые в неверном свете круглой, полной луны, отливали голубым.

Руц тряхнул головой, ответив лаконично:

— Я жду.

И вновь замолчал. Я некоторое время следила за ним, исподтишка, но рыцарь был похож на статую — застывшая в седле неподвижная фигура. В конце концов, мне надоело, и я нашла себе пристанище. Уселась на землю, оперевшись спиной на толстый ствол поваленного дерева на краю опушки, и прикрыла глаза.

Часть первая. Глава 16. Хозяйка старой крепости

Легкое прикосновение, мимолетная щекотка, пробежала по волосам, коснулась плеча, задела щеку. И пропала.

Я распахнула глаза, пытаясь стряхнуть с себя остатки сна. Когда я успела так крепко заснуть?! Попыталась протереть глаза, и тут же отдернула руки. Они были, до самых ладоней, измазаны какой-то гадостью с резким запахом. Липкая дрянь не хотела стираться, сколько бы я не терла руки о траву. Она все больше размазывалась по коже, и та шла волдырями. Покалывание переходило в легкое жжение, едва заметное сперва, но чуть позже оно стало сводить с ума.

— Руц! — позвала я отчаянным голосом, не надеясь справиться самостоятельно. Но никто не откликнулся. Я вскинула глаза, но поляна передо мной, и дорога, ведущая к замку, были пустыни. Руц исчез.

Подождать его здесь? Мало ли, может Виллан или Айден позвали на помощь, и он помчался выручать товарищей? «Оставив тебя одну в лесу» — подло хихикнул внутренний голос. Да, все верно, оставив меня одну. Я скинула на землю плащ, торопливо обтирая тканью руки. Теперь слизь удалось стереть, но на плаще остались мелкие дырочки, словно мерзкая жижка разъедала волокна. Еще чуть-чуть, и она бы прожгла и мою кожу, поняла я, поднимаясь на ноги.

Выбор был небольшой: оставаться на месте, ожидая рыцарей, или же пойти вперед, в замок, чтобы выяснить, что случилось. После тяжелого, муторного сна тело слушалось плохо, в коленях поселилась противная слабость, а я сама туго соображала. Картинка перед глазами троилась, иногда, в качестве исключения, собираясь в единое целое, но от головокружения не избавляла.

Свет на поляне, где мы остановились, теперь был приглушенным, темно-бордовые тени колыхались вокруг меня, когда я вышла на мощеную дорогу, ведущую к замку. По ней давно никто не ходил, об этом говорили потрескавшаяся каменная кладка под ногами, пучки травы, которая, то здесь, то там, пробивалась через щели. Узкую тропу, по которой мне предстояло пройти, густо обступили деревья, но я не помнила, чтобы они росли здесь, когда мы прибыли. Все вокруг чудилось тревожным и зловещим, даже тягучая, мертвенная тишина.

Обдумывая и взвешивая каждый шаг, я подошла к разрушенной внешней стене замка. Наверное, давным-давно, она была первым пунктом обороны, но сейчас в ней зияли дыры, в которые смог бы протиснуться и взрослый мужчина. В самом центре располагались ворота, верхнюю часть которых венчали статуи оскалившихся горгулий. Выглядели они до мерзости реально, не чета тем, что украшали старинные здания в моем мире. Их выпуклые, блестящие в темноте глаза, неотрывно следили за мной, когда я прошмыгнула в узкую щель между створок и вошла в замок.

Меня встретили все те же неразлучные подруги — тишина и пустота. Двор оказался необитаем. Там не было ничего, что смогло бы намекнуть на чужое присутствие, или же на то, что старые руины обжиты. Каменная площадка раздваивалась, огибая по кругу главную башню; справа возвышалась двухэтажная пристройка, в которой, возможно, раньше жили слуги. Слева же помещалась груда деревянных, гнилых досок, сваленных как попало. Интересно, что было здесь раньше? Конюшня?

Я двинулась дальше, держа путь к лестнице, ведущей в башню. А она сама, башня, насчитывающая не один десяток метров в высоту, таращилась на меня мрачными провалами неосвященных окон. Колени подрагивали от нерешительности, но надо было взять себя в руки.

Где Виллан? Куда запропастился Айден? Обступившая меня тишина изрядно действовала на нервы. Мне, как городскому ребенку до мозга костей, требовалось напрячься изо всех сил, чтобы не поддаваться панике. Я привыкла, что вся жизнь сопровождается звуками, даже на полночной безлюдной улице не бывает такой тишины, как здесь, а потому, что страх, преследующий меня с самого первого момента в мире Талла, подцепил мое сердце длинными когтями и легонько сжал. Тишина существовала здесь сама по себе, напоминая, кто на самом деле хозяин этого мира. Его Ужасающее Величество Талл.

Я преодолела несколько ступеней, которые хрустели и крошились под подошвами, грозясь обвалиться вниз. От ветхости все вокруг стало хрупким, как крылья бабочки, но мое внимание было поглощено только собственными мыслями. Видеть мир в темных красках было нелегко, а ярких я не видела уже давным-давно.

Лестница огибала башню по странной, причудливой оси. Я шагала вверх и вверх, пока не уперлась в маленькую, потемневшую от времени, дверцу. Она располагалась слишком высоко, чтобы быть парадным входом, а значит, где-то был другой вход, удачно мной незамеченный.

Дверь поддавалась от легкого толчка, позволив мне войти внутрь. Я помедлила у входа, прислушиваясь, может быть, раздастся внизу голос Виллана или Айдена, приказывающий спускаться. Ничего. За дверью колыхались сизые тени, закручиваясь в спирали, которые, хочешь — не хочешь, притягивали взгляд. Я опять медлила, не решаясь переступить порог. Интуиция молчала, не давая подсказок. С равным успехом я могла войти в башню, и остаться на улице, усевшись на ступени и разглядывая внутренний двор с высоты пятиэтажного дома.

— Ну, чего встала на пороге? Только комнаты выстудишь! — заворчал из темноты старческий голос, от которого я невольно вздрогнула и снова взгляделась в темноту перед собой.

— Здесь кто-нибудь есть? — испуганно спросила я, тут же прикусив язык. Ну, конечно есть, не стены же со мной разговаривали. Невидимый собеседник шумно выдохнул, одним звуком показав все отношение ко мне и дурацким вопросам. Помолчал, а затем предложил, куда миролюбивее:

— Заходить-то будешь али как? Ежели на пороге торчать вздумаешь, то дверку прикрой — дует.

Голос был скрипучим, будто принадлежал столетнему мудрецу, недовольному тем, что я потревожила его вековой покой. Надо было решаться — идти вперед, или же отступить.

— Ну? — незнакомец в глубине башни понукал меня сделать уже хоть какой-нибудь выбор. И я сделала.

Внутри башни было холоднее, и опасения невидимого собеседника выстудить ее показались надуманными. Передвигалась я на ощупь, коридор был настолько узким, что я могла дотронуться до обеих стен, разведя руки в стороны. Тени сразу же обступили меня, стоило мне пересечь порог, закрубились вокруг, невесомо обнимая. Они касались моих рук, все еще покрытых волдырями, отчего по коже пробежал холодок.

Тревожный колокольчик в голове тихонько звякнул, и тут же смолк, ведь впереди забрезжил тусклый огонек свечи. Он мерцал вдали, в конце коридора, увлекая за собой. То

показывался, дразня близостью, то скрывался за невидимой еще преградой.

— Где ты? — я вскинула голову, оглядываясь вокруг, но не могла различить ничего, кроме серой тьмы, ласково принявшей меня в объятия.

Голос хмыкнул, но вышло неловко, словно кто-то опустился на скрипучий стул, и тот издал натужную трель разошедшегося дерева:

— Почти, почти. Ты близко.

В голосе скользнуло плохо скрываемое ожидание, от чего мне стало не по себе. В голове всплыл насмешливый голос Айдена: «Сдохнуть хочешь?»

Я сглотнула, останавливаясь. Огонек впереди на мгновение замер, не понимая, почему я встала как вкопанная. А затем шевельнулся, приближаясь на несколько метров, наверняка для того, чтобы я ощутила его близость и вновь сдвинулась с места. Некстати вспомнилась старая игра, в которую я играла еще девчонкой. Там надо было шагать по тропе, не сворачивая, как бы ни было страшно или жутко. Но, в конце концов, все заканчивалось весьма печально.

Предупреждая мой порыв сбежать, за спиной захлопнулась дверь, с громким стуком отрезая все пути к отступлению. Сквозь щели в деревянной створке завыл ветер, и мне чудилось, что он злорадно хихикает надо мной.

— Чего встала? Шагай давай, — вновь забормотал голос, теперь уже над самым ухом, а затем последовал удар в спину, от которого меня швырнуло вперед, как куклу. Я споткнулась, падая на пол. Приложившись головой о каменный, невыносимо ледяной пол, я чувствовала, как зрение и остальные органы чувств начинают меня подводить. Голос еще что-то скрипел, кричал, уговаривал и угрожал, но сил подняться у меня не было. Я не разбирала слов, только эмоции, и невидимый собеседник был очень мной недоволен. Он говорил что-то про то, что и ОНА будет недовольна. Очень недовольна. Голова кружилась, боль разливалась изнутри, порождая громкий звон в ушах, отчего звуки вокруг сливались в какофонию.

Из глаз брызнули злые слезы. Я была жутко зла: на себя, за то, что вечно влипаю в неприятности; на Айдена, на Виллана и Руца, которые снова бросили меня на произвол судьбы; на Талла, пускай даже я никогда и не встречала своего жениха. Почему я злилась на Талла, спросите вы? А все потому, что его патологическое нежелание понять, что я вовсе не его безвременно ушедшая возлюбленная, а совершенно другой человек, и привело меня сюда. Именно нежелание признавать очевидные вещи и завело меня в тупик, из которого я вряд ли уже найду выход. Стоило бы прикрыть глазки и плыть по течению. Судя по всему, меня собирались сожрать... Однако, человек существо уникальное. Если он раз за разом подвергается испытаниям, в один момент он может перегореть, и ничего его больше не испугает. Наверное, то же самое произошло и со мной, когда я лежала на ледяном полу, размышляя о собственной завидной части. Я перегорела.

— Поднимайся, — невидимка скрежетал зубами надо мной, надеясь на то, что я покорно поднимусь на ноги и последую за ним на собственную казнь, испугавшись невидимых челюстей. Не на ту напал.

— Иди к черту, — ровным тоном огрызнулась я, удивляясь собственному спокойствию. — Буду лежать здесь до посинения.

— Я же тебя сожру! — удивленно проговорил голос, для убедительности громко щелкнув зубами. Клацанье раздалось в обе стороны коридора, но на меня впечатления не произвело. Я перевернулась на спину, неловко пожимая плечами.

— Да жри, чего уж. Только кости у меня мелкие и острые, будь аккуратнее.

Невидимка еще пару минут, отдуваясь, нависал надо мной, рассчитывая на продолжение истерики, но не дождался. Кажется, я ввела чудовище в ступор, раз он даже не решился возразить. Только бродил вокруг, вздыхая и скрипя, словно многовековой дуб под шквальным ветром.

— Достаточно с нее, — грянул другой голос, женский и звонкий, как весенний ручей. С оглушительным треском вспыхнул свет, заливая меня и все вокруг своей безжалостной силой, от которой хотелось растаять и провалиться сквозь пол.

Девушка недовольно хмыкнула, когда поняла, что я не собираюсь вставать:

— Поднимайся. Никто тебя не обидит.

Голос дрожал, переливаясь от нежного женского сопрано до вкрадчивого мужского баритона, и обратно. От подобных метаморфоз мурашки бежали по спине до копчика, но я, все же, рискнула открыть глаза. Передо мной, опустившись на колени, стояла Хозяйка.

Часть первая. Глава 17. Метаморфы любят игры и ромашковый чай

То, что передо мной была именно она не оставалось сомнений. Хозяйка олицетворяла собой каждое представление о СИЛЕ. Каждое движение, даже мимолетная ухмылка или улыбка, которыми она щедро сыпала вокруг, была преисполнена уверенностью в себе и невыразимым достоинством.

— Нарх не желал тебя пугать. Это я приказала разыграть маленький спектакль, не сердись.

Даже думать не смела, пронеслось в голове, но я сдержалась и промолчала. Я шагала по длинному коридору, извилистому и узкому, за Хозяйкой. Говорить не хотелось, ведь пребывала я не в самом лучшем расположении духа. Но наблюдать за ней было куда интереснее, чем поддерживать беседу. На первый взгляд она была женщиной — статной, высокой — куда выше меня; однако, с периодичностью раз в несколько минут, черты ее лица и фигуры изменялись: вот передо мной ковыляет, покачиваясь, трехлетний малыш. Еще минута — и очаровательный мужчина с умопомрачительными ямочками на щеках подает руку, помогая подняться на постамент в центре комнаты.

Платформа завертелась вокруг своей оси громким, разрезающим тишину скрипом, увлекая нас вверх, словно доисторический лифт, а рядом со мной вновь стояла девушка, юная и благоухающая полевыми травами.

— Вижу, что ты хочешь спросить, но стесняешься, — снисходительно проговорила Хозяйка, без церемоний беря меня за руку, — либо боишься услышать ответ.

Я покачала головой, по-прежнему не решаясь подать голос. Казалось, стоит мне заговорить, как свет вновь потухнет, и я окажусь в одиночестве на холодном полу. Хозяйка погладила мое запястье, и я залилась краской. Ведь теперь она выглядела точь-в-точь как Айден, только моложе. Эдакий подросток, который вот-вот перешагнет грань и станет мужчиной. Завораживающее зрелище. На моих глазах черты лица изменялись, как будто невидимый скульптор лепил новое лицо поверх старого из податливого пластилина.

— Я метаморф, — будничным тоном пояснила Хозяйка, с удовлетворением разглядывая мои багровые щеки, — принимаю любой облик. Такова моя природа. Выпьем чаю?

Не дожидаясь ответа, она увлекла меня с замершей платформы в сторону, и я, наконец, смогла оглядеться. Сколько мы прошли, пока я не могла оторвать глаз от того, как один образ сменяет другой? По ощущениям — несколько этажей, не меньше. Но я была слишком увлечена, и Хозяйка не удивилась, когда я застыла посреди уютной, маленькой гостиной. В самой ее середине стоял изящный кофейный столик на трех хрупких ножках, накрытый для чаепития. Я ошибалась — старый замок был обитаем, и его жители точно знали толк в комфортном обустройстве быта.

Стены, сложенные из старого, шербоного камня, закрывались выцветшими гобеленами, которые сохраняли тепло и защищали гостиную от непожеланных сквозняков и холода, царивших в других частях башни. В самой же комнате преобладали теплые, золотистые тона, отдаленно напоминающие оттенок чайной розы. Такой декор больше бы подошел будуару совсем молоденькой девушки, но никак не умудренной годами мадам, которой стала Хозяйка в те мгновения, как я отвела от нее глаза. Она присела на низкий стул, потянула морщинистые руки к заварочному чайнику, но пальцы, которые коснулись его тонко

вылепленной из фарфора ручки, принадлежали ребенку, а не взрослому. Хозяйка в маленьком, хилом теле не смогла бы удержать тяжесть чайника, и кипяток выплеснулся на стол, закапал на пол.

Хозяйка с досады цыкнула, откидываясь на стуле и скрещивая руки на груди. Она вновь меняла облик, едва ли даже замечая это: черты лица смазывались, сквозь них проступали новые. Метаморф, если кем она себя называла, еще ни разу не повторилась, каждый новый образ был уникальным, невиданным ранее.

— Я вытру, — против воли вырвалось у меня, когда я увидела, как хмурился Хозяйка. Мелкая бытовая неурядица причиняла ей почти осязаемую боль. Однако покрывало, затилавшее низкую софу у стены, и салфетки, аккуратно сложенные на краю стола, выглядели слишком дорогими, чтобы использовать их в качестве половой тряпки.

— Оставь, — томно вздохнула Хозяйка, прикрывая тяжелые веки, будто отсчитывала про себя секунды в тщетной надежде отвлечься от беспорядка, — Нарх уберет. Правда, Нарх?

Она бросила в сторону приоткрытой двери тяжелый взгляд, не лишенный игривости, но коридор оставался тих и безлюден. Загадочный Нарх, который так самоотверженно разыграл для меня спектакль, не спешил показываться на глаза, и я его за это не судила. В молчании, пронизывающем стены башни, мне слышались только одиночество и сожаление. Они заполняли комнату, как вездесущая морская вода в прибой, и не было от них спасения. Вряд ли Хозяйка или Нарх сожалели о том, что напугали меня, скорее, безмолвная печаль касалась других событий. Но каких?

Повисла пауза, пока я переминалась с ноги на ногу, размышляя о давящей, тяжелой атмосфере старой башни. Присесть на стул, стоящий напротив Хозяйки, мне не хватало решимости, я откровенно трусила. Но чай, уже разлитый по чашкам, исходил чудесным ароматом, в котором угадывались нотки полевых трав и свежих ягод, и дразнил ноздри, обещая такой же восхитительный вкус. Но, следуя примеру другой путешественницы между мирами, я опасалась прикасаться к угощениям, щедро выставленным на столе. Может, у меня отрастут ослиные уши, или же я стану ростом с Дюймовочку? Страшновато. Многочисленные тарелки, украшенные орнаментом из золотых цветов, в нетерпении толпились на столике, заезжая друг на друга краями, будто сражаясь за право первенства: соизволю ли я попробовать кусочек пышного пирожного, сдобренного кремом, или отломить часть от громадины торта, исходящего соблазнительными запахами клубники и ванили?

Хозяйка наблюдала за моими колебаниями с лукавой улыбкой, словно ничего веселее в жизни не видела. Моя скромная персона возбуждала в ней недюжинный интерес, которого с лихвой хватило бы и на десяток таких как я. Но это не было единственной странностью — Хозяйка уже несколько минут не меняла облика, остановившись в женском образе. Девушка, чуть за двадцать и прехорошенькая: вздернутый носик, глаза с поволокой и очаровательные ямочки на щеках. Грива кудрей, лежащая на плечах, водопадом бликующего золота свешивалась вниз, и я даже представить себе не могла, насколько они тяжелы. Одна ассоциация пришла в голову, и я откинула ее, смутившись своего детского взгляда на жизнь: Рапунцель, ну как есть — Рапунцель.

— Хорошие гости уважают хозяев дома, — внезапно отчеканила Хозяйка голосом, в котором металлом звенела досада. Моя нерешительность действовала ей на нервы, и она не стеснялась продемонстрировать недовольство. В словах была непрозрачный намек — либо садись, либо... Мысль я не стала развивать, испугавшись последствий, и аккуратно

присела напротив Хозяйки, разворачивая салфетку и укладывая ее на колени. Сквозь пальцы скользил тяжелый шелк, переливающийся в потоках света чистейшим изумрудным оттенком. Но в комнате, как не посмотри, отсутствовал источник этого теплого, уютного света; ни ламп, ни свечей, он просто лился сверху, не имея ни источника, ни определенного происхождения. Снова магия? Но озираться по сторонам, как любопытная Варвара, было проявлением неуважения к Хозяйке, а потому я чинно сложила руки на коленях, вопросительно глядя ей прямо в глаза.

— Меня зовут Аора, — представилась хозяйка, откидывая за спину непослушный локон волос. Тонкие, паучьи пальцы, пробежались по столу, обхватили ручку чашки, поднося ее ко рту, нежно-розовому и трогательному. Они словно жили своей собственной жизнью, и Хозяйка никак их не контролировала.

— Лиззет, — я слегка склонила голову, имитируя вежливый поклон, и потом сама себе поразились. Я действовала, подчиняясь интуиции, и угадала, ведь в глазах Аоры зажегся огонек. Интерес ее усилился, я почти чувствовала, как она хочет меня изучить, будто я редкий, тропический жук, прикрепленный к стеклу на ее рабочем столе.

Она все еще немного пугала. Таинственная, загадочная, очень властная, пускай и скрывающая свою силу за маскарадом улыбок и звенящим смехом. Было в ней что-то угрожающее, аналогия пришла сразу же — Вилф Красноглазый. Но колдун нес угрозу явно, открыто, тогда как Аора прятала смертоносную опасность где-то в складках своего платья.

— Ты боишься меня, — Хозяйка метнула в меня острый взгляд, заслоняя лицо чашкой. Длинные рукава струились вниз, словно водопад, а само платье состояло из разномастных отрезков ткани, которые были сшиты друг с другом без всякой логики.

— Вовсе нет, — я улыбнулась и тоже пригубила чай. Ничего вкуснее я в своей жизни не пила! Я едва подавила в себе желание до дна осушить чашку, и поставила ее на стол, чтобы растянуть удовольствие. — Я боюсь не вас. Меня пугает сам мир.

Аора расплылась в довольной улыбке, будто бы радовалась, что я начала откровенничать. Она подалась вперед, облокачиваясь на стол и устраивая голову на ладонях, чтобы лучше видеть мое лицо.

— Не бойся меня, — доверчиво сказала она, жмурясь от звука собственного голоса, — я не причиню тебе вреда. Меня уже позвали на церемонию.

Я приподняла брови, не уверенная в том, что правильно расслышала:

— На церемонию?

Хозяйка мигнула, лениво, словно пригревшаяся на солнце змейка. Особенное сходство придавали белесые брови, которые казались почти прозрачными.

— Да. На твою свадьбу.

На меня словно ушат холодной воды вылили. Я совсем забыла! Забыла, что в ближайшем будущем я предстану перед Таллом, чтобы сообщить ему, что я не собираюсь становиться его женой. С другой стороны, приглашать гостей на свадьбу, которая может и не состояться, — исключительная наглость.

— Ты так юна, — Аора оглядела меня, примечая каждую, даже самую маленькую деталь. Под прессом ее взгляда становилось не по себе, словно она вот-вот увидит в тебе что-то, чего ты раньше не замечала.

Я могла бы сидеть и пить чай, не торопясь беседовать с Аорой. Сомнений не было, даже живя в глуши, она знала об этом мире куда больше, чем я. И смогла бы мне поведать немало интересных деталей, но время опять поджимало. Напоминание о свадьбе больно дало под

дых и напомнило, почему я вообще оказалась в гостинной, рядом с удивительной Хозяйкой старого замка.

— Я пришла не одна, — откашлявшись, произнесла я, старательно ловя в лице Хозяйки малейшие изменения. Но она оставалась убийственно спокойной, мое откровение ее не удивило. Она знала. Вряд ли бы что-то укрылось от ее зоркого ока, а если что-то и смогло, то верный Нарх обязательно поставил бы ее в известность.

Аора подняла ладонь в предупреждающем жесте, и я замолкла.

— Прежде, чем ты задашь вопрос, давай договоримся? Я отвечу на три любых вопроса, — снова легкая, блуждающая улыбка, — но не более. Будь благоразумна и думай, прежде чем открывать рот.

Правила игры были просты как пять копеек. Но кто согласится на них?

Часть первая. Глава 18. Многоликая Аора

Давным-давно дедушка рассказывал мне миф про Сфинкса. Нет, не про того, чья статуя уже долгие века коптит небо посреди пустыни по соседству со столь же юными пирамидами. А про существо, чьей мудрости завидовали боги. Про того, чей красноречивый язык заманивал в лингвистические ловушки многие поколения героев. Вы наверняка помните его, чудовище с головой женщины, лапами и телом льва, крыльями орла и хвостом быка. Он задавал загадки, которые смог бы разгадать только мудрец и многие пожертвовали всем, не сумев совладать с ядовитой хитростью Сфинкса. Слушая дедушку, я всегда замирала от ужаса и восторга, который вызывал у меня, ребенка, миф о чудовище, которое умнее всех живущих на земле.

Аора и была Сфинксом, но не чудовищем, собирающем в себе части сразу трех животных и человека, а женщиной, чей ум и мудрость заставили бы встать на колени тех же героев, что преклонялись перед Сфинксом, не в силах решить его загадку. Она умело вела меня в западню, в искусно расставленные сети, ни секунды не сомневаясь, что я угожу в них. Я тоже не сомневалась. Всего три вопроса, но какие? Узнать про Шартгар, или же удовлетворить собственное любопытство, которое терзало меня будто дикий зверь.

Я обдумывала вопросы так тщательно, как не обдумывала ни одну вещь в своей жизни. Все, что меня интересовало, я разглядывала с четырех сторон, отмечая в сторону все, что не помогло мне. Наконец, я определилась. Хозяйка давала мне время, наслаждаясь чаем и книгой, которую выудила из рукава своего безразмерного платья. Интересно, что еще она прячет там? Нож? Певчую птицу? Откликаясь на эту мысль, откуда-то раздалась заливистая трель, словно в насмешку надо мной.

— Спрашивай, — Хозяйка улыбнулась, давая отмашку, и подготовленные вопросы снова потерялись в лавине других, будто бы и не было тех минут, когда я отбирала и выуживала из собственных мыслей наиболее важные. С языка были готовы сорваться глупости, о которых, в последствии, я бы горько пожалела.

Собраться снова с мыслями оказалось не так-то просто. Я смотрела в глаза Аоре, и понимала, что путаница в голове становится только хуже. Мне, почему-то, захотелось спросить о стоимости ее платья; о том, сколько лет Нарх прислуживает ей; как далеко отсюда до столицы. Я опустила руку со стола, до синяка щипая себя за ногу. Боль от щипка оказалась реальнее некуда и привела меня в чувство. Аора даже не пыталась скрыть своего разочарования, но быстро успокоилась.

— Мои чары оказались бессильны, — с очаровательной улыбкой признала она, потянувшись к заварнику, — я жду твоих вопросов. Но помни — всего три.

Я кивнула, немного помолчав. В голове все еще плавал легкий туман, но и он быстро растаял, как только Хозяйка свернула свои чары. То, что руки у меня начали мелко-мелко дрожать, я списывала на последствие заклинания, но тремор усиливался. Сжать руки в кулаки, будто ничего не происходит, с моей стороны было лучшим решением.

— Мы ищем Зверя. Точнее, девушку, которая превратилась в Зверя, — я путалась в деталях, не зная как именно сформулировать вопрос. Аора мягко улыбалась, и от ее улыбок мне было уже тошно. Она вся была ненастоящая, фальшивая, только прикидывающаяся милой и понимающей, а сама, наверняка, прятала в рукаве яд.

— Я знаю, что Зверь здесь. Мы можем его забрать? — я, наконец, смогла оформить

мысли верно, пускай они расползались в стороны как весьма активные тараканы. Аора ухмыльнулась:

— Если только она захочет пойти с вами.

— Почему она может не захотеть? — вырвалось у меня, и я разозлилась. Мне давно пора научиться контролировать эмоции, но пока с этим делом все обстояло весьма печально. Язык у меня всегда был быстрее чем мысль, и я часто страдала от этого.

Хозяйка пожала плечами, позволяя легкой ткани оголить нежную, белую кожу без единого изъяна:

— Она обижена, и боль жрет ее изнутри. Если она позволит страданиям разрушать себя изнутри, то долго не проживет. Она и так почти умирает.

В животе что-то запульсировало, горячо-горячо. Я услышала то, что не должна была слышать. Дыхание сбилось, когда я осознала, в какие дебри влезла. Мне не нужна была информация о том, что ощущает Шартгар, какая боль ее терзает. У меня не было права лезть в чужую душу, ковыряться в ней грязными руками и рассматривать чужие сердечные раны. Аора ощутила мое замешательство, в задумчивости забарабанила длинными, угрожающего вида ногтями по столу. Тот отзывался глухим звоном потревоженной посуды. Одна из тарелок, которую Аора неуклюже смахнула на пол рукавом, раскололась на сотни мельчайших осколков по всему полу. Я смотрела на них и ощущала себя примерно также: разбитой, расколотой на части.

— У тебя еще один вопрос, — напомнила мне Хозяйка, и я сразу заметила, как изменился ее тон. Моя задумчивость и смятение мешали ей вести собственную игру. В качестве игрушки я становилась скучной, и я не знала, что она делает с теми, кто нагоняет на Аору тоску. Зовет Нарха? Выкидывает из окошка Башни? Все варианты подходили.

У меня оставалась только одна попытка узнать хоть что-то для себя. Я сжала трясущиеся, покрытые волдырями и синяками руки, и спросила:

— Я должна стать женой Талла. Ты с ним знакома. Нет, постой, это не вопрос! Какой он?

Аора уставилась на меня в недоумении, красивые брови поползли вверх, выдавая подлинное изумление:

— Разве ты сама еще не поняла?

Что? Я глупо захлопала ресницами, переваривая ответ. Я могла бы возмутиться, что Аора отвечает вопросом на вопрос, но знала, что все бесполезно. Правила игры устанавливала не я, и не мне было решать, что является жульничеством.

Понимание, капля за каплей, копилось внутри меня. Я почти нащупала ответ на все вопросы, но он ускользал от меня, как шустрая блестящая рыбка в бурном потоке событий.

Я хотела задать еще один вопрос, но не успела. Дверь в гостиную хлопнула, и тут же щелкнул замок, запирая нас с Хозяйкой в комнате.

— А ну, пусти меня! — грянул голос Виллана из-за двери так неожиданно, что я подпрыгнула, разливая чай. Хозяйка рассмеялась тем же смехом, серебристым и глубоким, когда возня за дверью стала принимать нешуточные обороты. Виллан причал кому-то «спрятать зубки», а ему в ответ слышалось только частое-частое клацанье челюстей.

— Ай! Иди-ка сюда, зубастик!

Грохот, звон разбитого стекла.

— Пропусти его, Нарх, — благосклонно разрешила Хозяйка, с интересом прислушивающаяся к звукам из коридора. Она одной фразой дала понять, что без ее ведома

и разрешения в Башне даже сквознячок не пробежит.

Аора вновь «замелькала», зарябила, меняя облик: седовласый мужчина с печальными глазами; юноша с едва пробивающейся щетиной; снова мужчина, но в расцвете сил, с мощными плечами воина-мечника. И ни одного женского облика. Готовилась к битве? Да вряд ли, судя по тому, как спокойно она приняла появление Виллана, дракой и не пахло. Хозяйка вела себя больше как заправская кокетка, меняющая наряды в предвкушении долгожданного свидания.

Дверь медленно, с леденящим душу скрипом открылась. Виллан, мечом наголо, влетел в комнату и застыл посередине. Наверняка, он не ожидал лицезреть мирное чаепитие, предполагая, что я уже давно мертва.

— Присоединишься, рыцарь? — Хозяйка махнула рукой, призывая из небытия еще один стул. Он отличался от того, что был предложен мне: без мягкой спинки, без подушечки под поясницу. Виллану предложили колченогий табурет, на который сложно присесть без опаски, того и гляди развалится прямо под тобой. Я бы не удивилась, если бы в самой середине еще торчал бы строительный гвоздь. Не знаю, как еще сильнее можно продемонстрировать отсутствие расположение к незваному гостю.

— Айден тебя убьет. Ты нарушила приказ, — прошипел Виллан мне в лицо, начисто игнорируя Хозяйку, но та безмятежно помешивала ложечкой чай, кидая на Виллана заинтересованные взгляды из-под длинных ресниц. Кокетливость никому не шла во вред, однако Аора приняла максимально неподходящий для флирта облик: юноша, чья красота не сравнилась бы и с античными статуями. Виллан, казалось, не замечал ни томных взглядов Аоры, ни блуждающей по чувственным губам завлекающей улыбки. Для него существовала только я, да еще угроза гнева Советника.

— Мы всего лишь чай пьем! — воскликнула я и тут же осознала, насколько сглупила. Виллан ждал оправданий, которые бы сгодились на съедение Айдену, чтобы тот еще сильнее не разъярился. А получил только констатацию факта: я ушла из безопасного места, чтобы попить чайку с ужасающей Хозяйкой старой крепости. Той самой, которая не любит гостей и способная на любые сюрпризы.

Но Виллан не стал меня допрашивать, как я докатилась до жизни такой. Он рывком развернулся к Аоре, вновь игнорируя затрепетавшие ресницы:

— Мы ждали в приемной час, но к нам вышли только твои миньоны, утверждая, что ты вот-вот спустишься. Час!

Подобная вспыльчивость не была в характере Виллана, всегда веселого и добродушного, но он здорово нервничал. Кусал губы, стискивая рукоять обнаженного меча, сверлил яростным взглядом Хозяйку, которая так и не сменила облик. На все упреки она (мне было тяжело применять к Аоре местоимение «он») жала плечами и невозмутимо отпивала из чашки чай мелкими глотками. Чужой гнев будил в ней эмоций меньше, чем каменная кладка в коридоре.

— Спрячь меч, рыцарь, — Аора распахнула темные, без блеска глаза, улыбаясь широко и зубасто, — не вечность же я заставила вас ждать.

Опять угроза, на этот раз явная. Я сглотнула, ощутив, как желание чаевничать с Хозяйкой начисто пропадает. Но мне нечего было бояться, она гневалась только на Виллана. «Не удивительно, что она заставила вас ждать», подумала я. С таким отношением она могла бы вышвырнуть вас из замка, запретив приближаться во веки веков. Одна мысль о том, что благородные рыцари Талла оказались поверженными хрупкой женщиной, вызывала

злорадную улыбку, которую я спрятала в ладонях.

Виллан, наконец, осознал, насколько грубо себя вел, да еще по отношению к самой Хозяйке. Осознал, и лицо его залилось краской. Вспыхнули щеки, а затем алая краска заполнила все пространство от мужественного подбородка до ключиц, которые едва виднелись из-за нагрудника. Краснел он очень мило — пятнами, словно неоперившийся юнец, что совсем не вязалось с образом лихого рыцаря Талла, готового ко всему.

Он весь подобрался, распрямляя плечи и спину, вытягиваясь во весь рост. Меч вошел в ножны без единого звука, мягко, словно в масло. Виллан выдержал секундную паузу, а затем отвесил Хозяйке поклон:

— Прошу простить меня за дерзость, Многоликая Аора, Хозяйка старой крепости. За неуважение, высказанное мной вашей персоне, меня стоит повесить за язык на ваших главных воротах.

Глаза Аоры зажглись восхищенным огнем. Она поднялась с места, плавно и медленно, а затем подошла к Виллану так близко, что их лица оказались на расстоянии нескольких сантиметров.

— Зачем же, — глубоким голосом сказала она, улыбаясь своей загадочной улыбкой, — достаточно будет танца.

— Танца? — в замешательстве переспросил Виллан, становясь похожим на испуганного щенка. Он ждал любого наказания, но никак не просьбы о танце.

— Да, танца. Я получила приглашение из дворца на церемонию, после которой будет бал.

Двойственность чувств, которые испытывал Виллан, была мне видна даже из-за стола. Облегчение, от того, что сумел избежать наказания, и смятение. Ему что же, придется танцевать со своенравной Хозяйкой на глазах у всего двора?!

Но Виллан не был бы рыцарем Талла, если бы не смог справиться ситуацией. Нисколько не изменившись в лице, он шепнул:

— Договорились.

Хозяйка расцвела, а комната тут же наполнилась ароматом луговых цветов. Аора сделала два шага назад и скомандовала:

— Зови Советника, рыцарь. Пришло время поговорить.

Часть первая. Глава 19. Озарение

Первое, что я увидела в приемной Хозяйки, когда мы вошли туда нестройной шеренгой, взгляд Айдена, полный холодной ярости. Он безотрывно следил за мной, пока я проходила по залу, осматривая высокие стены, украшенные старинными портретами, и искала себе местечко поудобнее, ведь в предстоящем разговоре я участвовать не могла.

На постаменте в самом центре стоял деревянный трон, без лишних украшений, но даже у несведущего наблюдателя сразу складывалось понимание, что это место хозяина дома. Точнее, Хозяйки, но Аора не стала менять облик. Томный юноша без спешки поднялся по ступеням, занимая положенное место. Айден и Виллан стояли перед троном, не преклоняя колен. На долю Виллана уже выпала изрядная доля переживаний, он все еще казался слегка потерянным. Но Айден... Он являл собою целый клуб противоречивых эмоций, по большей части негативных и направленных на меня. От ледяного огня, горевшего в синих глазах, по спине бежали мурашки, и появлялось только одно желание — поскорее сбежать. Я не питала иллюзий — как только мы покинем замок, я получу по заслугам. Уж что я понимала, так это то, что Айден ненавидел, когда данные им приказы игнорируются. А я сделала именно так — наплевала на все приказы, не осталась в стороне, и получу по полной.

Особенно виноватой я себя не ощущала. А с чего вдруг? Да, я зашла в замок, когда мне приказывали сидеть на пятой точке ровно и не шевелиться. Но ведь и Руц ушел, разве нет? Кстати, где он?

Между тем, переговоры шли своим чередом. Айден с почтением обратился в Аоре, прося о разговоре. Но Хозяйку больше занимала увядшая роза, которую она то и дело подносила к лицу, надеясь уловить аромат. Цветочные лепестки от каждого прикосновения сыпались в труху, оставляя на шелковой, белоснежной рубашке некрасивые разводы пепельного цвета.

Рыцари терпеливо ждали, пока Многоликой Аоре надоест ломать комедию. Не знаю, сколько времени прошло, но я успела досконально изучить каждую трещинку на стене приемной залы, пересчитала царапины на нагруднике Виллана, и теперь украдкой разглядывала профиль Айдена.

Если бы встретили его на улице, то в голову пришла только одна мысль: красивый. Он, действительно, был умопомрачительно красив, его не портил даже кривой шрам, когда-то давно перерубивший переносицу. Судя по всему, хрящи срослись, но на память осталась узкая полоса, которая наливалась кровью и темнела до фиолетового оттенка, когда Айден злился. Темные волосы, стянутые шнурком, волнами сходили на спину, достигали середины лопаток, а в рассеянном свете отливали сталью.

Я должна была радоваться, что такой мужчина сопровождает меня на нелегком пути. Слушаться каждого слова, чтобы не злить и не попасть под горячую руку, но Айден, при всей своей блестящей внешности и силе, невыносимо раздражал. Наверное, еще больше раздражения прибавляло именно его красота. Красивые мужчины — бич божий для некрасивых девушек. Они причиняют страдания, даже не замечая этого. Чтобы отвлечься от грустных размышлений, я прислушалась к разговору.

— Мы пришли забрать Шартгар.

Аора скосила глаза, кидая на Айдена заинтересованный взгляд:

— Ту милую девушку, которая раньше приходила ко мне с книгами, дарованными

Повелителем?

— Да, именно ее.

Хозяйка погрузилась в задумчивое молчание. Поникший венчик розы потемнел, осыпаясь на пол прахом, который сливался с серым камнем.

— У меня в гостях только одна юная дева, но зовут ее иначе.

О, это уже про меня. Я сжалась в комок, чтобы не привлекать внимания, но Виллан все же одарил меня взглядом, от чего провалиться под землю захотелось в сто раз сильнее. Моя самостоятельность и чаепитие с Хозяйкой явно нарушили все планы рыцарей, лишив их козырей, которые они могли бы разыграть при переговорах.

— Она приняла обличье Зверя и сбежала. Мы хотим ее вернуть, пока не стало слишком поздно, — низкий голос Айдена разносился по всему залу, добавляя веса сказанным словам. Ему хотелось верить, но Аора продолжала играть в игру, которая была понятна только ей. Ну, и Айдену, возможно. Виллан не понимал, что от них хочет Хозяйка: упасть на колени и раболепно умолять о помощи? Наверняка, он был готов сделать это сию же секунду, а потому нервничал, полагаясь на красноречие Советника. «Что, если у Айдена ничего не выйдет?» — читалось в его окаменевшей спине, в бледном лице, на фоне которого рыжие его волосы казались пожаром.

Повисшая тишина действовала на нервы не хуже чем соседская дрель с утра в воскресенье. От дискомфорта то и дело хотелось ежиться, и сложившаяся ситуация нуждалась в худо-бедном разрешении.

— Советник, сколько я уже служу Его Мрачайшему Величеству? — внезапно спросила Аора, окидывая в сторону облысевшую розу. Айден на мгновение опешил, но ответил:

— Еще не придумали число, чтобы озвучить.

— Талл всегда был доволен моей службой?

— Вполне.

— Так почему же ты сомневаешься во мне? Сомнение сочтется из каждого твоего слова. Ты не доверяешь мне. Думаешь, что я могу удерживать Шарттиар насильно. Не спорю, я способна на подобные низости. Но что, если это не так? Что, если она умоляла об убежище, появившись у меня на пороге? А затем сбежала.

— Этого не может быть, — отчеканил Айден, делая шаг назад. Он намеревался уйти, оставив Аору рассуждать о долге, чести и предательстве в одиночестве.

— Шарттиар служила Его Ужасающему Величеству не меньше тебя. Она не может уйти, пока пророчество не исполнится до конца. Она и не захочет этого сделать.

От сапог Айдена, которые ритмично отбивали шаг по направлению к двери, вылетали искры, настолько он был зол. Брови сошлись на переносице, будто тучи заслонили ясное небо. Виллан спешил за ним, единожды обернувшись, чтобы позвать меня следовать за ними. Но я медлила, дожидаясь момента, когда мы с Аорой вновь останемся наедине.

— Зачем ты дразнишь Айдена? — я сдерживала гнев, но поведение Хозяйки было грубым до невыносимости. — Он просто хочет помочь Шарттиар. Ты же сказала, что она у тебя!

Хозяйка мечтательно прикрыла глаза:

— Я не говорила ничего подобного. Надо же, какая ты пылкая. В неведеньи есть своя прелесть. Ты словно бродишь в плотном тумане, видя только силуэты. Какая горькая участь — быть предназначенной в жены лжецу.

Возможно, она еще что-то говорила, но я не слушала. Я рванула вслед за Айденом и

Вилланом, которые уже покинули башню. Они стояли у подножия лестницы, вряд ли дожидаясь меня, но я ускорила шаг. Виллан почти кричал, размахивая руками, но суровый ветер, налетевший из ниоткуда, смазывал слова и предложения, не позволяя расслышать, ни слова. Айден отвечал ему тихо, почти шепотом. Я спустилась, цепляясь за каменные перила, потому что потоки завывающего ветра так и стремились скинуть меня с трехметровой высоты на мощный двор.

— Старая дура совсем с ума сошла, — Виллан топнул ногой, хватаясь за эфес меча. Он шумно выдыхал, раздувая ноздри, и не мог устоять на месте. Айден на его фоне выглядел образцом спокойствия. Он деловито обшаривал взглядом двор, надеясь найти подсказку.

Я приблизилась, опасаясь привлечь их внимание. Будучи виноватой, я хотела заглядить вину, но как это сделать?

На мое появление Виллан не отреагировал ровным счетом никак, а вот Айден... Айден обернулся, приветствуя меня хмурым взглядом, не предвещающим ничего хорошего. Но внезапно его лицо посветлело, а на губах появилась смутная улыбка.

— Прости, — устало произнес Советник, потирая виски, как будто мучился головной болью, — наше путешествие затягивается.

Я встала, как громом пораженная. Что это было? Айдена тоже похитили и подменили? Пытаясь оправиться от шока, я уселась на нижнюю ступеньку лестницы, не заботясь о том, что пальто испачкается. Кожа на руках еще побаливала, но волдыри медленно проходили, оставляя после себя только красные пятна. Аора обманула меня, давая уклончивые и неясные ответы. Никому нельзя доверять, особенно странным дамам, живущим в заброшенных замках в глухомани.

Тихий плач раздался совсем рядом, как назойливый комариный писк, от которого нет спасения. Я заозиралась по сторонам, пытаюсь найти источник, но — ничего. Пусто. Только Виллан и Айден, сцепившиеся ладонями и бормочущие что-то похожее на заклинание. Может, и не его, откуда мне знать, но одно я знала точно — рядом кто-то рыдал, надрывно и искренне, с подвываниями, как ребенок.

— Тссс, слышите? — я прислушалась, пытаюсь понять, откуда идет звук. Виллан нахмурился, словно я своими комментариями мешала найти Шартиар.

— Нет, здесь только мы, — терпеливо, как маленькому ребенку, ответил рыжий рыцарь, вновь сосредотачиваясь на ритуале. Айден молчал, закрыв глаза. На виске у него пульсировала жилка.

— Кто-то плачет. Ну же, прислушайтесь!

Но нет, плач слышала только я. Сердце в груди екнуло, когда я поняла, откуда он доносится. Я бухнулась на колени, прикладываясь ухом к земле. Точно.

— Ребята, — дрожащим голосом произнесла я, не поднимаясь на ноги. Я боялась ошибиться, но еще больше я боялась оказаться правой. — Кажется, я знаю, где Шартиар.

Часть первая. Глава 20. Подземелья

— Ты уверена? — Айден встряхнул меня за плечи с такой силой, будто всеми правдами и неправдами хотел выпрясти из меня информацию. — Ты точно уверена, что это она?

Я слабо отбивалась, но события, предшествующие данной ситуации, полностью лишили меня сил. Их оставалось совсем чуть-чуть, на доньшке, только на то, чтобы вяло отпихивать чужие руки да прислушиваться к рыданиям, которые то стихали, то усиливались.

— Да, да, я уверена! — рыкнула я, вконец обозленная тем, что Советник позволял себе трясти меня как тряпичную куклу. — Там, под землей, кто-то плачет.

Виллан и Айден переглянулись, и взаимная перестрелка взглядами не предвещала ничего хорошего. Слишком невеселыми они были.

— Земля, на которой стоит замок, принадлежит Аоре, — Айден сложил руки на груди, осматривая башню, которая возвышалась над нами символом чужой несговорчивости. — Она четко дала понять, что Шартиар в ее владениях нет.

— Но звук доносится из-под земли... Вил, здесь есть подземелья?

Рыжий рыцарь почесал затылок, ковыряя носком сапога землю:

— Возможно. Карта этой местности у меня в седельной сумке. Надо вернуться к лошадям. Да если и есть вход в подземелья, он вряд ли располагается здесь.

Он с неприязнью взглянул на башню и пошел к воротам. Возможно, показалось, но в темном провале окна на миг блеснуло что-то яркое, будто кто-то наблюдал за нами из своих покоев.

— Руц, наверное, рвет и мечет, — нервно хохотнул Виллан, выходя за ворота.

— А его там нет, — пробормотала я себе под нос, не поднимая глаз от земли, и почти тут же врезалась в спину Айдена, который медленно, как в ужасниках, повернулся ко мне:

— Ну-ка, повтори.

Но ответа Советник не дождался, меня куда сильнее тревожил ноющий нос. Спина Айдена была почти каменная, и я нехило припечаталась лицом, а воображение в голове уже дорисовало необходимые фрагменты: свернутую в сторону переносицу и фонтаны крови.

— Его там нет, — слегка гнусаво сказала я, когда градус нетерпения Айдена зашкалил. Я в ускоренном режиме пересказала события, в результате которого и оказалась в гостях у Аоры. Айден слушал молча, не перебивая и не задавая дурацких вопросов. Только в конце, когда я излила душу, попросил:

— Покажи руки!

Волдыри почти уже все сошли на Айден, с силой задрав рукава свитера вместе с пальто, водил руками по алеющей пятнами коже. Подушечки пальцев у него были шершавыми, загрубевшими от постоянных тренировок с мечом. Или не от тренировок? Но факт оставался фактом: он изучил каждый сантиметр кожи, которая была залита слизью неясного происхождения.

— Заживет, — он вынес свой вердикт, отстраняясь. — Это яд паунов. Видимо, Шартиар у них. Мохнатые твари, вечно лезут, куда не надо!

— А Руц?

Вместо ответа Айден передернул плечами, поворачиваясь к Виллану, который несся к нам во весь опор и размахивал руками, привлекая внимание.

— Кони! Руц! Пропали!

Айден сухо оборвал его:

— Уже в курсе. Не мельтеши. Надо искать вход в подземелья.

План был прост и непритязателен: найти путь в подземелья и спасти товарищей. Время Шартгар было на исходе, за Руца тоже следовало бы поволноваться, а потому атмосфера легкой истерии не покидала наш значительно поредевший отряд. Наибольшую лепту в нее, конечно, вносил Виллан, который носился по поляне из конца в конец, заглядывал за каждое дерево и камень, коих там было в избытке, надеясь отыскать вход в катакомбы. Помогало слабо, но рыцарь не терял надежды. Айден мало обращал внимания на его хаотичные перемещения, изучая поваленное дерево и выжженную траву там, где я дремала, прежде чем проснулась и обнаружила себя в полнейшем одиночестве.

— Неужели они и здесь себе гнездо свили?! — прикоснуться к траве, на которой светящимся покрывалом все еще остались капли яда, он не рисковал. Он водил ладонью над ними, а те скатывались в мельчайшие шарики, хрустели и лопались, разлетаясь оранжевыми искрами.

— Если они похитили Руца, то почему оставили в покое меня?

— Скорее всего, просто не успели. Пауны существа медленные, обстоятельные. Каждое движение требует от них сосредоточенности величайшей силы. На спонтанные поступки они не способны.

— Но почему Аора не сказала, что Шартгар здесь, под землей? — у меня не укладывалось в голове, что Многоликая соврала. Не укладывалось, и все тут. Впечатление от общения с ней было неопределенным, но она точно не выглядела, как лгунья. Но от ответом уходила мастерски, сразу же чувствовался профессионализм.

Да, я задавала слишком много вопросов, но они толпились на языке, и я не смогла отказать себе в удовольствии расспросить Советника, пока тот в подходящем настроении.

Айден усмехнулся, похлопав меня по плечу:

— Кто знает? У Смерти свои представления о правде.

Я закашлялась, застигнутая врасплох:

— Что?... У Смерти?!

Я покрылась холодным потом, отчего моментально продрогла. Побывать в гостях у Смерти?! Ну, нет, на такое я не подписывалась.

— У Его Мрачайшего Величества есть два сильнейших вассала, которые служат ему с незапамятных времен: Сон и Смерть. С Многоликой Аорой ты уже познакомилась. Надеюсь, господин Сон не явит себя в неподходящий момент: он не слишком приветлив, считает, что у меня дурной характер, да и с поста Советника меня надо гнать и как можно скорее. Колоритный персонаж.

Объяснения Айдена пролили свет, но не дали уверенности. Вот так просто пить чай с старухой с косой?

— Она не похожа на Смерть, — заметила я и прикусила язык. Айден скосил на меня глаза, улыбаясь куда теплее, чем несколько часов назад:

— У нее много обликов. Надеюсь, тот, что предназначен тебе, она не показала.

Я мысленно вернулась назад: вот Аора флиртует с Вилланом, получая от него обещание, станцевать на балу по случаю свадьбы. То-то он был такой несчастный!

Наш разговор прервался ликующим восклицанием Виллана где-то за рощей:

— Я нашел!

Вход в подземелья выглядел как провал в земной толще, наискосок ведущий вниз, в катакомбы. На свету находилась только малая часть пути, все остальное было погружено во тьму. Где-то там, вдалеке, вход расширялся, о чем свидетельствовало эхо, откликающееся на каждое слово.

— Кто пойдет первым? — не слишком-то весело уточнил Виллан, понимая, что, скорее всего, право первого шага достанется именно ему. Айден, как главный в отряде, предпочитал замыкать строй, и в случае нештатной ситуации организовать отход и прикрыть тылы. Меня, по понятным причинам, нельзя было пускать первой: если пауны опасны, то я стану легкой добычей. Рыцари мне могли допустить, чтобы меня сожрали; Талл за подобную небрежность по головке не погладит.

Не дождавшись ответа, Виллан вздохнул, выражая одним вздохом всю тяжесть собственного положения:

— Хорошо, хорошо. Я пошел.

Рыцарь схватился за край проема и рыбкой скользнул внутрь, опираясь руками на узкие края ямы. Рыжая макушка скрылась из виду, а спустя несколько тягучих мгновений в отдалении раздался грохот, повествующий, что Виллан приземлился.

— Спускайтесь, — голос рыцаря звучал приглушенно, но вполне обыденно, — здесь пусто.

Айден кивнул мне, указывая на яму:

— Ты следующая.

Воображение мигом нарисовало мне ужасающие подробности неудачного приземления: переломы, вывихи и прочие радости, после которых приключение станет еще менее веселым. Чувствуя мою нерешительность, Советник развернул меня лицом к провалу и тихо прошептал на ухо:

— Виллан поймает.

Я расслабилась, надеясь, что у меня есть минута или две на то, чтобы сосредоточиться, но Айден все решил за меня. Мощный толчок в спину (хорошо, что хотя бы не пнул), и вот я лечу вперед. Глина, в которой был прорыт ход, въедалась под ногти, когда я хваталась руками за стенки, надеясь притормозить. Пальто, и без того покрытое пятнами, превратилось в половую тряпку. Если бы я знала, что Айден способен на подобные поступки, то вряд ли стала поворачиваться к нему спиной.

Приземление оказалось не столь ужасным, как я ожидала, но и не на мягкую перину свалилась. Виллан, конечно, пытался меня поймать, даже помог каким-то образом, но я все равно ухнула на какую-то подозрительную кучу, на которую хозяева набросили, зачем-то, кусок корабельной веревки. Виллан обходительно подставил мне руку, помогая подняться, но пятая точка ныла: посадочка выдалась жестковатой.

— В норме?

Я зыркнула вверх, надеясь, что мой взгляд сможет прожечь толщу земли в несколько метров и испепелит Айдена на месте. Зачаток приятельских отношений, да и моя зарождающаяся симпатия к рыцарю вновь завяли.

— Спускайся, — мстительно проговорила я, — здесь мягко падать.

Айден спустился куда изящнее, ловко группируясь в воздухе. Только сверкнули серебряные пуговицы на кителе, и вот он уже стоит рядом, деловито изучая местность. Советник подозрительно принюхивался, рыская по углам, как заправский следопыт. Куча

хлама, на которую я грохнулась, не осталась без внимания: Айден присел на корточки, оглядывая веревки, толщиной в руку, кое-как сваленные грудой.

— Паршивцы, — с искренней ненавистью выплюнул Айден, поднимаясь на ноги, и пнул кучу. Из самой середины мусора с звонким стуком выкатился череп, я замерла на месте. Втянутая форма, несколько мощных зубов на широкой челюсти. Лошадиный, поняла я. Груда мусора оказалась складом костей, принадлежавших лошадям. Больше всего я боялась, что в ней обнаружатся куда более мелкие косточки, например, Руца. Но нет, обошлось. Виллан обошел гору костей, направляясь к темному ходу, ведущему в глубины подземелий. Дорогу загоразивала паутина, поражающая размерами: плотно хитроумного плетения размером с небольшой ковер. Ее края плотно обхватывали проход, не позволяя двинуться дальше. Прорвать нити было непосильной задачей, они перекручивались между собой, создавая ловушки. Я не сомневалась, что одно неловкое движение способно загубить весь план по спасению на корню.

Я сопоставила факты и была совсем не рада выводам, которые получила. Пока Виллан изучал паутину на наличие слабых мест, я дернула Айдена на рукав, привлекая внимание.

— Скажи, — я начала издали, чтобы не создать впечатление насмерть перепуганной девчонки, какой, собственно, и являлась, — пауны имеют отношение к паукам? Ну, восемь ног, столько же глаз, паутина и прочие радости?

Советник одарил меня взглядом, в котором читалось его мнение о моем интеллекте:

— Конечно. Только ваши пауки мелкие мошки, по сравнению с нашими.

— Подскажи, насколько большими могут вырастать пауны? — слабеющим голосом попросила я, уже догадываясь, что буду не рада ответу.

Айден на мгновение задумался, потирая подбородок:

— До одного рауля, не больше.

Я попыталась выдохнуть: паук метровой высоты тоже страшно, но я представляла себе все куда ужаснее.

— Советник, у них таблица исчислений другая, — поправил капитана Виллан, не отрываясь от дела. — Один рауль в переводе на земные величины равняется четырем метрам, кажется так.

Ой, мамочки. Ноги подкосились, я едва не осела на пол. Я не говорила, что у меня арахнофобия?

Часть первая. Глава 21. Не буди лихо, пока тихо

— Так и знал, что ты будешь трястись, — Айден ухмыльнулся, продемонстрировав белоснежные ровные зубы. В темноте, которая плотным кругом смыкалась вокруг нас и расходилась только в том месте, где начинался выход на поверхность, блеск белков и зубов выглядел жутковато. Я медленно выдохнула через нос, стараясь успокоиться.

Мое отношение к Советнику колебалось от «ненавижу!» до «ну, терпимо» с сильным перевесом в сторону первого варианта. Для меня Айден оставался закрытой книгой, я ничего не могла прочесть по его невозмутимому, холодному лицу. И непонятными для меня оставались его эмоции: я злила его поведением, безрассудными поступками и длинным языком, но это не мешало улыбаться мне, ободряюще и тепло как недавно, у башни. Пускай и мимолетно, словно небо, проясняющееся на считанные мгновения дождливым, ненастным днем. В остальное время он держался отстраненно и на близкий контакт старался не идти.

Наверное, именно в такие моменты девушки из сопливых романов задумываются о том, что ощущают к сильному мужчине рядом с собой. Я сделала усилие, покопалась в себе, но никакой симпатии внутри не обнаружила. И, честно сказать, успокоилась. Айден на постоянной основе вызывал у меня только раздражение и любопытство. Была в нем какая-то загадка, темная тайна, до которой можно было бы докопаться, имея силы и желание. Ни тем, ни другим я в полной мере не обладала. Близкое соседство гигантских пауков затмевало все остальные мысли.

— Пройти можно, — Виллан цокнул языком, привлекая внимание. — Одно тревожит: сигнальные нити, вот тут, и еще сверху, дадут знать караулу, что мы здесь в считанные секунды. Не успеем очухаться, как нас окружат.

Повисла напряженная тишина, разбавляемая только звуком шагов. Виллан ходил рядом с паутиной из стороны в сторону, надеясь отыскать решение проблемы, легкое и изящное. Решение не приходило, и Виллан страдал: вздыхал тяжело, стискивал челюсти до хруста, и всем видом выражал недовольство. Он словно говорил: «Будь моя воля, я бы рванулся вперед и принял бой, как воин!»

— Вряд ли пауны пойдут через паутину, — сказала я, обходя кости, все еще валяющиеся посреди пещеры, — наверняка у них есть другой ход.

Виллан обернулся и приподнял брови, побуждая развить мысль. Я прикусила губу, опасаясь, что несу чушь. Я так мало знала о мире, что могла бормотать глупости хоть целый день, и ни разу не повториться.

Вдохнув побольше воздуха в грудь, я выпалила:

— Ход заделан паутиной, и заделан добротно. Стоит тронуть сигнальную нить, и сюда сбегутся караульные. Зачем им переть напролом, сквозь паутину? Чтобы снова ее ткать потом? Ерунда какая-то. На их месте у меня был бы другой ход, чтобы застать врасплох незваных гостей.

Рыцари терпеливо выслушали поток объяснений, а затем Виллан с посветлевшим лицом обернулся к Айдену, будто меня и не было рядом:

— Это девчонка — гений! Ты же понял?

Айден суховато кивнул, отходя к противоположной стене. Он простучал ее костяшками пальцев, ожидая обнаружить пустоты, потайные ходы или ниши. И еще раз, затем снова. Все это могло изрядно затянуться.

От скуки я присела на корточки, изучая лошадиные кости, сваленные на самом неожиданном месте. Почему именно здесь? Кроме этих отбросов после сытной трапезы, пещерка была удивительно чиста. Ни мусора, ни соринки. Но это куда здесь это?

Кости выглядели как желтоватые, восковые копии самих себя, до блеска обглоданные. Плотоядные пауки, что может быть веселее? Я сглотнула комок, подступивший к горлу, и носком кеда отодвинула в сторону мослы, повинуюсь инстинкту держаться от них подальше. Те двинулись с легким шорохом, являя взгляду кусок решетки: сплетенная из веток, обмотанных паутиной, она закрывала ход вниз, точную копию того, что привел нас в пещеру.

— Кажется, нашла, — мой собственный голос отдавался в ушах приглушенно, как сквозь пуховую подушку. Совершенно внезапно я оказалась менее бесполезной, чем думалось. Видимо, Айден подумал о том же самом, подходя ближе и опускаясь на колени. Кости, обернутые паутиной (а теперь я поняла, что свалилась именно на связку толстых нитей паутины), он небрежно отодвинул в сторону, соблюдая, впрочем, осторожность: может быть, пауны и здесь навесили сигнальных нитей. Но обошлось, и вот в земле, едва прикрытый сетчатой крышкой, зиял ход вниз.

— Нас ждет еще один веселый спуск, — констатировал Виллан, но веселья в голосе у него не прибавилось. Всеобщая нервозность, спертый воздух и призрачная до поры до времени опасность меня нервировала. Все тело пронизывала непонятная вибрация на низкой частоте, от которой начинали трястись руки и колени. Я еще никогда в жизни не была так напугана.

Айден щелкнул пальцами, и пещера озарилась нежно-розовым сиянием. Сомкнутые ладони Советника наполнились огнем: языки пламени лизали руки, обхватывали запястья, будто ластились. Виллан откинул крышку, открывая вход в подземелье. Закрыв глаза, Айден пробормотал что-то под нос и аккуратно опустил огонек в дыру.

Тот завертелся на месте, будто изучая местность, а затем юркой точкой рванул вперед, освещая толстые каменные стены по ходу движения. Тоннель был прорублен в толще камня, и вел на самые нижние уровни. В лицо дохнуло смрадом и сыростью.

— Это фонарь? — неуверенно спросила я, наблюдая отсветы, скачущие в глубине тоннеля. Огонек прыгал из стороны в сторону, создавая блики на наших лицах, склонившихся над ямой. Вместо ответа вниз раздалось шипение: оно наступало волнами, постепенно сходя на «нет». Грохот, всплеск шипения, будто бы кто-то потревожил гигантскую змею в ее логове, и блаженная тишина. Отсветы погасли, в подземельях вновь воцарилась тьма.

— Путь свободен, — Айден поднялся на ноги, проверяя, хорошо ли закреплен меч на поясе. На моей память от только раз касался эфеса меча, припадении Вилфа Красноглазого еще в моем мире, а значит, впереди серьезная опасность. В животе что-то сжалось до тошноты, но я уже взяла себя в руки. Нет ничего, с чем бы я не справилась, твердил робкий голос в моей голове, и я решила, что лучше к нему прислушаться.

— Вперед.

Ход вел под углом, увлекая нас все глубже под землю. Идти приходилось по одному, ведь развернуться в тесных катакомбах оказалось слишком сложно. Виллан шел в авангарде, разведывая путь. Следом, пригнувшись, чтобы не стесать себе лоб или макушку, ползла я. Айден замыкал, и я чувствовала затылком его дыхание. Иногда он касался моего плеча, легко, но настойчиво, вынуждая притормозить. Грубый камень царапал ладони, оставляя

болезненные полосы, и пальцы становились липкими от крови.

Но ход вел нас не в новую пещеру, он вывел нас на перепутье, где в самой середине лежало два или три тела. Мохнатые мощные лапы безвольно раскинулись по каменному полу, а из разомкнутых челюстей, способных перекусить бедренную кость, сочилась желтовато-мутная жижа. Пауны.

— Нас кто-то опередил? — прошептала я, не рискнув повысить голос. Виллан не солгал, пауны действительно в росте превосходили даже самого рослого мужчину в два раза, обладали мясистым телом и восемью лапами, которые могли бы держать такой вес в вертикальном положении. Из округлого, матово-черного брюшка ближайшего пауна все еще торчал кусочек паутины. А это что? Я пригляделась, сдерживая приступ дурноты: паутина и челюсти не были единственным оружием гигантских пауков. В зарослях жестких волосков торчало жало — смертоносный инструмент.

— Огонек, — загадочно улыбаясь, сказал Айден, обходя паунов по касательной, — они пока спят, но продлится это недолго. Пару часов, если раньше не произойдет смена караульных.

— Куда нам идти?

Здесь, как ни странно, звук плача стал куда отчетливее. В верхней пещере он почти исчез, но тут возобновился с новой силой. Он эхом прокатывался по тоннелям, будто плыл по воздуху, и был сразу везде и нигде.

Выход из пещеры троился. Казалось бы, ну, зачем создавать столько путей, из которых только один ведет в нужное место, в сердце паучьего гнезда, но пауны придерживались других взглядов на обустройство собственного жилища. Я недоумевала, как такие громадины могут протиснуться в узкий коридор, ведущий на поверхность. Вряд ли же они складывались пополам?

Два из трех коридоров выглядели заброшенными и пустыми. Под ногами хлюпала вода, она была повсюду. Воздух пронизывала сырость, от которой мои волосы, и так безнадежные, начинали виться упрямыми кудряшками. Я перехватила их плотнее резинкой, заправляя за воротник. Не хватало еще зацепиться прядью за какую-нибудь гадость и остаться без скальпа.

Пока я размышляла, в какую сторону лучше двинуться, Виллан достал амулет. Такие на рынках продавались, когда я в первый класс пошла. Темный металл, который создавал иллюзию состаренного серебра, и яркий камень в самой середине. Дедушка скупал их горстями, по моей просьбе. Детское воображение в те времена добавляло амулетам стоимостью в десяток рублей магическую суть, волшебное содержание. Детство ушло, а амулеты, которые я хранила в обувной коробке, потеряли свое очарование. Но то были безделушки, дешевые подделки, в руках Виллана я видела сосредоточение истинной силы.

— Не знаю, пробьет ли поисковый зов через такие толстенные стены, — амулет, зажатый в пальцах, пульсировал, и пульсация ощущалась даже на расстоянии. Она проникала в кости и кровь, подстраивалась под сердцебиение, которое двоилось, подчиняясь чужому ритму.

Айден шагнул в один из тоннелей, проводя ладонью по камням:

— Пауны не любят пыль. Попробуй второй и третий.

Второй рыцарь пожал плечами, доверяя чутью капитана. При приближении к тоннелю, камень начал светиться, вторя пульсации, которую я почувствовала раньше. Он был словно маяк, предназначенный не для помощи морякам, заблудившимся среди высоких волн, а для

розыска пути, по которому можно спастись.

Амулет покачивался на тонкой, серебряной цепочке, которая извивалась в руках Виллана, как живая. Она юркой серебристой змейкой пыталась ускользнуть, сбежать, но рыцарь удерживал ее, не обращая внимания на подобные выкрутасы.

Камень моргнул, когда Виллан зашел в проход и поднял руку с амулетом в воздух. И свечение, бывшее колючим и злым еще мгновение назад, погасло с нежным звуком. Цепочка тоже успокоилась, повиснув в пальцах мужчины безжизненной и пустой вещью.

Паун, который находился ближе к нам, дернулся, раскидывая обессиленные лапы еще шире. Слабое шипение вырвалось сквозь челюсти, и яд закапал активнее. Конечности, заросшие колючими короткими волосками, дрогнули, затем еще раз, будто мышцы, которые приводили их в движение, скидывали морок магического сна и по чуть-чуть дегустировали собственную мощь. Черные, застывшие бусины глаз, покрытые мерзкой на вид пленкой, заметались из стороны в сторону; паун зашипел громче, но силы еще не вернулись. Не знаю, каково у паунов было с обонянием, но его явно злила больше собственная беспомощность, а не наше присутствие. Очнувшийся монстр был слепее новорожденного котенка.

— Они просыпаются. Быстрее, чем я планировал, — нахмурился Айден. — Поторопись.

— Нам сюда, — Виллан махнул рукой, скрываясь в крайнем из проходов, и мы, ни минуты не раздумывая, нырнули в тоннель вслед за ним.

Часть первая. Глава 22. Секреты паунских шеф-поваров

Малые размеры клетки способствовали тому, что приходилось сидеть, сгорбившись, уткнувшись лицом в собственные колени. Не знаю, для кого готовились казематы, но если уж мне пришлось нелегко, то Айден и Виллан изрядно нахлебались неудобств. Наши камеры располагались рядом, разделенные прутьями из паутины, толстой и липкой.

— Можно я не буду говорить «Я же говорила!», — в тишине мой голос звонко разнесся по пещере, куда пауны привели нас, связанных и беспомощных, и бросили в клетки. Айден промолчал, считая ниже собственного достоинства признавать ошибки, которые привели к позорному провалу. Хотя, его вины там было чуть-чуть, самую каплю. Больше всех напортачил Виллан, когда... Ох, как же он напортачил! И было бы не так обидно, но я ведь, и правда, говорила!

Я пошевелилась, чувствуя, как затекли и онемели ноги. Развернуться было решительно негде, а потому я сдвинулась влево, пристраивая голову на камне. Спать хотелось с невероятной силой; усталость не давала соображать, поэтому все события, происходившие с нами после входа в тоннель, я воспринимала будто через призму замедленного действия.

Синие тени, преследовавшие нас на протяжении пути, сначала походили на наши собственные силуэты, но время шло и они становились объемными, каждое их движение отзывалось шорохами и скрипом.

— Нам следует повернуть назад, — я пыталась не поддаваться панике, но воображение рисовало громадных паунов, нависших над нами. Готова была поклясться, что различаю в воздухе запах их яда: кисловатый с приторными нотками гнили, словно аромат залежалых мандаринов, забытых в дальнем углу кухни после празднования нового года.

— Не глупи, — оборвал меня Айден, подталкивая в спину, — нам осталось всего ничего идти.

— Я никуда не пойду, — истерические нотки все-таки проклюнулись в голосе, когда я попыталась отпихнуть в сторону Советника и вернуться назад. — Они идут!

— Кто идет? — Виллан обернулся, не замечая, как из темноты, заслоняя путь, вырастает громадина: этот паун был гораздо больше тех, что встретились нам на пути раньше. Опираясь на все восемь ног, расставленных в агрессивной стойке, он наклонился вперед. Жало ходило ходуном, выцеливая наиболее уязвимую жертву для атаки. Я зажала рот руками, чтобы заглушить крик: даже будучи поглощенной паникой и ужасом, старалась контролировать движения. Я не знала, как отреагирует паун на крик, может быть, для него это станет точкой отсчета, и Виллан получит удар острым, ядовитым жалом в живот?

Остальное было как в фильме: Виллан обернулся, увидев ужас в моих глазах и Айдена, который замер на месте, удерживая меня обеими руками, и встретился лицом к лицу с разъяренным пауком. С тыла, перебирая лапами, уже спешила тройка паунов чуть поменьше.

— Мы пришли с миром, — побледнев, Виллан выставил вперед ладони, демонстрируя безоружность, но, кажется, пауна-гиганта его поведение не удовлетворило. Обладали ли они интеллектом? У меня не было возможности спросить, но какое-то подобие иерархии у них, все же, было: те, кто окружали со спины, подобострастно склонялись перед громилой, щелкая челюстями, как будто в попытке присягнуть на верность. Тот взирал на нас и своих миньонов сверху вниз и скрежетал клыками. Минута тянулась за минутой, а затем паун

развернулся и шагнул в темноту. Те, что помельче, зашипели, задевая друг друга мохнатыми лапами, и стали теснить нас вперед. Трудно сопротивляться, когда у тебя над ухом то и дело раздается ядовитое шипение, побуждающее двигаться навстречу собственной гибели.

Мы медленно шагали под конвоем. Виллан смотрел только на жало пауна-гиганта, мельтешащее у его лица как напоминание о неизбежном, и старался держать дистанцию.

А потом мы оказались в клетках, сотканных из паутины. Маленькие ячейки, куда даже я помещалась с трудом, должны были стать нашим пристанищем, и я очень надеялась, что не навечно. Время ползло медленно, ужасно медленно, я то проваливалась в сон, то вновь просыпалась, еще более уставшая.

Пауны не убили нас, как предполагалось, но и ничего хорошего не сделали. Тьма вокруг стояла — хоть глаз выколи, пауны прекрасно ориентировались во тьме, но стоило Виллану вытащить из-за пазухи амулет, как монстры захлебнулись в шипении, которое едва протискивалось через плотно сомкнутые челюсти.

— Хорошо, хорошо, — громко крикнул Виллан, глядя на то, как беснующиеся твари скачут по пятаку перед клетками, забегая на стены и потолок. Амулет вновь был спрятан, пауны успокоились. Один из них, самый маленький, достигал всего двух метров в высоту, и остался с нами, когда взрослые пауки неторопливо удалились в тоннели. Он подпрыгивал за прутьями паутины, будто шаловливый щенок, разглядывая нас блестящими глазками-бусинами, а затем протянул лапу через прутья.

— Ты чего удумал?! — Виллан поджал под себя ноги, не рискуя дать отпор. Как знать, может сейчас он пнет пауна, а потом тот пнет его? Жалом, ага. Но паун-недоросток выглядел почти безобидно, шало у него еще не выросло — оно едва проклюнулось на брюшке сзади, совсем мягкое. Я придвинулась ближе, чтобы как можно лучше рассмотреть происходящее в соседней камере и едва не подавилась: паун ловко зацепил голенище сапога рыцаря, а теперь стаскивал его, привлеченный красивой бляшкой. Монстр радостно свистнул, когда Виллан вцепился в голенище, пытаясь вернуть сапог на место.

— Отдай! — рыжий рыцарь, оказывается, умел шипеть не хуже паунов, а противника только развлекала игра в «перетяни сапог». Борьба продолжалась несколько минут, и в конечном итоге паун удалился, помахивая добычей, зажатой в челюстях. Виллан был очень огорчен. Огорчение лилось из него, сопровождаемое потоком бранных ругательств. Таких оборотов речи я еще не слышала, заслушаться можно было.

Ну вот и мы и остались одни. О присутствии в тоннелях паунов мы только догадывались, тоннель ведущий в нашу темницу иногда взрывался громким шипением и чужой возней. Пауны бродили неподалеку, о побеге можно только мечтать.

— Может, перерубить паутину мечом? — предположила я, разглядывая светящиеся в темноте нити. Слюна паунов вырабатывала фермент, из-за которого паутина начинала светиться в темноте. В ответ — молчание. Айден, скрестив руки на груди, дремал. Ну, или делал вид, что дремлет, в полумраке разобрать было невозможно.

Виллан, наконец, успокоился и тоже задремал. Но как я ни устала, сна не было ни в одном глазу. Я протянула руку, дотрагиваясь до ближайших прутьев: на ощупь как сталь, такая же холодная и гладкая. Да, перерубить их мечом не получится.

— Что же нам делать? — прошептала я, обхватывая себя за плечи, чтобы хоть немного согреться. В углу с гулким стуком капала вода, в подземельях царили сырость и холод.

Голос Айдена, раздавшийся из темноты, теплым пологом спустился сверху и напомнил, что я не одна.

— Спи. Тебе надо поспать.

Да, наверное, он прав. Я нахохлилась, аккумулируя как можно больше тепла. Спать в подземельях, где бродили гигантские ядовитые пауки — удовольствие сомнительное. И я страшно хотела есть. Рыцари могли обходиться без еды неделями, они ни разу не поднимали тему пропитания. Но я... Даже находясь в другом, волшебном мире, я оставалась человеческой девчонкой с определенными потребностями. Все как по пирамиде Маслоу.

Однако усталость взяла свое.

Во сне ко мне вновь пришел Вилф. Он издевательски хохотал, насмехаясь над тем, как легко мы позволили взять себя в плен, отпускал непонятные шутки про Айдена и Виллана, а затем снова смеялся. Смех прерывался, как телевизионная программа, сменялся шипением, отчего становилось еще страшнее. Он был прав. С момента нашей встречи он стал моим самым страшным ночным кошмаром. Но реальность была куда страшнее.

Пауны вернулись. Они медленно вползли в закуток, где оставили нас ранее, вытянулись в шеренгу перед клетками и замерли, словно ожидали приказов. Айден шевельнулся, приоткрывая один глаз:

— Мы хотим увидеть Царя.

Ближайший к нему паун застрекотал, заурчал, протестуя, но Айден не сдавался:

— Сначала аудиенция у него, затем все остальное.

Я замерла. Пауны прекрасно понимали рыцаря, а значит, каким-никаким разумом все же обладали. Не в нашем положении было качать права и выставлять условия, однако Айден вел себя уверенно и немного нагло. Встревоженные пауны менялись местами, толпясь у прутьев тюрьмы, пытались просовывать через них черные, мохнатые лапы, заканчивающиеся тремя тонкими, но цепкими коготками. Я поджала ноги под себя еще ближе, опасаясь, что меня тоже разуют как и Виллана. Тот тоже вспомнил про утраченную обувь, бурча себе под нос:

— И даром Царь не нужен. Пускай сапог вернут.

Айден цыкнул, а пауны разразились странным звуком: челюсти быстро-быстро смыкались, отчего громкий треск наполнил пещеру от края до края. Они смеются, изумилась я. Мое мнение о том, что пауны тупые животные моментально развалилось в прах. Они были разумны, возможно, даже не менее разумны, чем мы.

Вперед выдвинулся один из пауков, потянувшийся челюстями к решетке. Громкий щелчок, и паутинный прут оказался перекушен. Он сразу же потерял всю жесткость и упал на землю, разбрызгивая мутную жидкость. Остальные монстры засуетились, подползли ближе. Прутья, казавшиеся нерушимыми, лопались в челюстях, будто были сделаны из картона.

Минута, — и вот мы на свободе. Весьма сомнительной свободе, честно говоря. Я потянулась, разминая затекшие конечности, краем глаза наблюдая, как Айден общается с пауном, который был главным. Не тот громила, который встретил нас в тоннеле, конечно, однако габаритами он почти не уступал.

— Пошли, — скомандовал Айден, отряхивая китель от сгустков паутины, которая липла к нему как мотыльки к лампочке, — Царь нас примет.

— Я не могу идти по холодному полу в одном сапоге! — запротестовал Виллан, скрещивая руки на груди. — Пускай вернет. Слышишь, я тебе говорю!

Паун-подросток, который украл сапог, прятался под брюхом крупного пауна, словно

искал защиты у старшего брата. После слов Виллана он разразился шелкающим смехом, но почти тут же получил пинка. «Старший брат» отвесил мелкому легкую затрещину, после чего тот неохотно засеменил в тоннели, откуда вернулся с весьма пожеванным сапогом в пасти.

С недовольным видом паун выплюнул обувку у ног Виллана и уполз вверх по стене в угол, откуда смотрел недобро блестящими глазами и ворчал.

— Так-то лучше, — пробормотал рыцарь, двумя пальцами поднимая в воздух измочаленный сапог, покрытый паутиной. Паун-подросток из темноты недовольно шикнул, но тут же смолк, пристыженный взглядами старших.

Так мы и оказались в гнезде паунов, на правах то ли пленников, то ли неожиданных гостей. Из клеток нас выпустили, но по-прежнему следили за каждым шагом. Приставленные к нам пауны-охранники недовольно шипели каждый раз, стоило мне замешкаться, или Виллану остановиться, чтобы поправить сапог, который после контакта с челюстями пауна выглядел как половая тряпка. Шипение не прибавляло энтузиазма нашему отряду, особенно после получаса брожений по сумеречным катакомбам. Пока мы шли, Айден вполголоса рассказывал про паунов, как про вид, делился информацией об их привычках и обычаях. Оказалось, что пауки, как драконы, обожали собирать в своих пещерах несметные богатства, которые тащили отовсюду. Их привлекало все блестящее и звенящее, но они не разбирались в ценности предметов, а потому, рядом с бесценными кубками из чистого золота иногда можно было найти сущие безделушки: детскую заколку, переливающуюся стразами, или моток фольги для запекания мяса. Свои сокровища они тащили и из этого мира, и из моего, шустро передвигаясь по ткани мироздания. Они единственные, говорил Айден, понизив голос, которым для передвижения между мирами не нужны приспособления. Например, без кареты, которая доставила меня с рыцарями в мир Талла, ничего бы не вышло. Паунам было проще.

Существами они были застенчивыми и робкими, не смотря на свои громадные размеры. Прятались под землей, создавая гнезда. А тоннели, в которых мы находились, были созданы не ими. Они просто использовали подходящие места для проживания. Множество ответвлений и укромных уголков способствовали удобному размещению всей колонии паунов. Во главе колонии обычно стоял Царь, но были случаи, когда власть захватывала самка, и тогда гнездо могло разрастаться до невероятных размеров. Самки паунов очень жестоки и склонны к захватам территорий.

— У них есть Царь? — полушепотом уточнила я у Айдена, когда в одном из тоннелей образовался затор. Потеснившись, мы пропускали колонну паунов, которые как выючные животные тащили на себе громадную статую, покрытую сусальным золотом. Все пауны двигались как единый механизм, я даже залюбовалась.

— Полагаю, что так. В противном итоге, мы были уже мертвы.

Пробка рассосалась, мы смогли двинуться дальше. У меня в голове толпилась куча вопросов, и я растерялась, не зная, какой из них задать первым.

— А чем они питаются?

Грозно выглядящие пауки могли оказаться человекоядными. С большой вероятностью они могли откусить мне голову, оставив остальное на десерт, но Айден улыбнулся, словно мой вопрос показался ему крайне забавным:

— Не беспокойся об этом.

Конечно, подумала я, отворачиваясь. Легко ему говорить, мол, не беспокойся. Я боялась пауков с детства, каждое появление восьминогого красавца в спальне или на подоконнике в дедушкиной лавке вызывало у меня приступ паники. Но выяснилось, что чем крупнее паук, тем меньше страх.

— Пришли, — шепнул Айден, одергивая мундир и проверяя, надежно ли закреплен меч на поясе. Пауны не выглядели тревожными, скорее, они знали, что та зубочистка, которую рыцари называют оружием, не сильно сможет им повредить. Все тело паунов было заковано в хитиновый панцирь, надежно защищающий их от ударов.

Пещера, в которую нас привели, по размерам своим напоминала тронный зал Аоры, с такими же сводчатыми потолками, но прорубленными в каменной породе. Все вокруг было заставлено вещами — скульптурами, креслами с позолоченными спинками; под ногами звенели, перекатываясь, монеты. Целый золотой ковер! Ну, точь-в-точь на восточном базаре, также безвкусно и ярко, аж глаза слепит от красоты.

Рыцари припали на одно колено, пока я с разинутым ртом разглядывала красоту вокруг, и Айден дернул меня за полу пальто, вынуждая склониться в трепетном и уважительном поклоне.

— Встаньте, — загудел голос, чей обладатель возился в глубине зала, заслоненный от наших глаз великолепным трюмо. Зеркала, еще не так давно кристально-чистые, были покрыты толстым слоем пыли. Пауны любили вещи, но не умели за ними ухаживать. Я представила, как паун в косынке протирает пыль, и прыснула со смеху.

Обладатель голоса показался из-за трюмо и теперь стоял, подбоченившись, перед нами. Я окинула взглядом массивный живот, нависающий над тугим ремнем, широкие плечи и подбородок, заросший недельной щетиной. Ну, во-первых, Царь паунов выглядел как человек, или, в крайнем случае, очень был на него похож. Никаких лап, две ноги, две руки, по стандарту. А во-вторых, я была с ним знакома.

Часть первая. Глава 23. Коллекционер

— Господин Шмайер! — воскликнула я, когда Царь подошел ближе. Он выглядел иначе, чем в магазине у бабушки, но сомнений не было: это был именно он! Шмайер мельком взглянул на меня, потом еще раз — чуть пристальнее, а затем бросился вперед, разводя руки. Когда меня стиснули в медвежьих объятиях, я только и могла что придушено сипеть, но Шмайер был слишком рад меня видеть. От него странно пахло: гнилью.

— Лизочка! — прогудел он, раз за разом сжимая меня в руках как куклу. — Я так рад тебя видеть.

Шмайер не лгал, он, и правда, светился от счастья с первых минут как только увидел и узнал меня. Пауны, удивленные энтузиазмом собственного Царя и убедившиеся, что гости не причинят ему никакого вреда, разбрелись по залу. Айден кашлянул, привлекая внимание царственной особы. Шмайер смерил его подозрительным взглядом, а затем наклонился и прошептал мне на ухо так, чтобы все окружающие точно услышали:

— Милая, а бабушка знает, с кем ты проводишь время?

— Бабушка... ох, — я горестно вздохнула, отчего в круглых глазах постоянного покупателя бабушкиной лавки мелькнул испуг, — это такая длинная история. Но это подождет! — Господин Шмайер, у вас в гостях наша подруга.

Паучий Царь отошел в сторону, смахивая пылинку с ближайшей статуи:

— У меня в гостях только вы.

Уклончивый тон, да и то, как Шмайер прятал глаза, только подтвердили мою догадку:

— Вы врете.

Разговор не заладился с самого начала. На обвинения Шмайер отреагировал только густым румянцем, залившим щеки, спина его окаменела, становясь ужасно прямой. Сколько себя помню, этот мужчина, громадный, словно лесной медведь, стеснялся собственного роста и сутулился. Невероятные перемены в поведении подсказывали, что он чувствует себя не в своей тарелке. Айден и Виллан, настроенные враждебно, несмотря на то, что я была знакома с Царем, сверлили его угрожающими взглядами, что тоже не прибавляло тепла встрече. Чтобы скрыться от чужих глаз Царь шагнул за статую, прикидываясь ветошью.

Понимая, что разговор может затянуться, Айден взял инициативу в свои руки:

— Я Айден, Советник Его Мрачнейшего Величества...

Шмайер перебил его высоким, слегка истеричным голосом:

— Я знаю кто ты, рыцарь. Меня не запугать титулами. Я на своей земле!

Советник склонил голову в почтительном жесте:

— Мы не претендуем на твои земли, Царь. Мы хотим забрать товарищей.

Шмайер с любопытством высунулся из-за статуи, за которой прятался, словно нашкодивший ребенок. Он и выглядел как дитя, испуганное и капризное. Я не узнавала его — у бабушки в лавке он был совсем другим. Только глаза все такие же, виноватые и грустные.

— Товарищей? — переспросил Царь, облизывая потрескавшиеся губы. Скрываться за статуей ему было удобно, мы видели только его лицо и носки уродливых ботинок с бляхами. Бляхи искрились, и становилось понятно, почему Шмайер выбрал именно эту пару обуви для носки. В моем мире он одевался куда скромнее и элегантнее, но в гнезде Царь может позволить себе любые безумства.

— Да, товарищей. Одного из рыцарей Талла и Зверя.

— Зверь тоже ваш товарищ? — Шмайер хитро прищурился, будто смог подловить нас на лжи. К сожалению, пытаться играть в Айдене в лингвистические игры было все равно, что усмирить тигра детской погремушкой. Воздух в пещере, и без того спертый, стал тяжелым и горячим. Фигура Айдена подернулась рябью, и я поняла — Советник выходит из себя. К счастью, то же самое дошло и до Шмайера. Он дернулся плечом, наконец, появляясь полностью из-за статуи.

— Зверушку забирайте, мне она не к чему. А чужака не отдам.

— Зачем вам Руц? — я шагнула ближе, хватая Шмайера за руку. От неожиданного телесного контакта он дернулся и замер. Я улыбнулась: Царь куда сильнее походил на своих подданных. Все пауки на моей памяти, будучи застигнутыми врасплох, сворачивались в комок и замирали. Прикидывались мертвыми.

Придя в себя, Шмайер неохотно ответил:

— Он вел себя неуважительно.

Я вздохнула. В этом мире все, буквально каждый первый, были помешаны на уважении к собственной персоне. У меня были сомнения, с какого перепугу Руц должен выражать почтение подземным тварям, которые похитили Шартитар, но я не стала их озвучивать. Шмайер мог передумать в любой момент, и мы бы ушли не солоно хлебавши. Невзирая на собственный безобидный облик, Царь обладал властью над паунами, двух из которых с лихвой хватит на то, чтобы вышвырнуть нас вон.

Как я уже устала, подумалось мне, когда переговоры вступили в новую стадию. Айден начал торговаться. Шмайер воротил нос буквально от всего, что предлагалось, и Советник в своих посулах разошелся. Пока они спорили, у меня было время подумать. Чего бы хотел Шмайер? На ум ничего не шло, но мне почему-то вспомнился дедушка. Он искал для Шмайера самые лучшие вещи, самые редкие экземпляры. Когда здоровяк видел новинку, которая предназначалась ему и только ему, на его лице, по мальчишески круглом и наивном, расцветала робкая улыбка, будто бы он верил и не верил своему счастью.

— У меня предложение, — решительно сказала я, и моя реплика стала водоразделом между Шмайером и Айдене, который распалился настолько, что был готов отдать собеседнику даже свой собственный меч и оба сапога Виллана. Шмайер посмотрел на меня с любопытством, подходя ближе.

— Вы хотели купить яблоко, помните?

Царь нахмурился, вспоминая. Вряд ли моя память была настолько плохой: Шмайер был в лавке в тот день, когда случились все странности. В день, когда я разбила яблоко.

Конечно, он помнил. Алчный огонь зажегся в глазах, и Царь нетерпеливо облизывал губы, в предвкушении победы.

— Оно ваше. Ни денег, ничего. Задаром. Но вы освободите Руца и Зверя.

— В чем подвох? — Шмайер подошел совсем близко, и я вновь учуяла тот запах, который смутил меня раньше. Он ввинчивался в ноздри, и мне ужасно захотелось чихнуть. Но я сдерживалась, чтобы не нарушить атмосферу. Я чувствовала себя уверенно, никогда еще во мне не было столько силы. Я смогла бы повернуть реку вспять, перейти океан вброд и дотянуться до пика самой высокой горы. По крайней мере, так я ощущала мощь, сосредоточенную в моих словах.

— Господин Шмайер, вы в курсе пророчества? — начав издали, я надеялась подготовить Царя к тому, что предстоит услышать. Но он сам связал между собой простые

факты: пророчество, яблоко и я, стоящая перед ним рядом с рыцарями Талла.

— Оно разбито! — вскричал Шмайер от ужаса и восторга, прижимая ко рту пухлую ладонь. Я кивнула:

— Теперь оно подходит только в качестве сувенира, на память. На память о том, что ваш господин вновь отыскал свою суженую.

Повисла тишина, такая плотная и густая, словно патока или мед. Но ничего сладкого в ней не было. Наш последний шанс истончался и исчезал на глазах, и я почти смирилась с собственным проигрышем. Но судьба любит подкидывать сюрпризы. Царь пытливо заглянул в лицо Айдену, словно знал что-то и хотел получить подтверждение, а затем..

— По рукам, — застенчиво пробормотал Шмайер, пряча глаза. — Я надеялся купить целое, чтобы поставить в опочивальне, но разбитое тоже подойдет.

Рукопожатие Шмайера было такое же мягкое, неуловимое, как и этот человек, Царь паунов. Он старался скрыть свою радость, но я видела, как подрагивают уголки его губ, сдерживая торжествующую улыбку. Интересно, как выглядит спальня паучьего Царя? Мне представилась пещера, мрачная и пыльная, со свисающими с потолка гроздьями паутины. И две половинки хрустального яблока на бархатной подушечке.

— Еще кое-что, — Шмайер застенчиво повел плечом, оглядываясь на подданных. Те полукругом расселись по залу, не издавая шума. На какое-то мгновение я позабыла, кто такие пауны, но те быстро напомнили о себе.

— Все, что угодно, — в сердцах пообещала я и осеклась. Слова в мире Талла имели особенную силу. Раз дав обещание, ты уже не сможешь от него отказаться.

Царь улыбнулся, вновь заключая меня в объятия, и жарко зашептал на ухо:

— Я и моя свита хотели бы присутствовать на столь важном событии, как свадьба Его Мрачнейшего Величества.

Я пересеклась взглядом с Айденом из-за плеча Царя. Тот с равнодушным выражением лица пожал плечами. Рискнуть? Я не знала, как отреагирует мой потенциальный жених на появление во дворце, или где он там живет, колонии паунов. И не хотела расстраивать Шмайера сообщением, что свадьба не состоится. Я колебалась, в попытке верно сформулировать отказ так, чтобы он не звучал категорично. Шмайер был давним знакомцем дедушки, и он обладал властью отпустить с нами Шарттиар и Руца. Откажи я, и он передумает.

— Как только я смогу обсудить данный вопрос со своим супругом, я тут же дам вам знать, — лаконично обронила я, не давая четкого ответа «да» или «нет». Но Шмайер приобрел такой восхищенный вид, что мне стало стыдно. Еще одно страстное объятие, от которого хрустнули ребра, и Царь, наконец, выпустил меня из своих рук.

— Когда мы сможем увидеть наших друзей? — Советник ни на минуту не забывал о миссии, которая привела нас в мрачные подземелья паунов. Сколько времени уже прошло? Может, Шарттиар уже не вернется, так и останется в образе Зверя? Столько вопросов и ни одного ответа. Дыхание сперло, когда я услышала ответ Шмайера:

— Прямо сейчас. Но есть одна проблемка...

— Какая?! — подал голос Виллан, бросаясь вперед. Мне показалось, что он схватит Царя за плечи и хорошенько встряхнет, но нет. Он встал рядом, жадно заглядывая в глаза Шмайеру. Тот смутился, отворачиваясь.

— Вы можете забрать зверушку. Но она не хочет уходить.

По словам Шмайера, лично провожающего нас в самые дальние катакомбы, Шарттиар в образе Зверя пришла к ним сама. Как она протиснулась в столь узкий лаз, да еще и не встретила пограничный патруль паунов, оставалось загадкой, ответ на которую вряд ли кто даст. В общем и целом, Шарттиар выбралась из тоннелей, вся в пыли и паутине, легла на пол посреди тронного зала и отказалась уходить.

— Можете поверить, — доверительно поведал Шмайер, заворачивая в очередной закуток и ведя нас все глубже, в самое сердце гнезда, — мы очень пытались ее выпроводить.

Грозных паунов, пришедших, чтобы проводить ее на поверхность, Шарттиар воспринимала как друзей по играм. От подобного отношения пауны терялись и как можно быстрее скрывались в лабиринтах гнезда. Мощные лапы Зверя могли покалечить, не спас бы и хитиновый панцирь. Устав бороться, пауны во главе с Царем, проводили Зверя в дальние тоннели и постарались забыть, как страшный сон. Сам, мол, уйдет, когда проголодается. К сожалению, они не знали, что магические проекции не испытывают никаких потребностей. Шарттиар могла оставаться в гостях вечно.

А затем пришел Руц. Из объяснений я не поняла, как именно он догадался, что Шарттиар скрывается в паунском гнезде и почему не сообщил нам, но факт остается фактом: он тоже спустился в тоннели. Ему повезло меньше, и патруль застиг его в самом начале, когда рыцарь задел сигнальные нити. Состоялась аудиенция у Царя, где Руц высказал неуважение «самым гадким образом». Выяснить, что же он такого сделал, у меня тоже не получилось. Шмайер на все вопросы только краснел и отворачивался.

Руца взяли под стражу, где он и находился до сих пор. История, конечно, захватывающая, но я хотела поскорее выбраться наружу. Шмайер, получивший неплохой подарок взамен пленника (одна штука) и незваного гостя (одна штука), желал от нас поскорее избавиться.

Остановившись в пещере, из которой вело два коридора, Царь боязливо махнул рукой:

— Зверь там. В темницу — в эту сторону.

Рыцари замешкались, не зная, что делать. Разделиться? Из коридора, который вел в паунскую тюрьму, раздался чужой крик, усиленный эхом. Кричал Руц.

— Я пойду к Шарттиар, — сказала я, тревожно заглядывая в тоннель. Вдалеке угадывался силуэт Зверя, лежащего на земле и повернувшего морду в нашу сторону. Она зовет меня, что-то екнуло в груди, и я не могла сопротивляться. Будто в трансе я отстранила Айдена, пытавшегося встать на пути.

— Идите к Руцу, — язык мне не подчинялся, вся моя сущность сосредоточилась на одном — добраться до Зверя, до Шарттиар, которая страдает. Я не питала иллюзий — вылечить чужие душевные раны было выше моих сил. Но кто может лучше понять женщину кроме другой женщины?

И я шагнула в темноту.

Часть первая. Глава 24. И снова в путь!

При моем появлении Зверь оторвал морду от земли и повернулся в мою сторону. Я уже и забыла, как он огромен. Глядя на лапы, каждая из которых была размером с половину меня, возникал вопрос, как же Шарттиар, точнее ее проекция, смогла забраться так далеко в катакомбы паунов.

В темноте блеснули зеленые глаза с вертикальным зрачком, как у кошки. Моя фигура, возникшая в тоннеле, заинтересовала Зверя. Он принялся, шумно втягивая воздух, а затем чихнул, закрывая нос лапой.

От меня пахло глиной и паутиной. Не самый приятный запах, соглашусь.

— Привет, — осторожно двигаясь вперед, произнесла я. Зверь двигал ушами, с искоркой в глазах наблюдая за тем, как я приближаюсь. Он не рычал, угрожая напасть, просто смотрел.

Конечно, мне было страшно, ведь Зверь, играючи, мог переломить мне хребет одной лапой, даже не заметив. С другой стороны, что-то внутри твердило, что Шарттиар ждала именно меня. Не Айдена, не Виллана и не Руца. В глубине изумрудных глаз царил печаль. Та самая, от которой Зверь заходил в плаче, шедшем из-под земли.

До волка оставалась пара шагов, когда я опустилась на землю, складывая по-турецки ноги. Зверь потянулся ко мне, ткнулся шершавым влажным носом в грудь. Меня окутал запах: терпкий аромат шерсти, которая лезла в рот и нос. Я подняла руку, аккуратно погладив Зверя между ушами.

— Пойдем домой, — тихий шепот достиг чуткого слуха Зверя, и он откликнулся полуворчанием-полурыком. «Я останусь здесь» — вот, что он говорил. Шарттиар было больно, и Зверь спасал ее от страданий. Но почему?

Я заглянула в глаза, которые светились в темноте, пытаюсь понять. Из меня был ничемный психолог, я не могла помочь Зверю выговориться, но нежность и ласка могли. Зверь заскулил, забил хвостом, поднимая облако пыли. Грязь застревала в белоснежной шерсти, и волк становился пепельно-серым.

— Подожди, я сейчас, — чуть сдвинувшись, я запустила руку в карман. Предмет выскальзывал из ладони, обжигая кожу холодом. Но мне удалось выудить его на свет.

Очки. Простые очки в металлической оправе, которые остались валяться на земле, когда Шарттиар сформировала проекцию. Они приятно холодили ладонь, стекла поблескивали, отражая свет, сочащийся из глаз Зверя.

— Я не знаю, почему ты пытаешься спрятаться. Каждый из нас чего-то боится, но сила и состоит в том, чтобы взглянуть в лицо собственным страхам. И убедиться, насколько они ничтожны.

Зверь внимал моим словам, дергая треугольными ушами. Мой голос его успокаивал, умиротворял. На коленях, куда он положил морду, скопилась порядочная лужа слюней, но я даже не замечала этого. Я хотела вернуть Шарттиар назад. Мне была нужна моя Наставница.

Повинуясь порыву, я обняла Зверя. Сомкнула руки на шерсти, зарываясь в нее руками. Откуда у меня такая горечь внутри? Она разъедала меня, сжигала язык, и я всеми силами хотела избавиться от ощущения потери. Зверь вновь подал голос: заскулил, как побитый щенок, и тревожный звук разнесся по тоннелям. Где-то там, в тронном зале, трусливый паучий Царь спрятался за статую, пережидая. Я не винила его: каждый из нас чего-то

боится, просто кто-то боится слишком многого.

Очки с маленькими, круглыми линзами очень смешно смотрелись на Звере, которому они едва-едва налезли на нос. Хихикая и утирая слезы, выступившие в уголках глаз, я поправила дужки, отгоняя от себя чувство, что мы опоздали. За спиной, у входа в коридор, три фигуры тревожно перешептывались. Зверь подозрительно принохивался, недовольный тем, что наше свидание пытаются прервать.

— Видишь их? — шепнула я в ухо, которое мягко щекотало лицо. — Они ждут только тебя.

Видение, нахлынувшее как девятый вал, дезориентировало и лишило мыслей. Я глотала воздух широко раскрытым ртом, пытаюсь прийти в себя.

Теперь я знала, почему страдает Шартиар, почему в зеленых глазах столько печали, но нет ни капли ненависти. Она должна была ненавидеть меня всей душой, но нет. Видимо, Шартиар была выше этого, а потому стыд метко уколол меня раскаленной иглой в сердце.

— Ты любишь его, — прошептала я, заглядывая Зверю, нет, Шартиар, в глаза. Она, и правда любила его. Его Мрачайшее Величество Талл, который столько времени убил на розыск перерождения своей смертной возлюбленной, в упор не замечал ту, чья беззаветная преданность и любовь сопровождали его на протяжении тысячелетий.

Мое появление, даже такое внезапное, разбило Шартиар сердце. Но если я собираюсь отказаться от брака, почему эта рана все еще болит? Я читала ее эмоции на лету: тревога, что яблоко ошибается, безответная любовь, птицей бьющаяся в груди, и страх.

— Прости.

Что еще я могла сказать? Разве что извиниться за собственное существование, которое отравляет жизнь другому человеку. Но разве я виновата? Виновата ли я в том, что пророчество связало меня с тем, кого я никогда не видела, и я должна стать его супругой? Я плохо знала Шартиар, как человека, но было безмерно жаль. Слезы стекали вниз, капая на шерсть.

Зверь отстранился, поднимаясь на лапы. Шерсть, снежно-белая с серыми некрасивыми пятнами, засветилась жемчужным огнем. Он взбирался вверх от лап до макушки, очерчивая контур Зверя прерывистой полосой. И Зверь начал таять. Я пораженно наблюдала, как тают в воздухе пушистые лапы, мощная грудина и треугольные уши с кисточками. Спустя мгновение я осталась в одиночестве. Прогремел стук: очки в простой металлической оправе упали на землю.

— Снова в путь! — пропел Виллан, преисполненный энтузиазма. Он с преувеличенно серьезным видом отряхивался от кусочков паутины и пыли, застрявших в рыжих волосах, и на первый взгляд становился похожим на птичку, которая чистит перышки.

Глоток чистого воздуха после сырости подземелий был сладким и долгожданным. Пауны проводили нашу четверку до последних рубежей и пожелали приятной дороги. Ну, во всяком случае, именно так перевели кляцанье и шипенье Руц с Айденем. Не исключаю, что они пожелали нам впредь держаться подальше от гнезда, но кто знает. Приятной дороги, так приятной дороги.

— У меня только один вопрос, — подумав, сказала я, не обращаясь ни к кому конкретно, — Царь сказал, что Руц и Шартиар сами пришли к ним. Но кто тогда облил меня паунским ядом, когда я мирно дремала на поляне?

Виллан почесал макушку.

— Наверное, кто-то из их патруля выбрался на поверхность. Чтобы проверить, что незваных гостей больше нет. А ты проснулась раньше.

Возможно, но объяснение какое-то неубедительно. Не став докапываться до истины, я спросила:

— Ну, что? Снова в путь? Три испытания и все такое?

Рыцари заулыбались, предвкушая продолжение приключения. Шарттиар, как сказал Айден, будет ждать нас в точке сбора, и я уже предвкушала встречу с Наставницей. Мне столько надо было сказать и спросить! Например, почему она все же вернулась в тело, хотя время вышло? Почему меня преследуют видения, раскрывающие истину? Айден, а теперь и сама Шарттиар...

Столько вопросов, что голова может пойти кругом.

— И когда будет второе испытание? Я уже во вкус вошла! — я потерла ладони, воодушевленная тем, что приключения, поначалу довольно мрачные, становятся куда интереснее, чем я предполагала. Мне начал нравиться мир, действующий по своим собственным, пугающим и таинственным законам. Я восхищалась своими спутниками, даже с упущением, что Айден меня по-прежнему раздражал. Все вокруг было интересным и захватывающим. Но радость моя слегка потускнела, когда я вспомнила про свой мир. Мир, где семь с лишним миллиардов людей зависят от меня.

— Никто не знает, когда мир захочет тебя испытать, — лукаво улыбнулся мне Виллан, намекая на какие-то особенные законы. — Первое испытание, не скрою, подстроили мы. Но второе и третье... Мир сам решит, когда следует проверить тебя на прочность.

Я ожидала что-то в таком духе, а потому не сильно удивилась. Пожала плечами и взглянула вперед, где за лесом горело множество огней.

— Тогда — в путь!

Конец первой части.

Часть вторая. Глава 25. Мертвая Голова

Они подкараулили наш отряд у опушки, рядом с городскими воротами. Передряга в подземельях закончилась благополучно, и мы расслабились. Рыцари весело переговаривались, забывая смотреть по сторонам. Я плелась рядом с Айденом, отставая на шаг или два. Голова сообщала плохо, но чувство облегчения, возникшее после спасения Шартуар, давало, наконец, вздохнуть спокойно. Иногда я поднимала глаза, натываясь на профиль Айдена: Советник улыбался очередной шутке Виллана. И легкая, безмятежная улыбка доказывала, что он доволен. Все идет по плану. Мы спасли Шартуар, а теперь идем вперед, во дворец Талла. Возможно, я была не совсем готова к оставшимся испытаниям, да и вопросов было куда больше, чем давали ответов. Однако, я впервые за долгое время ощущала землю под ногами, и знала, что есть те, на кого я смогу опереться в трудное время.

Мы вели себя беспечно, позабыв, что кроме основных испытаний для Невесты, мир будет подкидывать и другие, не менее опасные. Мы вели себя неосторожно, за что и поплатились. Расслабились, перестали оглядываться по сторонам, стоило покинуть подземелья, и мир нам этого не простил.

Десяток фигур, высоких и не отбрасывающих тень, окружил нас на опушке. Они пришли из темноты и обступили наш маленький отряд, как только мы вышли к дороге. Городские ворота, озаренные огнями сотен фонарей на башнях, плавали во мраке, дразня близостью и обещание долгожданного отдыха.

Первым их заметил Руц и издал тихий свист, привлекая внимание рыцарей. Айден вскинул голову, за рукав притягивая меня ближе. Фигуры не колыхались, так и стояли, будто вросли в землю.

— Вас здесь быть не должно, — Руц вышел вперед, приближаясь к одному из встречающих, но тот молчал. Темные капюшоны, плотные и объемные, скрывали черты лица, если у них вообще были лица. — Мы сопровождаем Невесту, вы не имеете права заступать нам путь.

И вновь тишина: их было около двух десятков, цепью вставших на нашем пути. Ветер раздувал балахоны, силился стянуть капюшон хоть с одного из незнакомцев, чтобы помочь нам.

Не дождавшись ответа, Руц обернулся к Айдену.

— Они не пойдут на контакт, — произнес рыцарь, намекая на неизбежное, и обнажил меч. — Мороки будет много. Как здесь вообще оказались иллюзионщики?

Рыцари обнажали мечи синхронно, словно тренировались из года в год. Я затаила дыхание, отступая на пару шагов назад, предоставляя место для маневра. Советник обеспокоенно оглянулся, но я стояла совсем рядом, в паре метров. Оружия мне не дали, но я и не просила. Рыцари смогли бы меня защитить, а вот смогла бы я ворваться в схватку? Вряд ли.

Кто эти люди? Люди ли они вообще? Одна из фигур сделала шаг вперед, вплотную приблизившись к Айдену. Из-под капюшона заструился полусшепот. Я напряженно вслушивалась в незнакомые слова, которые сочились по воздуху от фигуры ко мне, и ужас, капля за каплей, наполнял меня до краев. Он говорил на древнем, давно забытом языке, и я не разобрала ни слова. Но интонация... Он обещал мне смерть, мучительную и долгую. Возможно, даже описал способ, но такие подробности мне были недоступны.

Айден, уставший слушать, поднял меч и без усилия толкнул противника острием в плечо. Металл не встретил сопротивления и с чавкающим звуком вошел до половины в плоть. Я застыла от ужаса, глядя на то, как Советник проворачивает оружие в ране, но незнакомец в плаще даже не шевельнулся. Он едва повернул голову — колыхнулась ткань капюшона, — и меня пробил холодный пот. Чужие взгляд буровил меня сквозь толщу теней, окружающих нос. Он безошибочно обнаружил все мои слабые места.

— Проклятая! Проклятая! — забормотали иллюзионщики, вскидывая ладони и совершая ими загадочные пасы. Со всех сторон ко мне неслись цепи — толстые звенья, дрожащие в воздухе, стелющиеся по земле. Я сжалась в комок, осознавая, что вот-вот металл обовьет ноги, крепко вцепится в руки. Но миг пленения так и не наступил.

— Не бойся их, — с презрительной усмешкой произнес Айден, одним ударом отталкивая от себя главного иллюзионщика, — цепей не существуют. Они реальны, только если ты веришь в их реальность.

И цепи рассыпались прахом. Иллюзионщик, получивший ощутимый пинок от Советника, медленно поднимался на ноги, вытягивая в пространстве свое долговязое, нескладное тело. Суставы его скрипели, хруст раздавался далеко вокруг. На мгновение я задумалась: может ли он быть человеком? Движения фигуры в плаще стали дерганными, неуверенными, он двигался осторожно, словно еще не привык к собственным конечностям. Остальные знакомцы затихли, ожидая развязки. Никто не спешил нападать, а напряжение все росло и росло.

Мечи рыцарей блестели в лунном свете, девственно-чистые, только лезвие оружия Айдена было перемазано мерзкой жижей, похожей на мазут. Она капала с меча, теряясь в траве.

Рана, нанесенная этим мечом, нисколько не тревожила иллюзионщика. Казалось, он и вовсе позабыл, что еще минуту назад холодная сталь оставила дыру размером с мандарин.

— Наивная, — он издал хриплый смешок, настолько нереалистичный, карикатурный, что волосы на затылке у меня встали дыбом. Теперь я точно уверилась, что передо мной стоит не человек. Да, он выглядел как человек, но хламида, скрывавшая его лицо и фигуру, могла скрывать кого угодно! Память подвела: я не смогла вспомнить ни единого персонажа в сказках дедушки, который хоть сколько-нибудь походил на иллюзионщиков. Понятное дело, что они могли именоваться по-другому, но их силы... Нет, я точно слышала и видела их впервые.

— Ты пожалеешь, что явила сюда, — фигура еще раз взмахнула рукавом, извлекая из него... бабочку? Я моргнула, пристальнее вглядываясь в предмет. Но бабочка пошевелилась, затрепетала крыльями, поднимаясь в воздух. Лунный свет упал на крылья, обрисовывая узор в виде мертвой головы.

— Нет! — воскликнул Айден и рванулся вперед, пытаясь перехватить бабочку в полете. Но та пролетела через пальцы, еще секунду покружила возле головы Айдена, будто дразня его, и полетела ко мне. Я, как в замедленной съемке наблюдала, как насекомое, раскинув крылья, переливающиеся фиолетовым и синим, приближается. Вопреки инстинкту самосохранения и собственной воле, я протянула руку, позволив бабочке усесться на запястье. Она мягко спланировала вниз, и опустилась на ладонь, щекоча меня лапками.

Отчаянье буйным цветом распустилось на лицах Айдена и Виллана. Руц, смертельно бледный, опустил меч, глядя на меня пустыми, совершенно пустыми глазами.

— И чего вы так устались? — сварливо спросила я, заморожено любуясь бабочкой.

Жутковатый узор из белого черепа на крыльях ничуть не портил ее красоты, добавляя некую изюминку в образ.

А затем пришла боль.

Когда мне было пять, я вопреки всем предупреждениям бабушки и родителей, сунула пальцы в розетку. Когда мне было четыре, я схлопотала камушком в затылок от дворового хулигана. Когда мне было два, я опрокинула на себя кастрюлю со свежими щами. Но ни одна боль не смогла бы сравниться с той, что я испытала.

Она растеклась по рукам, от запястья до локтя. Она выжигала напалмом все нервные окончания, и мне казалось, что кожа моя плавится, обнажая кости и мясо. Как только я закричала, бабочка вспорхнула и тут же рассыпалась искрами в темном небе. А боль все длилась, и длилась, и длилась...

От крика я сорвала голос, и теперь только могла хрипеть, прижимая к себе руку. На покрасневшем запястье белыми линиями проступил контур Мертвой Головы.

Иллюзионщики бросились в рассыпную, исчезая в тенях. Только один из них, тот, что управлял бабочкой, остался на месте. Он трясся от смеха, запрокидывал голову, и смех звучал устрашающе нелепо, как у злодея в плохой комедии.

Айден сомкнул руки, вызывая сноп света, со всей силы бьющий в небо. Местность на мгновение осветилась, и я смогла бы различить каждую травинку под ногами, если бы не умирала от сковывающей боли, пронизывающей тело от запястья по всем нервным окончаниям.

— За мной, — чужая рука своевольно ухватила меня за плечо, швыряя меня в столб света, и я была слишком слаба, чтобы сопротивляться. Руд и Виллан отходили следом, контролируя, чтобы иллюзионщики не помешали побегу. Но никто не пытался нас задержать. В спину летел леденящий душу хохот, но мы были уже далеко.

Тишина сомкнулась над нами пологом, темнота обступила. Я прижала к груди раненную конечность и обессилено оперлась на плечо Айдена. Меня подташнивало, я словно на яву ощущала запах горящего мяса, но рука была в полном порядке, если бы не ожог. С запястья, распахнув алые глаза и пасть, смотрела Мертвая Голова.

Но отвратительнейший запах паленой плоти перебился свежим, густым ароматом сырой земли и травы. Мы по-прежнему были в лесу.

Городские ворота исчезли, будто бы по волшебству. Хотя почему — будто бы? Так оно и было, магия Айдена спасла нас. От чего только? И почему мы так позорно сбежали, никто из рыцарей даже не подумал дать отпор или наказать нападавших.

— Рикс их раздери, — рявкнул Айден, и я отшатнулась, испугавшись. Рыцарь осматривался и раздувал ноздри. — И тут успели нагадить!

Я подняла глаза на Виллана, который стоял ближе всех. Тот вздохнул и расшифровал для самых непонимающих:

— Мы оказались не там, куда планировал переместить нас Советник.

Я приподняла брови, борясь с очередным приступом тошноты.

Виллан издал еще один тяжкий вздох и пояснил для совсем отстающих:

— Нас сбили с курса. Мы заблудились.

— Нас сбили с курса. Мы заблудились.

Отлично. Просто замечательно. Перед глазами все еще стоял образ городских ворот, до которых было рукой подать, но реальность была куда более жестокой. Мы вновь стояли посреди лесной чащи, без единого ориентира. И лес уже не казался доброжелательным.

— Как мы вообще здесь оказались? — вопрос был изрядно глупым, но не задать его я не смогла. Почему Айден не создал портал раньше? Если такой вид магии, знакомый мне из книг, присутствовал в мире Талла, то почему бы нам сразу не переместиться во дворец, чтобы я смогла завершить миссию и уйти с легким сердцем обратно?

Айдену требовалось ответить, что он и сделал, с неохотой и стиснув зубы:

— Слишком тяжело переноситься на большие расстояния. Дворец гораздо дальше, а город защищен от магического вторжения. Нас бы размазало о щит.

Ладно, объяснение звучало вполне логично, я даже поверила. Но почему бы нам не вернуться назад, подумалось мне, но Виллан ответил раньше, чем я успела открыть рот.

— Магия не бесконечна, Лиззет. Перенос тратит столько энергии, что на ее восстановление требуется время. Иногда процедура может занимать недели.

Голос Виллана звучал мягко и деликатно, и я на миг устыдилась, что рыцарям приходится мне разжевывать каждую мелочь.

— А иллюзионщики сместили ось, — туманно добавил Айден, не внося ясности в сложившуюся ситуацию. Он складывал руками пасы, но магию коротило, здесь Виллан не соврал. Пальцы плевались искрами, которые тут же гасли. Все волшебство, которое могло расцвести в ладонях Советника, умирало еще до собственного рождения. Незримый сосуд магии Айдена исчерпался.

— Мне знакома местность, — внезапно подал голос Руц, который не разменивался на долгие разговоры и пояснения. Пока Айден размышлял, а Виллан давал лекции по мироустройству и азам магической науки, Руц изучал землю под ногами и стену деревьев, окружавших нас с трех сторон. Видимо, он все-таки что-то обнаружил, потому что уверенно зашагал в сторону от единственной тропы, ведущей с поляны в гущу леса.

— Помнишь, когда мы были на охоте в последний раз? — Руц деловито шагал в авангарде, раздвигая руками плотно сомкнутые кусты, и мы за ним едва поспевали, ведь шаги у рыцаря были размашистые, по-военному четкие. — Виллан еще заблудился и вернулся в замок спустя три дня?

Виллан насупился, уязвленный напоминанием о прошлых провалах. Я услышала тихий шепот с его стороны, полный обиды:

— Ничего не заблудился. Всего лишь провалился в ведьмину яму.

Звучало неуверенно, наверняка, действительно заблудился, только стеснялся признаться. Я улыбнулась ему ободряюще, вслушиваясь в разговор между остальными рыцарями. Чутье говорило: каждая деталь важна, слушай очень внимательно. Навострив уши, я шагала за Руцем след в след, стараясь не отставать. Рядом шел Айден, и на один его шаг приходилось два-три моих. Есть несомненные плюсы в маленьком росте, но то, что я почти бежала, чтобы поспевать за темпом рыцарей, им не было.

— Конечно, помню, — Айден усмехнулся, но никак не прокомментировал. Виллан шумно выдохнул через нос, радуясь, что разговор свернул в другую сторону, и товарищи не

станут обмениваться воспоминаниями не о самом радужном дне (или трех днях), его жизни.

Руц сосредоточенно продирался через заросли, продолжая говорить:

— Мы были здесь, когда гнались за стаей кордигов. Шустрые, твари. Здесь недалеко Костяная застава.

Айден посветлел лицом, даже улыбнулся, а быть может, это тень мелькнула по красивому лицу:

— Тогда, идем вперед. Лошадей добудем на Костянке, а потом вернемся в город.

Пускай я не поняла ни слова из их разговора, было ясно одно: нам предстоит идти. «Недалеко» по меркам рыцарей было весьма расплывчатое понятие. Возможно, нам предстояло три дня плутать по лесу, прежде чем мы доберемся до места назначения. Рыцари были все так же полны сил, тогда как я едва волочила ноги по влажной земле. Я была готова даже упасть лицом в пожухлую листву, прямо пахнущую, мягкую, и забыться мертвым сном. Даже Талл, повелитель сновидений, не смог бы пробудить меня.

Рука, скрытая от чужих сочувственных глаз, ныла. Мертвая Голова пылала на коже, я чувствовала пульсацию крови в месте ожога. Боль то усиливалась, то сходила на «нет», и от непостоянности ощущений я сходила с ума. Уж лучше бы болело постоянно, а не урывками, даруя моменты ложного облегчения.

— Что со мной сделали иллюзионщики?

Опасения, что меня отравили, никуда не делись. Мысль о яде пришла почти сразу же после укуса бабочки. На какое-то мгновение я уверилась, что жить мне осталось минут двадцать от силы, но время шло, и я все еще стояла на ногах, но страх никуда не ушел.

— Пометили, — коротко откликнулся Айден, оборачиваясь через плечо. Брови сведены, глаза темные, как вода перед штормом. Он тоже переживает, поняла я, и не стала больше спрашивать. Будь что-то серьезное, врать бы мне не стали. А значит — волноваться не о чем. Пока.

Какое-то время шли в молчании, погружившись в собственные мысли. Я прокручивала в голове встречу с иллюзионщиками и разговор с Аорой раз за разом, выискивая тайные смыслы. Почему иллюзионщики назвали меня проклятой? Аора назвала Талла лжецом, разговаривала с Айденом дерзко, словно знала что-то, что Советник хотел бы скрыть.

Дождь, ледяной и колкий, хлынул с неба внезапно, не сопровождаясь ни громом, ни молнией. Дождевой поток падал с неба, не прекращаясь и не ослабевая, и вымочил нас до нитки. Прячется под деревьями было бесполезно, потому что капли юрко просачивались через ветви, и больно жалили сквозь одежду, как злые осы.

Шум стоял такой, что закладывало уши. Сбившись в кучу под раскидистым деревом, мы пережидали ливень. Будучи зажатой между Айденом и Руцем, я считала про себя — старый способ успокоиться. Пятьсот тридцать семь, пятьсот тридцать восемь...

Дождь закончился также внезапно, как и начался. Дождевые капли, не успевшие коснуться земли, на мгновение зависли в воздухе, а затем рванули вверх, будто опаздывали на важное собрание.

Повисла блаженная тишина, которую нарушал только перелив ручья, бегущего вниз, в долину. Одежду можно было выжимать, но даже это вряд ли бы помогло. Рыцарям было куда проще — вода скользила по нагрудникам, стекая вниз, а рукава рубах едва вымокли ю Айдену, который сменил костюм, едва мы оказались в мире Талла, пришлось куда хуже. Его строгий китель промок, отяжелел, а длинные волосы, напитавшись влагой, вились и прилипали к лицу. Шнурок, стягивающий пряди в узел на затылке, лопнул с вызывающе

громким звуком, и волосы укрыли плечи Советника. На них подрагивали капли дождя, еще не успевшие впитаться. Подождав пару мгновений, Айден подал знак продолжать путь.

Гулкий звук барабанов нагнал наш маленький отряд спустя полчаса. Он то преследовал нас по лесу, то вновь убегал, испугавшись нашего приближений. Вдалеке, за рощей, плясало пламя — можно было различить оранжевые и красные всполохи, взметающиеся ввысь и отражающиеся в глянцевой листве.

Айден остановился, разглядывая рощу, через которую нам предстояло пройти. Деревья плотно прилегали друг к другу, сплетались ветками и корнями, создавая преграду для путников. Сомневаюсь, что лесная чаща — излюбленное место досуга мимо проходящих, однако пламя костра, уютно шелкающее совсем рядом, манило меня. Я была готова на все, лишь бы отдохнуть и немного поспать.

Я аккуратно прижимала к себе руку, стараясь не тревожить ее по мелочам; кистью шевелить было все труднее, в мышцах поселилась жгучая боль, которая проявлялась при малейшем напряжении. Запас терпения, весьма ограниченный, подходил к концу.

— Мы идем? — спросила я, баюкая руку. Головокружение становилось все сильнее, словно меня прокатали на карусели кругов двадцать, и теперь я изо всех сил сражалась со слабостью, которая превратила мои колени в желе.

Между рыцарями шел молчаливый разговор: Айден хмурился, скрестив руки на груди, пока Виллан и Руц обменивались тревожными взглядами, иногда адресуя их капитану.

— Не уверен, что нам надо туда идти, — ответил, наконец, Айден, но напустил в голос столько тумана, что хватило бы на тридцать два таких ответа.

Я передернула плечами, давая понять, что расплывчивые ответы для слабаков, а я хотела только правды и ничего кроме нее.

Руц шевельнулся, отливая от дерева:

— Пойти туда будет равносильно тому, чтобы лечь под гильотину и надеяться, что тебя не зацепит.

— Что ты имеешь ввиду? — я затаила дыхание, ожидая ответ. И дождалась.

— Там нас ждет До-Ка-Ри. Пожирательница духов.

Часть вторая. Глава 27. Пожирательница Духов

Слова Айдена меня не испугали. Я уже встречалась лицом к лицу с госпожой Смертью побывала в логове гигантских паукообразных, что еще меня могло испугать? Но тревожный взгляд Виллана, почему-то, заставил меня восторгнуться.

— Должна ли я знать что, прежде чем встретиться с ней? — я решила взять за правило уточнять подробности каждый раз, стоило нам оказаться в шаге от очередной авантюры. Весьма разумный подход: расхлебывать кашу, которую я заваривала из раза в раз, приходилось рыцарям. Стоило проявить уважение.

Айден отвел волосы от лица и крепко задумался. По выражению лица Советника читалось издали, что он подбирает слова. Чтобы не испугать меня? Или для чего? Наконец, слова нашлись, и Айден изрек с тяжким вздохом краткую характеристику До-Ка-Ри:

— Настырная. Прилипчивая. Жадная. Хитрая.

Я хмыкнула. Всего четыре прилагательных, а картина уже сложилась — восторг. Те качества, которые в людях меня доводили до белого каления, собрались в одной персоне и помножились на сто. Последний вывод я сделала из того, с какой силой закатил глаза Виллан, передразнивая скорбное лицо Советника из-за плеча. С другой стороны, никто же под дулом пистолета не заставляет меня с ней общаться, верно? Погреюсь у костра, выплюсь, а потом мы распрощаемся.

Размышляя таким образом, я приняла решение, и назад пути не было. И в рощу я шагнула первой, заражая остальных храбростью. Им пришлось даже догонять меня, ведь я припустила вперед, к костру, так быстро, что в миг скрылась за деревьями. И совершила громадную ошибку.

Тихие, шепчущие голоса были похожи на шорох травы под ногами. Я торопливо перешагивала через ветки и поваленные деревья, стремясь как можно быстрее добраться до стоянки До-Ка-Ри, что совсем не обратила внимания, что осталась в темном лесу в одиночестве. Кроны сомкнулись, скрывая от меня темно-синее, с рыжими подпалинами, небо. Стволы деревьев, увитые фиолетовым плющом, обступили, заслоняя путь назад. Тишина поглотила все звуки.

А затем бесплотный, но очень назойливый голос шепнул прямо в ухо: «Проклятая невеста!»

Я вздрогнула, оборачиваясь. Но вокруг на десяток метров не было ни души. Рыцари, которые помчались в рощу за мной и отставали буквально на пару шагов, пропали. Я сглотнула. Страх пока не было, ведь я всегда могла побежать вперед, по незаметной тропинке, петляющей между деревьев, и достигнуть костра.

Голос становился все настойчивее — тембр повышался, к нему прибавлялись еще голоса, и вот целый сонм уже лился в уши, заслоняя все остальные звуки. Я начинала различать и узнавать людей, которые орали: дедушка, Вилф Красноглазый, Иллюзионщик, Айора.

«Бесполезная! — ярился дедушка, разозленный известием о разбитом яблоке.

«Ты мне должна!» — кричал Вилф, заходясь в издевательском хохоте.

«Проклятая! Проклятая!» — твердил Иллюзионщик в приступе ненависти.

«Лжец! Твой жених — лжец!» — поминала томным шепотом Аора.

От какофонии я сходила с ума, прибавляя шаг и на ходу затыкая уши ладонями. Но это не помогало: отрезая от себя шорох травы под ногами, скрип деревьев и потрескивание костра за ними, я лишь заставляя голоса звучать громче.

От прикосновения к плечу я подпрыгнула, отмахиваясь. В ответ на звонкую пощечину Айден промолчал, только сузил глаза. Я, наконец, смогла выдохнуть. От паники я потеряла ориентацию в пространстве, и бежала куда-то в сторону. Костер, бликующий оранжевым и красным, остался по правую руку, и только появление Айдена, а после и запыхавшихся Виллана и Руца, остановило меня от потери в лесу.

Голоса стихли. Их спугнули рыцари, и я была благодарна до слез. Когда кто-то лезет тебе в голову, не долго и с ума сойти. Наверное, именно этого и добивались голоса, и только Айден смог нарушить их коварные планы.

— Где она, там и мстительные духи. Не слушай их, иначе они сожрут твою душу, — серьезно сказал Советник, уводя меня в верном направлении. Мы вернулись на тропу и теперь были в нескольких шагах от костра. Даже здесь, за деревьями, я ощущала благословенное тепло, обещающее отдых.

— Кто — она? — я подняла глаза на Айдена, покачиваясь из стороны в сторону от усталости. От пережитого стресса я совсем забыла про До-Ка-Ри, но Айден — нет. Он отвел в сторону раскидистую ветку хвойного дерева, и в глаза хлынул уютный свет костра, разбитого на поляне.

У пламени, извиваясь в такт музыке, которую она сама же извлекала из маленького, обшитого колокольчиками бубна, танцевала девушка. Десяток разноцветных юбок, повинаясь ее резким поворотам вокруг своей оси, раскрывались в красочный бутон. К кожаному поясу был пришит десяток-другой пушистых хвостов, явно снятых с нерасторопной лисы или волка. Мелодия, сочившаяся из рук девицы, томила и будоражила кровь.

Нас она словно не замечала, даже когда мы перестали скрываться в зарослях. Барабанная дробь неслась из неоткуда, и До-Ка-Ри подпрыгивала, попадая в такт. Из мешочка на поясе она зачерпывала цветной порошок и рассыпала вокруг себя. Порошок искрился в свете костра, а затем таял, оставляя после себя едкий запах полыни. Сильный ветер, налетевший из неоткуда, задувал верхние юбки к голове девушки, и трепал волосы, такие рыжие, что в полутьме казались алыми.

— Она. Пожирательница.

Мелодия трагически оборвалась, а девица обернулась.

Я вздрогнула. Девица у дедушкиного магазина. Та, что с вихрем неоновго-голубого цвета вместо сердца в отражении... Это была она. Конечно, внешность изменилась, но определенно, это была она!

До-Ка-Ри свернула глазами и подбоченилась, наконец, обратив на нас внимание. Лицо, до того момента одухотворенное и возвышенное, стало неприятным. Она обладала вполне милovidными чертами, но выражение глаз портило впечатление. Она казалась заносчивой и сварливой. И от своих ощущений я избавиться не могла. Одно я знала того — подружиться не удастся.

— Я же просила, хватит звать меня мерзкой кличкой. Ты же знаешь, что я Повелительница Духов.

Мне показалось, или в голосе я услышала нотки заигрывания? Пока я размышляла над услышанным, До-Ка-Ри перевела взгляд на меня. И поклонилась.

В моем мире она лишь порывисто поклонилась и сбежала, пока я осознавала, что произошло. Не помню, о чем я думала, скорее всего, что мне попалась на пути очередная городская сумасшедшая. Но теперь я знала куда больше. И До-Ка-Ри — тоже.

Она медленно подалась вперед, едва-едва склоняя спину и не сводя с меня тяжелого, почти угрожающего взгляда. Надеялась на испуг? Напрасно.

Не получив от меня желаемого результата, До-Ка-Ри обратил внимание на Виллана, и выражение ее лица смягчилось:

— Братец, давно о тебе ничего не слышала. С тех пор, как ты поступил на службу к Его Мрачнейшему Величеству, ты все реже бываешь дома!

Виллан старательно прятал глаза, пока До-Ка-Ри читала ему нотации, пускай и примирительным тоном, но последнее замечание вывело его из себя. Волосы на рыжем затылке встали дыбом, как у разозленного кота:

— Я не поддерживаю связь с предателями.

Сжав губы в узкую полоску, Виллан вновь исчез в лесу. Остальные молчали, глядя ему в спину, а спустя минуту из чащи раздался глухой звук, будто кто-то очень злой пнул дерево, пытаясь выместить гнев. От увиденного, мне стало неловко. Так всегда бывает, когда наблюдаешь сцену, которую тебе не стоило видеть.

— Куда вы идете? — любопытствовала До-Ка-Ри, едва обстановка стала менее напряженной.

— У нас была неприятная встреча с иллюзинщиками. Теперь мы идем к Костяной заставе, — Айден был не в восторге от того, что приходилось делиться информацией. У этих двоих за спиной было какое-то общее прошлое, которое проскальзывало в интонациях и мимике, и я умирала от любопытства, но вопросы благоразумно держала при себе.

— И мне туда же! — воодушевилась Пожирательница, едва ли не подпрыгивая от захлестывающего ее энтузиазма. Она удобно расположилась на поваленном дереве, щедро предоставляя остальным возможность усесться на холодной земле. Столь благородный поступок не мог укрыться от зоркого ока Айдена, а потому он скинул китель, оставаясь в одной рубашке, и накрыл им пригорок:

— Садись, Лиззет. Дай осмотреть рану.

Под пронизывающим взглядом До-Ка-Ри я уселась на землю, протягивая Айдену руку, которую тот бережно принял, отводя в сторону рукав. Откуда столько ненависти, недоумевала я, чувствуя, как До-Ка-Ри сверлит мой затылок взглядом, дрожащим от бешенства:

— По лечебным травам у нас Шартгар, — словно извиняясь, произнес Айден, касаясь ожога прохладными пальцами. Я прикрыла глаза, ощущая, как горящая кожа успокаивается, и боль утихает.

— Магия тоже не сработает, пока обойдемся тем, что под рукой.

Ткань с хрустом лопнула, и я приоткрыла один глаз. Советник уже оборачивал ожог полосой ткани, которую оторвал от своей рубашки, и шептал что-то, прикрыв глаза. Длинные ресницы дрожали, отбрасывая на щеки мерцающие тени. Черные волосы, которые он так и не убрал, обрамляли лицо, отчего шрам на переносице выделился четче.

— Вот теперь все, — Айден отстранился, подарив мне короткую улыбку. Я кивнула, отнимая руку назад. Боль утихла, а об остальном можно было позаботиться потом. Даже о том, что До-Ка-Ри с ненавистью прошептала мне в спину:

— Чтоб ты сдохла, проклятая невеста.

Часть вторая. Глава 28. Ложь и тайны

Что ни говори, а Пожирательница, ну, или Повелительница Духов устроилась на поляне со всем комфортом. На безопасном расстоянии от костра она разбила палатку, вместительную и просторную. Где-то там же валялся устрашающих размеров походный мешок из плотного материала. Наверняка, припасы или скарб для путешествий. Девушка пригласила нас присоединиться, присесть к огню. Даже поделилась едой — мне достался увесистый оковалок вяленого мяса таинственного происхождения, но и на том спасибо. Я отщипнула себе кусочек поменьше, передав еду дальше, Руцу.

Пока я жевала, пытаюсь понять, нравится ли мне вкус, До-Ка-Ри щебетала. Ее звонкий голос и залиvistый смех блуждали по лесу, привлекая незваных гостей. Никто из них еще не показался из чащи, но светящиеся глаза мерцали за кустами, напоминая о том, что самое безопасное место — у костра.

— Забрела недавно в гости к Синему хитрецу, — До-Ка-Ри улыбалась во весь рот, вдохновленная приключениями, которыми ей нетерпелось поделиться.

— Как поживает старик? — Айден даже не повернулся в ее сторону. Он рассматривал руки в неверном свете огня, будто никогда не видел ничего интереснее.

— Прекрасно. Весь в делах и заботах. Много чего интересного поведал.

Голос До-Ка-Ри вильнул, лукаво завибрировал. Она явно намекала на что-то, донося до Советника только отголоски правды. Но Айден остался безразличным к ее намекам. Он только приподнял голову, кидая на меня озабоченный взгляд. Я поняла все без слов, мотнув головой. Боль исчезла, сменившись покалыванием, как будто кто-то очень жестокий впивался россыпью раскаленных игл в кожу. До-Ка-Ри еще что-то говорила, и Айден перебрасывался с ней колкими фразами и полунамёками с жирным подтекстом общего прошлого.

Языки пламени облизывали основание шеста Пожирательницы, но дерево даже не потемнело. Я придвинулась ближе к огню, всматриваясь пристальнее. Сухой жар с запахом хвои, был настоящим, но вокруг пламени не было марева, в котором обычно дрожит и расплывается картинка по ту сторону костра. Пламя, понимая, что его раскусили, посветлело, выгорело, и теперь было полупрозрачным.

— Магия? — шепнула я, подталкивая Руца локтем. Рыцарь отвлекся от еды и несколько минут, щурясь, созерцал костер. Grimаса отвращения промелькнула на его лице, сменившись нейтральной маской равнодушия:

— Можно и так сказать.

Расплывчатый ответ, но мне было достаточно. До-Ка-Ри следила за мной исподтишка, продолжая неспешно беседовать с Айденом и игнорируя напряжение, проступившее после ухода Виллана. Она ненавидела меня и не собиралась скрывать чувства. Только присутствие Советника, я полагаю, сдерживало ее порывы расквитаться. Но за что?

Иногда в пламени виднелись смутные очертания лиц, фигур животных и людей, но они силуэты быстро таяли, превращаясь в жидкий дым. Иллюзия? Волшебство? Все в мире Талла было пронизано магией, и даже если ты не замечаешь этого, суть не меняется.

Трапеза затягивалась. Мясо, оказавшееся пряным и сытным, утолило мучительный голод, и теперь меня клонило в сон. Засыпать на мокрой и холодной земле, — удовольствие ниже среднего, а потому, я невольно привалилась к Руцу, едва разлепляя глаза. Искры и

языки пламени сплетались друг с другом, организовывали для меня целое представление, которое все дальше уносило меня в царство сна.

Заметив, что я задремала, Руц махнул Айдену, и тот мигом подставил свое плечо, позволив Руцу подняться на ноги. Я сонно заморгала, разбуженная чужими движениями рядом, и успела заметить, как Руц, стряхнув с колен крошки, отсалютовал Айдену.

— Я останусь в карауле, — рыцарь поспешил скрыться в кустах, окружавших поляну. Периметр охранялся Вилланом, и я в нем не сомневалась. Теперь и Руц встал в караул, чтобы дать нам немного времени на отдых. Самоотверженность рыцарей Талла стала для меня знаком чужого мужества и отваги. Они ведь тоже устали, подумала я, провожая Руца глазами.

Плечо Айдена было невероятно удобным, но усталость делала свое дело — я могла бы прилечь на земле, укрывшись собственным плащом, который до сих пор был измазан в глине и яде паунов, и тоже отлично бы выспалась. Прикрыв глаза, я постаралась уснуть, но шепот До-Ка-Ри, как змеиное шипение, вплеталось в сон.

— Какой ты добренький, Айден, — До-Ка-Ри засмеялась, и от ее визгливого смеха волосы могли встать дыбом. — Неужели, все дело в девчонке?

— Заткнись.

Но Пожирательница Духов и не думала молчать. Слова она выплевывала, как кислоту, стараясь ужалить как можно больнее. Каждая реплика была прямо в цель. Считая, что я уже сплю, она не постеснялась и прошлась по моей внешности и моей бесполезности. В словах До-Ка-Ри сквозила обида, что-то личное, будто я ее давненько обидела и дала повод расквитаться вот так, устно, в лицо другому человеку.

— Мне надоело.

Айден слушал Пожирательницу молча, но и его терпение было не бесконечно. Девушка только ярилась, и пару раз ее занесло на поворотах. Стоило Айдену подать голос, как она осеклась, растерянно хлопая ресницами.

— Лиззет будет спать в твоей палатке.

Возразить До-Ка-Ри не успела, Айден подхватил меня на руки, заноса в палатку. Сквозь прикрытые веки я могла различить пряди волос, нависающие надо мной и щекочущие шею и лицо, и шрам. Шрам отчетливо белел в окружающей темноте, почти светился. Каким оружием нанесена эта рана? Что ты скрываешь в своем прошлом, Айден?

Уложив меня на постель, Айден задержался на секунду. Приоткрыв один глаз, я смогла уловить, с каким раздражением и мрачной решимостью Советник смотрит на выход из палатки. Через ткань виднелся силуэт До-Ка-Ри, которая снова ворошила угли. Тяжко вздохнув, Айден вышел. Нехорошее предчувствие тронуло когтистой лапкой сердце в груди, и стало тяжело дышать.

Из палатки голоса были не так слышны, если не считать всплесков звука, когда кто-то из собеседников забывался и начинал вещать на повышенных тонах. Слов разобрать было невозможно, а монотонное бормотание рядом убаюкивало. Я то и дело проваливалась в дрему, а затем резко выныривала, приподнимаясь на кровати и вглядываясь в силуэты, дрожащие на ткани палатки. Айден и До-Ка-Ри сидели рядышком, склонившись головами друг к другу. Тонкая рука девушки по-хозяйски зарылась в черные волосы, перебирая пальцами шелковистые пряди. Прикосновения, слишком интимные, не могли принадлежать просто знакомым; а вот давним любовникам — вполне. Я замерла, чувствуя, как в груди

гулко стучит сердце.

Какие отношения связывали этих двоих? Вопрос оставался без ответа, и я уже начинала сомневаться, что мне он интересен. Проснувшись в очередной раз, я осмотрелась. Палатка была совсем крошечной, но высокой — купол уходил вверх и терялся в темноте. Рядом с постелью валялся разворошенный рюкзак. Нехорошо было ковыряться в чужих вещах, но любопытство пересилило. Ничего примечательного, однако, обнаружить не удалось: аляповатые тряпки и книги вперемешку, и массивная дубинка в локоть длиной. Я прикоснулась к деревянной, чуть шершавой поверхности дубинки, и тут же отдернула руку: между пальцами мелькнуло колкая искра статического электричества. Я отодвинулась, от греха подальше.

Успокоившись, я вновь легла, поудобнее устраиваясь на жесткой колючей подушке. Легла, чтобы через четверть часа снова подскочить. Предчувствие беды не давало мне окончательно заснуть, мучительно скреблось в груди, и я не знала, с чем оно было связано. Ну, не с Айденом же, правда?

Тихое шипение, как от боли, разорвало тишину. Я подскочила на кровати, протирая глаза. Передо мной дергались и прыгали тени, сплетаясь между собой и превращаясь в чудовище. Происходит что-то не то! Когда я поняла, что, все-таки, случилось, я похолодела. Зашарив руками рядом с собой в инстинктивном жесте, я вновь нашарила дубинку. Раздумывать времени не было, я схватила ее и прокралась к выходу из палатки.

Откинув полог, я замерла. Я ожидала чего угодно: До-Ка-Ри, которая могла бы отравить Айдена; рыцарей, сражающихся с монстрами из чащобы. Чего угодно...

Айден сжимал пальцы на горле До-Ка-Ри, и девчонка дергалась смертельных объятиях как рыбка на крючке. Ногами она едва доставала до земли, болтала ими в воздухе, надеясь найти опору, вырваться из рук Советника. Она задыхалась — я видела, как она разевала рот в бесполезной попытке глотнуть воздуха. Шипение, которое доносилось до меня, было звуком ее медленной, мучительной смерти.

Но Айден... он испугал меня куда сильнее. По красивому лицу бродили багровые блики от пламени затухающего костра, вырисовывая ужасающую маску. Он с вежливым любопытством наблюдал, как дергается До-Ка-Ри в предсмертной конвульсии в его руках, и только сильнее сжимал пальцы, оставляя на нежной коже фиолетовые кляксы.

— Что ты здесь забыла, тварь? — тихий, ласковый шепот коснулся меня, и я содрогнулась. Айден обращался не ко мне, меня надежно укрывала густая тень. Он разговаривал с До-Ка-Ри, чье лицо начинало синеть. Разговаривал так нежно, как воркуют с возлюбленной глубокой ночью. Романтика и страсть в одном флаконе. Все бы хорошо, вот только... он ее убивал.

— Наконец-то! — захрипела До-Ка-Ри, забившись в руках Айдена в последней вспышке отчаянного сопротивления. — Ты показал свое... истинное лицо!

Она ликовала, скаля зубы, пускай и задыхалась, хрипела от удушья.

Можно долго рассуждать о том, достоин ли каждый собственной судьбы, стоит ли вмешиваться в чужие дела, но в тот момент я боялась только одного — увидеть, как Айден хладнокровно прикончит свою подругу. Да, До-Ка-Ри меня ненавидела, и может быть, я даже заслужила подобное отношение. Да, она была не самым приятным персонажем, встретившимся мне на пути. Но кто сказал, что она заслужила умереть здесь, в глуши? Решение было принято быстро, и я не сомневалась в том, что оно единственно правильное.

— Что здесь происходит?! — голос дрогнул, когда я шагнула из тени, сжимая в руке

дубинку. Опасения, что Айден сначала прикончит До-Ка-Ри, а затем возьмется за меня как за свидетеля, пришло слишком поздно. Но затем на смену страха пришло ожесточение — пускай попробует!

Кадр за кадром, словно в немом кино, я наблюдала, как Айден поворачивает ко мне лицо. Блики слепили из него чудовищную маску демона, и иллюзия не собиралась исчезать. До-Ка-Ри схватилась за руки, пытаясь разжать пальцы, вдохнуть немного кислорода. Но увидев свое оружие в чужих руках, она моргнула и просипела:

— Тебе не больно?

Айден застыл, разжимая руку. До-Ка-Ри кулем упала на землю, ошарашено хватаясь за горло, не веря, что спасена. Она шустро отползла в сторону, а пушистые хвосты волочились за ней по земле. Айден же устало опустился на землю, зарываясь руками в волосы. Он представлял собой образец полнейшего отчаяния и усталости. Но так просто меня не провести. По блеску глаз, по упрямо сомкнутым губам, я поняла — он злится. Злится, что его остановили на полпути и дали закончить начатое. «Ты будешь жалеть, что остановила меня» — читалось в ледяных синих глазах, и не могла ручаться, что он заблуждался.

— Она смогла взять ее в руки, — бормотала Пожирательница себе под нос, с потрясенным видом созерцая дубинку в моих руках. Я бы не ждала от нее чего-то здорового, ведь она была на волосок от гибели. Подняла дубинку вверх: у рукояти умелый мастер вырезал два драгоценных камня, и теперь они светились в темноте, напоминая совиные глаза в ночной чаше.

— Что здесь происходит? — терпение подходило к концу. Я была готова огреть по голове Айдена разок-другой, лишь бы он не сидел с таким таинственным видом оскорбленного в своих лучших побуждениях самаритянина.

— А ты как думаешь? — До-Ка-Ри пришла в себя и даже нашла силы, чтобы выдавить издевательскую улыбку. Синеватый цвет лица выцветал, на щеках даже проступил румянец, но руки Пожирательницы дрожали. Не только я испытывала страх, пускай некоторые и не собирались признаваться в слабостях.

— Да в ваших отношениях сам черт ногу сломит! Кто здесь кому брат, сват и любовница! — взорвалась я, чувствуя, что снова начинают злиться. На Айдена, на До-Ка-Ри, на весь мир Талла. На все секреты, которые от меня старательно оберегали, и которые весели надо мной безжалостной гильотиной. Лучше я узнаю все здесь, на берегу. Ну, ладно, не на берегу, я слишком далеко зашла, чтобы отречься от происходящего. Лучше я все узнаю до момента, пока события захлестнут меня с головой, и я не смогу сказать «идите лесом».

— Ты что, думала, в сказку попала? — До-Ка-Ри шурилась, глядя на меня через огонь. Голос ее тоже дрожал, но не от страха, а от ненависти. О, как она меня ненавидела! Какие страдания ей причиняла мысль, что именно я спасла ее от лап неминуемой гибели!

— Про вас сочинили достаточно сказок, действительно. Но каламбур смешной вышел, признаю. Говори давай.

Айден издал непонятный звук, поджимая губы. Он намеревался молчать, как бы я не уговаривала, и не угрожал. Из него я бы не выбила ни слова. Но До-Ка-Ри... Пожирательница колебалась, то и дело кидая опасливые взгляды на Советника.

— Он тебя не тронет, — я перехватила дубинку поудобнее, присаживаясь у огня. Моя фигура возвышалась между ними, как водораздел, но вряд ли Айден боялся дубинки. В моих руках даже самое смертоносное оружие превратилось бы в кусок жести или дерева. — Рассказывай.

Глаза До-Ка-Ри блеснули знакомым алым цветом. Она медленно облизала губы и уставилась на меня алчным взглядом:

— Ты уверена, что готова услышать правду?

Часть вторая. Глава 29. Горькая правда — сладкая ложь

— Ты уверена, что готова услышать правду?

До-Ка-Ри буровила меня жадным взглядом, облизывая губы. Было в каждом ее движении что-то звериное, не подчиняющееся людским законам. Дышала она с большим трудом, через силу втягивая воздух и с хрипом выдыхая. Синяки от пальцев Айдена на нежной коже расползлись кляксами чернильного цвета с фиолетовым отливом. Она была полностью сосредоточена на мне: жадно ощупывала взглядом, отыскивая наиболее слабые места, куда сподручнее бить, чтобы нанести максимальный урон. Уголки губ подергивались, словно Пожирательница едва сдерживала ликующую улыбку, но частота мышечных сокращений и их прерывистость больше напоминали нервный тик. Ожидая ответа, девица хихикала, словно знание, доступное только ей, невероятно ее сместило. Возможно, причиной безудержного веселья была я — невежественная и наивная, как ребенок, смотрящая на ситуацию только со своей, привычной, стороны медали, даже не пытающаяся заглянуть на другую половину. Зона комфорта — мягкая тюрьма: все, что за ее пределами, кажется угрюмым, мрачным и опасным. Но так ли на самом деле?

Когда я была младше, я частенько боялась. Страх был рядом, как верный пес, всегда готовый утешить. Я боялась всего: стаи ворон, облюбовавшей крыльцо дедушкиного магазина; дворовых собак, злобно взирающих на прохожих; полуночного бесцеремонного стука в окно, оборачивающегося поутру союзом ветки и прохладного ночного ветра. Все вокруг нагоняло на меня ужас, от которого тряслись колени и потели ладони. Вылезти из раковины, показаться на свет и взглянуть в лицо своим страхам, увидеть, наконец, что они смешные и надуманные — задача слишком сложная, когда ты годами костенеешь в уютном мирке. И даже отметив двадцать первый день рождения, что во всех культурах считается последним рубежом детства, я смотрела на мир сквозь занавесь дурацких тревог и предубеждений.

Страх. Здесь, в мире Талла, он никуда не делся, пусть я была здесь особенной, только поводов стало куда больше. Он преследовал меня след в след, иногда кусая за пятки. Можно сбежать из мира, где пугает каждый шорох, но страхи увяжутся за тобой. Потому что сбежать от себя — невозможно.

Видимо, пауза слишком затянулась. До-Ка-Ри нетерпеливо выдохнула, привлекая мое внимание. Я вздохнула, собирая мысли в кучу, и поняла: я устала бояться. Хватит, пора выйти в мир.

— Расскажи мне. Хочу знать все, до мельчайшей детали.

Айден вскинул голову, изумленный моей решимостью. Голос мой звучал смело и строго, тогда как я ощущала, что колени от предчувствия беды превратились в желе.

— Только посмей, — Айден метнул в сторону До-Ка-Ри предупреждающий взгляд, а я мысленно видела, как его руки вновь тянутся к ее горлу, чтобы заставить ее замолчать, в этот раз окончательно. Однако Пожирательница оказалась не из пугливых. Задорно сверкнув глазами в сторону Советника, она обратилась ко мне:

— Что тебе сказали эти пустозвоны? Что ты избранная? Что Талл ждет только тебя?

Я молчала, признавая ее правоту. Именно эти слова произносили рыцари, чтобы убедить меня пойти с ними и вступить в брак, который пугал и обязывал ко многим вещам,

которые не озвучивались вслух, но подразумевались.

— Да, именно так они и говори, — До-Ка-Ри зашлась зловещим лающим смехом, словно приоткрывала скрипучую дверцу сундука с тайнами, — только каждое слово — ложь чистой воды.

Я вздрогнула, будто слова ударили меня по щеке, оставляя сочащийся алыми каплями порез. Под ребрами заныло, от разочарования и обиды. Я пока не знала, как именно была обманута, то понимание того, что я стала игрушкой в умелых руках манипулятора, больно ударило под дых.

— Ты вовсе не единственная. Таких были тысячи, — Пожирательница смаковала каждое слово, зная, как они больно ранят. Ядовитая правда текла между красивых губ и достигала своей цели. Я замерла, как испуганный сурок, старая не шевелиться. До этого момента я видела только фрагменты мозаики. Еще несколько минут, и картинка полностью сложится.

До-Ка-Ри наслаждалась произведенным эффектом, как гурманы наслаждаются изысканным вином. Я жмурилась, пытаюсь сдержать слезы, но До-Ка-Ри не думала прекращать издевательства.

— Раз в год, как по расписанию, эти четверо притаскивают из другого мира девчонку. То одну, то другую, сколько их было! Девицы на выданье всех мастей, и каждая грезилась о судьбе Суженой.

— Но ведь яблоко... — прошептала я едва слышно, уткнувшись взглядом в землю. Я вспомнила, как лопнул под пальцами хрусталь, как плясали блики на стенах. А все, что случилось потом? Разве все было ложью? Постановкой, чтобы впечатлить недоверчивую девочку из антикварной лавки, которая зачитывается сказками и мечтает о приключениях? Но ведь был и куда более серьезный рычаг давления: мир, погруженный в сон.

Пожирательница виновато закивала, признавая мою правоту:

— Точно. Я забыла про яблоко. Но кто говорил, что проклятое яблоко было только одно?

Голова пошла кругом. Я прижала ладони к пылающему лицу, стискивая виски, чтобы унять пульсирующую боль, которая вытесняла разумные мысли. Я не понимала уже ничего, и надеялась, что До-Ка-Ри сжалуется, разложив все по полочкам.

Она так и сделала. Рассказ занял не один час, на горизонте, над деревьями, проявилась бледная полоска света. Я бездумно смотрела на нее, надеясь, что скоро разгорится рассвет и прогонит прочь тьму, которая этой ночью поселилась в моем сердце.

Я внимательно слушала До-Ка-Ри, кусая губы и складывая два и два, получая долгожданные пять. В какой-то момент Айден поднялся на ноги и отошел дальше, застегивая пуговицы на кителе. Сияющие эполеты мундира помутнели, словно впитывали дым костра. Мельчайшие несостыковки в историях стали понятными и объяснимыми, и злости моей не было конца и край.

— Жила-была девушка невероятной красоты, и была она настолько прекрасна, что бог влюбился в нее без памяти с первого взгляда. Долго он за ней ухаживал, таскал украшения и цветы, пока не завоевал, наконец, девичье сердце. Здесь бы жить им долго и счастливо, но девушка подхватила мерзкую болячку и не сгорела от болезни в течении недели, за день до назначенной свадьбы, — мягкий, завораживающий голос Пожирательницы Душ плыл над поляной, погружая меня в странный транс.

— Это я знаю, — кивнула я, понукая До-Ка-Ри перейти к сути. Она цыкнула в ответ,

недовольная тем, что ее перебирают, но продолжила:

— Талл был безутешен. Днем и ночью бродил по саду, который разбила его любимая, разговаривал с цветами. Его ближайшие подданные и друзья думали, что Его Мрачнейшее Величество тронулся умом, ведь он совсем забыл про свои обязанности. Он существовал в собственной реальности, где любимая была жива. Но боль никуда не уходила, пока к нему не пришел его дражайший друг, к чьему мнению Талл всегда прислушивался. Советник Айден.

Я вскинула голову, отыскивая в очертаниях фигуры Айдена. Он молчал, и только в синих глазах отражались блики от костра. На миг наши взгляды пересеклись, но он тут же отвернулся, будто терзался виной.

— Знаешь, что сказал Его Мрачнейшему Величеству его лучший друг? Что любимая обязательно вернется, главное подождать. Ведь, как мы все знаем, люди имеют свойство перерождаться. Главное — терпение. А чтобы непременно найти «ту самую», нужно создать артефакт, который сможет показать местоположение Суженой. Так было создано Хрустальное Яблоко.

До-Ка-Ри закашлялась, ныряя ладонью в сплетение пушистых хвостов на поясе. С видимым усилием она извлекла наружу маленькую бутылочку из зеленоватого стекла. Три тягучих капли попали на язык, и она вновь заговорила, однако не заметить, что голос ее стал ниже и глуше, было невозможно.

— Советник, такой прекрасный друг, придумал испытание. Нет, не те, что ты должна проходить, чтобы доказать свою избранность. Совсем другое: настоящее яблоко, обладающее силой, было затеряно среди тысячи собственных копий. И раскиданы они были по всем мирам, коих насчитывается ровно тысяча, не больше и не меньше.

— Раз в год одно из них лопалось в руках девушки, и почти сразу же ее забирали рыцари. Талл ждал каждую девицу с таким нетерпением, что весь мир пронизывался вибрациями тоскующего бога. Но неудача следовала за неудачей. Ни одна из тех, что Айден приводил в наш мир, не смогла добраться до замка Талла. Все они проваливались на долгом пути к трону, где ожидал их жених. И Таллу надоело.

Я поежилась, теряясь под тяжелым взглядом До-Ка-Ри. В ней что-то неуловимо менялось, силуэт стал скособоченным, а черты лица размывались.

— Талл устал. Он решил сделать ход конем и погрузился в сон. Из которого его сможет пробудить только истинная Невеста. Год шел за годом, Айден сотоварищи продолжили таскать девчонок, но ни одна из них не смогла добиться успеха и пробудить Талла. Строго говоря, они вообще ничего не добивались. Только Советник никак не сдается, как заводной, из года в год, одно и то же. И, вот вопрос: с чего ты взяла, что у тебя получится?

— Что случилось с остальными? — я едва смогла выговорить несколько слов, так я была поражена услышанным. И До-Ка-Ри улыбнулась в ответ, слишком уж тепло:

— Погибли, конечно. Теперь ты знаешь, что тебя ждет.

Ох. Да, такого я не ожидала.

— Ты не права, — произнес Айден тихо, обращаясь к До-Ка-Ри, видимо, имея в записке какие-то аргументы против ее слов. Теперь я знала, как чувствует себя человек, вокруг которого рухнули картонные декорации, и теперь он видит мир таким, каков он на самом деле. А то, что раньше принимали за истину, теперь валяется в грязи, попираемое чужими сапогами.

Я молча поднялась с места и ушла в палатку, слишком резко задернув за собой полог. В повисшей тишине стрекотали цикады, или их дальние родственники, выводя залиvistые

рулады, как колыбельную. Тени на ткани больше не шевелились. Я раздраженно взбила подушку, укладываясь на аскетичной кровати, питая ложные надежды поспать.

Но уснуть мне так и не удалось.

Часть вторая. Глава 30. Костяная застава

О том, что наступило утро, говорили только звонкие трели птиц, которыми заполнился лес, да светло-сиреневый орел на небе по краю, очерчивающий силуэты деревьев-исполинов. Я со стоном поднялась с кровати: после бессонной ночи, с кругами под глазами, с ноющей спиной, я казалась себе разъяренным берсерком. Вот только сил, чтобы устраивать разборки, у меня не осталось.

Когда я соизволила появиться на свет божий из палатки, все рыцари уже были в сборе, а рядом До-Ка-Ри укладывала пожитки в широкую, потрепанную сумку. Все не влезало, и До-Ка-Ри не стеснялась утрамбовывать кулаком все то, что не влезало добровольно. Виллан, вернувшийся после ночной прогулки по лесу в благоприятном расположении духа, радостно приветствовал меня и сильно обиделся, когда я не смогла разделить его восторг. До-Ка-Ри он тактично, но обстоятельно игнорировал: она придвигалась к нему в надежде на разговор, но Виллан ускользал, как вода сквозь пальцы. Вот он ворошит потухшие угли костра, но стоило Пожирательнице сделать шаг вперед, как рыцарь мигом оказывался на другой стороне поляны, рассматривая дорогу, которая вела к Костяной заставе. До-Ка-Ри злилась, но ничего не могла поделать.

На скорую руку позавтракали остатками мяса, слушая сетования До-Ка-Ри, что мы лишили ее всех припасов, а затем двинулись в путь. Я шла рядом с До-Ка-Ри, молча, не вслушиваясь в чужое щебетание: все звериное, что виделось в ней под покровом ночи, пропало, и теперь по утоптанной тропинке шагала обыкновенная девчонка, едва ли старше меня.

Руц быстро выбился вперед и обернулся:

— Разведаю путь. Будьте аккуратнее, в этом участке леса всегда было беспокойно.

Виллан ухмыльнулся, но улыбался не долго. Руц нахмурился, неохотно давая совет:

— И — потише. Особенно ты, Виллан.

Рыжий попробовал возмутиться, завопил, но осекся когда из чащи ему ворчливым рыком отозвалось «что-то». Правоту Руца признали единогласно, и то скрылся в зарослях.

День в мире Талла не многим отличался от ночи. Свет, жалкий и тусклый, едва ли освещал дорогу, окрашивая растения на обочине и деревья в противный серый цвет. Солнце, плоский блин на небе, силилось, но не могло выжать из себя ни капли тепла, холодный ветер проникал в рукава, щекоча зябкими пальцами. До-Ка-Ри весело шагала, на ходу развлекая себя тем, что перекидывала из ладони в ладонь светящийся шарик, размером едва ли больше попрыгунчика. Шарик издавал тихий писк, каждый раз, когда сильные пальцы До-Ка-Ри ловили его в воздухе и сжимали.

— Что это? — я вытянула шею, заглядывая ей через плечо, поневоле заинтересовавшись. В воздухе пахло чем-то сладким, вроде свежей ежевики, и туман раздражения в голове постепенно рассеивался. Дышать стало легче, но тоска никуда не пропала. Она копилась черными каплями в самом дальнем уголке сердца.

— Дух, — беспечно отозвалась До-Ка-Ри, еще сильнее сжимая в ладони шарик. Люминесцентная плоть его, с крупными пятнами зелени, проглядывала сквозь пальцы, будто молила о помощи. До-Ка-Ри только веселилась, поднося кулак к уху и вслушиваясь в задушенный писк. — Знаешь, почему меня зовут Пожирательницей?

Не дождавшись ответа, она ловко подкинула шарик в воздух и, широко раскрыв рот,

проглотила. Писк резко стих.

Я моргнула, отшатываясь, но мой испуг До-Ка-Ри только развеселил. Она запрокинула голову, хохоча и демонстрируя острые, как у ласки, зубы неестественно-белого цвета. Ночью мне не удалось как следует разглядеть девушку, но сейчас, при свете дня, пускай и скудном, семейное сходство Виллана и До-Ка-Ри было неоспоримым. Тот же овал лица, тот же изгиб капризных губ и серые глаза в мелкую крапинку. Да, точно родственники. Только волосы Виллана возмущали своей рыжиной, яркой и бесцеремонной и торчали упрямыми иглами на затылке, придавая владельцу вечно взъерошенный вид, тогда как на плечи До-Ка-Ри спускались темно-медные локоны, которые она рассеянно отбрасывала с лица, чтобы не мешались.

С каждым шагом напряжение, царившее вокруг нас, становилось все гуще и объемнее. Виллан успел обменяться с сестрой несколькими колкостями и теперь злился, но я предпочла не вмешиваться. Пускай дуются, семейные разборки — дело щекотливое, влезать туда, все равно, что сунуть голову между молотом и наковальней. Как ни крути, хуже будет только тебе, вне зависимости от принятой стороны. Кто знает, какая именно кошка между ними пробежала?

До-Ка-Ри, словно в пику брату и остальным, общалась со мной весело и беспечно, будто с потерянной и вновь обретенной подругой. Но я помнила, что вместо сердца у нее вращающаяся сфера, полная сияющей энергии, и еще несколько часов назад девица горела от ненависти ко мне так, что смогла бы убить, подвернись ей подходящая возможность. Откуда такая злоба, гадала я. Неужели, все от того, что Пожирательница Душ устала от нескончаемого потока чужестранок в родном мире, которые вместо освобождения Талла от оков сна, приносили сюда только еще больше разочарования?

От размышлений меня отвлекал чужой взгляд, буровящий затылок. Айден.

Он неотрывно следил за мной из-под тяжелых от недосыпа век, гипнотизируя спину. Я передернулась, ускоряя шаг.

Рыцари так и не поняли, отчего я так ополчилась на них, а Айден играл в молчанку. Виллан еще пытался сыпать шутками, в другой ситуации я сочла бы их уморительно смешными, но сейчас... Нет, даже малейшей улыбки из вежливости не смогла из себя выжать. Не получив той реакции, на которую надеялся, Виллан обиделся и затих. А дорога между тем не кончалась. Впереди иногда слышался шорох или скрип, — это Руц, петляя, разведывал путь. Иногда он появлялся из зарослей, как Афродита из пены морской, а затем снова пропадал из виду.

— Что это с Лиззет? — пробурчал за спиной Виллан, но Айден не ответил, делая ко мне несколько размашистых шагов. Заметив, что чужая тень приближается со спины, я дернулась вперед, почти переходя на бег. Злость моя была так велика, что я бы смогла играть в догонялки хоть целый день, запросто. Но на каком-то из лесных перекрестков Айден хрипло выдохнул:

— Костяная застава.

Игра в «догони меня» закончилась, едва начавшись. Мы пришли.

Костяная застава не представляла из себя ничего особенного, пока мы медленно шагали по тропинке, позволяя ей явить себя во всей красе. Я почти разочаровалась, но ненадолго. Свое название она получила не зря: в глубине лесов затерялся деревянный форт, окруженный частоколом, на острых пиках которого покоились древние черепа. Застава

возвышалась над нами, как и замок Аоры, и я в который уже раз поражалась: масштабы мира Талла начинали меня пугать, ведь все вокруг принимало чрезвычайно громадные масштабы. Но, в отличии от замка леди Смерть, форт был обитаем. Черепа, подсвеченные огнями изнутри, лили сквозь глазницы на дорогу перед собой желтоватый свет, разгонявший серый туман, из которого выступала передняя стена заставы. При нашем прибытии туман стал плотнее, и теперь в воздухе разлился густой аромат сырости и болота.

— Нам туда, — Айден указал пальцем на тропу, ведущую к заставе. Архитектор, или кто там строил форт, обладал определенного рода фантазией. Я слышала, что в Европе есть собор, или церковь, убранство которой целиком и полностью состоит из костей. Человеческих костей. Однажды я наткнулась на фотографии во время полуночного серфинга по сети, а затем не смогла уснуть, ведь перед глазами у меня стояли картинки ужасающего интерьера. Здесь было точно также: я обвела взглядом множество черепов, которые украшали главные ворота, и вокруг горла обернулась холодная удавка. Не к добру. Я не была уверена, что готова туда идти. Но, скажите на милость, кого интересуют переживания человеческой девчонки?

— Иден, — Виллан коснулся моего плеча, ободряя и направляя, но я сбросила его руку с плеча.

— Как знаешь, — обиженно сказал он мне в спину, будто оправдывался за непрошенное касание, — леса вокруг болотистые. Сделаешь неверный шаг, и поминай, как звали. Сгинешь.

— Хватит болтать, — я поморщилась, переминаясь с ноги на ногу. Застава была окружена рвом, в котором вода, черная и тягучая, как смола, ежесекундно бурлила, исходя пузырями и паром. Шириной ров был в десяток метров, застава оказалась неприступной, и единственный путь в форт был через деревянный мост, ветхий и скрипучий. Мы терпеливо ожидали на берегу: десяток маленьких фигур на стене зашевелился, хватая факелы и сбегая вниз. Чей-то зычный голос раздавал приказы, суть которых затерялась на расстоянии.

— Проверяют ориентировки, — удовлетворенно пробормотал Виллан, — на случай, если преступники надумают в гости заявятся. Врагов надо знать в лицо и приветствовать, как самых дорогих друзей!

Всей глубины данного афоризма мне постичь не удалось, ведь заскрипела цепь, опуская мост, деревянную громадину, на которой можно было выстроить целую роту солдат, да еще бы и место осталось.

— Вперед, — скомандовал Айден. Он наглухо застегнул мундир, расправляя плечи и спину, и передо мной вновь стоял Советник, ближайший друг и соратник Его Мрачнейшего Величества. Но я помнила его другим: пылающим от ненависти, виноватым и раздраженным. Калейдоскоп масок, которые носил этот мужчина, был бесконечен. А я не хотела нырять в омут с головой, чтобы выяснять, как выглядит его настоящее лицо. Солдаты, мельтешащие у ворот, улюлюкали, видя, кто пожаловал в гости.

Я с содроганием шагнула на мост, перекинутый через бурлящий поток. Двигаться вперед удавалось только с прикрытыми глазами, считая про себя шаги. Сквозь неплотно сомкнутые веки я наблюдала, как мое отражение в темной воде расплывается, искажаясь, пока из глубины не выступила она. Черепа на короне светились холодным синим цветом, а сама девицы, как две капли воды похожая на меня, взирала на окружающий мир со смесью презрения и усталости. Она была мной очень недовольна и не собиралась это скрывать.

— Уходи, ты ненастоящая, — одними губами прошептала я, надеясь, что отражение

повторит. Но нет, ни единый мускул не дрогнул на ее лице. Девушки оставались немой.

Голова закружилась, а из-под толщи воды, минуя отражение Невесты, тоже проглядывали кости. В пузырящейся воде плавали черепа, дробленные ребра и бедренные кости, слишком большие, чтобы принадлежать животным. Осколившиеся черепа всплывали к поверхности, подчиняясь движению воды, и клацали щербатыми челюстями, будто надеялись меня напугать.

«Мне не страшно, мне не страшно!» — твердила я про себя, ступая по трещащим доскам моста. Дерево совсем износилось, в некоторых местах сгнило, и моя нога иногда проваливалась в мягкую труху, грозясь застрять.

Нас ждали — пузатый господин с сонным лицом привалился в подъемнику, приводящему в движение механизм подвесного моста. Взгляд водянистых глаз без интереса скользил по нам, пока не наткнулся на Айдена. Вот тогда господин весь встрепенулся, становясь похожим на крупного, седого воробья, подобрался и, кажется, даже живот втянул для пущего эффекта.

— Господин Айден! — оглушительно завопил пузатый господин, в мгновение ока оказываясь рядом с Советников. Вытянув губы трубочкой, новый знакомый потянулся к руке Айдена для подобострастного поцелуя и сильно удивился, когда Айден покачал головой, пряча руки за спину.

— Отставить поцелуечики, — зычный голос Айдена, помноженный на глухой двор Костяной заставы, гулко разнесся над фортом. — Доложить обстановку.

Переминаясь на месте с лицом, полным скорби, господин пучил глаза, торопливо вываливая на Айдена целый сноп новостей. Десяток имен, которые для меня не значили ровным счетом ничего, даты, события. Все это обильным дождем лилось на голову и уши Советника, а я злорадствовала. Наконец, хоть кто-то сможет отвлечь Айдена от моей персоны. Мне тоже надо отдохнуть.

Двор Костяной заставы выглядел невзрачно: я ожидала большего. Здесь костяных украшений не было, только сундуки да ящики на сколько хватает глаз. Пара деревянных строений, под хозяйственные нужды, и несколько лошадей, плотно привязанных к стойлам. Простенько, со вкусом и без претензий.

— Какой странный постоялый двор, — с сомнением протянула я, забывая, что обижена. Впечатлениями поделиться хотелось сильнее.

Виллан покосился на меня с изрядной долей смеха в глазах:

— Кто сказал, что это постоялый двор? Костяная застава — тюрьма.

Часть вторая. Глава 31. Костяная тюрьма

Начальника тюрьмы звали Догрэн, и вот уже три сотни лет он был командором Костяной заставы. Сюда его назначил лично Его Мрачнейшее Величество Талл, да, прям так и сказал, стоять тебе, Догрэн, на страже покоя моего королевства! Вот он и стоял, четвертая сотня лет пошла, а Костяная застава незыблема. Ни одного побега, ни одного вторжения, самые опасные преступники мира содержались здесь, ожидая помилования. Или исполнения приговора.

Все это мне рассказал сам Догрэн, горделиво надувавший грудь от мысли, что сама Невеста обратила на него внимание. Он надеялся произвести впечатление на невесту господина, доказать, что здесь он — гарант стабильности и нерушимости крепости. Послушать его, так именно беззаветная служба Догрэна Таллу привела к процветанию мира. Я, если честно, даже верила, пока Виллан не отвел меня в сторону.

— Не верь ни единому слову, — шепнул он, воровато оглядываясь по сторонам, но окружающие не обращали на нас ровным счетом никакого внимания. Солдаты заставы, щеголявшие полосатыми мундирами, как бодрые тараканы сновали повсюду, исполняя свои обязанности: таскали ведра с водой, переставляли ящики стройными рядами, иногда по инерции переругивались между собой.

— Почему? — я нахмурилась. Рыцарям я не доверяла куда больше, чем смешному командору, который трогательно улыбался, когда я с ним заговаривала.

— Его сюда назначили не за особые заслуги, — Виллан неприятно ухмыльнулся, демонстрируя выступающие глазные зубы, — его сюда сослали.

История была короткая, но драматичная: Догрэн был дезертиром. Когда-то давно командор числился рыцарем личной гвардии Талла, среди сотни ближайших его соратников. Но в какой-то момент решил, что личная выгода куда приятнее сердцу, чем беззаветная преданность господину. Талл способен уличить человека в предательстве, едва взглянув в самую сердцевину его души. Догрэн не успел сделать шаг к измене, а уже оказался виновен. Его Мрачнейшее Величество оказался благороден и предложил выбор: оказаться в тюрьме или стать ее командором. Что выбрал Догрэн, было и так известно.

— Так почему же он не сбежит? — я наблюдала, как командор неловко кланяется До-Ка-Ри, пытаясь запечатлеть хотя бы на ее руке слюнявый поцелуй. Пожирательница ускользала, но Догрэн не собирался сдаваться. Глаза мужчины налились кровью, в уголках губ вспенилась от азарта слюна.

Виллан почесал затылок, словно размышляя, стоит ли озвучивать правду. На одной чаше весов было мое расположение, на другой — спокойствие. Меньше знаю — крепче сплю, не так ли?

— Из Костянки так просто не убежишь. Все узники, даже добровольные, прикованы к ее стенам узами, невидимыми, но прочными. Это тюрьма не для тел, физических оболочек, а для душ, — через силу проговорил он и отошел.

Голос Виллана, сухой и безжизненный, обдал мое лицо холодом, а в животе свернулась тугая спираль с острыми шипами. Я вновь ощущала подвох, грандиозную подставу, и ничего не могла с собой поделаться. Стоит ли сказать Айдену о своем предчувствии? Советник прошел мимо, звонко чеканя шаг, и я тут же перехотела делиться с ним мыслями и соображениями. Посмеется, и только.

Но двор Костяной крепости, где мы оказались, действительно выглядел странно. Если бы не ящики, коих было несколько сотен, если не тысяча, я бы подумала, что оказалась на конюшне. Под ногами поскрипывала солома, а в воздухе ощущался сладковатый душок навоза.

— Мы выделим лучшие комнаты! — Догрэн всплеснул руками, едва сдерживая неумный восторг при мысли, что в его владениях останутся столь важные гости. — Будет пир!

— Никакого пира, — резко оборвал его Айдэн, зыря по всем углам, — достаточно ужина, мы слишком долго в пути. Четверку лучших коней подать к закату.

— Слушаюсь, советник!

Догрэн побледнел, вытягиваясь в струнку и шевеля редкими усиками, как потревоженный морж, а затем обернулся к своим солдатам:

— Пошевеливайтесь, туеядцы! Советник желает отведать ужина!

Полосатые мундиры вновь замельтешили, разгоняя тишину топотом множества подкованных сапог.

До-Ка-Ри надула губы, понимая недвусмысленный намек Айдэна: дальше нам не по пути. Однако, она не сильно расстроилась. Ее рассеянный взгляд бродил по сотням ящиков, которые составляли хрупкие, покачивающиеся конструкции. Штабеля колыхались под порывами ветра, поскрипывая разохшимся деревом, словно вековые дубы в мрачном лесу. В них не было ничего интересного, но Пожирательница ухмылялась, прикусывая губу, будто видела в ящиках что-то очень важное.

— Может, отдохнем? — Виллан напоролся на колючий взгляд Айдэна и выставил вперед раскрытые ладони, будто выкидывая белый флаг. — Лиззет устала.

Я пожалала плечами, ежась от холода: по двору Костянки гуляли жгучие сквозняки, да и атмосфера радикально отличалась от влажного тепла леса. Воздух пронизывали резкие запахи залежалого сена и лошадей, а между ними — тонкая нота железа. Так пахнут бинты после перевязки раны — металлический душок свернувшейся крови. Я облизала пересохшие губы, затравленно оглядываясь; ощущение, что за мной наблюдает кто-то недобрый, возникло из неоткуда и усиливалось с каждой минутой.

— Пока готовится ужин, прошу вас пройти в столовую, погреться у огня, — Догрэн являл собой образец радушие и гостеприимства, как и солдаты, отвешивающие нам поклоны каждый раз, стоило пройти мимо. Лица их — плоские и невыразительные, были ужасно похожи друг на друга и не имели отличий. Скажем, я не смогла бы отличить любого из них от братьев, даже если бы сфотографировала, настолько они были безликие. Но вопросы я не задавала, послушно шла за рыцарями в столовую залу, изо всех сил надеясь, что Догрэн будет увлечен беседой с Айдэном и не пожелает облобызать мою многострадальную руку еще раз. К тому же, кисть, к которой он тянул свои любвеобильные губы, все еще белела в полумраке Мертвой Головой.

Дальше события развивались плавно, не спеша и своим чередом: не успели мы расположиться на скамье у огня, как подали ужин. Не смотря на гнетущее впечатление от Костяной заставы, повара здесь готовили отменно. Мясо таяло во рту, а рецепт соуса я даже порывалась записать, пока До-Ка-Ри со смехом не пояснила мне, что в моем мире половины ингредиентов не найдешь и днем со гнем. Пылу поубавилось, но почему-то подлый червячок сомнения поселился где-то глубоко-глубоко в душе: До-Ка-Ри была уверена, на все сто двадцать процентов, что я не останусь. Она знала наверняка, что я рассыплюсь прахом под

ногами рыцарей быстрее, чем скажу «Ой!»

Айден, тяжелым взглядом взиравший на ломящийся от еды стол, почти ничего не ел, только пару раз прикладывался к чеканному кубку старинной работы. На уговоры Виллана остаться и, наконец, выпасться по-человечески он отвечал невнятным мычанием, не сводя глаз с почерневшего от копоти щита над очагом. Через толстый слой жирного нагара тускло блестели серебряные элементы в виде трехконечных звезд. И когда трапеза подошла к концу, над столом повис вопрос. До-Ка-Ри оставалась в крепости, выпросив разрешение у Догрэна, разомлевшего от ее льстивых речей и очаровательной улыбки. А мы... Руц и Виллан проголосовали за отдых, мое мнение в расчет не принималось, а слово Айдена было весомее всех остальных. Скажи он выдвигаться, и через четверть часа оседланные кони уже покидали бы заставу, не оглянувшись.

— Я принял решение, — задумчиво проговорил Айден, оглядывая собравшихся. Виллан с надеждой улыбнулся Советнику, словно прочитав его мысли. — Мы останемся, но только на одну ночь. С рассветом выдвигаемся. Догрэн, покажите дамам их комнаты. Мои люди разместятся в казарме.

Радость в глазах Виллана потухла, как и не было. Перспектива ночевки в тесной казарме под бурный храп трех десятков солдат радовала его не сильнее, чем выдвигаться в путь после сытного ужина.

Догрэн оказался толковым экскурсоводом и прочитал нам краткую лекцию по истории Костяной заставы, пока вел окольными коридорами до гостевых спален. Оказалось, что Костянка выросла посреди болот одной ночью, повинувшись лишь желанию Талла о строительстве неприступной тюрьмы, где бы содержались самые опасные преступники. За столько лет, конечно же, объявлялись смельчаки, которые рисковали всем в попытке освободить узников, но все их потуги оканчивались плачевно и одинаково: соседней камерой с теми, кого они так рвались выпустить на свободу.

— Прошу прощения, леди, мы давно не встречали гостей, — виновато прогундел Догрэн, распахивая передо мной дверь в комнату, — здесь немного душно.

Про «немного душно» он, конечно, слукавил: нога человека здесь не ступала так давно, что на полу образовался плотный слой пыли, и каждый шаг оставлял на сероватой поверхности отчетливый след рифленой подошвы. Я аккуратно подошла к узкой койне, покосившейся от времени и пережитых впечатлений от предыдущих жильцов, изо всех сил подавляя желание оглушительно, со вкусом чихнуть десяток раз.

— Спокойной ночи, — До-Ка-Ри заглянула в комнату, широко ухмыляясь. Мой огорошенный вид ее только веселил, но недолго. Ее спальня оказалась еще хуже: вместо пыли помещение пропиталось зловонным духом застоявшейся сырости. До-Ка-Ри подбоченилась, встряхнув рыжей гривой. Догрэн следил за тем, как локоны струятся вниз по спине девушки с открытым ртом завороченный ее грациозностью.

— Лучше нет хибары? — Пожирательница брезгливо подцепила носком сапога покрывало кровати, и из-под койки засочился запах болота. Догрэн виновато развел руками, которые с трудом смыкались на объемном животике:

— Болотистая сторона, моя леди. Могу предложить разделить команту с леди Лиззет...

— Ну уж нет, — воскликнула я, захлопывая дверь, — спокойной ночи!

Из-за двери раздался возмущенный вопль — До-Ка-Ри хотела принять предложение командера, но я обломала ее коварный план. Немного побухтев, Пожирательница скрылась, наконец, в своей комнате, и в башне наступила блаженная тишина.

Я стояла посреди комнаты, погруженной во мрак, ведь свечей здесь не было. Лампы тоже не работали, и единственным источником света были щели в деревянных ставнях. От запаха пыли жутко чесалось в носу, а потому я поспешила открыть ставни и впустить хоть глоток свежего воздуха в келью. Я протянула руку, нашаривая две маленьких ручки, приспособленных для того, чтобы развести створки. Однако...

Дерево не поддавалось: оно скрипело, натужно вздыхало и очень опасно трещало, но ставни стояли на месте, будто намертво приколочены. Я наклонилась ближе, надеясь разглядеть гвозди, вбитые в подоконник и мешающие, но замерла, с трудом задерживая дыхание.

Щеки коснулись чужие пальцы: холодные и сухие. В комнате я была не одна.

Часть вторая. Глава 32. Кровопийца и Истинное Яблоко

Я обернулась в прыжке, взмахнув рукой, чтобы отбить чужие руки от себя, но отбиваться было не от кого. Комната была пуста, кроме маленького пушистого комочка размером с теннисный шар, свернувшегося на подушке. Я готова была биться об заклад, что еще пару минут назад подушка не была даже примята.

Сделать шагок вперед было мучительно сложно: окружающий меня новый (хотя уже достаточно знакомый, а потому не менее пугающий) мир привил мне стойкое недоверие ко всему неожиданному. Особенно если это самое неожиданное появляется в закрытой комнате, ведь дверь точно не открывалась. Петли последний раз смазывались так давно, что при каждом движении издавали протяжный полускрип-полусвист, от которого мурашки бежали по спине.

Комок дрогнул, будто почувствовал мое приближение, и раздался в размерах, и все еще был размером с мяч, теперь уже с футбольный.

— Ты кто? — наугад спросила я, не зная, понимает ли существо человеческую речь. Оно определено было живое, я видела, как дрожит пух на боках при вдохе-выдохе. Но меня терзал вопрос: стоит ли прикасаться, ведь здесь даже такая кроха может оказаться хищной и одним укусом отхватить мне руку до локтя.

Существо дрогнуло, разворачиваясь, и на меня уставился любопытный черный глаз, а затем и второй. Еще одно движение, и из комка пуха и перьев показался острый клювик. На подушке сидела птица, смахивающая на помесь вороны и утенка, еще не вставшего на крыло.

— Ты кто такой? — я понизила голос почти до шепота, медленно опускаясь на кровать. В воздух взвилась пыль, но птичка на нее не реагировала. Она наклонила голову, разглядывая меня плоскими глазками-пуговичками. Стоило мне протянуть к ней руку, потеряв всякую осмотрительность, как она ринулась вперед, распушившись, и подставилась под ласку. Комнату наполнил ускользящий звук довольного курлыканья.

— Чей же ты, хороший такой, — приговаривала я, зарываясь пальцами в мягкие перья, почесывая шейку птицы. Та довольно щурилась, поворачиваясь медленно вокруг своей оси, чтобы почесывание было равномерным. Коричневые лапы с цепкими коготками сжимались-разжимались, оставляя на покрывале дырки с неровными краями.

Глаза слипались, я то и дело зевала, но стоило мне отвлечься и перестать гладить мягкие перья, как птица неприятно шипела и тыкалась острым клювом в руку, попадая по ожогу.

— Пора спать, — решительно заявила я, беря птицу в руки и пересаживая на подоконник. Более подходящего места не нашлось, а перспектива просыпаться каждую минуту от болезненных щипков меня не радовала. Пушистый гость к моему порыву отнесся неблагоприятно — ущипнул за нежную кожу запястья и нахохлился. В черных глазках-пуговичках загорелся недобрый огонек.

Предвкушая пару часов беспокойного сна и ранний подъем, я скинула плащ и кеды и завалилась на кровать в одежде. От подушки пахло старинной пылью и кислятиной, и я, четверть часа назад безуспешно боровшаяся со сном, ворочалась на комковатом матрасе, в очередном приступе бессонницы.

Птица тихо клекотала, топорща перья, а затем задремала, уткнувшись клювом в крылья.

Я тяжело вдохнула: духота давила на меня, от пыли беспощадно чесались лицо и глаза, а о глотке свежего воздуха можно было только мечтать.

Поняв, что уснуть не удастся, я села на кровати. В щель ставней пробивался тонкий луч лунного света, оставляя на пыльном полу серебристого цвета. За окном шумели деревья, слышались отрывистые эпизоды переругивания солдат, но самое главное — там был чистый, свежий воздух. А я была заперта в четырех стенах, где задыхалась. Выбор был очевиден.

Птица проснулась, как только я сунула ноги в кеды и направилась к двери в твердом намеренье выбраться наружу. Она следила за мной несколько секунд матовыми, без блеска, глазами, а затем единым движением перемахнула через комнатушку, плавно опускаясь мне на плечо. Вес в ней был существенный, а потому я передвинула ее чуть ближе к шее, чтобы идти было удобнее. Птичка вцепилась в плечо острыми когтями и издала тихую трель, мол, чего ждем?

— Ну, тогда пошли гулять, — стало понятно, что неведомая зверушка не собирается оставлять меня в одиночестве. Раздался душераздирающий звук — аккуратно приоткрыв дверь, я шмыгнула наружу, в неосвещенный коридор. На стенах виднелись очертания лампы или небольших факелов, но крыло казалось заброшенным, никто и не думал озаботиться их зажиганием. Я задумалась, может позвать с собой До-Ка-Ри, ведь условия ее проживания были ничуть не лучше, но прижавшись ухом к двери, услышала только размеренные песнопения, напоминающие заклинания шаманов. От потусторонних, загробных звуков мне стало жутко, и я пошла вперед, к лестнице, не оглядываясь и отбросив дурацкую мысль о совместной прогулке. Я не хотела знать, чем занимается Пожирательница Духов наедине с собой, и что-то мне подсказывало, что никто не хотел бы.

До лестницы я добралась без приключений, разве что поразились — с обеих сторон чередой тянулись однообразные двери, судя по всему, пустующих комнат, но нас поселили в самом дальнем углу крыла башни. Намеренно ли?

На пути, минуя несколько лестничных пролетов, я изумлялась: на дворе солдат было не меньше полусотни, а коридоры пустовали. Тишина и пустота, неужели все спят? Костяная застава замерла в ночи, будто старая дева, улегшаяся спать сразу после наступления темноты за окном. Ни единым звуком не нарушалось спокойствие в этих стенах, только я, как неуспокоенный призрак, бродила по коридорам и лестницам. Один только раз на глаза попалась двойка караульных, но те застыли на месте, провожая меня странными взглядами, не отвечая на приветствие. Пучить глаза и хмуриться я тоже могу, подумала я, проходя мимо, к широким воротам, а затем и во двор. Стоило мне скрыться за углом, как вслед полетел шепот — полосатые солдаты приглушенными голосами что-то очень активно обсуждали, сердясь друг на друга.

— Да что с ними такое? — обратилась я с вопросом к птице, но та дернулась крыльями совсем как человек, мол, да кто ж их, малохольных, знает?

Двор выглядела немного иначе, чем я его запомнила — никаких ящиков или хозпостроек, только зеленая роща, выглядывшая дико посреди мертвого дерева и камня. Свежий ветерок приятно обдувал раскрасневшееся от духоты лицо. Я немного постояла, наслаждаясь ночной прохладой, а затем двинулась к скамейке, едва виднеющейся из-за раскидистого дуба, свесившего тяжелые ветви почти до земли. Скамья, грубо сколоченная из темного дерева, изъеденного жучком, казалась неустойчивой и натужно заскрипела, когда я забралась с ногами на ее спинку. Плащ я оставила в комнате и не прогадала: на улице было

теплее, чем в зловещем лесу.

Мне надо было многое обдумать, сделать выводы и решить, как быть дальше. Правда, горькая как рыбий жир, все еще стояла в горле комом, но я не винила До-Ка-Ри. Пускай она действовала в собственных интересах, но она не стала лгать мне в лицо или молчать. Как жить, когда тебя обманывали с самого первого момента встречи?

С тяжким вздохом я прикрыла глаза, вслушиваясь в тишину. Странный звук, похожий на морской прибой, то накатывал, то отступал, оставляя в голове восхитительную пустоту. Все тревоги и печали рассеивались, как будто расступались облака на небе, являя собой лучистое солнце и глубокую синеву.

Он даже не пытался скрываться: дверь издала пронзительный треск разошедшегося дерева, выпуская во двор незваного гостя, а потом пространство наполнилось звуком сочной травы, уминаемой жесткой подошвой сапога.

— Уходи, я хочу побыть одна, — не открывая глаз, попросила я, прекрасно зная, кто решился нарушить мое уединение. Птица попыталась что-то крикнуть в мою поддержку, но Айден цыкнул, и та подавилась собственным клекотом. Нахохлилась еще сильнее, пряча клюв в перья, но не улетела. Что-то держало ее здесь, будто магнит — мелкую монетку, и даже после столь неуважительного отношения к собственной персоне она решила не уходить.

— Нам надо поговорить, — настойчивости Советника можно было только позавидовать. Она жил принципом «вижу цель — не вижу препятствий», что иногда казалось изрядной наглостью. На протяжении пути от стоянки До-Ка-Ри до Костяной заставы он даже не пытался со мной заговорить, и вот сейчас, загнав меня в угол, решил побеседовать по душам?

— А если я не хочу разговаривать? — я, наконец, открыла глаза и в первый раз за день пересеклась с Айденом взглядами. Тот даже не дрогнул.

Китель, придававший облику Айдену должную строгость, был расстегнут, а из-под него белым флагом выглядывала рубашка. Шнуровку у горла он ослабил одним движением, слегка неловким от смертельной усталости. Под глазами залегли тени, такие же глубокие как ночное небо. Возможно, он тоже не смог уснуть и вышел плотнуть воздуха. Я, наверняка, выглядела не лучше и даже обрадовалась, что вокруг нет ни одного зеркала. Встречи с собственным отражением я бы не пережила!

— Не хочешь разговаривать, тогда слушай, — повторение бородатого анекдота из моего мира в устах прекрасного рыцаря Талла было чересчур комичным, и я не смогла удержаться от смешка. Ну, что он мог мне поведать? Какие тайны, еще более мрачные поведать? Рассказать, как именно погибали мои предшественницы?

— Можно присесть? — мужчина в нерешительности остановился передо мной, сцепив ладони в замок за спиной. Я пожала плечами и отодвинулась в сторону, освобождая место. Лавочка оказалась слишком тесной для двоих, а потому, мы сидели так близко, что ощущали тепло друг друга и постоянно стучались коленями. Да, я до сих пор была обижена, ну, а кто бы не был?

— Где ты нашла ее? — Айден ткнул пальцем в нахохлившуюся птицу, которая мстительно прищурилась, разевая клюв, будто прицеливалась к клевку.

— В комнате, — я почесала птичку под клювом, отчего из плотно сомкнутого клюва послышался довольный клекот. Насладившись лаской, пернатное существо медленно-медленно перебирая лапками по моему плечу, спустилось вниз, примостившись между мной

и Айденем, словно пыталось согреться.

— Только ты можешь держать на руках птицу-кровопийцу и глазом не моргнуть, — вздохнул Айден и крепко схватил птицу обеими руками, зажимая под мышкой. Второй рукой он разжал клюв, демонстрируя мне четыре ряда мелких острых зубов, как у ласки. Я разглядывала устрашающие челюсти безо всякого интереса, от усталости чувство страха исчезло напрочь.

— Она пьет кровь? — я наклонилась, чтобы получше разглядеть четыре острых клычка на верхней части клюва, но мое любопытство показалось птице излишним. Она сомкнула клюв, клацнув при этом так, что по всему двору завибрировало эхо, и вспорхнула вверх, прячась в кроне дуба. Так и сидела там, издавая обиженные трели опереточного злодея, которого раскусили в первой же сцене.

Айден усмехнулся, скидывая на землю два серых, с радужным переливом, перышка:

— Птица-кровопийца втирается в доверие, приковывает хозяина к себе плотными узами привязанности, тем и питается. Стоит тебе уснуть, она тут как тут. Прокусывает кожу вот здесь, за ухом, и пьет. Хозяин теряет силы, и не понимает, что его питомец тянет из него силы. Обычно, исход весьма печален, для обеих сторон. Хозяин погибает, а птица-кровопийца отправляется на поиски нового источника пищи.

Я передернулась, представив, что со мной было бы, если я ненароком уснула вместе с маленьким пушистым упырем в одной комнате. Точно бы проснулась с легкой формы анемии, если вообще проснулась.

Снова повисла тишина, а затем Айден тихо сказал:

— До-Ка-Ри была не права.

Он тщательно подбирал слова, чтобы убедить меня в своей правоте, либо просто сочинял красивую историю, чтобы поразить мое сердце и вернуть доверие.

— Почему же, — я не могла отвести взгляда от окна, располагавшемся, напротив, на уровне второго этажа. Оно, в отличие от спальни, которая досталась мне, не было заколочено, и свет обрисовывал чужой силуэт густой тенью на старых пожелтевших занавесках. Чья эта комната? До-Ка-Ри? Догрэна? Кто еще не спит в столь поздний час?

Фигура шевельнулась в проеме окна, запрокидывая голову, обернулась три раза вокруг своей оси и исчезла. Свет мгновенно потух. Я моргнула, думая, что мне все почудилось, но тему менять не стала. Успеется.

Кашлянув, я пояснила:

— Она была права во многом.

Советник поспешно кивнул, обрадованный моей разговорчивостью:

— Да, но не во всем. Она ошиблась в самом главном.

Интерес, едва тлеющий, подогревался таинственным тоном Айдена, который так и намекал, что у него припрятан в рукаве не один туз, а целая колода из козырей.

— Выкладывай.

— Я знал твоего деда, — шепот коснулся моего уха, но я не отдернулась. Айден сказал, что в Костяной заставе не безопасно секретничать, здесь везде есть глаза и уши, а потому, беседа происходила в максимально интимной, даже смущающей обстановке. Не кстати я вспомнила, что при первой же встрече, мы с Айденем умудрились поваляться в обнимку по асфальту при появлении Вилфа Красноглазого, и при одной только мысли о колдуне Мертвая Голова на моем запястье заняла. Интересное совпадение. Но стоило мне услышать

о том, что Айден знал дедушку, как боль отступила на второй план. Я вся превратилась в комок нервов. «Ну же, продолжай!»

— Твой дед — замечательный человек, один из лучших представителей твоего племени, — шептал Айден, склонившись ко мне так близко, что со стороны казалось, что он задремал на моем плече. Мягкие волосы щекотали подбородок, и я едва сдерживалась, чтобы под шумок не потрогать блестящие пряди, мечту любой девушки.

— Когда мы встретились, я был в отчаянии. Талл давно уже потерял свою силу, погрузившись в магический сон, в ожидании возвращения своей возлюбленной. И те, кто и раньше был недоволен Таллом, но не смел даже пикнуть, стали поднимать головы, вслух заявляя о собственном недовольстве и революции. Они говорили, что перерождение Невесты — бред, что Талл решил уйти от дел. Оппозиция росла в количестве, к ним примкнули многие. До-Ка-Ри не исключение. Рыцари Талла не меняли флагов и не собирались бежать на другую сторону, а потому, оставались в меньшинстве. Повсюду плелись интриги, ткались заговоры. И виной всему был только один человек. Угадай, кто?

— Вилф Красноглазый, — прошептала я, неожиданно прозревая. Ну, конечно, Вилф. Кто еще смог бы зачаровать обаянием толпу, заставить их пойти против возлюбленного всеми бога. Он, как крысолов из сказки, манил всех обещаниями лучшей жизни, ведя в пучину предательства.

— Именно он. Когда я понял, что все Невесты, которые приводились в наш мир, фальшивые... Когда я осознал, что время уходит, я решил сам найти Суженую. Я отправился в путешествие по мирам, вслед за единственным яблоком, которое сможет привести сюда Истинную. Но на словах все что угодно может показаться простым.

Айден рассказал, что он был в отчаянии. Путешествие по мирам выпивало все силы, к тому же, связь с миром Талла была нарушена, и он не знал, вернется ли он в свой родной край, или придет уже на пепелище, где его не ждут. Оставшиеся рыцари держали оборону замка, но времени было катастрофически мало.

— Одной дождливой ночью я окончательно разочаровался в замысле Талла. Меня застиг ураган в одном из миров, силы окончательно меня покинули. Я ужасно хотел вернуться, и гори все синим пламенем. Но тогда я и встретил твоего деда.

Айден протянул руку, дотрагиваясь до моей щеки, и десяток разрядов тока пронизали мое тело. Я замерла, вцепившись в хрупкое дерево скамьи, а перед глазами разворачивалась история.

Советник решил, что лучше показать мне, чем рассказывать, и теперь я с головой окунулась в чужие воспоминания.

Ужасно сыро, в сапогах хлюпает. Спина ноет от неудачного падения с холма в мире номер 492, незаселенном и покрытом коркой льда. Болит горло, и Виллан давно не выходил на связь. Я бреду по улице, вокруг ни души. Стена дождя заслоняет обзор, слышится только натужный крип деревьев на улочке, куда я забредаю, в надежде переждать дождь, но не вижу ни единого укромного уголка. Ноги словно каменные, шагать все труднее. Ледяной ветер задувает в уши, поток воды достиг голени. Тяжко дыша, приваливаюсь к мокрой стене, прикрывая глаза. Если суждено мне умереть, то не здесь! Я отказываюсь!

Неопределенный звук привлекает мое внимание, и я вижу отблески света в витрине по левую руку. Маленькое крыльцо, залитое водой, приоткрытая дверь.

— Вам помочь?

Юнец, чьи щеки едва-едва узнали бритву, осматривает меня сквозь потоки воды,

близоруко шурясь.

— Зайдите, в моем магазине тепло, сможете обсохнуть.

Юноша раскрывает над головой зонт и несется ко мне, преодолевая поток дождевой воды, который стремится сбить его с ног и унести в далекие дали. Он тянет мне руку и тепло улыбается:

— Держитесь за меня, сегодня ужасная непогода.

— Дедушка, — прошептала я, выныривая из пучины воспоминаний. Айден грустно улыбнулся, смахивая с лица прядь.

— Да, именно он. Он дал мне приют, в момент, когда я больше всего нуждался. Обогрел, напоил чаем, и высушил одежду. Лавка старьевщика стала для меня знамением того, что все будет хорошо. Ведь в самом его центре, на бархатной подставке, стояло хрустальное яблоко.

— Дедушка антиквар, — я слегка обиделась, когда Айден так нелестно отозвался о магазине дедушки, но то, что он сказал дальше, заставило забыть все обиды.

— Я смотрел на твоего деда, на яблоко, и видел, что через тридцать лет в этой семье родится девочка. Видел, как хрустальное яблоко расколется в ее руках, и знал, что она принесет в наш мир порядок и благоденствие. Талл проснется, а тьма, нависшая над нами, рассеется.

Я помолчала, обмозговывая ситуацию, а затем задала резонный вопрос:

— Откуда ты мог знать, что яблоко в лавке деда именно то, что создал Талл?

Айден усмехнулся, пошевелив пальцами правой руки. Между ними сверкали искры, порожденные магией. Он восстанавливал свои силы, потраченный на перемещение нас из лап Иллюзионщиков.

— Яблоко создал Талл, а все остальные копии — я. Отличить работу своих рук я могу даже через стену с закрытыми глазами, ведь на них частицы моей силы. На том яблоке, что было во владении твоего дедушки, ее не было. Оно было чистым. Истинным.

ХРЯСЬ.

Я вскинула голову, испуганная неожиданным грохотом совсем рядом. Башня озарилась всполохами рыжего и алого, потянуло гарью. Я с тяжелым сердцем следила, как искра пробежала вверх по крыше башни, охватывая конусообразную крышу.

В Костяной заставе разгорелся пожар.

Часть вторая. Глава 33. Предатель однажды, предатель навсегда

Зеленая молния ударила в крышу башни, а затем огненный шар скользнул вниз, перекидываясь на деревянные постройки во дворе. Языки пламени жадно облизывали шеренги ящиков, но никто из солдат, толпящихся на пяточке перед башней, не дернулся, чтобы спасти их. Я окаменела, наблюдая, как Костяная застава пылает, объятая огнем, словно небеса взбунтовались и наслали на нее проклятие праха и пепла.

Айден вскочил, задевая меня впопыхах плечом. Над головой, в ветвях дуба, отчаянно кричала птица, испугавшаяся всполохов. Советник рванул вперед, на ходу вскидывая руку вверх. Рощу окутала дымка. Я наугад ткнула пальцами сквозь нее, но она обтекала ладонь, оставаясь невредимой. Я оказалась заперта посреди рощи, и купол приглушил звуки, делая происходящее далеким и нереальным. Но приближающийся с каждой минутой пожар и волны жара, обдававшие лицо, отчего кожа натягивалась, становясь блестящей и горячей, были реальными.

«Защита» — поняла я, не двигаясь с места. Мне было позволено только смотреть в спину Айдену и рыцарям, которые появились словно из неоткуда по обе руки от него, вставая на защиту Костяной башни, утопающей в огне. Айден пытался оберечь меня от всего, любой ценой, ведь я была его последней надеждой. Все мои предшественницы погибали, не успев добраться до первого же испытания. Я смогла его пережить, а значит, стать женой Талла — мое предназначение, хочу я того или нет. Здесь уже не мне решать, Мироздание и моя Несчастливая Звезда все уже решили за меня несколько столетий назад.

Страшный треск расколол ночь пополам: башня накренилась, заплакала расплавленным металлом с крыши. Глубокая трещина пробежала, змеясь, вверх от основания, с каждой минутой раздаваясь вширь. Запах пожарища шибанул в нос, отчего на глазах выступили едкие слезы. Я прижалась лицом к преграде, пытаюсь разглядеть сквозь пурпурную завесу хоть что-то в суетящейся толпе, которая была захлестнута паникой. Айден сотоварищи исчезли, проглоченные беснующейся толпой, а пыталась уцепиться хоть за что-то: знакомые лица или фигуры, но видела только одинаковых, как из набора оловянных фигурок, солдат, механическидвигающихся. Они цепью вытянулись от колодца у крепостной стены до башни, которая с хрустом просела и завалилась на бок, передавая друг другу ведра с водой. Но их усилиями мы не смогли бы и спички погасить, потому как солдаты выглядели сломанными марионетками в руках неопытного кукловода. Двигаясь неловко и скованно, они только делали вид, что помогают тушить пожар, ведь тушить уже было нечего: Костяная башня, полностью объятая пламенем, превратилась в десятиметровый столб огня, переливающийся жаром и искрами. Он закручивался по спирали, утыкаясь в темно-серое от дыма небо. Облака, напитавшиеся копотью и гарью, угрожающе нависли над Костяной заставой. Неподалеку истерически ржали лошади, запертые в стойлах и испуганные паникой.

В серой мешанине из облаков и дыма промелькнула тень, а затем на полотне дыма, разлившемся в небе над нами, прорисовалась угрожающая морда — раскосые яростные глаза под массивными надбровными дугами и четыре пары загнутых клыков в узкой прорези рта. Плоское, безносое лицо, взирало сверху вниз, а в темных провалах глазниц сверкали искры — отражение бушующего пламени на земле.

Казалось, никто кроме меня не замечает, что происходит что-то поистине странное. Солдаты замерли в пугающих, неестественных позах, будто манекены. В остекленевших глазах не отражалось ничего, кроме гулкой пустоты и темноты. Руц сначала еще пытался привести их в чувства, но потом плюнул и на пару с Догрэном таскали ведра к ящикам, позабыв про башню. Глядя на то, как и без того темное дерево ящиков становится угольно-черным, в груди заныло. Их нельзя трогать, это я знала точно, но почему? Что в них такого важного? Я знала ответ, но только никак не могла его найти.

Айден и Виллан, сцепив руки в замок, нараспев читали то ли заклинание, то ли мантру, призванную потушить пожар, и их голоса, соединенные в звонкую мелодию, подхватывал ветер и возносил все выше и выше, пока звуки не достигли чудовищного лица на небе.

КТО ПОСМЕЛ ПОТРЕВОЖИТЬ МОЙ ПОКОЙ?!

Земля под ногами коротко вздрогнула, отчего в ушах послышался звон. Он нарастал, становясь все сильнее с каждой минутой, отчего картинка перед глазами тоже начала искажаться. Демон, а кто это мог быть еще, метался над башней, становясь из дымного призрака обыкновенным существом из плоти и крови. Он цеплялся за то, что еще час назад было целым и не рушимым цепкими загнутыми когтями, выдыхая из узких ноздрей розоватый дымок. Демон был зол.

Догрэн, испуганный окриком, выронил ведро, бухаясь на колени. Плеснула вода, окатывая Руца до пояса, но больше его интересовал враг, появившийся перед глазами. Руц медленно извлек меч из ножен, примеряясь к удару. Демон был куда больше, раза в три выше и массивнее, но Руц методично обследовал его сутулую фигуру на наличие слабых мест. Но он уже опоздал.

Айден бросился бежать, карабкаясь по дымящимся кирпичам вверх по обломкам башни, чтобы вступить в схватку. В призрачном свете уже потухающего пламени сверкнула сталь: Советник тоже обнажил меч.

**АЙДЕН МЕРЗАВЕЦ
Я ТЕБЯ НЕ ЗВАЛ**

— Не знаю, кто выпустил тебя на волю, на это ненадолго, — вытянувшись во весь рост, Айден выставил перед собой меч. Лезвие поблескивало в свете догорающих деревянных опор башни, гарда почти полностью скрыла кисть. Без единого сомнения он принял стойку, которая могла показаться расслабленной обывателю, почти сонной. Но я видела, как напряглись мышцы шеи и окаменела спина: Советник был в полной боевой готовности. Демон пошевелился, сделал несколько неуклюжих шагов к сближению, поскользываясь на крошащихся под лапами кирпичях. Он не выглядел угрожающим или разгневанным, скорее — растерянным.

ПОЧЕМУ Я ЗДЕСЬ, А НЕ В КЛЕТКЕ

Голос демона звучал так громко, что звук давил на барабанные перепонки даже мне, стоящей поодаль. Айден, стоящий ближе, чуть расслабил руку, опуская меч ниже, чтобы демон не напоролся брюхом на острие. Он оглядывался, стараясь найти ответ на вопрос, но вокруг раскинулись одни руины. Они вибрировали, подчиняясь ускоряющейся дрожи земли. Вибрации проходили сквозь меня, устремляясь вверх. Птица-кровопийца уже охрипла и только невнятно клекотала, жалобно и тревожно. Черепа, украшавшие крепостную стену, злобно лязгали зубами, и этот угрожающий, дребезжащий звук с каждой минутой становился все громче. Защита, которой меня окружил Айден, медленно начала рассеиваться, как туманная дымка перед рассветом, но даже сейчас она оставалась достаточно крепкой, чтобы

отгородить меня от разворачивающейся сцены.

— Твоя темница разрушена, — Айдену приходилось напрягаться, чтобы перекричать нестройную песню черепов. Он указывал мечом на обломки деревянного ящика, лежащие у подножия башни. Дерево подмигивало в темноте тлеющими углями, земля вокруг была припорошена пеплом. — Кто-то выпустил тебя, взвалив на собственные плечи груз твоей боли.

Демон тяжело выдохнул, в воздухе едко запахло серой. Сгорбившись, он плюхнулся на гору кирпича, подпирая рогатую голову рукой. Дым рассеивался, давая возможность как следует его разглядеть. Увалень, заросший густым бурым волосом, смотрел на мир тоскливыми глазами, разочарованный открывающимся с высоты видом: чадящие обломки, испуганные рядовые в полосатых, измазанных сажей, мундирах. Они перешептывались, придя в себя, тыкали в демона пальцами, причиняя тому страдания.

ПОЧЕМУ?

Айден подошел ближе, балансируя на неустойчивой поверхности как заправский акробат. Я подумала, что он усядется рядом, но нет, Советник остался на ногах. Но даже стоя он не доставал до плеча монстру.

— Саботаж. Кто-то захотел разрушить Костяную заставу, оплот возмездия за преступления, твоими руками, чтобы не замарать свои. Рювак, кто мог тебя вызволить?

НИЧЕГО НЕ ЗНАЮ

Тяжкий вздох

Я УСТАЛ ВЕРИ МЕНЯ НАЗАД

Демон пригорюнился, по шерсти покатила мутноватая слеза. Он представлял собой образец отчаяния, будто потерявшийся ребенок среди шумной толпы. Я сочувствовала ему, не смотря на угрожающую внешность, торчащие клыки и громадный размер.

— Как вы могли?!

Гортанный крик разорвал повисшую тишину: Догрэн, все еще стоя на коленях, в иступлении бился лбом о землю.

— Повелитель, как вы могли?! — командор Костяной заставы почти рыдал, скаля зубы. На лбу от усилий образовалась ссадина, сочащаяся бедно-зеленой, мерзкой с виду, кровью. Кровавая полоса прочертила лицо, поделив надвое. Одна половина была сведена судорогой, искривлена как у злой карикатуры, глаз почернел и запал. А вторая смотрела на мир жалобным водянисто-голубым глазом, в котором читалась мольба. И обращена она была на Рювака, словно он ожидал от мохнатого громилы совсем иного.

— Они заперли вас, господин, на долгие годы, — Догрэн на коленях пополз к каменным ступеням, чудом сохранившимся после крушения башни, — а все, что вы просите... О, как вы смеете! Мы так долго ждали момента вашего освобождения, грезили мстью! Каждую ночь я искал вашу темницу среди тысяч других, а вы! Вы желаете вернуться в клетку, которая поглотила все ваши силы! Неужели в заключении вы обезумели?

— Так вот что, — Айден был спокоен, как удав. Сдержанно улыбался, глядя на рыдающего Догрэна, будто ничего не вышло из-под контроля. Словно каждый день общается с предателями.

— Талл знал, что предатель однажды — предатель навечно. Как не прискорбно озвучивать очевидное, но ты оправдал его подозрения.

— Заткнись! Заткнись! — заверещал Догрэн, вскакивая на ноги. Его била истерика: руки тряслись, голова запрокидывалась, на губах выступила синеватая пена. — Не хочу

ничего слышать про Талла, он давно сдох! Я хочу свободы! Но эта мерзкая тюрьма не отпускает, чтобы я смог стать свободным, ее нужно уничтожить!

— Неужели ты примкнул к тем, кто мечтает увидеть на троне Его Мрачнейшего Величества Вилфа?

— Плевал я на тебя, на Вилфа и на все Мрачнейшее Величество! Талл мертв, мы обречены, а ты отрицаешь правду, которая колет тебе глаза! — Догрэн схватился за фуражку, сбитую на бок от резких движений, швырнул ее на землю. В самом центре ее сверкал металлический черепок, знак отличия командора Костяной заставы. Догрэн неистово втоптывал фуражку в грязь, вымещая на ней злость, которая в клочья драла его изнутри.

Виллан бочком приблизился к командору, второй тенью вставая за спиной предателя. Он был готов в любой момент совершить казнь — меч держал горизонтально, чтобы в случае неповиновения сделать широкий удар наотмашь. И я понимала, что Догрэн не переживет его.

— Руц, — Айден щелкнул пальцами, привлекая внимание рыцаря, таящегося до поры, до времени в густой тени, — арестуй его. Догрэн Норд, вы обвиняетесь в предательстве с целью нарушения условий вашего помилования. Вы будете заключены под стражу. Приговор будет приведен в исполнение... немедленно.

Череп, скрежетавшие зубами, замолкли, издав напоследок странную барабанную дробь. Костяная застава погрузилась в тянущуюся, как деготь, тишину.

— Ты не посмеешь, — Догрэн набычился, отчего ссадина закровила сильнее, заливая серое лицо командора мерзкой жижей. Говорят, у лягушек зеленая кровь, так вот Догрэн все сильнее походил на жабу. Очень разозленную жабу.

Руц выступил вперед, вытягивая руку ладонью вниз. Подчиняясь магии, плелась сеть: золотистые мерцающие звенья крепились друг к другу с звоном, напоминающим колокола, пока в воздухе не повис сверкающий полог. Догрэн попятился, с ужасом взирая на Руца. Он стремился ускользнуть от угрозы, которая медленно плыла по воздуху, но, к несчастью, наткнулся на Виллана.

— Привет, командор, — весело проговорил Виллан, как бы невзначай поигрывая мечом в руке, — давно не виделись.

Издав истошный вопль, Догрэн, петляя, помчался в сторону, не разбирая дороги. Командор, потерявший последнюю надежду, мчался вдоль крепостной стены, надеясь найти выход. Подвесной мост оказался опущен, но пересечь границу между свободой и Костяной заставой не получалось: Догрэн раз за разом утыкался в прозрачную завесу, которая, пружиня, откидывала его назад.

— Странный малый, — с недоумением пробормотал Рювак, мотая головой, — из Костяной тюрьмы нет выхода.

Теперь демон разговаривал нормально, без громовых раскатов в голосе, словно не пытался более произвести впечатление. Растерянные солдаты смотрели на бессмысленные попытки бывшего командира сбежать, но не пытались ему помочь. Догрэн боролся с магической преградой даже когда Руц и Виллан приблизились спины, накидывая сверху сеть. Как только золотистая сеть опустила на его плечи, Догрэн опустил голову, устало упираясь лбом опору моста.

— Хочу на свободу, — захныкал командор, пуская горькую слезу. Его, укутанного сеткой, вели под руки, и мне на мгновение стало его жаль. Несколько солдат переняли эстафету, уводя бывшего командира в дальний угол двора, где аккуратной стопкой были

сложены доски. Пленник потерял запал, апатично взирал на мир.

— Ну что, пойдём? — Айдэн наклонился, подавая Рюваку руку. Тот с благодарным кивком принял помощь и поковылял вниз по обломкам, жадно пожирая глазами доски, из которых солдаты мастерили очередной ящик. Ожин из них раскачивался на месте и размахивал руками, словно отгонял муху, а Догрэн, подчиняясь чужим манипуляциям, медленно становился прозрачным и легким. Как только ящик оказался готовым, то втянул в себя Догрэна, с громким стуком захлопывая крышку. Тот, кто так старательно рвался на волю, пренебрегая теми крохами свободы, что были дарованы, оказался в клетке. Казалось бы, сам виноват, правда? Но почему-то у меня щипало глаза, а взгляд затуманился слезами.

Айдэн внимательно проследил за исполнением приговора, а затем обернулся к Рюваку, который переминался рядом, преисполненный нетерпения.

— Почему он надеялся, что ты поможешь ему сбежать? — в голосе Айдэна звякнула сталь, и я вновь видела перед собой того беспощадного и кровожадного рыцаря, который приходил ко мне в видении у костра До-Ка-Ри. Ему ничего не стоило убить, подумала я, чувствуя, как мелкие волоски на загривке становятся дыбом. И не только ему... Виллан не спешил прятать меч, закинул его на плечо, зорко окидывая взглядом двор. В отсветах догорающего пламени он был очень похож на сестру.

Сердце забило сильнее, когда я вспомнила, что в башне перед ее разрушением, находилась Повелительница Духов. Горло свело, и я могла только царапать молочно-розовую завесу, которая не торопилась окончательно растаять и выпустить меня на свободу. Мне хотелось кричать, привлечь к себе внимание, но голос пропал.

Рювак когтями почесал мохнатую щеку, размышляя:

— Когда-то я направил его по неверному пути, а потом загремел сюда. И достиг покоя. А Догрэн наоборот, варился в боли и ненависти. За что и поплатился.

— Ясно, — Айдэн мягким движением загнал меч в ножны, — рад, что ты образумился. Не хотел снова с тобой сражаться.

Рювак расхохотался, запрокидывая голову:

— Ты бы пожалел, что поднял на меня меч, сопляк! В прошлый раз я не слабо тебе накостьлял, долго отлеживался?

Советник сдержанно улыбнулся:

— Порядочно. Возвращаешься?

Рювак кивнул и мощным прыжком рванулся вперед, распугивая солдат. Создание нового ящика для него затянулось на четверть часа: Рювак критиковал каждое движение мастеров, требовал от них невероятного и капризничал. По обрывкам разговора стало понятно, что провести в персональной тюрьме демону придется еще четыре с гаком сотни лет, а потому придирчивость к ее созданию уже не казалось излишней.

Айдэн с рыцарями негромко беседовали поодаль, и я вернулась на лавочку, устало откидываясь на ее спину. Меня клонило в сон, перед глазами колыхалась защита, которая почти исчезла. Каждая минута в этом мире была наполнена событиями и приключениями, и от их обилия я уже перестала удивляться. Но я переживала за До-Ка-Ри. Как бы она меня не бесила, я боялась, что пожар сожрал ее, оставив несколько обугленных костей.

К шее прикоснулось что-то холодное и острое, и весь сон мигом слетел с меня. Замерев, я услышала лукавый шепот на ухо:

— Дернешься, и я прирежу тебя как животное. Так что сиди тихо, поняла?

Зря я переживала. До-Ка-Ри выжила, и теперь нежно прижимала лезвие ножа к моему

горлу.

Часть вторая. Глава 34. Кровь Невесты

— Будешь болтать, я прирежу тебя как скотину, — До-Ка-Ри понизила голос до ядовитого шепота, прижимаясь так близко, словно планировала использовать меня в качестве живого щита.

Звучало убедительно. Я замерла, затаив дыхание. Даже малейшее неповиновение или попытка подать голос, любое действие могло оказаться фатальной. До-Ка-Ри одной рукой обхватила меня за талию, словно стискивая в объятиях, а другой — плотнее прижала нож к моему горлу. Она была вся пронизана импульсами нервного возбуждения, отчего клинок в руке дрожал, задевая нежную кожу. На шее оставались мелкие, но болезненные порезы, которые, к моему огромному облегчению, не кровоточили. Птица-кровопийца высунула свой любопытный клюв из ветвей, попеременно моргая, будто учуяла запах свежей раны.

— Рада, что ты жива, — прошептала я, надеясь, что смогу сгладить острые углы, но мои слова Пожирательницу Духов только разозлили. Она презрительно выдохнула, уместив в один звук всю ненависть, которая булькала и клокотала в груди.

Занавесь защиты, наложенной Айденем, наконец, растаяла, но воздух искрился и хрустел. Ледяная корка змеилась по пожухлой от жара траве, захватывая территории. Я смотрела, как она подползает к моим кедам, а затем устремляется вверх, снова отрезая нас с До-Ка-Ри от остального мира. Холод заключал нас в идеальную сферу, плавно приподнимая метр за метром над землей. Я с надеждой смотрела на Айден и Виллана, которые беседовали с солдатами, раздавая указания, но они ничего не замечали. Кричать я боялась — ледяное лезвие скребло кожу, намекая, что действовать необдуманно будет равносильно подписи под смертным приговором.

— Ты не разбудишь Талла, нечего надеяться! Вилф единственный, кто сможет навести порядок, а ты всего лишь прошла чуть дальше, чем остальные, — До-Ка-Ри глотала слова и окончания, торопясь высказать мне всю свою ненависть. Я молчала, впитывая ее негативные эмоции как губка. Отчего-то даже не хотелось бороться, ведь даже вырвавшись из ледяной сферы, я бы грохнулась на землю. Сфера поднималась все выше и выше, возносясь над руинами и замирая над местом, где еще недавно устремлялся ввысь шпиль Костяной башни.

— Ты умрешь, — доверительно проговорила До-Ка-Ри, отнимая нож от моей шеи, но не торопясь отстраниться, — и очень скоро. С меткой Белой Головы долго не живут.

Словно отзываясь на ее ненависть, небо окрасилось алым. Рваные облака завертелись, образуя воронку, сквозь которую сочился бледно-розовый свет, от которого на душе становилось жутко. Я облизала пересохшие губы, отлично понимая, что грядет.

Айден и рыцари ничего не замечали, беспечно обмениваясь пустыми фразами, похлопывая друг друга по плечам и радуясь тому, что смогли раскрыть заговор раньше, чем он смог повредить чему-либо. Их окружал ореол, мутное полотно магии, пришедшей извне. Холод становился все сильнее, на одежде колко хрустел иней.

До-Ка-Ри оттолкнула меня, уже не беспокоясь о том, что я сбегу. Рискни я пробить тонкую стенку мыльного пузыря и прыгнуть, то переломала бы себе ноги, ведь сфера плыла в воздухе на уровне пятого этажа, поднимаясь все выше и выше.

Пожирательница дрожала от предвкушения, заглядывая в воронку, которая разинула свою беззубую пасть в паре метров от нас. Пронизывающий ветер трепал ее рыжие волосы, девушка кривила губы как от невыносимой боли, но глаза ее горели.

— Он идет! — она запрокинула голову, жадно глотая воздух, поднимая вверх нож. Лезвие сверкнуло, на мгновение ослепив. Первым же инстинктом было заслонить лицо руками, и я почти успела это сделать. Нож опустился со свистящим звуком распоротого воздуха, а боль запоздала, отчего я не сразу поняла, что произошло. Я в замедленном действии увидела, как сталь разрубает пополам метку Мертвой Головы, а кровь заливает рукав. Ткань стала липкой и тяжелой, кровавые разводы остались на лезвии, которое До-Ка-Ри поднесла к губам. Она задумчиво лизнула нож и улыбнулась:

— Восхитительно!

Хлопок, еще один! Уши заложило плотным звоном, от которого в голове моментально вспыхнула мигрень. Водоворот облаков заходил ходуном, выплевывая в пространство комок огня. Оглушенная болью, я зажимала рану ладонью и безучастно наблюдала, как Айден вскидывает голову, заходясь отчаянным криком.

— Привет, цветочек, — огонь потух, являя врага. Вилф Красноглазый обожал эффектные появления и театральные ужимки. — Пора умирать, красавица.

Я издала сдавленный стон: только колдун мог раздражать так сильно, что инстинкт самосохранения летел ко всем чертям.

— Проваливай, Вилф.

Колдун восхищенно свистнул, поплотнее запахивая широкополый плащ:

— Я тоже рад тебя видеть!

— Ты опоздал! — До-Ка-Ри обвиняюще выставила перед собой нож и подбоченилась.

Вилф фыркнул в ответ, поправляя сбившуюся маску на место: я смогла увидеть острый подбородок и мертвенно-бледную кожу, которая выглядела совсем нездорово. И только алые глаза колдуна были все такими же колючими и холодными, способными остудить кровь мимолетным взглядом из-под узких прорезей аляповатой маски.

— Я никогда не опаздываю. Следи за языком, девчонка, или я тебя на ленты порежу.

До-Ка-Ри дернулась, будто слова Вилфа ударили ее по лицу, но промолчала. Я опустила взгляд вниз, оценивая обстановку. На дворе Костяной заставы царила паника. Айден и Виллан обнажили мечи, выкрикивая в воздух беспомощные угрозы. Нас достигали только обрывки фраз, но даже по ним становилось понятно, что рыцари не собирались относиться к Вилфу с должным почтением. Особенно меня заинтересовал речевой оборот, в котором Виллан советовал колдуну совершить интересный туристический маршрут с последующим возвращением, но лет через двести как минимум. Красноглазый на все это взирал с непоколебимым спокойствием, скрестив руки на груди, будто терпеливо дожидался момента, когда угрозы иссякнут.

— Спасибо, что призвала меня, — насмешливо поблагодарил он До-Ка-Ри, которая от такого внимания вспыхнула словно фонарь в ночи, — люблю бывать в местах, где меня любят и ждут.

До-Ка-Ри нервно облизнула губы, отводя от лица спутанные пряди. Она смотрела на колдуна с плохо скрываемыми вождедением и страхом, и мне, как свидетелю, становилось дико неловко. Что в нем было такого, хотелось мне спросить, ведь я помнила, что прошлой ночью До-Ка-Ри едва ли не на шею Айдену вешалась, а теперь как влюбленная кошка жадно следит за каждым движением Вилфа?

— Вилф, спускайся! — Виллан яростно взмахнул рукой, швыряя в сторону колдуна шар из чистой магии. Но Вилф ловко отбил его поло й плаща, который и поглотил

ослепительную вспышку огня. Деловито изучив белоснежную ткань на наличие подпалин или дырок, колдун горделиво выпрямился в воздухе. Для него не составляло труда левитировать свое тело так высоко как только могло заблагорассудиться, продолжая дразнить рыцарей недостижимостью.

— Твои заклинания — детские игрушки для меня, — Красноглазый вперился взглядом в рыцаря, и Виллан застыл на месте. Воздух заискрился от силы, которая изливалась из Вилфа в пространство. Магия вцепилась в тело Виллана как оголодавший хищник, пожирая его сантиметр за сантиметром, и теперь рыцарь напоминал мраморную статую, и только дрожащий меч в его руке говорил о том, что Виллан жив. Краски покинули его тело, будто бы рыцаря припорошили пеплом.

Я сжалась в комок, ведь энергия Вилфа давила не только на Виллана, она почти сшибала с ног До-Ка-Ри, которой стоило многих усилий устоять на ногах. Она подалась вперед, делая упор на колени, будто пыталась выстоять против урагана. Вилф и был ураганом, безжалостным и жестоким. Я сражалась с дремотой, которая окутала меня, навеянная очень тяжелой и плотной магией, которая для обычного человека становилась совсем невыносимой, если ее источник находился в двух шагах и убираться куда подальше не собирался. Вилф был очень силен, настолько мощная энергия не могла взяться в поджаром и жилистом теле, мог ли колдун накапливать магию? Откуда мне вообще знать, каким образом в этом мире действует волшебство?

Пока я корчилась под ногами До-Ка-Ри, Вилф затеял перепалку с Айденем. Советник не стал даже пытаться спасти Виллана из когтей чужеродной магии, ведь пока не убереешь ее источник, все остальное — мелочи жизни.

— Отпусти Лиззет, — Айден казался спокойным, но он был напряжен как струна. На виске пульсировала синяя жилка, а руки обхватывали рукоять меча с излишним усердием. Он переводил взгляд с меня на Вилфа, и обратно, будто был не уверен, кому лучше уделить внимание.

— А то что? — Вилф согнулся, пряча руки за спину и разглядывая Айдена с ног до головы. Повеяло холодом: тонкие пальцы шевелились, выплетая заклинание, от которого кровь стыла в жилах. Айден был слишком далеко, чтобы почуять облако темной ворожбы, которое нависло над Костяной заставой.

— Все равно тебя достанем, — Айден поморщился и расправил плечи. Он не боялся Вилфа, не смотря на то, что колдун представлял из себя реальную и очень вескую угрозу. Затаив дыхание, я смотрела, как с кончиков пальцев Вилфа тянутся нити — черные клубящиеся спирали дыма, от которых за версту несло смрадом гниения.

Что-то яркое, промелькнувшее внизу, привлекло мое внимание на долю секунды: рядом с Айденем стояла девушка, обратив красивое и бесстрастное лицо в небеса. Аора, она была здесь. Зябко кутаясь в тонюсенькую накидку из шелка, она стояла босиком на холодной земле и безропотно ждала. Осознание того б что это могло бы значить, пришло не сразу. Оно расколело голову на несколько кусков — леди Смерть на поле боя, ждет пока случится непоправимое. Я едва открыла рот, чтобы крикнуть б предупредить Айдена, но Вилф одним движением лишил меня речи.

— Детям не стоит встречать во взрослые игры, — искоса кивнув на меня пламенеющий взор, промурлыкал Красноглазый, а До-Ка-Ри вторила ему гортанным смехом. Я могла только хрипеть, кашлять и царапать поверхность сферы, надеясь, что Айден обернется, увидит Аору и все поймет без лишних слов. Но поздно...

Вилф выкинул руку вперед, как только последнее звено магической формулы стало единым целым с остальными компонентами: к земле, минуя ледяной шар-тюрьму, неслась темно-серая волна. Она поглотила двор, накрывая всех пеленой черного дыма и заглушая крики ужаса. Едва коснувшись переговаривающихся черепов, деревянной ограды, подвесного моста, черная клокочущая субстанция обернула их в прах. Он был повсюду, куда я могла дотянуться взглядом, и то, что двор был укрыт магической завесой, не оставляло веры в лучшее.

Вилф потянулся всем телом, и движение было скорее по-кошачьи изящным, нежели человеческим. Он был доволен, ведь все мешающиеся под ногами людишки испарились, стали горкой праха, а значит, ничто уже не помешает ему творить правильную историю. Все это мне шепотом подсказывала До-Ка-Ри, которая, видимо, разговаривала сама с собой, вне себя от восторга. Она едва ли не подпрыгивала на месте от счастья, когда Вилф в одно мгновение оказался внутри сферы, разбивая ее холод жаром собственной энергии. Магия, которой у колдуна было в избытке, сочилась сквозь каждую его пору, и ее прикосновения к моей собственной коже, к лицу были прикосновением ядовитого плюща. Минуя До-Ка-Ри и не обращая на нее никакого внимания, Красноглазый направился ко мне, на ходу отбирая у Пожирательницы душ клинок, который она не выпускала из рук.

— Привет, цветочек, — Вилф опустил на корточки, приближая маску к моему лицу. Мы не в первый раз оказывались так близко, но сейчас все было по-другому. Я помнила, что нельзя смотреть ему в глаза, но искушение было сильнее правил. Стоило мне вскинуть подбородок, демонстрируя, что сдаваться не собираюсь, Вилф расхохотался, запрокидывая голову. Я не могла больше ничего сделать, ведь голоса меня лишили, я сдаваться на милость победителю я не могла. Я устала бояться.

— Ты прекрасна и удивительна. Наверное, Талл был бы счастлив, стань ты его женой. Да и рыцари мечтали, чтобы на второй престол вошла именно ты.

Вилф указал острием ножа вниз, где черное облако дыма пожирало все вокруг: трава за оградой, стоило дыму ее коснуться, тут же превращалась в труху. И только болото могло остановить распространение заразы. Дым только раз коснулся безмятежной глади топей и тут же отпрянул, словно встретил достойное сопротивление.

— Многие бы не чаяли в тебе души, милая, но видишь ли, дело в том, что я мыслю иначе. Для меня ты — досадная проблема, которую необходимо решить. Тревожащая преграда, которую стоит поскорее убрать с пути.

Вилф рассказывал мне о собственной ненужности еще несколько минут. По его словам, я была ошибкой, случайностью в идеальном плане переворота, и от меня надо было избавиться как можно скорее. С каждой минутой пребывания в этом мире, я переворачивала устои, которым насчитывался не один десяток тысячелетий, с ног на голову, даже не замечая.

— Знаешь, к чему я веду? — Вилф склонил голову к плечу, но не услышал ответа. — Этому миру требуются перемены, здесь все верно. Только ты этими переменами никогда не станешь. А значит...

Нож полоснул по горлу, но я ничего не почувствовала. Во рту стало горячо и солено, я захлебывалась кровью, которая при каждом вдохе клокотала в горле и выплескивалась изо рта, мягко обволакивая подбородок. Она же хлестала из раны, заливая грудь липкой влагой.

— Пора умирать, — улыбка Вилфа была последним, что я увидела, прежде чем свет перед глазами померк.

Часть вторая. Глава 35. Утопка

Мутная жижа грязно-рыжего, кирпичного оттенка, на ощупь больше походила на старую, комковатую вату. Она мягко обволакивала тело, каждая клеточка которого страдала от невыносимой боли, даруя нежную прохладу и мимолетное облегчение. Но вслед за короткими мгновениями свободы, боль с новой силой вцеплялась в конечности, живот и голову, и этот замкнутый круг длился уже.... А сколько он уже длился?

Время слепилось в один пластилиновый шар, бесконечное, неторопливое. Я потеряла ему счет давным-давно, стоило осознать себя не плавающей в черном пространстве, без конца и края, и лежащей на мелководье. И еще несколько часов, вероятно, пыталась свыкнуться с мыслью, что не сдохла.

В раскрытый рот попадала вода, с затхлым душком, и я, наконец, поняла, где нахожусь. Мне повезло свалиться в болото, в самую мелкую его часть, и, почему-то, еще больше улыбнулась удача не утонуть.

Больше всего страданий причиняла рана на шее. Она пульсировала, гулко и ощутимо, словно с каждым стуком сердца кровь покидала меня. Слабость наполнила плоть изнутри, и я осознала, что не могу пошевелить ни одним пальцем, не говоря уже о том, чтобы подняться. Тело отяжелело, но куда тяжелее и мрачнее были мои мысли.

Рыцари погибли, в этом у меня не было сомнений. Какой силой не обладай, но противостоять тлетворной магии Вилфа Красноглазого, которая на своем пути обращала все в прах, было невозможно. Щиты должны были рушиться под натиском волшебства, как трухлявая доска рассыпается под ударом молотка. Но у них не было даже времени их выставить.

Глаза едко защипало. Отчего такая тоска проснулась, задалась я вопросом, чувствуя, как из-под век текут слезы. Мы же знакомы пару дней, почему я плачу? Неужели от того, что боюсь остаться мире Талла совсем одна, без провожатых? Страхусь погибнуть за ближайшим поворотом? И вообще, почему я еще жива?

Приглушенный плеск раздался неподалеку, будто кто-то бродил по мелководью, зачерпывая воду сапогами при каждом шаге. Я шевельнулась, борясь с болью и слабостью, надеясь уйти чуть глубже. Может, не заметят? Сделав глубокий вдох, я опустилась ниже. Звуки отдалились, чужое шлепанье по воде казалось совсем призрачным, но вот вода вспенилась, пошла пузырями и пеной. Этот «кто-то» подошел совсем близко, и теперь разглядывал меня через толщу мутной воды. Во взгляде не было враждебности, скорее, интерес с легкой примесью любопытства. Все чувства обострились, но веки разлепить я была не в силах, да и не хотелось нарушать маскировку. Мало ли, может движение головы или руки спровоцирует наблюдателя на агрессию?

— Гля! Гля! Утопка! — голос у тени, что появилась надо мной, был визгливый, словно у рассерженного ребенка. Незнакомец с пару секунд еще разглядывал меня, пока издали не послышались еще шаги — куда более грузные, чем до этого.

— Гля, шо нашел, — меня окатило волной чужого заливистого смеха на таких высоких тонах, что царапало слух, даже сквозь воду, — утопка. Свежак!

К первой тени присоединилась еще одна. Что-то твердое ощутимо ткнуло меня в бок, но я не шевелилась. Кислород в легких заканчивался все стремительнее, в груди жгло огнем, и я мысленно молилась, чтобы незваные гости убрались восвояси поскорее.

— Дааа, утопка, — рассудительно заключил второй, для убедительно еще пару раз ткнув меня в бок и плечо. Я считала про себя секунды, когда мне все-таки придется глотнуть воздуха, чтобы точно не стать «утопкой».

— Мош сожрем? — с затаенной надеждой предложил первый, жадно хватая меня рукой за кисть и щупая на предмет аппетитности. — Мяска малыше, чем хотца. Но хоть костяхи поглодаем.

Второй погрузился в задумчивое молчание, видимо, принимая решение на счет маринованной в болотной водиче мертвечины на ужин. Вероятно, подобная участь меня бы и обошла, но я уже не могла сдерживаться: титаническим усилием я оттолкнулась от толщи воды, всплывая вверх и жадно глотая воду раскрытым ртом.

— Так она живехонька, — с откровенным разочарованием протянуло коренастое, зеленое существом, резво отпрыгивая от меня в сторону. В образе Лазаря я была ему не интересна.

Их было двое — низкорослые и широкоплечие. Под полупрозрачной зеленоватой кожей виднелись сизые жилки, по которым с частой-частой пульсацией двигалась голубая жидкость. Приплюснутые лица с узкими прорезями ноздрей, глубоко посаженные невыразительные глаза, перепонки между пальцами. В объемных, круглых животах, которые они выпячивали вперед, словно гордясь, плескалась вода и мелкие рыбешки, которые, впрочем, не доставляли своим хозяевам особых хлопот. На бедрах были намотаны грязные, обветшавшие тряпки, едва прикрывающие откровенную наготу, а в остальном, они походили на обыкновенных людей, разве что острые, акульки почти, зубы напоминали, что еще минуту назад, они были готовы сожрать меня без гарнира.

— Не надо...есть, пожалуйста, — прохрипела я, напрягая голосовые связки. Я боялась, что стоит мне произнести хоть слово, как рот снова наполнится горячей кровью, но ошиблась. Рана болела, но уже закрылась. Почему?

— И не хотца, — тот, который так надеялся, что обед у него будет деликатес в моем лице, обиделся и демонстративно отвернулся, пиная воображаемые камешки на мелководе. На его макушке торчали несколько белесых прядок, и я друг поняла, кого они мне напоминают: водяного из старого мультика! Напрягла память, но не смогла вспомнить кроме этого ничего больше. В сказках дедушки такие персонажи не присутствовали, я ничего про них не знала. Может, они питаются не только падалью? И все-таки решат перекусить мной?

Второй водяной рассматривал мою шею, задумчиво теребя массивную нижнюю губу. Как питательный ужин я для него не представляла интереса, но что-то в моем облике его завораживало и интриговало.

— Болеть? — ничуть не смущаясь, он ткнул длинным ногтем прямо в рану на горле, безошибочно определяя очаг боли. Я взывала. Ощущения — ужас, даже зубы заскрипели.

Я кивнула и закрыла глаза. Будь у «водяных» хоть капля тактичности, они бы ушли и оставили меня предаваться размышлениям о собственной ничтожности, но им столько деликатные материи эмоциональной палитры были незнакомы.

— Хрыга, подь сюды. Забирай-ка.

Тот, кого называли Хрыгой, сплюнул через плечо, емко выражая всю гамму собственных эмоций, но послушаться не смел.

— Дуришь, Рунок. На кой она нам в доме?

Хрыга подошел ближе, со страдальческим вздохом наклонился и подхватил меня, в

отяжелевшей от воды одежде, на руки так легко, словно я не весила ничего, и деловито пошлепал прочь. Мне было стыдно — я была вся перемазана рыжей, почти красной глиной. Она слепила волосы в сосульки буро-коричневого цвета и покрывала тело ровным слоем, будто я принимала глиняные ванны и переборщила.

Рунок топал след в след, ни на сантиметр не отклоняясь в сторону, на пути проверяя глубину топи отполированным, увесистым шестом. Именно им он тыкал меня в бок, и от шеста осталось несколько синяков, я чувствовала их под одеждой. Путь, по которому двигался Хрыга, был им обоим знаком. Он без труда пересекал места, которые незнакомому с болотом могли показаться гиблыми, а некоторые полянки, с виду вполне безопасные, обходил десятой дорогой.

Монотонное движение успокаивало ничуть не хуже материнской колыбельной, и вскоре я задремала на руках Хрыги, привалившись к прохладному, влажному плечу. Сквозь сон я слышала обрывочные бормотания моего носильщика и Рунока. Первый спрашивал, можно ли пустить меня в расход, «ежели сама помрети?» Рунок безмолвствовал, или же отзывался короткими, рубленными фразами, после которых товарищ замолкал, обиженно сопя.

Мое путешествие продолжалось.

Часть вторая. Глава 36. Каритиды

Обжигающий отвар от трав, который капля за каплей вливался в пересохшее горло, казался настоящим зельем для пробуждения мертвых. Стоило сделать один-единственный глоток, как по жилам побежала энергия, побуждающая вскочить и стремглав нестись по болоту и лесам, в надежде отыскать что-то давно потерянное.

— Пей, детка, пей, — ласково уговаривала Даной, глядя меня по грязным волосам с нежностью и лаской. — Возвращайся к нам.

Не знаю, сколько я пробыла в беспамятстве, мечась на травяной подстилке, истекая едким потом и бредовыми видениями. В путаных и пугающих снах меня вновь преследовали Вилф и До-Ка-Ри, ледяной клинок раз за разом проникал в плоть, а я вновь и вновь умирала. Пересекать черту между миром живых и мертвых страшно только в первый раз, а потом ты ныряешь в омут с головой, надеясь на избавление от липких, ядовитых кошмаров. Облегчение приходило только на мгновение, а затем ужас накидывался вновь, до хруста сжимая клыки на измученном разуме.

Хрыга и Рунок долго двигались по болоту, а затем свернули в чашу, где сросшиеся кроны деревьев окончательно заслонили свет, но водяные прекрасно ориентировались и в темноте. К исходу дня мы оказались в деревне, затерянной среди частогокола вековых исполинов-деревьев. Сама того не желая, я вернулась в лес.

Сквозь забытье я плохо помнила, что именно происходило, когда Хрыга пересекал деревню со мной на руках, чинно и официально кланяясь подходящим ближе сородичам, словно принес в дом невиданный трофей. Может, они возмущались или же раздражались восхищенными восклицаниями, кто знает? Я могла бы спросить, но как только меня разместили в темной, пропахшей сыростью лачуге, Хрыга ушел, не обернувшись, а Рунок не отличался болтливостью. Он уселся в углу, опираясь на свой шест, прикрыл глаза и притворился статуей. Я пыталась его разговорить, задавала вопросы, но, то ли он не понимал меня, то ли предпочитал прикидываться глухонемой ветошью. Вскоре мне надоело, да и силы покидали меня все стремительнее, так что я посчитала за благо помолчать.

Рассматривать в хижине было нечего: четыре пустые деревянные стены, почерневшие от старости и влаги. В противоположном углу колония плесени разрисовала стену витиеватыми узорами, кругами и треугольниками. Их я и рассматривала, когда в хижину вошло она. Женщина, горделивая и статная, озаренная теплым закатным светом, оранжево-красным. Но в мире, где царит мрак, не бывает заката, так, быть может, дело было в ее пылающей ауре? Прищурившись, я перевела взгляд на Рунок и увидела его ауру. Она была слабее, почти таяла под натиском чужой, огненно-рыжей, размытая и бледно-голубая. Я скользнула взглядом по ней, замечая как цветной силуэт, облегающий неподвижную фигуру в углу, съежился и стал плотнее.

А затем испугалась.

— Не бойся, дитя мое, — прохладная рука легла на пылающий лоб, прогоняя жар, — ты в безопасности.

Черты лица женщины утопали во мраке, и только зеленые, яркие-яркие глаза, горели мистическим огнем. Сомнения, зарождающиеся под сердцем, тут же рассеялись под влиянием ее чарующего, грудного голоса. Если бы где-то проходили поиски дамы, которая смогла бы выразить в себе собирательный образ Богини-Матери, но ей бы стала именно она.

— Меня зовут Даной, — женщина едва заметно качнула головой, и Рунок плавно поднялся на ноги и исчез в темноте, которая плескалась в дверном проеме. Я таращилась в необыкновенную пустоту ночи за пределами более светлого, деревянного треугольника и дрожала от понимания, насколько я одинока и беспомощна.

Даной присела рядом со мной на циновку, наклоняясь, чтобы видеть мое лицо как можно лучше:

— Я помогу тебе. Позволишь?

Зелень ее глаз была куда красноречивее слов. Руку свело судорогой, но я потянулась к ней, отчаянно хватаясь на подол яркой юбки.

— Помоги... мне.

Не знаю, владела ли Даной магией или нет, но спустя несколько дней я убедилась, что она — настоящая волшебница. Приходила она на рассвете, покидала хижину с закатом, а в плохие ночи оставалась подле меня до самого утра, растирая мои ледяные ладони и успокаивая меня тихим пением. Она выглядела совсем как я, а значит, не относилась к племени водяных, которые меня нашли. Как она прибилась к ним?

Перерезанное горло оказалось не самым страшным, что со мной приключилось. Рана зажила быстрее, чем все остальное: синяки, разрывы, переломы и ссадины. Не стесненная моей наготой, Даной обмазывала мне болотной глиной, рассказывая, что именно она и спасла меня. Когда Вилф столкнул меня вниз, он не мог предсказать, что я упаду на мелководье, где родники подмывают берег. Колдун надеялся, что мое тело будет поглощено топями, но я оказалась буквально в колодце с живой водой, точнее глиной. В месте падения ее было по колено. Она заживляла любые раны, даже смертельные. Она бы залечила и остальные травмы, но организм бросил ее чудодейственные свойства на операцию спасения моей жизни. Переломы и гематомы не представляли опасности для моего организма. Однако боль приходилось терпеть через стиснутые зубы.

Даной готовила из этой глины притирки и мази, которыми и обмазывала меня ежедневно с головы до ног.

— Свежая глина попала на рану, — вещала травница, аккуратно опуская кончики пальцев в миниатюрную склянку и зачерпывая немного мази, — вот же тебе повезло!

В чем именно повезло, я не уточняла. Как замороженная, я следила за ее манипуляциями, и, видя такой интерес к работе, Даной вместе с лечением преподавала мне уроки. Спустя неделю, по местному времени, я уже могла отличать болотную осоку от пиргиней гладкой, а камыш от дурманника, который использовался исключительно для приготовления снотворного и одурманивающих настоек, обладая терпким, очень запоминающимся запахом.

Когда я оставалась в одиночестве, то рассматривала в тусклом свете, сочащемся через трещины в стенах, потолок. Мертвая Голова на запястье, рассеченная надвое полосой розовой полосой зажившего шрама, пульсировала в такт сердцебиению. Время от времени ледяная волна прокатывалась от кончиков пальцев до локтя, отчего мышцы сворачивало мучительной судорогой. Я стеснялась говорить об этом Даной, ведь травница и так была занята заботой обо мне, и я не хотела тревожить ее по пустякам. С подобным аксессуаром на коже я постоянно ощущала рядом с собой чужеродное присутствие. Вспоминались молчаливые, угрожающие фигуры Иллюзионщиков, привносящие в растревоженные мысли нотку тревоги, и мне хотелось выть. Грызть твердую, сплетенную из травы подушку, лить

злые слезы и выть, срывая голос. Я осталась одна, без единого шанса на возвращение в свой мир. Айден и остальные — мертвы, где искать Шартиар — ума не приложу, и в остальном — сплошная безнадега и тоска зеленая. Может, Наставница уже поняла, что случилось что-то не то, а теперь сама ищет меня среди болот?

Дни тянулись один за другим, и чтобы не сойти с ума от скуки и безделья, я то и делала что спала. Книг в деревне не было, ведь каритиды не владели грамотой, а те, что приносила Даной, я осилить не смогла. Пожелтевшие от времени и сырости страницы были испещрены пиктограммами, расшифровать которые было под силу только травнице.

Кормили меня в досталь и сытно: рыбой, пропеченной на углях до ароматной корочки, и лепешками из злаков, растущих на болоте. Иногда Хрыга или Рунок, а может кто-то из их собратьев, приносили мне фруктов, сочных и спелых. Организму, который боролся с травмами, не хватало витаминов, а потому, я нетерпеливо дожидалась, пока останусь одна и вгрызалась в мягкую плоть фрукта, захлебываясь его соком. Позже мне становилось стыдно за собственную невоспитанность, но здесь, на болотах, в отдалении от цивилизации, я начала пренебрегать некоторыми условностями. В деревне каритидов время почти останавливалось, особенно по ночам, когда жители засыпали, и становилось слышным стрекотание неизвестных насекомых далеко на болотах. Я закрывала глаза, вслушиваясь в монотонный звук, и считала про себя, чтобы уснуть.

— Мне снятся очень странные сны, — я поморщилась, потирая виски. Даной обернулась, удивленная внезапной откровенностью. Очередное пестрое платье всколыхнулось, продемонстрировав крепкие, загорелые икры. Она всегда ходила босая, не заботясь об острых веточках или камнях, которые усеивали деревню. Каритиды не отличались завидной чистоплотностью. Я наблюдала за ними, когда Даной позволяла мне покинуть постель, но гулять по деревне мне не разрешалось. Я сидела на пороге своей хижины, кутаясь в одежду, которую одолжила травница, и издалека следила за обычаями и традициями водяных. Они походили на людей, но, все же, были куда наивнее и добросердечнее. Ко мне каритиды относились настороженно, не приближались и не вступали в диалог. Для них я была слишком сложной, диковинной зверушкой, подобранной на болотах, да и пользы не приносила. Не собирала коренья, не рыбачила вместе с женщинами племени и не помогала складировать продукты впрок в отдельной хижине, стоявшей в отдалении от поселения. В роще, где она размещалась, всегда было прохладно от густой тени, которую давали сомкнутые кроны деревьев.

— Сны? — голос Даной вывел меня из задумчивости, напоминая, что разговор затеяла именно я. Травница улыбалась и терпеливо ждала, когда я сосредоточусь и расскажу больше.

— Да, — я присела на кровати, спуская ноги на пол. Левая нога, едва оправившаяся от сложного перелома, все еще ныла, когда я делала робкие, неуверенные шаги. Даной залечила перелом и обещала, что кость будет еще крепче, но я все еще боялась, что она ошибается. — Очень странные сны.

Говоря, что сны странные и пугающие, я не преувеличивала. Они были и не снами вовсе, а видениями, приходили не каждую ночь, и оставляли после себя горечь под языком и дрожащие руки. Под утро сны забывались, а видения нет, и в памяти они оставались четкими и наполненными деталями.

— Что же ты видишь? — Даной не на шутку встревожилась. Нахмурившись, женщина отставила в сторону кувшин и присела на край кровати. Она сжала мою руку, ободряя.

— Я вижу мужчину, — насупилась, мысленно вызывая перед собой образ, единожды увиденный во сне, — он очень похож на одного знакомого, только гораздо младше.

Лгать не хотелось, но я решила скрыть детали. Даной не знала обо мне ничего, кроме того, что я упала с высоты в болото. Она не знала, что меня сопровождали рыцари Талла, она не имела понятия, что я Невеста. Никто не знал, как она отреагирует, если я произнесу имя Айдена или Шартгар. Быть может, она прикончит меня на месте, оказавшись пособницей Вилфа Красноглазого? Или же выдаст меня с потрохами До-Ка-Ри и иллюзионщиками. Я не могла ей сказать, что в видениях ко мне приходит юный Айден.

Каждое видение было словно мини-фильм. Я видела со стороны людей и события. В том, где приходил Советник, не было ничего особенного: я наблюдала, как он охотится, рыбачит и раздает указания. Но образ его был слишком юн, черты лица куда мягче, а шрама на переносице не было еще и в помине. Иногда он разговаривал с кем-то, чье лицо было скрыто завесой темноты. Невидимый собеседник отвечал, и голос его не был знаком. Порой, они беседовали до утра, рассуждая о судьбе мира, а иногда смотрели в окно и молчали.

Собеседник Айдена всегда находился во тьме, и даже голос его был неразличим. С кем он беседовал? Со своим господином, Его Мрачайшим Величеством? Во сне я хотела разорвать завесу тьмы, увидеть, наконец, лицо своего предначертанного пророчеством супруга, но раз за разом видела только лицо Айдена: прекрасное и юное, лишенное трагической тени ответственности, которая сильно портила его облик. Время и испытания наложили свой отпечаток, и Советник выглядел куда старше и мудрее, и уже не смеялся так заливисто и искренне, как в моих снах.

Даной на мой рассказ лишь улыбнулась, приподнимая уголки губ, и пожала плечами:

— К сожалению, моих знаний не хватит на расшифровку видений. Быть может, эти сны — напоминание или новое знание?

Уклончивый тон, отведенные в сторону глаза. Я прищурилась, разглядывая ее ауру: она стала плотнее, темно-оранжевая. Даной была обеспокоена, но касалось ли это моих слов? Я бы хотела подумать об этом подольше, но погрузившись в свои мысли, поняла, что могу думать только об одном. Я вертела в голове каждый сон туда-обратно, как на перемотке, надеясь найти тайный смысл, но безуспешно. Даной поднялась с постели, вновь подхватывая в руки кувшин:

— Пойду к колодцу, наберу воды.

— Хорошо, — отозвалась я бездумно, разглядывая запястье. Метка Мертвой Головы смазалась, стала нечеткой, будто кожа пыталась стереть с себя устрашающий узор.

В тот день Даной ко мне не вернулась.

На следующее утро Даной опоздала, а когда ее фигура, наконец, появилась в проеме двери, я поняла, что что-то не так. Приподнялась на постели, заглядывая в лицо травнице, пытаюсь отыскать там хотя бы намек на разговор, который, я была уверена, последует. И не ошиблась.

— Расскажи, почему ты оказалась на болотах, — Даной уселась на пол перед моей циновкой, хмурая, если не рассерженная. В глаза мне смотреть она избегала, нервно перебирала шеренгу высушенных трав, развешенных у моей постели. Я задержала дыхание. Разговор был неизбежен. Я могла пожать плечами, ответить, что не помню — при падении отшибло память. Можно было сочинить десяток баек, дабы уйти от ответа. Но я не стала лгать.

Я выложила Даной все, как было, начистоту. Травница слушала молча, не сводя с меня испытующего, цепкого взгляда. Ни единого уточнения, ни одного комментария. Когда я упомянула о Вилфе, по лицу Даной пробежала судорога, но и тогда она промолчала.

Рассказ закончился, а напряжение осталось. Даной сверлила меня взглядом, в котором я не видела хорошего предзнаменования. Она не знала, какую змею пригрела на груди, а теперь, видимо, размышляла над способом быстро и безболезненно от меня избавиться.

Молчание тянулось почти четверть часа. А потом Даной ушла: поднялась на ноги и покинула хижину, оставляя на полу отпечатки босых ног.

Часть вторая. Глава 37. Болотная Ведьма

— Тебе надо уйти.

Я не стала зажигать свечу, ведь и без того знала, кто посетил меня в ночи. После разговора с Даной прошло несколько часов, а травница так и не появилась. Не заходили и каритиды, в деревне повисла гнетущая тишина, будто все жители разом ее покинули. Но это было не так. Иногда порыв ветра доносил до меня обрывки чужих разговоров, и я понимала, что каритиды во главе с Даной созвали общий сбор, где обсуждались вопросы моего присутствия в поселении. Оставлять меня было слишком рискованно в свете последних событий.

Решение уйти до момента, пока меня попросят это сделать, я приняла еще раньше. Вещей у меня не было, только длинные тряпки и старое платье Даной, которые были моей единственной одеждой. Плащ, кеды и джинсы, в которых я прибыла в мир, Даной сожгла. Сказала, что так избавляется от зловещей энергии, но была и другая причина. Кровь так въелась в ткань, что отстирать ее было бы невозможно даже в самой мощной стиральной машинке, как ни старайся. А женщины каритидов стирали по старинке, отбивая белье камнями у проточной воды.

Когда Даной пришла, я почти готова была уйти в никуда, тихо покинуть деревню по-английски и скрыться в лесу. Я была безумно благодарна Даной и каритидам за доброту и гостеприимство, но мое время здесь истекло. Я уходила пустая, имея только одно — надежду, что я смогу отыскать Шартлар. Но Даной не позволила претворить простой план в жизнь.

— Тебе надо уйти, — Даной привалилась к косяку, складывая руки на груди. А затем вздохнула так тяжело, что у меня кольнуло сердце. Я склонила голову, пряча лицо за отросшими волосами. Я и без того знала, что каритиды и Даной больше не желают видеть меня у себя на постое, но я никак не могла догадаться, что травница скажет дальше:

— Мы не сможем тебя защитить, если Вилф пронюхает, что ты здесь. А он узнает. Но пока у нас еще есть время.

— Что ты имеешь в виду?

Я сжала руки за спиной, рассчитывая услышать все, что угодно. Она могла велеть мне убрать с глаз долой, или же одурманила бы меня и приказала каритидам отнести меня в лес.

Даной прошла в хижину, усаживаясь на циновку и пряча лицо в ладонях. Казалось, она принимает решение, которое дается ей мучительно:

— Ты не до конца оправилась. Выгони я тебя сейчас — отправлю на верную смерть. Я не способна на подобную жестокость.

Она лгала — я слышала это в словах, видела в жестах. Она спокойно выставила бы меня с позором, но, отчего-то, не стала этого делать. На одной чаше весов лежало благополучие деревни, а на другой — моя жизнь. Почему же перевесила вторая?

— Ты, и правда, Невеста? — Даной подняла голову, с надеждой заглядывая мне в глаза. В темно-зеленых, в крапинку, глазах было столько отчаяния и надежды, что мне стало совестно. Я, помедлив, кивнула.

— Хорошо. Я вылечу твои раны, а ты, в свою очередь, сможешь излечить этот мир от заразы, которая распространяется по нему с немыслимой скоростью. Мир без присмотра хозяев страдает, тебе предстоит усвоить много уроков. И начинаем мы немедленно.

Даной поднялась, шагнула в ночь, опуская за собой полог. Ее не было четверть часа, и я не смогла удержаться от соблазна. Потушив свечу, я шагнула к проему, отодвигая в сторону занавесь. В деревне каритидов было тихо, только горели тусклые огни в хижинах. Водяные рано ложились, вставали еще до восхода солнца, но сегодня тишина была гнетущей и неестественной. Я кожей чувствовала, что в каждой семье водяных кипят молчаливые споры о моей судьбе. Мнение водяных могло не совпадать с мнением Даной, но именно она здесь принимала решения.

Когда травница вошла в хижину, держа под мышкой стопку книг и холщовую сумку, я уже приготовилась к тому, что будет сложно и от нервов не могла найти себе места.

— Садись, — женщина кинула на меня искоса взгляд, устраиваясь на полу. — Если ты и правда Невеста Мрачнейшего, тебе придется нелегко. Да, ты пережила много потерь, но не думай, что дальше будет проще.

В сумке звякнули склянки: Даной аккуратно вынимала из мешка бутылки за бутылком, банку за банкой, и в каждой из них, аккуратно запечатанных, находилось растение или цветок. Их было столько, что разбегались глаза. Как можно выучить все? Не представляю!

— Я научу тебя всему, что знаю, — Даной подарила мне одну из своих редких, сдержанных улыбок, протягивая руку за первой книгой. Страницы послушно зашелестели под ее пальцами. — Готовься.

Потянулись долгие дни обучения. Даной, недовольно хмыкая, уступила мольбам, позволив мне выйти на свет. Теперь я могла бродить по деревне, изучая жизнь и устройство быта каритидов. Точнее, я могла бы бродить, будь у меня достаточно времени. Даной бросила все силы на мое обучение, а потому, начиналось оно с рассвета, а заканчивалось глубокой ночью. В хижину я заползала на ватных ногах, валилась кубарем на циновку, засыпая в полете. Видения приходят почти перестали, или же усталость оказывалась настолько сильной, что просто их не запоминала.

— Здесь каждое растение может быть как панацеей, так и ядом, — Даной взмахивала зажатым в пальцах цветком, демонстрируя мне, как щедро сыпется с него пыльца. — Одной шепотки порошка, истолченного из семилетника серебристого, хватит, чтобы усыпить на сутки. Добавь две — и Аора распахнет перед ним свои объятия.

Затем она подняла в воздух три тонюсеньких колоска, которые колыхались из стороны в сторону, нарушая все законы природы.

— Выжми сок из осоки смолистой, разбавь тремя чашами воды — враг потеряет бдительность. Если же воды будет меньше — он сойдет с ума.

Иногда мы покидали деревню, углубляясь в лес. Гулять по лесу с Даной оказалось непросто: заинтересовавшись определенным растением, она могла часами бродить среди деревьев, выясняя, где именно находится главный его корень, забыв, что она не одна. Дальние расстояния давались мне тяжело — нога, едва оправившаяся от сложного перелома, давала о себе знать тупой, ноющей болью, словно кость пилили ножовкой. Ощущения — не из приятных.

Я пожирала знания, как умирающий от жажды захлебывается чистой родниковой водой. Оказалось, что нет ничего проще, чем весь день варить снадобья и настойки под контролем учителя, а затем до рассвета сидеть над книгами. Древние знания, передающиеся от поколения к поколению, вызывали только холодок, пробегающий по спине, каждый раз, когда я перелистывала пожелтевшие, хрустящие от старости страницы.

— Почему ты здесь? — я подняла голову, наблюдая, как у стола суетится Даной.

Цветастая юбка подлетала каждый раз, стоило травнице двинуться или резко повернуться, когда она вспоминала, что не добавила какой-то особенно важный ингредиент. На столе, в специальном углублении, потрескивал огонь — все зелья лучше готовить на открытом огне, это я усвоила в самые первые занятия. Над костром, в закрепленном котелке, булькало варево. Даной то и дело подкидывала в кипящую жидкость недостающие элементы, от чего вода меняла цвет, а иногда и плотность.

— У каждого есть свое место. Мое — здесь, — ответила Даной, оборачиваясь через плечо. Некоторые ответы могут тонко намекнуть, что больше спрашивать не стоит.

— Ты напоминаешь мне персонажа сказки, — помолчав, сказала я, вновь утыкаясь в книгу, но читать про огнедых дикий не было сил. За последние несколько дней я так сильно вымоталась, что могла уснуть в любом положении. Чаще всего я засыпала как раз над книгой, утыкаясь лицом в колени. Меня не покидало ощущение, что Даной торопиться, форсирует мое обучение, словно ждет чего-то. Чего-то, что может наступить в любой момент, а потому — особенно страшит.

— Кого же? — заинтересовавшись, Даной отложила в сторону серебряную ложку, которой помешивала в котелке. Зелье булькнуло и вновь замолкло, настаиваясь. Интересно, для чего оно предназначено?

— Болотную ведьму? — пришлось поднапрячься, чтобы вспомнить имя. Дедушка нечасто про нее рассказывал, а сама Болотная Ведьма пугала меня до чертиков. Любимым ее развлечением было потешаться над путниками, которые по случайности забрели на ее болото. Для начала она путала тропинки, заводя их в самую глубину болота, откуда без чужой помощи не выбраться. Потом дразнила обессилевших путников блуждающими огоньками на краю топей. Знакомые голоса неслись издалека, повинувшись магии Болотной Ведьмы, но путники, все глубже увязая в болоте, не могли двинуться. Ведьма хохотала до слез, когда видела, как люди, сдавшиеся и отчаявшиеся, уходили с головой в трясину.

Подобные рассказы доводили меня до слез, но неизвестно почему, Даной мне напоминала Болотную Ведьму, только подобревшую. Как будто колдунья встала на путь искупления своих прошлых грехов.

Даной скривилась, облизывая пересохшие губы:

— Интересные ассоциации, ничего не скажешь. Ты видишь меня как душегубку?

Я ступевалась, закрывая лицо книгой. Сама уже поняла, какую глупость сморозила, а под тяжелым взглядом Даной стало совсем стыдно. Но травница быстро остыла:

— Успокойся, ничего удивительного, что ты приняла меня за нее. Мы слишком похожи своими привычками и местом обитания. Но я никогда бы не причинила вред невинному, запомни хорошенько. Я — не моя сестра.

Последнее предложение она пробормотала себе под нос, сверля взглядом воздух перед собой. Стиснутые губы побелели. Я предпочла промолчать, не переспрашивать.

До утра мы просидели за книгами, разбирая состав зелья. К рассвету у меня кружилась голова: учителем Даной была требовательным и грозным, но ее слова были понятнее любой лекции в университете. Она вкладывала в голову знания, руководствуясь только одним, — сочувствием.

Когда Рунок, не постучавшись, вошел в хижину, я откровенно клевала носом: различия между колопянкой и диссервушкой оказались слишком сложными для меня, усталой и выжатой, как лимон.

Даной обернулась к водяному, стоявшему у двери неслышной тенью, встретила с ним

глазами. Я не впервые заметила, что каритиды общаются с травницей без слов, будто имея особенную связь. Зевая, я с тоской поглядывала на постель Даной, которая смотрела куда удобнее и комфортабельнее, чем моя циновка. Но и та бы сейчас сгодилась. Да я была готова уснуть на холодном полу, укрываясь книгой!

— Мне пора идти, — Даной без усилия поднялась на ноги и вышла вслед за Руноком, даже не подумав объяснить, что произошло. Я прислушалась — в деревне, только встречающей новый день, — всюду звучали взволнованные голоса, шум и стук. Тревога царапнула сердце, но я из последних сил переползла на койку и закрыла глаза. Я слишком устала, чтобы думать.

Темный коридор, где каждый шаг отзывался гулким эхом, привел меня в аскетически обставленную спальню. Скромная кровать, укрытая серым покрывалом, выглядела такой покинутой, словно в этом доме уже давно никто не спал. Я застыла на пороге, вглядываясь в бархатную тьму, замечая только отдельные детали: бликующая гладь зеркала, жалкие огарки свечей на колченогом столике, пара растрепанных книг.

— Боль...но...

Я обернулась, обращая внимания на мужскую фигуру, скорчившуюся в углу. Уткнувшись лицом в колени, мужчина раскачивался из стороны в сторону.

— Больно... — тяжкий вздох шепотом осенней листвы разнесся по комнате, провоцируя ледяной порыв ветра из ниоткуда, который ударил мне в лицо, ослепляя и дезориентируя.

Я шагнула вперед, заслоняя руками лицо. От жестокого ветра слезились глаза, я почти ничего не видела.

— Вам плохо? — наугад спросила я, надеясь, что мужчина сможет ответить на самый главный вопрос: что я здесь делаю? Я не помнила, как там оказалась, я не помнила ничего.

В ответ раздался протяжный, отчаянный стон, в котором было столько боли, что в животе что-то сжалось и задрожало. Ветер стих, и я смогла приблизиться. Но стоило мне сделать несколько шагов, как фигура в углу застыла. Так застывают пауки, застигнутые врасплох.

— Эй, — шепотом позвала я, привлекая внимание, но что-то мне твердило «Беги! Немедленно беги!»

— Ты все равно будешь моей, — голова медленно поднялась, демонстрируя бледное до синевы лицо. Темные неаккуратные пряди обрамляли его, делая черты лица тонкими, заострившимися.

Я попятилась, пытаюсь нащарить за собой дверь или хоть что-нибудь. Мужчина, угловато и неловко двигаясь, шевельнул коленями, поднимаясь. Воздух по мановению руки стал плотным, и я почти не могла сопротивляться. Каждое движение выходило смазанным и медленным.

— Уходи! — крикнула, борясь с пустотой. Она не пускала меня — невидимые, но осязаемые руки хватили за ноги, плечи и волосы, удерживая на месте.

Алые глаза, сверлящие меня исподлобья, вспыхнули и тут же погасли. Переваливаясь с ноги на ногу, словно каждый шаг причинял невыразимую боль, Вилф двигался ко мне. В безвольно повисшей руке была зажата расколотая надвое маска.

— Моя! — бледная рука потянулась вперед, на ходу вытягиваясь как в дурацких ужастиках. Я взвизгнула, рванувшись в сторону, наплевав на то, что призрачные пальцы

впиваются в тело, царапая до мяса.

И тьма поглотила меня.

Часть вторая. Глава 38. Пепелище

Корень песочника подгнил, заучерявился плесенью, а потому не годился. Я с сожалением откинула его в сторону, рыская глазами по земле: где-то здесь я видела еще один, надеюсь, он подойдет. Погода вот уже третий день стояла ненастная, с болота тянуло смрадным духом сырости, и жители деревни вели себя странно.

— Даной, что случилось на болотах? — даже напряженный поиск песочника не смог отвлечь от мыслей, терзавших меня два дня кряду. Покинув меня на рассвете, Даной вернулась в деревню только на следующее утро. По пятам шел Рунок, оперевшись взглядом в землю. В его походке, неуверенной и нервной, чувствовалось некое напряжение. Я махнула ей рукой, сидя на пороге хижины, но она прошла мимо, опустив плечи и глядя в землю. Готова побить об заклад, выглядела она испуганно и потерянно. Теперь я задавалась вопросом: что же так напугало травницу и водяного? Рунок был замечательным следопытом, отличным охотником и чтецом по тропам, что для его соплеменников — особенно почетно. Почему же они вернулись из леса с такими лицами?

Даной, собирающая неподалеку перстянку, коротко выдохнула, как делала постоянно, стоило мне зайти на опасную территорию в компании лишних вопросов. Я прикусила язык, делая вид, что страшно увлечена созерцанием муравьев, которые непрерывной цепочкой поднимались по стволу дерева, закручивая свой строй спиралью. Брюшка у них зеленели и светились в сумерках лесной чащи.

Острые края трав, которые я ощупывала, прежде чем сорвать, резали пальцы, а от холодной росы, щедро выступившей на бледно-зеленом покрывале поляны, руки покрывались мурашками и коченели.

— Ничего не произошло, — кратко отозвалась травница, выпрямляясь во весь рост. Ладони, испачканные растительным соком и землей, она обтирала о юбку, на которой расплзлись некрасивые кляксы бурого и темно-зеленого цвета, а под ногтями налипла грязь. — Пало несколько зверей, от загадочной болезни. Надо было убедиться, что деревне ничто не грозит.

Я почти поверила ей — ровный тон, спокойный взгляд. Только рука, терзающая ткань юбки до расходящихся нитей, не лгала. На болоте не было спокойно.

Каждая новая находка уводила нас все дальше от селения: я, увлеченная сперва поисками песочника, а затем — редких цветов лазурного цвета, не заметила, как забрела так далеко, что растерялась. Даной была здесь же, с сумрачным лицом бродила вокруг стволов-великанов, бормоча под нос строчки поискового заговора. Мне она говорила, что нет в нем магии или особенной силы, но, если произнести его, наполняешься уверенностью, что поиск закончится успешно. Лес умеет шутить: обнаружишь полянку, полную нужных и редких трав, а у тебя с собой ни ножа, ни лукошка. В руках, максимум, сможешь несколько пучков унести, но, кто же сможет удержать от соблазна? Убегаешь домой, а когда возвратишься — с ума сойдешь, искавши нужное место. Полянка пропадает, лес не любит жадных.

Не жадничай, веди себя с лесом уважительно и трепетно, словно с мудрым предком, а лес отплатит тебе той же любовью и преданностью.

Южный ветер, налетевший так внезапно, что я покачнулась, донес до чащи горький запах дыма. Я принялась: каритиды не доверяли огню и почти не разводили его в селении, боялись за деревянные, хрупкие свои хижины. Но запах горячей древесины и

соломы вился следы деревьев, сопровождая искры, взметающиеся вверх. Их было плохо видно за деревьями, но всполохи озаряли лес не хуже сигнальной ракеты.

Даной напряглась, как струна, и уставилась в туманную даль, которая исходила крупными завитками дыма. Она тоже поняла, что случилось. На раздумья хватило нескольких секунд, а затем Даной рванула к деревне. Мне казалось, что ее босые ноги не касаются земли, и она летит вперед, уже видя перед собой картину случившейся трагедии. Я едва успевала за ней, царапая руки и ноги о колючие ветки, когда петляла на узкой тропинке. Но лес не желал выпускать нас: он путал тропы, уводил нас все дальше от деревни, не давая к ней приблизиться. Даной рычала от ненависти и отчаяния, выла как волчицы, потерявшая своих волчат. От его пронзительного плача в груди сжималось сердце, я ощущала ледяное прикосновение чужих пальцев к нему. Словно в моем последнем сне...

Долго мы плутали между деревьев, пока лес не сжалился. Тропа, ведущая в деревню каритидов, притаилась за раскидистой рощей, но Даной увидела ее. Отчаянно куснула себя крепкими зубами за мякоть кисти, и отметины налились темной густой кровью. Даной наклонилась, прикасаясь к прохладной земле ладонью и устремляя взгляд в горизонт, который был грязно-серым от дыма. Кровь быстро впиталась, а заросли, закрывшие путь, разошлись. Лес принял жертву. Даной сделала первый шаг, входя в селение каритидов, которого больше не существовало.

Мы уходили из обжитой, бурлящей и пузырящейся голосами и смехом деревни, а вернулись на пепелище. Дюжина хижин была разрушена до основания, всюду воняло гарью и кровью. Сделанные из легкой древесины и соломы, они вспыхнули за считанные секунды, выгорая до тла. Я прикрыла глаза, чтобы не видеть, что земля в деревне стала рыхлой и липкой от крови и слез. Даной, пошатываясь словно пьяная, бродила от хижины к хижине, заглядывая в них с затаенной надеждой, а затем отшатывалась, закрывая рот. Из ее нутра рвалась боль, превращаясь в гортанный крик. В деревне не осталось выживших.

Резали всех: взрослых и детей. Здесь и там виднелись тела, отброшенные нападавшими в сторону, словно сломанные и ненужные игрушки.

Ступая по мокрой земле, я подошла к своей хижине — внутри все было разворочено, тюфяк разодран на отдельные волокна, а книги, а тряпки, заменявшие мне одежду — пропали. Крыша, провалившаяся внутрь, вяло тлела, подмигивая в темноте. За спиной раздался гортанный вскрик. Я обернулась, чувствуя, как в груди колотится сердце.

— Ненавижу, ненавижу, — рыдала Даной, падая на колени перед своей хижинкой. На ступенях, скользких и черных, лежал Рунок. Безучастные глаза смотрели в темное небо, а рядом валялось копьё, измазанное маслянистой кровью по всему древку. Водяной до последнего охранял жилье своей предводительницы, пожелав погибнуть, а не отступить.

Горло сжалось, а глаза стали влажными. Хотелось сесть рядом с Даной и рыдать, захлебываясь бесполезной соленой водой, кричать в небо проклятия тем, кто посмел уничтожить десяток невинных душ ради достижения собственных целей.

Даной поднялась на ноги, утирая покрасневшие щеки грязными руками. На ее волосах оседала гарь черными хлопьями, а глаза сверкали от ненависти и боли. Она бережно уложила Рунока на землю, вкладывая ему в руки копьё. Я не знала похоронных обрядов каритидов, да и некогда было хоронить целую деревню. Травница постояла над бездыханным телом друга, беззвучно шевеля губами. Коснулась глаз, лба и губ, будто прощаясь, а затем развернулась, скрываясь в хижине. Рунок успел уберечь ее вещи — книги, снадобья и эликсиры. Все они, нетронутые, блестели на полках хижины, а Даной сгребала их

в холщовую сумку. Еще одну, почти точную копию, она швырнула мне в руки:

— Помогай, не стой столбом.

На сборы ушел час: я бережно паковала книги в сумку, а Даной уничтожала улики возвращения в деревню.

— Они не могли уйти далеко и могут вернуться, раз уж не нашли тебя, — Даной надыхалась дыма, сорвала голос, рыдая, а потому, теперь ее голос звучал словно карканье воронья, — надо уходить.

Мы стояли на краю деревни, глядя как она пылает. Даной твердо вознамерилась стереть ее с лица земли, а для этого прошлась с факелом по каждой хижине, горько всхлипывая каждый раз, когда видела тела убитых друзей. Хижины легко горели, как и трава, опаляемая жаром кострища, в котором таяла деревня.

— Я могла догадаться, — шептала Даной, склонив голову к груди, — но была невнимательна.

Павшие животные на болоте, поняла я. Тревога Даной и Рунока. Иллюзионщики пришли за мной, потому что узнали, что я жива. Неужели сон, где я встретила с Вилфом, к лицу к лицу, выдал меня?

Если бы Даной выгнала меня, то ничего бы не произошло. Я сглотнула комок в горле, не решаясь поднять глаза на травницу, горюющую так искренне и горько, что перехватывало дыхание.

— Пора, — Даной закинула за спину холщовые сумки с книгами и склянками и развернулась к горящей деревне спиной. Она смотрела только вперед и видела только путь, который предстояло преодолеть. Я замешкалась: куда же мы пойдём? Почему Даной все еще держится рядом, ведь я стала причиной уничтожения деревни каритидов, места, которое Даной считала единственным своим домом. Но травница ответила раньше, чем я озвучила свои сомнения.

— Я провожу тебя до столицы. Надеюсь, они погибли не зря, Невеста.

Ледяные слова вспороли грудную клетку, но я тронулась вслед за Даной, стараясь не упускать ее из виду.

— Я не разочарую тебя. Их смерти не станут напрасными, — в уголках глаз вскипели злые слезы. Я еще никогда не чувствовала в сердце такой жгучей, терзающей ненависти. Впервые в жизни я захотела убить человека — Вилф это заслужил.

Путь лежал в столицу.

Часть вторая. Глава 39. Встречи и разлуки

Уходили дальними тропами: Даной принесла очередную жертву лесу, окропив кровью деревья, в надежде, что его защита укроет нас от врагов. На темной мшистой коре остался размытый отпечаток ладони, медленно растворяющийся в пористой поверхности. Мох жадно впитывал кровь, наслаждаясь каждой каплей. Украдкой вытерев глаза, я искоса взглянула на Даной. Она чутко вслушивалась во тьму, перебирая в руках четки. Гладкие бусины из белого камня отзывались каждое движение пальцев певучим перестуком, разбавляя стылую тишину.

Земля под ногами хлюпала, напоминая об опасной близости топей, но Даной шагала размашисто, уверенно, неся за спиной сумки с пожитками. Наверное, стоило предложить помощь, но я боялась открыть рот. Горе пылало в травнице, обжигая ее словно глиняную статуэтку, а языки пламени тянулись ко мне, угрожая спалить дотла, не оставив и горстки пепла.

— Держись рядом, — просипела через плечо Даной, ускоряя шаг. Она то ли испытывала меня, то ли мстила: я отвыкла от быстрой ходьбы, постоянно сбивалась с темпа. Дыхание не восстанавливалось, легкие жгло, но остановиться и взять минуту на отдых, было смерти подобно. Набатом звучал в ушах стук сердца, а мне казалось, что я слышу топот конских копыт за спиной. Всадники, мрачные и сердитые, снуют между деревьев в поисках беглянки. Отпечатками копыт была усеяна земля между лачугами каритидов.

Горечь разливалась под языком, становясь с каждой минутой все невыносимее. Чувство вины и непоправимости произошедшего давило на шею, заставляя сгибать спину под их тяжестью. Я сплывала слюну, борясь с желанием вывернуть желудок наизнанку у ближайшего, чтобы избавиться от тревожного, подтачивающего волю чувства. Я жалкая, не стоящая и ногтя всех тех, что погибли, пытаюсь меня защитить. Раньше все казалось игрой, сегодняшняя реальность кровью доказала, насколько она настоящая и жестокая. За мной по пятам следовала смерть, держась на отдалении, но, не выпуская меня из виду.

Даной остановилась так внезапно, что я, погрузившись в волны самобичевания, врезалась ей в спину.

— Прекрати себя жалеть, — тихо произнесла травница, не оборачиваясь, будто не в силах смотреть на меня. — Ты не сможешь исправить то, что случилось. Но можешь сделать так, чтобы это не повторилось.

Я свесила голову, задумавшись. Была в ее словах крупица правды, но как она могла облегчить мои терзания? Индальгенция за ошибки, прощение всех грехов?

Тонкий свист достиг моего уха в самый последний момент, я бы даже не успела увернуться, если бы не травница. Она шагнула назад, толкая меня плечом в кусты. Я оступилась, падая ничком в кучу прелой листвы. В лицо ударил терпкий запах гниения, листья вплелись в волосы, ладони заскользили на сырой земле. Мимо носа, разрывая воздух песней-свистом, пронеслась стрела с темным оперением. Тонкий металлический наконечник вонзился в дерево, и то брызнуло в стороны щепками. Даной прислушалась, а затем подошла и потянула за тесьму, прикрепленную между двумя деревьями, именно на нее я напоролась, двигаясь неосмотрительно. Травница оглядывалась, ища признаки других ловушек, куда более хитроумных. Тесьма медленно таяла в ее руках.

— Иллюзионщики, мерзкие твари, — хмыкнула травница, откидывая в сторону

молочно-белые капли рассеявшейся иллюзии. — Их штучки.

— Айден говорил, что они не могут причинить вреда, — прохрипела я, поднимаясь на ноги и вычесывая из волос листья.

— Айден говорил? — с непонятной досадой цыкнула Даной. — Да, их силы заточены на обман. Но стрелу в плечо получишь вполне настоящую.

Даной аккуратно извлекла стрелу, осматривая оперение и масляно-блестящий наконечник.

— Отравленная. Хорошо подготовились.

А затем откинула ее в сторону, будто обжегшись. На лице Даной проступила гримаса отвращения, смешенного с ненавистью:

— Работают не одни. Есть у них в компании кто-то, разбирающийся в травах. Дешево и сердито, от заражения умрешь за пару часов.

До-Ка-Ри, подумала я. Даю руку на отсечение, что ее работа. Я вздрогнула, представив, как холодная плоть наконечника вгрызается в плечо, распространяя по венам и кровеносным сосудам смертельную заразу.

Мы продолжили путь. Почти до самой столицы Даной молчала, иногда давая резкие, как выстрел или щелчок кнута, указания: повернуть, затихнуть или спрятаться. На подходе к городу, который оказался не так уж и далеко, мы едва не наткнулись на отряд иллюзионщиков. Мы оказались не готовы к тому, что из раскидистых, густых кустов, на нас вылетит конная тройка. Лошади, загнанные, с шальными глазами, хрипели и мотали гривами. В углах губ вскипала желтоватая пена, показывающая, что всадники не жалели их вот уже много часов. Фигуры, закутанные в темные плащи с серебристой окантовкой, стегали их бедных животных плетью, вынуждая двигаться еще быстрее. Те выбивались из сил, едва держась на ногах.

Даной, сообразившая быстрее, дернула меня за руку, приседая за кустами, но один из всадников заметил нас. Он резким движением остановил лошадь, от чего та взвилась на дыбы и издала отчаянный звук, от которого в груди у меня заныло. Иллюзионщики нас обнаружили.

— Кто такие? — темный капюшон сдвинулся, обнажая сероватую, прочерченную глубокими морщинами, кожу лба. Всадник наклонился, не торопясь спешиваться. Его спутники также притормозили, давая своим лошадям минуту отдыха, в которой они так нуждались.

— Ведьма я, милоч. В лесу живу уж четвертую сотню лет, — Даной сторбилась, в мгновение становясь старше, чем была. На ее лице застыло жалостливое выражение, присущее человеку, который обратил на себя нежеланное внимание и мечтает от него как можно быстрее избавиться. Я уткнулась взглядом в землю, беспрестанно кивая в подтверждение сказанного. Иллюзионщик цыкнул, неудовлетворенный ответом:

— Куда идешь, старая?

— Да в город, милоч! Внучку свою пристроить хорошим людям в услужение. Говорят, есть места, где молодая девица сможет работать по совести и бабке своей копеечку отсылать. А то утомилась уже девка, в лесу живя и с дикими зверями разговаривая!

Травница сторбилась, накидывая на голову шаль: теперь она точно выглядела как пожилая, усталая женщина, ведущая в город единственную внучку. Даже глаза влажно блестели, словно она мучилась осознанием, что придется отдать кровиночку в чужие руки если не навсегда, то на долгое время точно. Она специально коверкала слова, издавала

жеманные смешки, которые резали слух. Иллюзионщик продолжал прятаться за капюшоном, как и его соратники, не давая прочесть собственные мысли по лицу или глазам.

«Отпусти нас уже!» — взмолилась я про себя, теряя надежду. Иллюзионщик шумно втягивал воздух, пригнувшись к нам как огромная охотничья собака, обнаружившая след.

«Отпусти!»

Враг замер, покачивая головой. Молчание длилось какую-то жалкую секунду, но мне оно казалось вечностью. А затем иллюзионщик кивнул своим сопровождающим, щелкнул кнутом, и они рванули дальше, не говоря ни слова. Я смотрела вслед удаляющимся всадникам, ничего не понимая.

— Почему он не заметил, что ты не старая ведьма? — я куснула себя за губу, чтобы унять дрожь. Во рту тут же поселился противный металлический привкус, но даже ему я была рада. Приятно чувствовать, что хоть что-то не меняется. Я по-прежнему состою из плоти и крови.

Даной выпрямилась, откидывая в сторону растрепанные пряди:

— Иллюзионщики ориентируются на звук и запах, глаза у них слабые и беззащитные. Они почти слепы, если не используют свои эликсиры.

— Эликсиры? — мы вновь двинулись по дороге, попеременно оглядываясь: иллюзионщики могли вернуться, поняв, что их одурачили, но любопытство не на шутку разыгралось. Я была готова мучить травницу вопросами хоть до заката, наплевав на все предупреждающие вздохи и закатанные глаза. — Кто они вообще такие?

Даной несколько минут размышляла, видимо изобретая способ обойти неудобные вопросы, но так его и не обнаружила.

— Мерзавцы, не имеющие к магии таланта, но очень рвущиеся ее использовать. Настоящего волшебства у них не выйдет никогда в жизни, и они используют специальные составы, чтобы дать себе магическую подпитку. Когда Его Мрачайшее Величество еще был полон сил, их не принимали всерьез. Но они примкнули к Вилфу и стали грозной силой, которую нельзя сбрасывать со счетов. Обмануть их сложно, но возможно. Главное — быть убедительной.

Пока я размышляла над этой мыслью, тропинка медленно расширялась, густые и колючие заросли редели, а между ветвями пробивался нежный свет, льющийся от трех остроконечных башен впереди.

— Столица, — пробормотала Даной, сбавляя шаг. — Вот мы и пришли.

Она устало выпрямилась, скидывая на землю у своих ног серую сумку, забитую книгами.

Я была готова, что дорога будет дальняя. Ожидала, даже, что на пути встретятся препятствия, которые будет трудно преодолеть. Но нет, дорога была легка и спокойна, не смотря на встречу с иллюзионщиками. Главная проблема возникла уже у ворот. Я, растерянная и обескураженная, смотрела на картину впереди и понимала: вот оно, начинается самое сложное.

Вся крепостная стена, окружающая столицу, кишмя кишела темными плащами с серебристой окантовкой. Они бродили как потерянные собаки у ворот, выглядывали из бойниц башенок, перекрикиваясь между собой резкими, птичьими голосами. Их было так много, что голова шла кругом. Ну, точь-в-точь, муравьи на лесной поляне. Город теперь принадлежал Вилфу и его приспешникам, путь через главные ворота был заказан. Иллюзионщики с пристрастием досматривали каждого, кто хотел войти в столицу: жадно

обнюхивали, выискивая кислотоватый душок измены, а затем отшвыривали от себя, переходя к следующему путнику.

— Они ищут меня! Знают, что выжила! И как же нам... — я обернулась к Даной за поддержкой и не обнаружила ее. Даной пропала, словно под землю провалилась, оставив меня в гордом одиночестве. И только на земле, белея в жидких сумерках цвета фуксии, лежала книга. Та самая, что я не успела изучить в деревне каритидов, последняя веха моего обучения у Даной.

— Держись, Лиззет, — прошептала я, наклоняясь. Обложка книги из настоящей кожи холодила ладонь. Я прижала ее к себе, кутая в разноцветные лохмотья одежды: все, что у меня осталось, я держала в руках.

— Надеюсь, ты сможешь мне найти Шартлар, — я обращалась к книге, как к живому существу, подсознательно надеясь, что она мне ответит, но напрасно. Конечно же, я знала, что живых книг не бывает, но мне было так страшно и одиноко, что я могла бы и с деревьями разговаривать.

Одинокая фигура, стоящая на опушке, начала привлекать внимание. Один из иллюзионщиков двинулся в мою сторону, с четким намереньем допросить. Перехватив книгу поудобнее, я двинулась не к главным воротам, а вдоль стены, усердно делая вид, что просто наслаждаюсь прогулкой. От стены веяло холодом и запахом сырого асфальта, я коснулась ее ладонью, ощущая влагу, дрожащую на камне мелкими бусинами.

Надо найти другой вход, думала я, но в глубине души понимала: вряд ли здесь есть какие-то доступы в сердце города, где нет блокпостов. Иллюзионщик смотрел мне вслед, даже когда я удалилась на приличное расстояние. Вспомнив слова Даной о том, что они слепы как кроты, я перестала нервничать. Уверенность в себе — больше половины составляющей успеха.

Наверху, в галерее, венчающей крепостную стену и тянущейся по всей ее длине, что-то зашуршало. Я вскинула голову, прячась в густую тень под стеной, затаивая дыхание. Невысокая фигурка в темном плаще суетилась на смотровой площадке, заглядывая вниз и надеясь вычислить, где я прячусь. Он следовал за мной от главных ворот, поняла я и похолодела. Стоит мне двинуться, как он мигом меня обнаружит, а значит — я обречена. Простою здесь дольше — попадусь отряду, который точно патрулирует периметр. Ситуация была аховая.

Длинные белые руки протянулись из темноты, ласково зажимая рот, и втянули меня еще глубже в темноту.

Часть вторая. Глава 40. Шартитар

Пальцы, холодные как лед, впивались в лицо, утягивая меня все глубже в стылую, сокровенную тьму. Я замерла, пытаюсь унять колотящееся сердце, а затем забила в чужих руках, предпринимая изначально провальную попытку вырваться из плена. Память услужливо подкинула образ клинка, прижатого к шее, и воспоминание о боли. Мне никогда не удавались конфликты, все конфронтации я предпочитала решать бегством. Но чужие объятия не давали возможности сбежать. Я билась в них, как рыба в сетях. Уж лучше погибнуть в борьбе, чем сложа руки!

— Тише, не шуми! Слух у них отменный, — зашипел похититель мне в ухо, и холодные руки, удерживающие меня, стали чуть теплее. Меня развернули на месте и порывисто прижали к груди. В пляшущих тенях блеснули металлические дужки очков, а за ними сверкали искры в зеленых глазах. Невероятно знакомых глазах.

Я затихла, не веря собственному счастью. Дышала я через раз: боялась, что любое неловкое движение повлияет на хрупкую ткань реальности, и Шартитар, стоящая передо мной, исчезнет, растает как дым над лесным костерком. Быть может, у меня снова видения? Да нет, руки, лежащие на плечах, был теплыми и тяжелыми. Настоящими.

Мы смотрели друг на друга, словно встретились после разлуки, которая затянулась на несколько лет, хотя, по моим подсчетам, прошло не больше трех-четырёх недель. Быть может, чуть дольше. В деревне каритидов за временем было сложно уследить, если ты не выходишь из хижины и наблюдаешь только потолок и деревянные стены, покрытые разномастными трещинами.

— Как ты? — Шартитар неловко коснулась шрама над бровью, который стрельнул искрой боли. — Девочка моя, сильно же тебе досталось..

Мягкие подушечки пальцев очертили скулу, тронули только-только зажившие губы и отдернулись. Наставница застыла, распахнув глаза. В глубине изумрудных озер бурлила тревога и боль. Она читала все, до мельчайшей детали, по моему лицу, игнорируя потребность в словах. Все секреты и тайны были для Наставницы как на ладони.

Я колебалась между желанием броситься ей на шею и подозрениями, которые больно кусались, напоминая, что никому здесь нельзя верить, даже самой себе. А уж моя вера в магические совпадения истощила много дней назад. Разве могла Шартитар могла вот так просто встретиться мне на пути в столицу, когда вокруг одни приспешники Вилфа и До-Кари. А, быть может, магия? Враг, принимающий облик дорогого друга, чтобы случайно встретится на неосвященной тропинке...

— Конечно же, мы встретились не случайно, — Шартитар гордо вскинула голову, вокруг лица заколыхались пепельные завитки. — Ты здесь только потому, что я позвала тебя.

— Не правда, — оскорбилась я до глубины души. — Я здесь по собственной воле.

Мне не понравилось, что вновь прозвучал намек, что управлять мной проще, чем отобрать конфету у спящего младенца. В ответ Шартитар ну очень знакомо закатила глаза, и я выдохнула с облегчением. Нет, это точно она, ни одна магия не способна была перенять манеры копируемого образа до мелочей.

— Ну, конечно, по собственной. Но почему ты одна? — теперь настала очередь для подозрений Шартитар. Она придирчиво оглядела мое странное одеяние, хламиду, накинутую на плечи, словно видела меня в первый раз, и попятилась. Простые плетеные сандалии тоже

не имели ничего общего с той одеждой, что я носила еще не так давно.

— Ты хочешь услышать эту историю? Сейчас? — я стиснула зубы, стараясь не разрыдаться. Так много ночей я провела в попытках не плакать при мысли об Айдене, Виллане и Руце, что теперь мышцы лица отзывались тянущей болью от напряжения при любой, даже самой поверхностной, мысли о рыцарях.

— Какую историю? — Шартитар побледнела. Луч лунного света проникал в нишу, озаряя ее лицо, и в призрачной дымке оно казалось прозрачным, выцветшим. Но я не успела произнести ни слова.

Тихий стук достиг моего уха раньше, чем я увидела тень, скользящую в нашу сторону, совсем-совсем близко. Шартитар взмахнула рукой, разворачивая плащ и укутывая меня им, словно огромным покрывалом, дарующим защиту. Мы вжались в стену, сливаясь с ее темной, поросшей мхом, кладкой. Не знаю наверняка, имел ли плащ магические свойства, но мы слились с серой поверхностью, как будто так и должно быть.

«Молчи!»

Легко сказать, ведь в ночной тишине даже дыхание казалось вызывающе громким. Я была уверена, что иллюзионщик, шныряющий поблизости, слышит, как воздух покидает мои легкие облаком пара.

Он целенаправленно искал меня. Когда я исчезла из поля зрения, он не поленился спуститься с крепостной стены, чтобы непременно отыскать пропажу. Видимо, чуял, что я не просто так ошивалась рядом с главными воротами. Одинокая фигура в ночной тиши, бродящая вдоль городских ворот, но не пытающаяся попасть в столицу, привлекла немного больше внимания, нежели я рассчитывала. Хотя, если на чистоту, на что я вообще рассчитывала? Патрули усеивали все пространство от столицы до ближайшего подлеска. Подозреваю, что между грозными вековыми деревьями и по колени в болотных топях тоже бродили подручные Вилфа Красноглазого. Искали человеческую девчонку, которая посмела выжить.

Теперь я видела, что иллюзионщики слепы, как двухдневные котята. Каждый шорох привлекал внимание врага, каждое дуновение ароматного ночного ветра разворачивало его как флюгер, маня за собой. Внимание иллюзионщика переключилось с тропинки, которую исследовал наощупь, опустившись на колени и проводя по примятой траве ладонями. Коричневые пальцы впивались в дерн, пропуская его сквозь себя, а из капюшона лилось невнятное бормотание, от которого руки покрывались мурашками. Жутко.

И вот, стоило порыву ветра шевельнуть капюшон, как иллюзионщик одним движением поднялся на ноги, скользя в сторону. Он не двигал ногами, это я отчетливо видела, следя за его движениями сквозь узкую щель запахнутого плаща. Враг был так близко, что я смогла разглядеть руновую вязь, которая покрывала его плащ цвета слежавшейся пыли. Мелкие руны перетекали друг в друга, тянули за собой внимание и взгляд, пока ты не осознавал, что не понимаешь, где находишься. А ведь раньше я их не замечала. Имеет ли это какой-то смысл?

Я тряхнула головой, закрывая глаза и начиная считать про себя.

Шартитар шевельнулась, прикрывая рукой рот: она что-то шептала, с шумом и свистом выдыхая. Иллюзионщик насторожился, будто гончая на охоте, развернулся к нам лицом... Сквозь плотно прикрытые веки, через плотную ткань плаща, я все равно видела его как наяву: в темном провале капюшона было пусто.

— Поднимайся, господин зовет, — хриплый оклик разогнал тишину, повисшую между

нами. Иллюзионщик запрокинул голову, невидяще уставившись на крепостную стену, откуда прозвучал голос. Запуршал плащ, собираясь в массивные складки, когда он, сгорбившись, а затем, оттолкнувшись от земли, подпрыгнул. Такой прыжок был бы не под силу обычному человеку: иллюзионщик взмыл на добрых три метра над землей, в миг оказавшись на галерее. До нас донесся едва слышный отзвук чужих голосов, таких сиплых, словно голосовые связки говорящих были припорошены землей. Еще минута — голоса отдалились на расстояние, которого нам вполне хватало, чтобы сбежать. Если у нас вообще было место, где можно было укрыться.

— Пошли, здесь небезопасно, — Шартиар схватила меня за руку, увлекая за собой. Мы крадучись, вышли из укрытия и заскользили вдоль стены, ныряя в самую глубокую тень. Шартиар шла уверенно, иногда замирая, чтобы вслушаться в звуки, которыми бурлили окрестности. Переливистые голоса ночных птиц, прячущихся в ветвях опушки, едва слышные шаги по сухой земле, да еще низкое, завораживающее гудение, тянущееся по воздуху из самой сердцевины столицы. За стеной, высокой и крепкой, не было возможности разглядеть источник звука, а спрашивать Шартиар о нем я не рискнула. Слишком опасно подавать голос, ведь возможность вновь попасться иллюзионщикам, которые уж точно не отпустили бы нас, даже за красивые глаза, была слишком велика.

Шартиар ускорила шаги, буквально волоча меня за собой. Я едва успела переставлять ноги, а Наставница даже не запыхалась. Как же тренируются рыцари Талла, если могут похвастаться такой выносливостью?!

Деревья по левую сторону и кирпичная кладка справа, а также темнота впереди, слились для меня в сплошную неразбериху, и я потеряла счет времени. Сломанная нога болела, и я начала прихрамывать, что тоже сказалось на темпе, но Шартиар не обращала на это внимание. Она выглядела как лиса, почуявшая след грызуна под толщей снега, и мало что могло заставить ее отвлечься.

Резкий разворот, и Шартиар нырнула в тоннель под стеной, вход в который был замаскирован раскидистым кустом растения, похожего на акацию, усыпанную засохшими цветами. Они крошились, когда я протискивалась в лаз, оставляя на моем лице серые разводы, похожие на ритуальные полосы индейцев. Я пыталась стряхнуть пыльцу ладонью, но та липла к пальцам все сильнее, покрывая их плотным слоем.

— Фух, успели! — весело воскликнула Шартиар, останавливаясь. Лаз был крошечный, и мы стояли лицом к лицу, не имея возможности отодвинуться. Темнота вновь поглотила наши фигуры, и только глаза Шартиар светились, разгоняя мрак. На ней, кстати, не было ни единой серой отметины от пыльцы, тогда как я вымазалась по самую макушку. Каменные стены вокруг не давили на меня, наоборот, давали ощущение безопасности.

— Мы куда-то торопились? — я воевала с пыльцой, но та принципиально не собиралась оттираться. Запах у нее был весьма специфический, будто рядом валялся подгнивший фрукт, выбросить который никак не дойдут руки. Шартиар снисходительно смотрела на мои мучения, а затем бережно перехватила руки, отводя от лица, которое я терла до ссадин.

— Оставь как есть. Пыльца лугоцвета имеет полезные.

— Лугоцвет? — переспросила я, вытаскивая из памяти все, чему учила меня Даной. — Разве он не применяется при лечении душевных ран?

Шартиар поражено таращилась на меня. Человеческая девчонка никак не могла знать свойств лугоцвета, а я — знала.

— Ты обязательно расскажешь мне, — медленно, едва ли не по слогам, произнесла

она, — в мельчайших подробностях, откуда у тебя эти шрамы. А пока — нам пора. Лаз начинает закрываться.

Громкий скрежет сдвигаемого с места камня ударил по ушам, заставляя зажать их ладонями. Каменная плита под ногами завибрировала и медленно поехала вниз, увлекая нас за собой. Я вцепилась в Шартитар в спонтанном приступе паники, но та выглядела расслабленно и спокойно. Оглядывала стены, изъеденные мхом и рыжеватой плесенью с таким видом, словно была хозяйкой, размышлявшей на досуге, стоит ли переклеивать обои в гостиной сейчас или до нового года подождать. Я завидовала ее выдержке, ведь у меня от нервов даже коленки дрожали.

Скрежет стихал, а плита опускалась все медленнее, иногда делая резкие рывки, от которого меня швыряло то к Шартитар, то обратно, к холодной стене.

— О, прибыли! — радостно возвестила меня Наставница после еще одного, особенно сильного толчка. Тихое шипение, и каменная толща, казавшаяся целостной и незыблемой, легко разошлась в стороны, являя оживленный зал, освещенный так ярко, что я мгновенно ослепла с непривычки от множества ярких красок, звуков и запахов. Среди круговерти людей, бросившихся ко мне с вполне очевидной целью, ароматов пищи и звуков множества голосов, певуче и торжественно звучали слова Шартитар:

— Добро пожаловать в последний оплот власти Талла. Храм Ковру, обитель верных слуг Его Мрачнейшего Величества!

Часть вторая. Глава 41. Храм Ковру

Следующие несколько часов слепились в один пластилиновый шар эмоций, тактильных ощущений и разговоров вокруг.

Стоило нам появиться в храме, как Шартитар развила кипучую деятельность по превращению «ободранной бродяжки» в невесту Талла, что вылилось во множество приказов, которыми она сыпала во все стороны, а также в нравоучения, которые тоже сыпались обильно, но только в мой адрес. Окружившая нас толпа, сопровождала меня почти до самой двери покоев, которые Шартитар мне выделила. Она здесь всем заправляла, будучи как рыба в воде. Окружающие слушались ее беспрекословно, каким бы нелепым приказ ни был, и я посчитала за благо последовать их примеру.

Я почти все время молчала, ошеломленная встречей, которую мне устроили. Молчала, когда девушка с птичьим клювом вместо носа и рта разворачивала грязные тряпки, в которые я была облачена, и вежливо, но настойчиво, подталкивала меня в сторону огромной бадьи с водой, установленной посередине еще одной комнатки, выдолбленной в плоти камня. Над купальной вился парок, в котором я слету обнаружила несколько характерных запахов лечебных трав.

Молчала, когда тряпки без жалости полетели в огонь. Молчала, когда Шартитар рассматривала меня, сложив руки на груди, с любопытством патологоанатома, и с безупречной четкостью находила все рассосавшиеся синяки, зажившие раны и ссадины, сросшиеся переломы. Я пыталась прикрыться простыней, стоя босыми ступнями на деревянной скамеечке, но это было бесполезно. Шартитар видела меня насквозь. Ее острый взгляд скользил по моему лицу, плечам и ногам, и она потемнела лицом, когда увидела безобразный шрам на шее, который я безуспешно пыталась скрыть волосами. Темно-бордовая полоса на бледной коже. Я знала, что у нее накопился целый воз вопросов, на которые мне равно или поздно, но придется ответить, и я оттягивала время, как могла.

— Откуда?.. Впрочем, позже. Одевайся.

— Что это за место?

В зале было шумно и тесно, а резные потолки из камня выдавались так высоко, что я едва видела их очертания. Свет струился на головы присутствующих с трех сотен ламп, меланхолично летающих в воздухе, без всякой опоры. Если кому-то требовалось чуть больше освещения, он приманивал лампу движением руки, и та неслась к нему, чуть ли не расплескивая в стороны масло. Каждый здесь был занят делом: точил клинки, собирал припасы по громадным мешкам или колдовал, сидя над громоздкими книгами. Магии здесь было вдоволь, от нее даже воздух трещал.

В зале находилось порядка нескольких десятков человек — не все они были людьми в классическом понимании этого слова. Кроме птичьей девушки, с орлиным клювом, здесь были и обитатели с куда более пугающим обликом. Чего только стоил высокий, закутанный в плащ, господин, которого я поначалу приняла за приبلудившегося иллюзионщика. Но нет, он был не из их братии. Грустное лицо с глубоко запавшими глазами плавало по залу, в карманах у него звенели монеты. Почему монеты? Да все просто, устав от курсирования по залу, он останавливался в укромном уголке, доставал их из закровов, пересчитывал, любясь как те блестят в теплом, оранжевом свете, а затем вновь прятал, до очередной остановки. Мимо прошлепал, возмущенно пыхтя, ластоногий и низкорослый увалень, оставив после

себя десятков влажных следов на каменных плитах зала. За собой он тащил, отдуваясь, целую связку свеженаточенных клинков.

В углу тесным кругом уселось несколько личностей, в которых я опознала других рыцарей Талла — на всех характерные нагрудники и отпечаток глубокой печали на лицах.

Все украдкой поглядывали на меня, старательно делая вид, что собственные дела их интересуют куда больше, но назойливое внимание все равно вилось вокруг меня комариным писком.

Я стояла на короткой широкой лесенке, ведущей вниз, и не решалась сделать последний шаг. Все вокруг казалось ненастоящим, игрушечным, но Шартитар, гордо оглядывавшая своих соратников, выглядела довольной. Она слегка сутулилась, от усталости, а между бровей залегла морщинка.

— Храм Ковру. Укрытие для тех, кто остался верен Таллу. Здесь не все, кто остался, но многие. Остальные либо прячутся по углам, либо примкнули к Вилфу. Других вариантов больше не осталось.

В словах Шартитар звенела горечь: пока мы путешествовали по лесу, будучи отрезанными от основного действия, она оказалась в самом эпицентре борьбы за власть, и неизвестно, кому досталось больше.

— Там мало? Здесь же не больше двух десятков...

— Двадцать семь, — педантично уточнила Шартитар, — так и существуем. Иногда совершаем вылазки в город, как я сегодня. Но в основном делаем запасы на случай осады и готовимся к последней битве.

— Последней битве? — уточнила я, понимая, что ввиду имеется что-то очень важное. И не ошиблась. Шартитар подарила мне усталую улыбку:

— Да, к битве за Дворец, где находится усыпальница Талла. Теперь туда так просто не попасть. Ну, ничего! Придет Айден, и мы придумаем план. А где они, кстати? Неужели отстали?

Горло перехватило, я облизала пересохшие губы, не в силах вымолвить ни слова. Шартитар смотрела на меня с легкой улыбкой, ожидая ответа, но даже не представляя, насколько он будет чудовищный.

— Они не придут, — просипела я, прилагая колоссальные усилия, чтобы вытолкнуть из легких воздух, который казался ядовитым, и жег меня изнутри.

— Что? — переспросила Наставница, наклоняясь ко мне, чтобы лучше слышать.

— Они погибли, — выдохнула я прямо ей в лицо и почувствовала, как горячие слезы подступают к глазам. — Их больше нет.

Шартитар помолчала, разглядывая мое лицо с напряженным ожиданием, словно я должна была принять смешную позу и прокричать «шутка!». В зале, где все были заняты своим делом, тоже повисла тишина и обитатели убежища разом повернулись в мою сторону.

— Вилф их всех убил, — прошептала я, чувствуя, как немеют от усилия губы. Я не могла смотреть в глаза Шартитар, потому что мне было стыдно, ведь они погибли — по моей вине. — Стер в порошок, как и не было.

— Ты меня разыгрываешь? — подозрительно сощурилась Шартитар, подбоченившись. Я испуганно замотала головой, отгоняя все сомнения.

— Ну-ка, пойдем, — решительно приказала она, спускаясь по лестнице и пересекая зал. Я поплелась за ней. Под грозным взглядом Наставницы присутствующие тушевались и стремились как можно быстрее скрыться с глаз долой. Любопытство точило их изнутри, но

никто не посмел бы связываться с рыцарем Талла, особенно с Шарттиар. Над ее головой едва ли не грозовые тучи клубились, настолько Шарттиар была не в настроении. Но я не ощущала волн страха или шока, исходящих из нее. Пока я следовала за ней по пятам, глядя в изумительно прямую спину, голова начала кружиться. Картинка перед глазами раздвоилась, задрожала, а потом вновь вернулась в исходное состояние, и я внезапно увидела тонкий ореол синего света, который окружал Шарттиар. Аура? Что-то подобное со мной уже было, припомнила я, в хижине, когда я барахталась между смертью и жизнью, отчаянно хватаясь за последнюю.

У открытого огня, на котором булькал почерневший от копоти котелок с подозрительным варевом, стоял небольшой письменный стол, усыпанный бумагами, как земля опавшими листьями в октябре. Шарттиар осталась на ногах, жестом приказав мне сесть. Я едва ли не кулем упала на одинокий стул, утыкаясь взглядом в свои сомкнутые ладони.

— Говори, — даже льды в Арктике показались бы мне теплее, чем тон, с которым Шарттиар обратилась ко мне. — Я хочу знать все.

Рассказ длился так долго, что к моменту, когда я упомянула Даной, все огни в зале погасли, а мы остались вдвоем. Шарттиар молчала, уставшись в огонь, и выглядела практически безучастной ко всему.

— И вот, я здесь. Одна, — зачем-то еще уточнила я, хотя все было и так очевидно. Шарттиар могла меня возненавидеть сейчас, за гибель друзей, но она не проронила ни слова, опускаясь на пол там же, где и стояла, устало потирая глаза.

— Прости меня, — тихо сказала я, страшно боясь смотреть в ее сторону. Но Шарттиар только тряхнула пепельной гривой, переспрашивая:

— О чем ты?

— Из-за меня Айден и остальные...

Я задохнулась, не в силах продолжать. Если бы сейчас Шарттиар сказала, что это я виновата в их гибели, я бы не имела ничего против. Я заслуживала ненависти — бесполезная, трусливая девчонка.

В ответ раздался раздраженный выдох, и пускай тени скрывали от меня лицо Шарттиар, но я знала какое выражение на нем застыло — усталость.

— Не говори ерунды, — прозвучало немного резко, но я это заслужила. Шарттиар сняла очки и прикрыла глаза. — Рыцари Талла не могут умереть. Подобный поворот, конечно, спутал нам карты, но...

Я неловко заерзала, не зная, как интерпретировать ее слова. Быть может, они были продиктованы отрицанием потери? Но нет, Шарттиар выглядела вполне уверенно, только утомленно. Беседа тянулась не первый час, а Наставница выпрашивала у меня все, до самой мелкой детали.

— Что ты имеешь в виду, говоря «не могут умереть»? — аккуратно уточнила я, чтобы не нарваться на резкость.

— Мы не можем умереть, элант'ем, пока наш господин еще жив.

О чем она говорит? Шок пронзил тело с силой тысячи молний, я даже чувствовала, как разряды скачут по моим костям, нервам и сосудам, насыщая меня энергией. Неужели моя скорбь, все пролитые горькие слезы, были напрасны. Неужели меня обманули?!

Вероятно, у меня было очень красноречивое лицо, ведь Шарттиар поспешила меня успокоить, снова вскользь ловя мои мысли:

— Вовсе не напрасно, но пришла пора рассказать тебе о Хранилище Сердец.

Предвкушая долгий разговор, я все-таки решилась спросить. Вопрос этот давно уже мучил меня, да только времени удачного никак не могла подобрать.

— Шарттиар, скажи-ка мне... Что вообще значит ваше «элант'ем»?!

Наставница весело блеснула глазами из полутьмы:

— Оно значит «предреченная», девочка моя.

Часть вторая. Глава 42. Лиззет

Комната, высеченная в камне, не могла быть уютной по определению, но несколько недель я спала на жесткой, пустой циновке, и теперь даже узкая койка с тощим одеялком показалась бы мне царским ложем. Шартитар позаботилась о том, чтобы я чувствовала себя, как дома, и в комнатухе меня ждала вполне удобная кровать, теплое одеяло и свежие, хрустящие простыни. Птичья девушка, провожавшая меня до покоев, низко поклонилась и вышла, аккуратно прикрыв за собой дверь. Оставшись в одиночестве, я слышала, как по цепи пещер под городом бродил одинокий сквозняк, слепо натыкавшийся на стены и рыдающий от безысходности и отчаяния.

Я со стоном скинула с себя длинное, до пят, шерстяное платье и завалилась на кровать, с жадностью ныряя в объятия простыней. От жесткой, кусачей ткани на коже остались некрасивые красные пятна, которые неистово чесались, но прохладная ткань ночной рубашки остужала ожоги, оставленные грубой шерстью. Да уж, с такой одеждой сложно чувствовать себя «предреченной», будущей женой бога смерти и сна, скорее — крестьянкой после тяжелого дня, полного лишений. Но даже за все это я была безумно благодарна Шартитар. Она за один вечер сделала для меня так много, что остатков жизни не хватило бы для благодарности.

И самое главное — она помогла спрятать шрам на горле. То, над чем безуспешно билась Даной несколько недель, Наставница сделала единым прикосновением и шепоткой пахучей мази, неизвестного мне происхождения. Конечно, столь глубокая рана оставила след, который нельзя просто стереть или замаскировать. Однако, Шартитар, которая, по словам Айдена, знала толк в лечебных травах, добилась неплохого результата: прерывистая, багровая черта поблекла, стала нежно-розовой и практически незаметной.

«Если не будешь ее специально демонстрировать, никто и не заметит» — сказала Шартитар, пряча склянку с мазью подальше. Я насупилась, прижимая ладони к горлу и украдкой щупая шероховатую кожу. Шрам нагрелся, медленно выцветая под натиском чужой магии и лекарства. От жара жутко захотелось пить.

— Как будто кто-то может такими вещами гордиться, — прошептала я себе под нос, не заботясь тем, что Шартитар может услышать.

Но она слышала:

— Я говорила не о гордости. Твои шрамы-напоминание лишь о том, что ты была беспечна. Больше ты таких ошибок не совершишь.

Усталость сбивала с ног, но сон не приходил. Слова Шартитар о том, что рыцари Талла не могут умереть, встревожили. Никаких подробностей я, как ни пыталась, не смогла из нее выбить, только сдержанное и таинственное «Завтра сама увидишь». Я боялась той маленькой искры надежды, что загорелась под сердцем и пульсировала в такт сердцебиению. Надежды, что еще не все потеряно, что я смогу вернуть верных рыцарей Талла, пробудить жениха ото сна и воссоединиться с дедушкой. От мысли о дедушке, который продолжал спать мертвым сном, вместе с семьей миллиардами людей, стало грустно. Я скучала по нему и чувствовала себя одиноко: мне не хватало его мудрых, дружеских советов, любви и тепла. Я бы отдала все, что угодно, лишь бы увидеть его, попросить помощи на нелегком пути. В последние дни я не так часто вспоминала про него, и, наверное, мне стоило бы устыдиться, но я была уверена — дедушка бы понял меня.

И вот я крутила в голове загадочное название «Хранилище Сердец», и утомленный разум подкидывал образы, один другого страшнее. Уж не настоящие ли сердца там хранятся? Сон, постепенно овладевающий мной, добавлял в них еще больше темных красок, а когда я, наконец, уснула, мне привиделся кошмар.

Переплетение ужасающих событий, ни одно из которых мне не удалось запомнить, только холодящий душу страх, от которого на лбу выступила испарина, и который не уходил еще долго после того, как я с криком проснулась.

Вилф во сне больше не приходил, и я была рада. Я не знала предела его силы, может, он способен найти меня через тонкую нить связи, которая цепко держалась даже на расстоянии, растягиваясь, но не рвалась. Зато пришла До-Ка-Ри.

Она вся состояла из тьмы, и только под сердцем гудела и вращалась сфера, полная льдисто-голубого огня, как в самую первую нашу встречу. От монотонного гудения закладывало уши, и с каждым мгновением шум становился громче и громче, а улыбка До-Ка-Ри все шире и шире. Алый провал на месте рта расплзался, углублялся, заполняя меня ужасом от края до края.

— Как же ты выжила, тварь? — облачко гуталинового цвета выплеснулось изо рта До-Ка-Ри, окутав лицо сизым дымком. — И для чего? Дальше ведь будет только больнее.

Вместо глаз у нее были два темных провала, масляно блестящие донцами, словно две монеты. До-Ка-Ри насмешливо разглядывала шрам, во сне налившийся кровью и ставший еще темнее, чем был раньше.

— Будет только больнее.

Шаг вперед, разворот. До-Ка-Ри метнулась ко мне, выхватывая из-за спины клинок. Один удар, метящий в горло, и во рту снова разлился соленый привкус. Я глотала собственную кровь и думала: «Опять».

Я подскочила на кровати с истошным воплем, который еще долго бродил между пещер, становясь тише и слабее, но никто и не подумал заглянуть, спросить все ли хорошо. Нет, в Храме Ковру стояла тишина как на кладбище перед рассветом, и я могла ощутить себя совершенно одинокой. Но не ощущала. Где-то здесь была Шартитар: возможно, просиживала над бумагами, сжигая свечи одну за одной. Или тренировалась до потери пульса. Я видела ее меч мельком — прислоненный к стене у рабочего стола, потускневший, со следами чужой крови, весь в зазубринах. Он поприветствовал много врагов и знал достаточно историй. Когда я видела меч Шартитар в последний раз, то он сверкал и был гордостью своей хозяйки, а теперь оказался задвинутым в самый темный угол, подальше от чужих глаз. Что же здесь случилось?

Сумку, аккуратно стоящую у двери, я заметила не сразу. А как заметила, то стремглав бросилась к ней. Последний подарок ушедшей по-английски Даной, терпеливо ждал своего часа.

Здесь ее оставила птичья девушка, приставленная ко мне в качестве помощницы и прислуги. Мне было неприятно думать о ней как о служанке, но она была преисполнена такого достоинства и уверенности в себе, что даже застилая кровать казалась мне, скорее госпожой, соизволившей опуститься до домашних хлопот, нежели кем-то из прислуги.

Размышляя в подобном ключе, я с замирающим сердцем аккуратно сунула руку в сумку. Пальцы наткнулись на холодное стекло, а потом дотронулись до знакомо-шершавой поверхности книги, той самой, которую я знала до последнего залама на корешке от

постоянного шгудирования в своей хижине по ночам, в скудном свете свечи, капающей жирными слезами. Разбирать содержимое сумки было сродни распаковке новогоднего подарка: я, затаив дыхание и не глядя, вытаскивала из холщового мешка склянки, рассматривая их содержимое. Здесь было почти все богатство, толпившееся на полках жилища Даной в деревне, и все это она оставила мне, как благословение. Цветки распускали в стеклянных объятиях банок, и колб. Порошки из толченных трав пересыпались с загадочным шорохом и испускали знакомые ароматы. Я знала каждое растение, каждое действие, которое можно произвести с их помощью. От осознания, какая великая мощь стоит передо мной, у меня задрожали руки.

Мне были даны знания, даны ресурсы. Я не могла проиграть.

**

Шартиар постучалась в хлипкую дверь на рассвете, и застала меня на полу, все в том же положении, в котором я провела уже несколько часов. Конечности затекли и онемели, но я с головой погрузилась в чтение рецептов, расставляя травы и сушеные цветы так, чтобы визуально представлять состав каждого средства. Завидев, как я чахну над своим «золотом», словно Кощей, Шартиар вопросительно приподняла бровь. Почти не спав, я выглядела ужасно: встрепанные волосы, синяки под глазами такой чистейшей синевы, что можно было людей пугать до икоты.

— Тебе никто не говорил, что лучше всего выспаться, если тебя ждет серьезное дело? — спросила Шартиар вполне миролюбиво, но я почувствовала ее неудовольствие. Ну, конечно, если наш план окажется провальным, она будет давить на мои ночные бдения. Но о я не хотела думать о дурном, предпочитая наивно верить в наилучший исход. «Во всем преуспеем, всех спасем, всех врагов победим» — бормотала я себе под нос, словно мантру, и к рассвету начала верить в собственное маленькое заклинание.

— Я была занята, — видок у меня, наверняка, был как у полубезумного ученого, проводящего ночи напролет в обнимку с собственными изобретениями, но я была ужасно довольна. Запасов Даной было достаточно, чтобы имеет в рукаве даже не козырь, а целую колоду, состоящую из козырей.

— Я вижу, — Шартиар скептически оглядела батарею бутылочек и скляночек у своих ног, но быстро оттаяла. Сегодня она была полна энтузиазма, за стеклами очков зеленые глаза горели ярче, чем обычно, и эта энергия по воздуху струилась ко мне, заряжая на свершения. — Одевайся.

Ко мне в руки упали тряпки, при внимательном рассмотрении оказавшиеся очередным платьем, только очень откровенным, нечета предыдущему. Для человека, который одевал платье в своей жизни трижды, причем два раза — в этом мире, одежда выглядела слегка... вычурно? Я приподняла в воздух юбку, рассматривая сквозь полупрозрачную, шелковую ткань силуэт Шартиар.

— Не слишком ли открыто?

Шартиар хмыкнула, распахивая плащ: под ним был тот же наряд. Белый лиф, расшитый синими бусинами, сливался с фиолетовой юбкой до пят. Ткань скрывала высокие сапоги на шнуровке, которые выбивались из общей гармоничности образа. Разноцветные ленты облегли запястья и плечи, круто взбираясь к шее, где перехлестывались петлей, даже на вид плотной и тугой. Не украшение, а удавка!

— Если подобный наряд надевают на себя девы-жрицы Хранилища Сердец, то и тебе должно быть не стыдно его примерить.

Я пожалала плечами, стягивая через голову ночную рубашку, чтобы примерить на себя маскировку девы-жрицы. Шартиар присела на корточки, обращая внимание на травы. СклЯнка с соком смолистой осоки стояла отдельно, такая маленькая, что ее можно было спрятать в кулаке. Не знаю почему, но я планировала взять ее с собой, даже не зная, куда мы выдвигаемся, и что там нас может ждать.

«Выжми сок из осоки смолистой, разбавь тремя чашами воды — враг потеряет бдительность. Если же воды будет меньше — он сойдет с ума» — звучал в голове голос Даной, звучный и яркий. Я решила послушаться, травница за короткий срок нашего знакомства ни разу меня не подводила.

— Хороший выбор, — хмыкнула Шартиар, поднимаясь на ноги и любуясь на то, как я воюю с лифом. Он не хотел застегиваться, и мудреный замок царапал пальцы. Приблизившись, Шартиар одним движением закрыла застужку:

— Тебе придется привыкнуть к местной одежде.

Я с тяжелым вздохом смирения затянула на поясе плетенные шнурки, и юбка сбилась в массивные складки от талии до пояса. При каждом движении ткань колыхалась вокруг бедер, двигаясь плавно и нежно, а своим изумрудно-бирюзовым оттенком отдаленно напоминала морские волны, плещущиеся у моих ног.

Заглянув в осколок зеркала, спрятавшийся в углу, я застыла.

— Идем? — Шартиар нетерпеливо кашлянула, привлекая мое внимание.

— Что? Да-да, сейчас.

Нет, в отражении больше не появилась венценосная красавица, чья корона из костей нагоняла на меня смутный ужас, что было еще хуже, чем животный, чистый страх. Там было мое отражение, простое и привычное. И только волосы вытянулись, налились темной краской.

— Что не так? — Наставница беззвучно возникла за моим плечом, и неровный край зеркала сделал ее силуэт размытым и нечетким.

— Это не мои волосы, — сдавленным голосом произнесла я, делая шаг назад. Тугие кудри шевельнулись одной волной и закрыли плечи. Шартиар намеренно дернула меня за одну из прядей и добилась возмущенного «ай, больно!».

— Что и требовалось доказать. Твои.

Я замотала головой, отказываясь от всех притязаний на шикарную шевелюру. Сколько себя помню, волосы у меня были жидкие и тонкие, едва хваталось на куцый хвостик. Да и цветом были куда светлее.

Шартиар недолго размышляла, а потом ее лицо озарилось:

— Неужели!

Я подняла на нее глаза, отвлекаясь, наконец, от собственного отражения в зеркале. Мне было неведомо, отчего она такая радостная, что аж светится!

Она положила руки мне на плечи, вновь разворачивая к зеркалу.

— Ты приняла этот мир, и он тебя преображает.

Пришлось проглотить реплику, которая едва не сорвалась у меня с губ. «Если я его приняла, то какого черта он меня преображает в то, кем я не хочу быть».

Я все сильнее походила на предыдущую невесту, и это меня злило.

Часть вторая. Глава 43. Хранилище Сердец

— Тебя что-то тревожит.

Шартиар не спрашивала, я была для нее даже не открытой книгой, а примитивными каракулями ребенка на альбомном листе. Многое мне было неясно, но даже из лаконичных фраз Айдена и Виллана я уяснила, что Наставница жила для того, чтобы направлять Невесту и помогать ей. Это была ее цель, ее миссия, если хотите. Она жила только тем, чтобы возвести меня на престол, царствовать бок о бок со своим господином. Даже если любила моего жениха больше жизни.

— С чего ты взяла? — ворчливо отозвалась я, одергивая задравшийся плащ. Каменная платформа натужно скрипела, поднимая нас на поверхность. Интересно, а у иллюзионщиков, захвативших столицу, была хоть одна мысль, что под ней, в самом сердце, теплится огонь сопротивления? Вряд ли, они бы уже давно камня на камне не оставили.

Шартиар многозначительно улыбнулась. Мои уловки ее только смешили.

— Ваша магия делает из меня... другого человека, — неохотно пояснила я, отворачиваясь.

— Она делает из тебя ту, кем ты на самом деле являешься, — голос Шартиар звучал жестко. Щеки вспыхнули, словно я получила хлесткую пощечину. Возможно, так и было, только не физически.

— Даже если ты считаешь по-другому, — Наставница немного смягчилась, но смотрела все еще тяжело и строго, — ты принадлежишь этому миру, сколько себя не уговаривай.

Я хотела с ней поспорить, но времени не осталось. Платформа остановилась, впуская свежий воздух. Пахло ранним утром, и от множества запахов, окруживших меня осиным роем, заслезилась глаза.

— Сосредоточься, нам нельзя провалиться, — Шартиар на мгновение прикрыла глаза, словно считала про себя, и шагнула вперед, из-под защиты тенистого грота.

Столица оказалась совсем другой, нежели я себе ее представляла. Все мои фантазии разрушились, ведь я не могла себе представить, что все строения здесь, дома и общественные места, окажутся громадными. Они тянулись вверх, будто темное небо, с пухлыми тяжелыми облаками, притягивало к себе крыши и шпили невидимым магнитом.

В основном здесь строились воздушные, невесомые здания, словно модели из тончайшей бумаги. Из громоздкого и тяжеловесного мрамора неизвестные мне зодчие вырезали ажурные, легкие арки, казавшиеся легче кружева; пролеты окон и лестницы из черного, искристого камня, висевшие в воздухе просто и без усилий. Освещалось все магическими светильниками, такими же, как и в главном зале Храма Ковру: пылающие сферы кружились над головой, освещая дорогу впереди.

Я едва успевала закрывать рот, который распахивался каждый раз, стоило увидеть что-то примечательное. Если все выглядит так в темноте, пускай и ранним утром, как же все прекрасно при ярком дневном свете?!

Но всю картину портили иллюзионщики. Их было так много, что обыкновенные жители растворялись в их толпе, как капля воды в чернилах. На каждый отряд врагов из дюжины человек я видела одного-двух горожан, да и те неслышной тенью скользили мимо, не поднимая от земли глаз. Выглядели они несчастными, словно брошенные на произвол

судьбы дети.

Шартиар едва зубами не скрипела, когда видела подданных своего господина. Они проплывали мимо нас, не узнавая ее, и она злилась. Не на них, а на тиранию, которая чувствовалась в воздухе, будто едкий запах озона. Возможно, мне показалось, что я слышала, как она шепчет себе под нос: «Талл скоро проснется... Он скоро вернется.»

Мы двигались не слишком быстро, но уверенно. Иллюзионщики не видели перед собой ничего примечательного: парочка дев-жриц спешит в Хранилище Сердец к первой службе. Навстречу попались несколько настоящих жриц, но те ничего не заподозрили. Только сделали рукой затейливый жест ритуального, видимо, приветствия. Не сговариваясь, мы с Шартиар ответили тем же, пускай и немного скованно, и путь наш продолжился.

— Хранилище Сердец, — предупреждаяще шепнула Шартиар, притормаживая перед очередным поворотом. Я попыталась остановиться, но по инерции завернула за угол раньше. Надо было подготовить себя к чему-то крышесносному, но было уже поздно. Так и замерла посреди улицы, с открытым ртом и слезами, которые непроизвольно заблестели на ресницах.

Хранилище Сердец... оно было прекрасно.

Высокое здание, чья острая крыша, словно наконечник стрелы, вонзалась в облака, протыкая их навывлет. Оно парило в воздухе, не подчиняясь законам гравитации, будто бы ничего не весило. Стены из белоснежного гранита пульсировали изнутри теплым светом, от которого на душе становилось легко и спокойно. Я смотрела в узкие, панорамные окна, не находя в себе сил заговорить. У меня перехватило дух, в животе что-то задрожало. Ничего красивее я в своей жизни не видела.

— Это Хранилище Сердец? — шепнула я, украдкой вытирая слезы ладонью. На губах осталась горькая соль, и мне стало стыдно за внезапный всплеск эмоций.

Шартиар кивнула, подставляя лицо медово-рыжему свету, который струился из высоких и узких окон Хранилища Сердец. Иллюзионщики, которых на подходе к Хранилищу стало в несколько раз больше, упрямо отворачивались, чтобы вдохновляюще-яркие лучи не проникли под капюшон. Один из врагов некстати выпростал из рукава сероватую, сухую руку, случайно дотронувшись до столба света рядом. Никаких физических ран я не заметила, но он так резво втянул конечность в рукав и зашипел от боли, что не осталось сомнений — свет Хранилища иллюзионщикам был не по вкусу. Они пытались прятаться в глубокой тени лестницы, ведущей к Хранилищу Сердец, а также в сумерках между домов по обе стороны улицы. Темнота в переулках кишмя кишела иллюзионщиками, которые обменивались короткими, рубленными фразами на неизвестном языке. Наш путь лежал вперед, где лестница, состоящая из множества мраморных ступеней, уложенных прямо на воздух, вела в небеса. По ней тоже бродили иллюзионщики, вперед-назад, прячась от брызгов магического света под драными зонтами, от которых толку было чуть больше, чем никакого.

Мы с Шартиар прятались за стелой из шероховатого серого камня. Она вырастала прямо из земли, словно была не творением человеческих рук, а чем еще, гораздо большим. Три каменных основания вытягивались из земли, сливаясь, уходили вверх и терялись в густых облаках, составляя компанию шпилью Хранилища Сердец. Мы, не сговариваясь, шмыгнули в просвет между каменными основаниями стелы, затаившись на пяточке свободного пространства. Иллюзионщики не могли нам заметить — камень надежно защищал от чужой магии и чуткого обоняния.

Возможно, стела имела какое-то значение для местных жителей, ведь прежде, чем

спрятаться в самой ее сердцевине, Шартиар нежно провела рукой по зернистому боку, точь-в-точь как Даной в лесу прикасалась к деревьям-великанам, передавая тем свои мысли. Множество разноцветных эмоций и энергий пронизывали мир вокруг, но их тайный смысл оставался для меня недостижимым. Иногда мне казалось, что я вижу красочные всполохи краем глаза, но каждый раз я ошибалась.

Я украдкой погладила камень, прислушиваясь к себе, но не нашла никакого отклика. Нутро оставалось равнодушным. Быть может, это был простой ритуал, призывающий уверенность, как дедушкины талисманы, которые приносили в мой маленький мир каплю волшебства, когда я была ребенком.

Перед громадной, в три человеческих роста, дверью, ведущей внутрь Хранилища, иллюзионщики организовали форт-пост. Они прятались под раскидистым зонтом, который явно был украден из моего мира. Я видела такие бело-красные, полосатые зонтики в местной кафешке, которая летом открывала открытую веранду. Под ними обычно прятались воркующие парочки и семьи с детьми, поглощавшие мороженое в неограниченных количествах. Иллюзионщики с методичной тщательностью досматривали каждую жрицу, которая пыталась пройти к дверям. Обладая крайне слабым зрением, враги полагались на обоняние, и вид того, как один из врагов, в особенно грязном и потрепанном балахоне, обнюхивает юную девушку, испуганную до икоты, вызывал у меня дурноту. Пройти мимо них незамеченными было невозможно: мой запах, как пришелицы из другого мира, они бы определили даже за версту.

Тем временем, Шартиар упрямо выглядывала из убежища и осматривала улицу, будто искала что-то важное. Она говорила, что у нас назначена встреча, но с кем?

Пока я размышляла о судьбоносных встречах, то заметила мальчика, худого и рыжего, который шел в нашу сторону, небрежно засунув руки в карманы. Соблюдая непринужденный вид, он оглядывал улицу с настороженностью лисы, вышедшей пожить в чужой курятник. При его появлении Шартиар отмерла, наострила уши и больше не спускала с него глаз, пока он брел к нам, иногда останавливаясь, чтобы рассмотреть камушек под ногами или осколок битой бутылки.

Каменный портик, огибавший стелу по дуге и уходящий в сторону, был пыльным и заброшенным. Еще недавно камень блестел, но сейчас вся конструкция, ухидившая вверх, выглядела пустой и заброшенной. Ветер лениво шевелил желтые опавшие листья, гоня их вниз по улице с тихим шепотом.

Стоило мальчику подойти ближе, я вздрогнула: на совсем юном лице темнели две черных дыры — глаза цвета спелой ежевики, колючие и холодные. Он кинул на меня подозрительный взгляд, такой серьезный и по-взрослому тяжелый, что я поняла — меня положили на громадные весы, чтобы понять, стою ли я чего-нибудь. И, к сожалению, признали негодной.

— Утра, — детский голосок, подернутый рябью хрипотцы совсем недетского свойства, достиг нас словно издалека. Мальчик откинул в сторону грязную челку, усаживаясь на каменную скамеечку у стелы. — Не могу сказать, что он доброе, конечно же.

Меня что-то жутко смущало в ребенке, который вел и говорил как взрослый мужчина, на чью долю выпало немало испытаний. Я его не интересовала ни под каким соусом, он обращался напрямую к Шартиар. Телодвижения и жестикация казались мне немного нелепыми, словно взрослый увалень по случайности надел костюм подростка, и теперь разгуливал по улицам столицы, чтобы похвастаться.

— Ну, зачем звала? — мальчик снова смахнул челку, которая бесцеремонно лезла ему в глаза, и без уважения уставился на Шарттиар. Та недовольно цыкнула в ответ.

— Поклониться не забыл, щенок? — сладким-сладким голоском спросила Наставница, недобро щуря зеленые глаза. Мальчуган дернул худым плечиком под грязной рубашкой.

— Так не перед кем гнуть спину теперь. Вилф любит, когда ему сапоги лобызают, поклоны не в его вкусе.

— Паршивец, — восхитилась Шарттиар дерзким ответом ребенка, — ладно, Марвин, давай руку. И не прикидывайся невинным ребенком. Ее ты еще сможешь обмануть, а меня — бесполезно.

Мальчик протянул чумазую руку с обгрызенными ногтями, цепко хватая пузырек с ладони Шарттиар. Я представила, как хрупкое стекло лопается в чужой руке, и сок течет по грязным пальцам, капая на землю. Но нет, мальчишка ловко схватил склянку и посмотрел на просвет: за стеклом плескалась густая субстанция цвета янтаря.

— Дозировка? — деловито уточнил он, пряча пузырек за пазуху и поднимаясь на ноги. Сдвоенный патруль иллюзионщиков прошел мимо, подметая лапами плащей пыльную улицу, и в упор не заметил, что мальчик беседует с камнем, который остается к его словам совершенно равнодушным. Когда они приблизились на расстояние вытянутой руки, изнутри у меня все заледенело: сейчас раскроют! Но враги чинно и спокойно прошествовали дальше, не обратив на нас свои подслеповатые глаза.

Увидев, как я побледнела от испуга, мальчишка зубасто усмехнулся. Да, отстраненно подумала я, он куда старше, чем пытается казаться.

— Ну, так сколько лить? Всё?

— Три капли! — испуганно воскликнула я, представив, что будет с иллюзионщиками, которые вкусят на себе все прелести передозировки осокой смолистой. Такое зрелище точно привлечет ненужное внимание.

— Понял! — Марвин отсалютовал, все еще ухмыляясь, и развернулся спиной, собираясь уйти.

Шарттиар помялась, подыскивая нужные слова, которые, как назло, не находились.

— Будь...осторожнее.

— Скажи это самой себе, — дерзости Марвину было не занимать. Кувшин из льдисто-голубого стекла, появившийся в грязных мальчишеских руках, сначала был обрисован только по контуру. Краска заполнила его позже, когда Марвин провел ладонью над горлышком кувшина, оглядываясь по сторонам: не заметил ли кто-нибудь? Но нет, редкие прохожие интересовались только землей под своими ногами, и иллюзионщики полагались больше на осязание и нюх.

Хрупкая мальчишеская фигурка, сгибавшаяся под тяжестью кувшина, поковыляла к Хранилищу Сердец.

Шарттиар облокотилась на камень, скрещивая руки на груди:

— Теперь осталось только ждать.

Часть вторая. Глава 44. Проникновение

Иллюзионщики не отказались от услуг маленького, несчастного водоноса, выглядящего так жалко, что желание подать копеечку на пропитание было вполне объяснимо. Возможно, вода из кувшина Марвина и показалась бы им горьковатой или мутной, но мальчик отвлекал их шутливыми байками и рассказами. Они сыпались из него, как просо из дырявого мешка, и не было им ни конца, ни края.

Из укрытия было видно, что он размахивает руками, угощая врагов очередной порцией прохладной водицы, а иллюзионщики пьют глоток за глотком, все сильнее подчиняясь дурману осоки смолистой. Отказаться они не могли — свет Хранилища Сердец вызывал страшную жажду, а враги у входа в Хранилище выглядели потерянными. Один из двойки иллюзионщиков вертел по сторонам головой, сдвигая к затылку плотную ткань плаща. Капюшон сползал все ниже, обнажая морщинистую, сухую кожу, которая буквально втягивала в себя крохи тьмы среди мерцающих лучей, падающих из окон Хранилища.

Марвин сделал шаг назад, а затем еще один, не переставая выдавливать из себя улыбку, больше похожую на оскал. Но иллюзионщики, попавшие под чары, уже не обращали на него внимания: вцепившись в плечи, они раскачивались, сидя на одном месте. По воздуху разлилась песнь: глухая и скрипучая мелодия, от которой все внутри вибрировало.

— Кто он такой? — в замешательстве прошептала я, глядя на то, как Марвин спрыгивает с высокого парапета, серебристой ласточкой растворяясь в подступающей к белоснежной лестнице тьме.

— Когда-то был рыцарем Талла, но мы для него слишком скучные. Однажды ты узнаешь эту историю, но не от меня.

Иллюзионщики бродили по площадке кругами, натывая друг на друга. Их движения становились все более хаотичными, дергаными. Как Даной и обещала — враги сходили с ума. Три капли осоки смолистой сделали свое дело.

Я смотрела на дело рук своих, на сгорающих от безумия врагов, и не жалела их. Если видишь перед собой цель, то все средства становятся вполне подходящими, даже самые беспощадные и жестокие. Даной была права — все может быть и панацеей, и оружием.

— Пошли, — скомандовала Шарттиар, скидывая на землю плащ. Ленты, оплетавшие ее плечи, мягко светились, как у настоящей жрицы. Я украдкой взглянула на себя: да, та же метаморфоза произошла и с моим нарядом. На какое-то мгновение я ощутила томление, легкое онемение души, будто я, и правда, была девой-жрицей, чей долг день за днем, год за годом, нести караул у Алтаря.

Мы незамеченными выбрались из укрытия, и только одна женщина, седая и косматая, нас узнала. Она, согнувшись, чтобы казаться как можно незаметнее, брела по улице, но стоило ей увидеть Шарттиар и меня рядом с ней, как хмурое лицо озарилось. Я видела, как лицо, полное безнадеги, меняется. Надежда всегда делает нас другими людьми. Я улыбнулась ей уголком рта, сохраняя торжественный и немного надменный вид, и получила в ответ широкую улыбку. И эта простая улыбка наполнила меня верой в собственные силы, которая изрядно истощилась.

Ступени дрожали и казались сделанными из мягких облаков. Я нерешительно сделала шаг, опасаясь, что ступня провалится в пористую поверхность ступени, но нет, обошлось.

Шарттиар поднималась резко и стремительно, и ветер колыхал за ней подол юбки, будто

парус у судна, идущего в бой. Поднеси к ней бумагу, и та вспыхнет, превращаясь в пепел, настолько она была ослепительно-прекрасна. Я засмотрелась на ее фигуру, четко выделяющуюся на фоне яркого света, затем ускорила, догоняя Шартиар на полпути.

— Кто здесь? — иллюзионщик, пребывающий в агонии, вскинул голову, заслышав чужие шаги. Шартиар цыкнула от досады: мы недооценили способность иллюзионщиков сопротивляться чужой магии. Они боролись изо всех сил, царапали пепельно-серую кожу до темных полос, сочащихся черной жижей, но осока была сильнее.

— Мы опаздываем на молебен, — тонким голоском ответила Шартиар, выступая вперед и заслоняя меня от иллюзионщика, уже протянувшего в мою сторону руки. Я с ужасом смотрела на обломанные, желтые ногти с черной каймой, приближающиеся к лицу, и живо представляла, как они вцепляются в волосы, царапают шею и щеки.

— Подведи ту, вторую, поближе, — сонным голосом проскрипел враг, все еще мотая головой, чтобы скинуть морок.

— Служба уже началась, мой господин, мы опаздываем, — с нажимом произнесла Наставница, щелкая пальцами за спиной. По воздуху поплыл удушающий аромат полевых цветов. Он был такой приторный и вязкий, что на легких почти оседала пыльца при каждом вдохе. Обескураженный запахом, который прочно забивал все дыхательные пути, иллюзионщик завертел головой, теряя все точки опоры. Второй, с опущенными плечами, поднялся на ноги и медленно побрел к парпету. Достигнув его, иллюзионщик схватился за камень и тяжело перекинул ногу через портик, намереваясь спрыгнуть вниз.

— Стоять, — шепнула Шартиар, еще раз щелкая пальцами. Аромат цветов, сводящий с ума врагов, не исчез, но стал чуть слаще и мягче. Враг замер, в одном шаге от того, чтобы совершить последний и самый примечательный полет в своей жизни. Качая головой, он смотрел вниз, на землю, утопающую в подступившем тумане, и тяжело дышал.

— Надо поаккуратнее с магией, — пробормотала Шартиар, проскальзывая мимо иллюзионщика, все еще заслонявшего нам путь. Я скользнула вслед за ней, на ходу одергивая юбку, задиравшуюся до бедер. Возможно, у дев-жриц было принято сверкать обнаженной кожей, но мне было не по себе.

Больше никто не вставал у нас на пути. Враги остались за спиной, сражаться с собственными галлюцинациями, порожденными бредом осоки смолистой. В Хранилище Сердец путь им был заказан, напомнила мне Шартиар, приближаясь к двери, ведущей внутрь. «Туда они смогут проникнуть, только имея рядом сильного мага. Такого, как Вилф, к примеру. Но у него есть дела поважнее, нежели караулить нас здесь».

Двери в Хранилище Сердец распахнулись под руками Шартиар без нажима: она не успела поднести ладонь к витой ручке, отлитой из стекла, как створки распахнулись, освещая высокое крыльцо теплым, густым светом.

— Спасибо! — слова благодарности сами сорвались с губ сами, без всякого усилия, и я знала, что так было правильно. Хранилище было живое, дышащее и любящее. Сила его любви била в лицо, как порыв ласкового морского бриза с горькой ноткой соли. Напитавшись этой силой, я вся дрожала, а изнутри пульсировала неведомая еще сила, которая терпеливо жаждала момента, чтобы выплеснуться из моих ладоней потоком серебристого света.

Шартиар улыбнулась, когда пересекала порог, высоко подкидывая колени, как при игре в классики. Мне это показалось забавным, пока я сама не шагнула за ней. Вихрь невидимой энергии подхватил меня, поднимая на несколько сантиметров над землей, а юбка

раскрылась бутонем подо мной. Я перемахнула через порог с грацией, которой никогда не обладала, и мягко опустилась на мраморный пол с другой стороны. Эхо моих шагов всколыхнулось вокруг и еще некоторое время бродило вокруг, теряя силу.

Я подняла глаза, окидывая взглядом зал, и подавилась вдохом: все пространство, сколько хватало зрения, занимали хрустальные саркофаги. Их были сотни — одинаковой формы, с тонкими и четкими линиями.

— Они здесь, — шепнула Шарттиар, медленно подходя к ближайшей домовине. Я с трепетом заглянула ей через плечо, ожидая увидеть что-то страшное, что будет являться во снах, но реальность оказалась совсем другой. На дне хрустального гроба, чинно сложив руки на груди, лежал мужчина. Его длинные рыжие волосы, аккуратно забранные в косы, обрамляли скуластое, бледное лицо. Он будто бы спал, утомленный множеством дневных забот и дел, ведь тело было невредимым и почти живым. Беспощадная сила тлена не тронула красивые пальцы и мужественный подбородок. На нагруднике, в котором я опознала принадлежность к рыцарям Талла, плясали искры.

— Йордик, — почтительно склонила голову Шарттиар, касаясь щеки мужчины ладонью. Я ожидала, что светлые ресницы дрогнут, и рыцарь распахнет глаза, силясь понять, почему там затекло тело и где он находится, но нет. Йордик остался недвижим.

— Они спят? Или мертвы? — я шла по узком коридору, образованному хрустальными гробами, и заглядывала в них по обе стороны от себя. Везде были они — рыцари Талла, прекрасные и неживые, словно заблудившиеся на перепутье жизни и смерти.

— В каком-то смысле и то, и другое, — Шарттиар обошла несколько саркофагов, с надеждой заглядывая в них. Мраморный склеп простирался вдаль, а хрустальные домовины заполняли каждый квадратный метр свободного пространства. Какие-то из гробов были пусты, и Шарттиар с грустной усмешкой проронила: «Для них время еще не пришло. Где-то здесь и мой есть».

— Здесь спят павшие воины, ожидая часа, когда господин вновь призовет их к себе, — голос Шарттиар раздался на много метров вокруг, отталкиваясь от стен и набирая громкость. Я боялась, что нас обнаружат, но куда сильнее меня волновало другое.

— Талл тоже здесь? — с легкой дрожью в голосе спросила я, останавливаясь рядом с очередным саркофагом. Там лежала совсем юная девушка, а на ее ресницах дрожала роса, которой здесь быть не могло, ведь в Хранилище Сердец царила прохлада, сухая и приятная. Все тела спящих рыцарей были до груди укрыты цветами, иногда даже знакомыми мне — розами или пионами. А иногда и такими диковинными, что я застывала на месте и наклонялась, чтобы получше разглядеть их. Вытаскивать бутонь из гроба казалось кощунственными, словно за ними следом восстанет и обитатель, разозленный моей бесцеремонностью.

— Нет, — с легкой улыбкой отозвалась Шарттиар и покачала головой, заглядывая в еще один саркофаг, — он во дворце. Но обстановка там похожа, тихо и спокойно.

Светлые брови сошлись на переносице, выдавая тревогу.

— Memento mori, — пробормотала я себе под нос старинное выражение и ощутила легкое покалывание в кисти. Мертвая Голова, все еще обитавшая на моем запястье, злобно тарасилась в пространство, напоминая, что я постоянно нахожусь под прицелом.

Я осмотрела столько саркофагов, что голова шла кругом. Сотни разных лиц сменяли друг друга, пока все черты не слились в единое целое. Едва сдерживая дурноту, я беззастенчиво оперлась спиной на один из гробов, смахивая пот со лба:

— Их тут тысячи! Как же нам отыскать нужные?

Шартиар помолчала, методично обшаривая гроб за гробом в поисках друзей. Я наблюдала за ней, уставшая и разочарованная. Ничего не случается так легко, как планировалось. Обязательно все пойдет через...

— Да Рикс тебя раздери! — в сердцах крикнула Наставница, стуча кулаком по хрустальной крышке. По мраморному залу прокатился мелодичный звон, закладывающий уши. Я присела, в надежде укрыться от тонкого, настойчивого звука, который навывлет бил в самое сердце. В нем было отчаяния и боли, что во рту разлилась горечь. Время утекало, как песок сквозь пальцы, и даже быстрее. Земля закачалась под огам. Толчки, поначалу слабые, ощущались с нарастающей силой, но, казалось, только замечала дрожь земли, от которой тонкие прожилки в мраморе множились и змеились дальше, расходясь к стенам причудливым рисунком.

Когда звон от хрустальной крышки саркофага, отраженный сотнями других, начал стихать, я аккуратно подняла голову, изучая фрески напротив, на которые сначала не обратила внимания. Они покрывали всю стену и выглядели тускло. Совсем не так я представляла себе убранство самого священного, по словам Шартиар, места в мире сна и смерти.

Зачарованная извилистыми линиями, создающими единый узор, я подошла ближе. На стене, укрываясь в тени, неизвестный мне автор изобразил богато украшенный трон. И еще один, чуть меньше, — стоящий чуть дальше, словно его хозяин полностью признает чужое старшинство. И две короны из костей, увитые плющом и яркими цветами, распускающимися на глазах зрителя.

Над всей этой жутковатой красотой, чужой рукой были выведены две строчки, но я не знала языка. Хотела позвать Шартиар, чтобы та расшифровала, но не успела. Над мраморным залом взметнулся торжествующий крик:

— Нашла!

Часть вторая. Глава 45. Спящая Красавица

— Виллан! — Шартитар рыбкой нырнула в ближайший к ней гроб, раскидывая в стороны огненно-красные маки, которыми до краев был наполнен саркофаг. Цветы, падая на мраморный пол, теряли свежесть и мгновенно вяли, будто бы жизнь в них поддерживалась магией. Я побежала к ней, вне себя от радости, что мы нашли хоть кого-нибудь, но резко затормозила. Переводя дыхание и боясь ошибиться, я несмело заглянула в гроб, который привлек мое внимание. Радость вновь забила в грудной клетке, как птица, распирая ее изнутри:

— Руц в третьем ряду!

Снежно-белые лепестки лилий укрывали Руца до подбородка одеялом бесконечного сна. В лице не было ни единой кровинки, и от того волосы его казались еще светлее, почти бесцветными. Я протянула руку, отводя от лица белесую прядь, и вздрогнула. Кожа Руца была холоднее льда; у Виллана, наверняка, немногим теплее. С трудом верилось, что мы сможем вернуть их к жизни.

— Где же Айден?

Я заметалась по залу, теряя терпение. И пропустила звук чужих шагов у двери, которая распахнулась с громким скрипом. А когда услышала, Шартитар в одно мгновение оказалась рядом и потянула меня за часть вызывающего наряда, вынуждая присесть за одним из хрустальных саркофагов. Оттуда прекрасно было видно площадку перед дверью, которая быстро заполнялась незваными гостями в темно-серых балахонах. Они всё прибывали и толпились на небольшом пятачке перед входом, опасаясь ступить на мраморный пол склепа, будто магия, которой был пронизан камень, могла повредить иллюзионщикам. Или, того хуже, прикончить на месте.

— Где они?

Властный женский голос, отраженный холодными стенами, я бы узнала где угодно. От него руки покрывались гусиной кожей, а кровь в жилах — в хрустящий лед. Я позорно задрожала, прикрывая глаза, чтобы не видеть ее перед собой. Но я не успела — на сетчатке уже отпечатались картинка: До-Ка-Ри, посвежевшая и принарядившаяся, держит за шкурку мальчишку, рыжего и конопатого, хнычущего от страха. По цветастым одеждам мальчика, по сотням атласных лент в волосах, на раз-два опознавался служитель Хранилища Сердец, испуганный до икоты пришествием злобной ведьмы.

О, как я ее ненавидела в тот момент! Лгунья и предательница. Изнутри кипела злоба, равной по силе которой я не чувствовала никогда. Я все еще помнила, как блестели глаза До-Ка-Ри, когда нож Вилфа вспорол мне горло. Она упивалась моей болью, радовалась тому, что я умираю. Жажда мести бурлила во мне, просясь на выход, но я осознавала — время еще не пришло. Ну, ничего, я подожду.

За спиной До-Ка-Ри толпились иллюзионщики, выглядящие как потерянные дети. Двое из них еще не избавились от действия осоки смолистой, но флер сумасшествия уже испарился, как не было его. Остальные же топтались на месте, как будто тоже пригубили отравленной водицы из рук Марвина. Пожирательница Душ раздраженно зыркала на них, одним только взглядом предрекая неприятности.

— Я не знаю! — слезы катились по детскому лицу, оставляя четкие дорожки. Он дрожал и всхлипывал, закрывая лицо руками. — Оставили подношения и ушли! Они ушли!

Еще не сломавшийся голосок парнишки дал петуха, и он зарыдал, отворачивая лицо. Скулы обожгло румянцем от ярости: отыгрываться на самых слабых может только трус!

До-Ка-Ри без усилия за шиворот подняла мальчишку над полом, заглядывая ему в лицо: — Если я узнаю, что ты мне лжешь, я вернусь. И сожру твою душу! Ты меня услышал?

Мальчик заскулил, сжимаясь в комок. До-Ка-Ри могла быть убедительна, как никто, кому как не мне это знать. Звук пощечины, которую она отвесила мальчишке, разрезал тишину громовым раскатом. Прислужник схватился за щеку, на которой тотчас вспух и заалел след от удара.

— Уходим, — скомандовала она иллюзионщикам, которые зашевелились как торопливые муравьи. Явно боялись накликать на себя гнев госпожи, которая была не в духе.

Затаив дыхание, я боялась нечаянно выдать себя. Но одно я знала точно — мальчик отчетливо видел и меня, и Шартитар, и предпочел скрыть правду. Солгал До-Ка-Ри, даже зная, чем ему это грозит. Заметив нас, притаившихся в углу, он замешкался, но в итоге целенаправленно солгал. Почему?

До-Ка-Ри простучала каблучками к выходу. Разрядилась она, конечно, так пышно, что мне стало стыдно за свой скромный туалет, пускай облачение девы-жрицы скромностью отнюдь не отличалось. Она уже чувствует себя королевой, подумала я, скользя взглядом по бархатному шлейфу, тянувшемуся к выходу вслед за До-Ка-Ри, и по алмазному венцу, которым была украшена высокая прическа. Рыжие волосы отливали киноварью, холодной и жестокой. Цвет — точь-в-точь как моя кровь на руках Повелительницы Душ в самом худшем моем кошмаре.

На пороге она обернулась, еще раз окидывая склеп Хранилища Сердец подозрительным взглядом. Я чувствовала, как на шарит глазами совсем рядом со мной. Замереть, задержать дыхание и зажмуриться. Ну, и постараться не думать громко — я еще помнила, что До-Ка-Ри ранее читала мои мысли на лету.

Мальчик-прислужник скорчился на ледяном полу, утирая слезы полой своей робы. Он дрожал, словно пламя свечи на ветру, и даже не поднимал глаз на До-Ка-Ри, которая возвышалась над ним.

— Уходим, — еще раз произнесла Пожирательница Душ, щелкая пальцами. Иллюзионщики еще бодрее потопали на выход, ссутулившись и кутаясь в плащи. Один из них задержался в проеме, за что получил от разъяренной До-Ка-Ри пинка для скорости. Выглядело совсем по-детски, как будто грозная Повелительница Душ не может контролировать приступы гнева. И вновь в Хранилище Сердец повисла священная тишина.

— Из-за вас меня убьют, — шепотом сказал мальчик, дрожа хилым тельцем и глядя мне в глаза. Он уже жалел, что не сдал нас со всеми потрохами врагам, как следовало. Видимо, в голове у него мелькали картинки собственной казни, бывшей не за горами. Шартитар поднялась на ноги, подходя к мальчику и ласково обхватив хрупкие плечи в намеке на объятие.

— Я не позволю ей навредить тебе, — Наставница погладила багровый отпечаток ладони на нежной коже ребенка, прижимая его голову к груди. Мальчик всхлипывал и трясся в беззвучной истерике. Я сглотнула, прогоняя от себя видение: серое лицо ребенка, лишённого души. И оскал До-Ка-Ри, склонившейся над ним и упивающейся собственной властью.

Я медленно брела между саркофагами, подчиняясь одной лишь интуиции. Тонкая нить предчувствия вела меня вперед, толкала в спину и не давала оборачиваться.

— Скажи, — услышала я за спиной вкрадчивый, успокаивающий голос Шарттиар, — где покоится Советник Айден?

Мальчик всхлипнул еще громче, подавившись резким вздохом. Он боялся, я чувствовала, что он все сильнее дрожит, но упрямо продолжала шагать. Саркофаги сменяли друг друга, один за другим, пока в груди не звякнуло. Я остановилась, скидывая с себя наваждение.

— Где спит Айден, малыш? — Шарттиар терпеливо спрашивала, надеясь услышать ответ. Но мальчик продолжал лить слезы, уткнувшись лицом в ее плечо.

— Оставь его, Тия, — я не узнавала свой голос, он доносился словно издали, — он здесь. Я нашла Айдена.

Наставница повернула ко мне лицо, растерянная и удивленная. С моих губ сорвалось непривычное имя, звучание которого пришло ко мне из глубин памяти. Да, подумалось мне, но как-то лениво, через силу, мир менял меня, хотела я того или нет.

Я смотрела на лицо Айдена, умиротворенное и спокойное, а сердце сжималось. Мне хотелось плакать, залить бледную кожу слезами, и надеяться, что они вернут Айдена к жизни. Протянула руку, касаясь стеклянной крышки саркофага, но одернула себя. Вряд ли Шарттиар оценит такой порыв, но на душе было беспокойно.

— Как же нам его оживить? — я ощущала себя беспомощной, как птица с перебитыми крыльями, сколько не махи — не взлетишь. Шарттиар приблизилась, глядя на меня, как на сумасшедшую. Возможно, так и было. Я невесело усмехнулась, дотрагиваясь до нескольких цветов, лежащих на крышке саркофага. Черные маленькие розы, разве было что-то более подходящее синим глазам и темным ресницам? На серебряных эполетах кителя дрожала роса, и отражение моего лица дробилось на сотни осколков в ее каплях.

— Твой дедушка сказочник, а ты меня спрашиваешь, как его разбудить?

Я вспыхнула так резко, словно мне предложили пробежаться по главной улице своего города в одном белье.

— Поцеловать?! Разве нет способа попроще?

— Куда уж проще, — парировала Шарттиар, оглядываясь на дверь, которая оставалась тиха. Иллюзионщики толпились снаружи, карауля выход на случай, если мы обвели их вокруг пальца, что было не далеко от истины.

Но я не собиралась так легко сдаваться:

— Так что же, мне всех здесь перецеловать?

Наставница тихо рассмеялась:

— Зачем же? Руца и Виллана я разбужу сама. Для остальных время еще не пришло.

Я покачала головой, стараясь не заглядывать в лицо спящему Советнику. Каждый раз когда я случайно натыкалась взглядом на темные ресницы, белую полосу шрама и губы, то заливалась краской от лба до шеи, как выпускница института благородных девиц. Ну, если подумать, дедушкино воспитание было весьма похоже на высшее учебное заведение для юных леди. Вспомнить только, как я разнервничалась, когда Айден помог мне подняться из лужи. Прикосновение незнакомого мужчины, весьма невинное и обоснованное вынужденной помощью, было чуть ли не запретным плодом.

— Так почему Айден достался мне? — шепотом закричала я, боясь потревожить тишину и привлечь внимание караула снаружи. Возможно, я выглядела как последняя истеричка, но я правда не горела желанием целовать Советника, практически на глазах всей гвардии. Виллан наверняка шуточками будет сорить до самого Дворца.

— Должна быть глубокая эмоциональная связь. Только она сможет одарить твой

поцелуй силой, достаточной для пробуждения из вечного сна.

Я хмуро взирала на Шарттиар, скрестив руки на груди. Пока ее объяснения звучали не ахти как убедительно, но я решила дать им шанс.

— Мы с Руцем, — взмах рукой в сторону саркофага, где продолжал спать Руц, — близнецы. Здесь все само собой подразумевается, ты так не считаешь?

Добившись от меня неохотного кивка, Наставница продолжила:

— Виллан влюблен в меня три тысячи лет. Здесь хочешь — не хочешь, а придется соответствовать.

Я хмыкнула, понимая, какой козырь сам приплыл мне в руки. Только пусть попробует что-нибудь сказать по поводу поцелуя и Айдена, как я разыграю самую выигрышную партию в своей жизни.

— До-Ка-Ри с Вилланом тоже в родственной связи. Почему бы не попросить ее разбудить брата?

Шарттиар успешно проигнорировала ехидную реплику:

— И Айден достается тебе.

Я с сомнением покосилась на Советника, который дремал себе и даже не догадывался, какую жаркую дискуссию вызвал.

— Звучит не очень убедительно. Я думала, связь должна быть другого характера. Мы же с ним друг друга бесим, и это не секрет! Единственная эмоция, которую мы вызываем друг в друге, раздражение.

Шарттиар нетерпеливо вздохнула, направляясь в сторону Виллана. Она намеревалась пробудить его ото сна первым.

— Уж как есть. Злость может связывать куда крепче любви и дружбы. Действуй!

Мда, ситуация не слишком-то привлекательная. Айден спал, безразличный к моим переживаниям и метаниям души. Только его саркофаг, один-единственный, запирался сверху тонкой хрустальной крышкой, которую я сдвинула почти без усилия. Аккуратно прислонив ее к гробу, я наклонилась над Айденом, ища в себе силы закончить начатое. Бледные губы Советника казались холодными, как январская стужа. Первый раз поцеловать мужчину, да еще и покойника? Приключение на любителя. Что бы сказал дедушка...

— Лиззет, а можно немного побыстрее? — со спины, потягиваясь и зевая, подошел Виллан. Его возвращение в мир живых прошло без лишней помпы: никаких тебе фейерверков, магических вспышек и звукового сопровождения. Рыцарь растерянно моргал, тер глаза и щурился с непривычки от теплого света Хранилища. Мне показалось, или освещение стало ярче, когда Виллан очнулся? Скорее всего, померещилось, но рыцарь выглядел точь-в-точь как человек, проспавший слишком много во время дневного сна, и теперь пытающийся понять, какой на дворе год. Я не смогла сдержать улыбки, настолько мне было это знакомо.

— Может, сам попробуешь? — ворчливо предложила я, готовая великодушно уступить ему место. — У вас же тоже есть особенная связь?

Виллан одарил меня хмурым взглядом, в котором читалось все, что он обо мне думает в текущий момент, но в следующее же мгновение лицо рыцаря озарилось улыбкой: к нам подошел Руц, на ходу разминающий затекшие мышцы.

— О чем разговор? — он перегнулся через бортик, деловито заглядывая в саркофаг. Вид спящего Советника его ни сколько не тревожил, словно он каждый день проводил подобным образом. — Лиззет, время поджидает.

— Знаю я, — огрызаться и ерничать было простым решением, за которое я не несла ответственности. Я все никак не могла решиться и сделать последний шаг: прижаться губами к губам. То ли смущение, то ли суеверный страх мешали мне пойти до конца.

Шартиар цыкнула, складывая руки на груди. Выглядела она недовольной, слегка раздраженной и...усталой? Ну, конечно, понервничать пришлось изрядно, даже я ощущала каменную усталость в теле и мыслях, которая никак не хотела уходить.

Так, собраться с мыслями, сгрести последние крохи сомнений и выкинуть их вон.

Поцелуй вышел ужасно неловким: я неуклюже перегнулась через бортик, прижалась губами к холодным восковым губам, замирая. Секунда, вторая, третья.

Я отстранилась, заглядывая Айдену в лицо. Ничего. Не дрогнули ресницы, отбрасывая на светлую кожу тень. Не налились живым цветом скулы. Ни-че-го.

Виллан издал забавный звук, что-то среднее между хрюканьем и задушенным нервным смешком:

— Мда, так быть не должно. Шарт, ты уверена, что именно поцелуй Лиззет должен пробудить капитана ото сна? Может, лучше ты?...

Наставница поправила очки, одаривая Виллана ледяным взглядом, от которого тот поежился, и отчеканила:

— Я уверена в этом на все сто процентов. Либо она, либо никто.

Рыжий рыцарь посторонился, оборачиваясь ко мне:

— Еще разок?

Ну нет, хватит, мое терпение лопнуло. Я оттолкнула от себя хрустальную крышку гроба, ничуть не заботясь ее целостностью. Разобьется? И пускай, Айден будет спать под свежим ветерком, ведь простудиться ему точно не грозит.

— А давай я здесь всех перецелую?! Так же веселее?

Я чувствовала себя неловко: хваленый магический поцелуй не сработал, а сердце в груди билось как сумасшедшее. Но, почему-то, в глубине души я чувствовала странное облегчение. Да, поцелуй оказался бессилён, а значит, нет никакой особенной связи между мной и Айденем. Видения, терзавшие меня во снах, были всего лишь плодом воспаленного сознания и лекарств Даной. Томление и робость, охватывающие меня при мысли об Айдене, смеющемся, грустящем или задумчивом, была фикцией, шуткой моего мозга. И мне стало намного легче. Все мысли о том, что я могла бы влюбиться в Айдена, были смешными и жалкими в собственной несостоятельности. Не могла, и точка.

Но рыцарям нужно было больше доказательств, а потому, я вновь нырнула в саркофаг, прижимаясь к Айдену в новом поцелуе, теперь куда более глубоком и вдумчивом.

Рыцари за спиной затаили дыхание, словно присутствовали при таинстве, чья сила могла разрушать и создавать миры. Меня бесил их трепет, их вера в вещи, которым не суждено сбыться.

— Что и требовалось доказать, — с торжествующим видом я вернулась на место и подбоченилась. Лица у рыцарей, надо сказать, были впечатляющими. Такого калейдоскопа растерянности и бесплодной надежды я не видела никогда. — Нет никакой связи. Только если в твоей голове, Шартиар.

Та прикусила губу, отворачиваясь. Виллан и Руц молчали, пораженные, что поцелуй не сработал.

К моему глубокому сожалению, друзья не собирались просто так сдаваться. Виллан предлагал такие варианты выхода из сложившейся ситуации, что у меня алели щеки и начал

дергаться глаз. Он потом, конечно, получил затрещину от Шартиар, но нести чушь не перестал. Они еще некоторое время шипели друг на друга, доказывая собственную правоту, но противники силы имели равные, битва угрожала затянуться.

Руц задумчиво пощипывал подбородок:

— Быть может, нужны какие-то слова?

Я с подозрением уставилась на него:

— И какие же?

Руц открыл рот, чтобы поведать мне секретную формулу, но тут Айден, до того момента мирно дремлющий на дне хрустального саркофага, зашевелился. Его хриплый со сна голос звучал тихо и отстраненно, как будто его владелец все еще находился очень далеко.

— Чего вы так орете? Поспать не дают...

Я до боли стиснула руки на хрустальном бортике саркофага, боясь, что видение растает как дым. Айден еще раз шевельнулся и сел, сопровождая каждое движение тихим стоном.

— Все тело ломит невыносимо, — пожаловался он, оборачиваясь к нам, — а чего такие лица печальные? Вы что делаете?!

Выдержать объятия сразу четырех взрослых людей, нападающих на тебя как коршуны на пищу, сможет не каждый, но Айден справился на отлично. Когда под моими коленями лопались бутоны роз, провозглашая возвращение Айдена в мир живых, а рядом гремел смех Шартиар и Виллана, пришло осознание, что я почти счастлива.

Синие глаза смеялись, когда Руц помогал Айдену выбраться из хрустального плена. Нам предстояло покинуть Хранилище Сердец раньше, чем Вилф и его подручные пронюхают, что трица рыцарей вновь на свободе.

Холодные пальцы коснулись моего запястья, пробежав вверх и вновь вернувшись. Я вздрогнула, не ожидая увидеть Айдена так близко. Он улыбался, мягко и тепло, как будто видел во мне что-то большее. Я отстранилась, смущенная неожиданной близостью.

— С возвращением, Советник.

То, как дрогнул мой голос, не укрылось от Айдена. Он наклонился чуть ближе к моему уху, отводя в сторону прядь волос, перевитую лазурной лентой.

— Спасибо.

Призрачное прикосновение чужих губ к щеке еще долго преследовало меня пульсацией на коже. Теперь я окончательно знала, что свернула не туда.

Прорывались из Хранилища Сердец с боем. Мечи рыцарей разрезали воздух со свистом, оставляя в пространстве сверкающие полосы, которые таяли спустя пару секунд. Всюду кровь и истошные крики раненых. Я двигалась след в след за Шартитар, а сбоку нас прикрывал Руц, создающий атакующие чары так легко и изящно, что я бы залюбовалась, не будь я так испугана. Виллан, укутанный маревом заклинания-щита, упрямо шагал вперед, тесня недругов в угол, где их ждала быстрая, но мучительная смерть.

— Не смотри туда, — хрипло выдохнул Айден в мою сторону, проносясь мимо, чтобы в умопомрачительном пике заколоть иллюзионщика, протягивающего руки к Советнику. Между серых, морщинистых ладоней что-то бурлило — черное, как мазут, притягивающее глаз. Завершить колдовство он не успел. Росчерк меча в воздухе, и тело упало на гранит, заливая все вокруг тягучей темной кровью.

— Их слишком много! — Руц отбивался от тройки иллюзионщиков, обошедших нас с фланга. Они отрезали путь к лестнице, а по ней уже поднималась дюжина иллюзионщиков на подмогу. До-Ка-Ри не было видно, но я не сомневалась, что или она, или Вилф, обязательно покажутся на поле битвы. Хотя бы для того, чтобы посмотреть, чья сторона взяла верх.

Заклинания били здесь и там, в лицо летела гранитной крошки, которая оседала губах и скрипела на зубах. Площадка перед входом в Хранилищем Сердец была усыпана глубокими воронками в камне.

— Пора! — Айден тенью метнулся ко мне, прижимая лицом к груди, и воздел над головой меч. — Отступаем!

Алая занавесь окружила нас, а затем упала к моим ногам.

— Здесь вся еда такая вкусная? — я уплетала омлет, сдобренный специями и зеленью, за обе щеки с такой скоростью, что Виллан от греха подальше отодвинул свою тарелку. Не то, чтобы ему было жаль еды, просто он опасался, что я вскорости лопну, и все усилия по моему спасению и сопровождению будут напрасны.

Маленькая таверна за городскими стенами притаилась в роще на дороге к Замку Талла. Иллюзионщики здесь почти не ходили — большая их часть осталась в Столице, взбудораженная битвой с рыцарями на лестнице Хранилища Сердец, а остальные — шныряли в самом Замке, дожидаясь нашего появления.

Айден переместил нас на пустынную дорогу, за городской стеной, используя магию, которая восстановилась после долгого сна, но ничего не бывает просто так.

— Ты злоупотребляешь, — строго заметила Шартитар, не отводя взгляд от щеки Айдена, которая от усилия стала мелово-белой, — не в твоём состоянии...

— Я в порядке, Тия, — оборвал он ее резче, чем было нужно, — скоро я смогу отдохнуть. Как и вы все.

Почему мы не вернулись в Храм Ковру? Эту мысль преследовала меня все время, пока Виллан и Руц, настороженно оглядываясь, шли к таверне, которая манила из леса аппетитным запахом и обещаниями скорого отдыха. Став свидетельницей краткого разговора между Советником и Наставницей, я ощущала себя не в своей тарелке все время, пока мы шагали до таверны, располагались в комнатах и ждали ужина. Взгляд Айдена,

внимательный и серьезный, преследовал меня по пятам, и я начинала злиться. Выдохнуть я смогла только увидев на столе еду, от которой поднимался восхитительный дымок. Я и не предполагала, что настолько проголодалась.

— На малиит сильно не налегай, — посоветовал Айден, кивая на высокий кувшин, поданный к столу в подарок от хозяина заведения. Народу в таверне было немного, разве что десяток путников набралось бы, сидевших попарно или по-трое. Все они кидали на меня взгляды, спектр эмоций которых колебался от обожания до благоговения.

— Мне надоело чужое внимание, — хмуро сказала я, в пику Айдену протягивая руку за малиитом. То, что напиток окажется градусным, оказалось для меня сюрпризом. Шартиар с любопытством наблюдала, как мое лицо меняет цвет в третий раз, оставаясь в оттенке бордового. Но малиит, имея горький привкус полыни, пился легко, и второй стакан пошел на «ура». Голова прочистилась, на душе стало легко, и я поняла, что захмелела. До этого момента я пила спиртные напитки редко, чаще в компании бабушки, который учил меня чувствовать вкус в бокале дорогого вина, а не напиваться. Спасибо ему, конечно, за уроки, но из-за этого я не умела пить совершенно. И теперь изрядно перебрала.

— Здесь не все так рады твоему появлению, — напомнила мне Шартиар, изящно орудуя ножом. Я смотрела на то, как она ест — истинная леди, соблюдающая все правила застольного этикета, — и грустила. Шартиар была бы прекрасной королевой, достойной супругой Его Мрачнейшего Величества Талла. Но, по иронии судьбы, ей не станет.

Малиит бередил мысли, у меня имелось достаточное количество претензий, которые просили выхода. Не успев одернуть себя, я услышала знакомый голос, в котором с ужасом узнала свой, несущийся издали:

— Я немного не понимаю. Если яблоко, я имею в виду настоящее яблоко, выбрало меня, то зачем весь этот фарс?

Айден, увлеченно разглядывающий посетителей, повернулся ко мне лицом. Я вновь ощутила, как вспыхнуло мое лицо при одном лишь мимолетном взгляде на его губы.

— Фарс?

Возможно, виной всему был малиит, третий стакан которого плескался в руке, но я уже была на коне. Море по колено, облака по плечо и все такое.

— Три испытания, зачем это все? — малиит едва не выплеснулся на стол, когда я качнула бокалом, обводя рукой стол.

Шартиар с Вилланом пооткрывали рты, пораженные моей наглостью. Мне не нравились их переглядывания, ведь в отличии от них Руц с Айденем вполне спокойно приняли мои слова.

— Яблоко только первый звоночек, тебе все равно придется доказать, что ты Избранная, — Айден отсалютовал мне бокалом с обыкновенной водой и усмехнулся. Мой пьяный лепет не производил на него никакого впечатления. Я пыталась играть на публику, и Советник понял это с пол тычка, и теперь, как бы я не дергалась, он будет видеть во мне капризного ребенка, не следящего за словами. Пока не протрезвею.

— Ерунда какая-то, — я мутнеющим взглядом уставилась в стену. Обида больно кусалась, и болела уязвленная гордость, ведь мою попытку ускользнуть от необходимых традиций пресекли в корне. Разве то, что я с блеском прошла первое испытание, спасла Шартиар от участи остаться в мохнатой шкуре белого лесного волка, а также, выручила рыцарей из хрустального плена вечного сна между жизнью и смертью, не достаточно? Зачем еще придумывать какие-то испытания, хотя и так все ясно?

Хмель шумел в голове, меня клонило в сон. Сквозь белый шум, закладывающий уши, просочился вкрадчивый голос Айдена, наклонившегося к моему плечу:

— Первое испытание было подстроено нами. Так сказать, для затравки. Остальные будут появляться на твоём пути без нашего вмешательства. Будь внимательнее. Это может быть что угодно.

Низкий голос с хрипотцой в сердцевине убаюкивал. Осоловелым взглядом я следила, как приближается хозяин таверны и склоняется в почтительном поклоне перед Айденом, который взмахом руки отклоняет церемонии.

— Как здоровье Его Высочества? — хозяин таверны со смешным именем Миккит, присел на стул, намереваясь пообщаться с Советником поближе. Айден был этому рад, о чем свидетельствовала широкая улыбка и крепкое рукопожатие, которым он обменялся с бородатым мужчиной. Глубокие морщины прорезали загорелое лицо трактирщика, а седеющие волосы он небрежно стягивал в короткий хвостик на затылке.

— Все так же, благодарю за заботу, Миккит, — кивнул Советник, наливая себе еще воды. Я молчала. Меня обуяла апатия, желание шевелиться или говорить пропало. Хотелось прилечь, но было не очень вежливо вставать из-за стола, когда хозяин заведения присоединился к гостям.

Они были давно знакомы, Миккит и Айден. Их беседа изобиловала именами, отсылками к событиям, которых я не знала и, честно говоря, знать не хотела. Шарттиар или Виллан иногда вмешивались в разговор, делая ремарки или задавая вопросы, но смысл их слов ускользал от меня. Мало-помалу я начинала дремать.

— Моя дочь скучала по тебе, Советник. Заглядывай почаще, — вздохнул Миккит, кидая взгляд за стойку трактира. Дремота слетела с меня в мгновение ока. Я распахнула глаза, чтобы лучше разглядеть дочь хозяина. Да, она была хороша. Ясные глаза с искорками, улыбочное лицо с забавными ямочками на щеках. То, как она держала себя и реагировала на чужие взгляды... Она знала, что красива, и пользовалась этим. Улыбалась постояльцам и шутила, подавая заказанные напитки и блюда, но не давала повода для чего-то большего. И только в сторону Айдена кидались такие многообещающие взгляды, что мне, все еще хмельной и раздраженной, тут же захотелось убивать.

Шарттиар, видимо, почувствовала, как от меня расходится в стороны аура убийцы. Откашлявшись, она поднялась на ноги и подняла на ноги меня. Я все еще носила наряд девы-жрицы, и юбка мешала свободно двигаться. Нет, пообещала я самой себе, никогда больше не буду так напиваться. Мне было достаточно укоризненного сведенных бровей и серьезного взгляда, которым меня наградил Айден, прежде чем вернуться к разговору с Миккитом. Они склонились друг к другу, негромко беседуя, и лицо у Миккита было тревожное.

— Пошли, горе ты мое, — со вздохом сказала Наставница, вытаскивая меня из стола и помогая взобраться по лестнице на второй этаж, где нас уже ждали комнаты, заботливо приготовленные красивой дочерью трактирщика. До которой мне было очень и очень далеко. Что-то подобное я и озвучила Шарттиар, которая сейчас казалась мне самой подходящей кандидатурой для того, чтобы выплакаться как следует.

— С трудом получается забыть, что ты еще ребенок, — со вздохом ответила Шарттиар, толкая бедром дверь в комнату, которая была ближе к лестнице. Не слишком-то безопасно, зато тащить далеко не надо. Дальновидно, подумала я и хихикнула.

Безо всяких прелюдий Наставница свалила меня кулем на кровать и распахнула окно, позволяя свежему ветру обдывать мое разгоряченное духотой и алкоголем лицо.

— Не надо было тебе пить, — с сожалением признала Шарттиар, усаживаясь рядом со мной. Я барахталась на пограничном состоянии: мне хотелось рыдать на разрыв аорты, размазывая слезы по лицу. И смеяться, захлебываться хохотом, пока не сойду с ума.

— Ревность — плохое чувство. Оно не поведет тебя по хорошему пути, поверь мне.

Я насупилась, признавая, что зерно истины в словах Шарттиар, все же, было. Дремота наступала волнами, то накатывая, то отступая, и я была не в силах с ней бороться.

— Тогда. почему так больно? — прошептала я, чувствуя, как слипаются глаза, и не в силах противостоять сну. В полудреме я ощутила, как Шарттиар ласково гладит меня по голове и вздыхает. Кому было понять, как не ей?

Тонкий девичий смех разбудил меня, когда сновидения, муторные и жуткие, пошли на второй виток. Открыв глаза, я еще некоторое время вслушивалась в жеманное хихиканье, доносящееся из-за двери, и пыталась прийти в себя. Погружаться в видения, высасывающие из меня силы и желание жить, с каждым разом было все сложнее. Но и не спать я не могла. С другой стороны, я была благодарна, что сны с участием Айдена больше меня не терзали.

Вспомнив, как я вела себя предыдущим вечером, я едва не воспламенилась со стыда. От одной мысли, что придется показаться на глаза Айдену или Шарттиар, становилось дурно. Голова раскалывалась от боли, во рту поселилась маленькая пустыня. Сейчас бы я отдала все что угодно за поток холодной чистой воды. Первое похмелье решило продемонстрировать мне сразу все свои прелести.

Поднимаясь на ноги, я покачнулась. Ох, коварен оказался малиит, прикидываясь безобидным. В голове словно перекачивался металлический шарик, отчего страшно хотелось вернуться обратно в кровать, но жажда оказалась сильнее. Пришлось схватиться за металлический столбик кровати, с трудом устаканивая тело в вертикальном положении.

Шарттиар не церемонилась: я спала полностью одетая, разве что сапоги стащила с себя, чтобы не испачкать кровать грязными подошвами. В комнате было прохладно, но мне не хватало воздуха, я почти задохнулась. При каждом движении горизонт уплывал в сторону, а желудок судорожно сжимался, напоминая, что я съела слишком много омлета за ужином и слишком много выпила.

— Надо проверится, — сказала я самой себе, нетвердой походкой направляясь к двери. Приходилось касаться руками стен и мебели, стоящей по ходу движения, потому как мне чудилось: стоит мне остаться без опоры, как я рухну на пол. Ну, или мне банально станет плохо. Казалось бы, куда уж хуже, но похмелье еще таило в себе невиданные глубины страданий.

Слишком резко дернув дверь на себя, я едва не упала солдатиком на площадку, но успела удержаться за косяк. Поднимая тяжелую с перепоя голову, я замерла: понятия не имела, что комната Айдена располагается со мной дверь в дверь. О, сколько же открытий чудных! Предполагалось, что он займет номер внизу, а рядом расположится Шарттиар, вынужденная караулить меня и предотвращать незапланированные акции протеста с моей стороны. К примеру, если мне захочется посреди ночи прогуляться или устроить дебош за компанию с малиитом. Конечно, на такое я была не способна, но Шарттиар вместе с Айденом, полностью ее поддерживавшим, полагала, что разумнее будет обезопасить меня и других.

Но вышло совсем иначе, и теперь я наблюдала, как Айден в расстегнутой рубашке,

оперевшись о дверной косяк, склоняется к простоволосой дочери трактирщика, одетой весьма фривольно для внепланового обслуживания номеров. Ее тонкие белые руки обвили шею Айдена, притягивая его ближе для поцелуя. При моем появлении она тихонько воскликнула, пряча лицо на груди Айдена. Советник замер, будучи застигнутым в весьма недвусмысленной ситуации и не решаясь двинуться, чтобы не усугубить. Очевидно, появилась я очень не вовремя. Глядя на голые плечи девицы и расшнурованный корсет, я поняла, что ее кокетливый флиртующий смех и разбудил меня.

Какое-то время мы таранились друг на друга, не находя нужных слов, но затем мой организм решил, что пауза слишком затянулась.

— Прошу прощения, что помешала, — пробормотала я, торопливо скатываясь с лестницы на первый этаж в полутемный зал таверны. Желудок взбунтовался, требуя освободить место, ну, или глотнуть свежего воздуха. Не смела ему перечить.

В темном зале заведения горели две свечи, очерчивая путь к выходу на задний двор, и я торопливо промчалась по нему, толкая тяжелую деревянную дверь. Но та не поддавалась, издевательски лязгая мудреным засовом. Я была готова сдаться, но тут чужая рука легко перекинула одну железную пластину через другую, а потом с нажимом толкнула дверь, освобождая путь. Айден умел подкрадываться как кошка, и я подумала, что из него получился бы неплохой ассасин. Там, где нужно незаметно подойти, а потом — скрыться, не привлекая внимания, Советнику не было бы равных.

У меня не было времени благодарить, я лишь перемахнула через порог, ища уединения в ближайших кустах, благо вокруг таверны их росло неисчислимое множество.

— Ну, тебе лучше? — уточнил Айден, дождавшись моего триумфального возвращения на свет и протягивая мне фляжку. Я выползла из кустов, утирая со лба едкий пот. Меня немного знобило от прохладного ночного воздуха, и жутко болел живот.

— Смотри что ты имеешь ввиду под «лучше», — огрызнулась я, привалившись спиной к стенке. Руки слегка подрагивали, но хмельной туман в голове рассеялся, а вместо него пришло смущение. Я не хотела видеть Айдена сейчас, после сцены у лестницы. И ежу было понятно, что я стала свидетелем разлуки любовников, и вся ситуация встала костью в горле, мешая дышать. Даже вода из фляжки не помогала. Прежде чем ее пригубить, я подозрительно принюхалась, но вряд ли бы Айден стал мне, страдающей от похмелья, подсовывать алкоголь. Ну, только если от большого желания, чтобы я мучилась подольше.

Советник выглядел растрепанным и смущенным, но не настолько, чтобы не прочитать мне нотацию. Я некоторое время послушала его голос с менторскими интонациями, а потом мне надоело.

— У тебя есть хоть какие-нибудь недостатки?

Айден осекся на полуслове, приподнимая красивые брови в изумлении.

— Что?

— Ты слышал, — я махнула рукой, усаживаясь прямо на зеленую траву и глядя на него снизу вверх. Похмелье лишило меня последних остатков стеснения, обменяв их на изрядную долю наглости.

Айден скрестил руки на груди, с любопытством разглядывая мое лицо, которое еще имело приятный зеленоватый оттенок, напоминающий собой цвет кувшина с малиитом. Он размышлял, серьезна ли я, или опять пытаюсь ерничать и найти его слабое место. Наши перепалки остались в прошлом, но сейчас я чувствовала смутную обиду, и перекладывала вину на Советника. Раз уж он оказался рядом в неподходящий момент., то пускай несет

ответственность, правильно?

— Не бывает идеальных, — рассудительно ответил он, наконец, присаживаясь рядом, нисколько не беспокоясь, что белоснежная сорочка будет измазана в зеленом соке свежей травы.

Я вздрогнула: точно так же, прикасаясь плечами и коленями, мы сидели в Костяной башне перед нападением Вилфа. Но чувствовать обнаженным плечом тепло его тела было приятно, и я не стала отодвигаться, хотя было не по себе от столь тесного соседства.

— И у меня есть черты, которые вызывают в других отторжение. Но сейчас на ум ничего не идет.

Я прикусила губу, чтобы не высказать ему все, что я думаю. Чтобы не сказать ему в лицо, что он заносчивый хам, который только и умеет, что закатывать глаза на каждую мою реплику.

Во мне говорила обида, но я не имела права обижаться. Он был всего лишь рыцарем Талла, чья задача заключалась найти меня и доставить под венец к Его Мрачнейшему Величеству Таллу. Мои чувства здесь были не при чем. Он был не виноват, что я...

— Она твоя невеста? — я откинула голову назад, больно стучаясь макушкой о стенку. Айден терпеливо дождался, пока я перестану скулить, а затем уточнил:

— Вилна?

Я дернула плечом, мол, откуда я знаю, как зовут девицу, которую полуголая выходит от тебя посреди ночи.

Айден рассмеялся, и его мягкий, тихий смех окутал меня покрывалом в темноте.

— Вовсе нет.

Больше у меня не осталось вопросов. Я молчала, глядя в звездное небо и на синюю луну, блуждающую на небосводе. И пыталась совладать с десятком собственных демонов, подбивающих на глупости.

Как люди понимают, что они влюблены? И почему вообще люди влюбляются? Я никогда не влюблялась, даже в книжных героев, которые куда лучше реальных людей. А потому, чувства, захлестывающие меня при взгляде на широкие плечи и синие, как грозное небо, глаза, казались мне... противоестественными?

— Ты все не так поняла, — в голосе мужчины звучали примирительные нотки, словно я была неразумным ребенком, делающим неверные выводы на основе красноречивых данных.

— Сомневаюсь, — я прикрыла глаза. Почему он передо мной оправдывается?

— Вилна...

Тихий шорох в кустах привлек мое внимание, и я зажала Айдену рот, отчего синие глаза изумленно распахнулись.

— Тихо! Слушай!

Шорох повторился, а затем в зарослях, плотно окружавших заднее крыльцо таверны, вспыхнули два уголька. Выглядело угрожающе, у меня засосало под ложечкой. Но Советник не разделял моего трепета. Он поднялся на ноги, уставив на кусты указующий перст, и грозно приказал:

— Выходи, я уже тебя видел.

Часть третья. Глава 47. Тайная тропа

Кусты зашуршали, словно невидимка заметался в поисках другого выхода, но бесполезно. Щелчок пальцами, и куст оказался окружен искрящейся сетью, похожей на ту, который Айден оберегал меня при нападении Вилфа. От количества совпадений мне стало дурно, и я беспомощно смотрела, как Айден беспрепятственно проходит сквозь барьер и скрывается в кустах. Звуки борьбы гулко раздавались вокруг, и я стала опасаться, что мы разбудим постояльцев, которые, непременно, захотят выяснить, что же здесь интересного происходит. Я услышала, как в вполголоса чертыхается Айден, вновь поминая невиданную Рикс, как и ранее. А затем, он вышел из кустов, волоча за собой упирающуюся добычу.

— Что ты пытался стащить, мелкий вредитель? — Айден грозно возвышался над нарушителем спокойствия, в котором роста было чуть больше метра.

— Это ребенок! — ахнула я, пытаюсь подняться на ноги, но головная боль дала о себе знать. Покачнувшись, я упала коленями в грязь перед Айденом и ребенком, который зыркал на меня глазами, горящими желтым огнем, из-под выпуклого лба и отбивался от Советника мохнатыми лапами с цепкими пальцами.

— Ты что, не видишь, что это ребенок?! — накинулась я на Айдена, отцепляя от него малыша. Тот недоверчиво уставился на меня, но Советник казался ему куда более страшной угрозой. Так и юркнул ко мне за спину, хватаясь лапами за талию, и недобро сверкал на Айдена круглыми, как у совы, глазами.

— Ребенок? — недоверчиво переспросил Айден, удивленный неожиданным отпором с моей стороны. — Да этот ребенок тебе шейку перекусит — даже не поморщится.

Я недоверчиво оглянулась через плечо — мальчик, вцепившись лапами в тонкую ткань юбки, остервенело замотал головой. Но клыки, торчащие на мощной челюсти, тонко намекали, что, возможно, Советник совершенно прав.

— Ты хочешь причинить мне вред? — подчиняясь интуиции, я обернулась и присела на колени перед мальчиком, похожим на помесь волчонка и человеческого детеныша. Он опасался смотреть мне в глаза — отворачивал лицо, пряча его в ладонях, и дрожал всем телом на каждое, даже самое невинное, прикосновение. Я терпеливо ждала, кидая в сторону Айдена предупреждающие взгляды: попробуй только подойди!

Советник злился, сверкая глазами ни чуть не хуже найденного мальчугана:

— Ты хоть знаешь, с кем сюсюкаешь?!

— Молчи, — отмахнулась я, отрывая от тонкой ткани юбки кусок. Юбка расплзлась по швам даже от самого легкого касания, и я опасалась, что такими темпами я в скором времени буду ходить полуголая.

— Мама, — мальчишка, наконец, подал голос. — Я потерял маму. Ты сможешь мне найти маму?

Я заглянула в круглые глаза, полные слез. Ребенок выглядел таким доверчивым и несчастным, что я просто не могла ему отказать.

— Конечно, милый. Мы найдем твою матушку.

На заднем плане Айден издал звук, похожий на страдальческий стон раненного слона:

— Да что ты будешь делать. Лиззет!

Совещание устроили в моей комнате. Для пятерых людей и одного ребенка она

оказалась слегка тесноватой, а потому Шарттиар с Вилланом и Руцем чинно уселись на кровати, скрестив руки на груди и награждая меня одинаково укоризненными взорами. Айден метался по ограниченному пространству туда-сюда, напоминая мне разъяренного тигра в клетке. Мальчишку, испуганного до дрожи, оставили на попечение Вилме, дочери трактирщика, строго наказав покормить и найти свободный угол, где бы он мог отдохнуть. При взгляде на оборванный плащ не по размеру, старые прохудившиеся штанишки и босые ступни, большое сердце девушки наполнилось любовью, и даже ужасающего вида клыки и когтистые лапы не смогли ее испугать.

Я проследила, что мальчуган попал в хорошие руки, поднялась к себе. И попала на «интервенцию» как в старом сериале, где хорошие друзья устраивали друг другу собрания, где пытались научить бедолагу жить.

— Мы найдем его мать, это не обсуждается, — нападение всегда считалось лучшей защитой, и я решила начать с места в карьер. Видимо, Айден думал, что я начну канючить, уговаривая рыцарей последовать за мной в очередную передрагу. Но нет, все оказалось куда хуже.

Шарттиар протянула мне руку, мягким голосом уточняя:

— Лиззет, ты же знаешь, кого ты привела на порог?

Я помотала головой: все рыцари словно сговорились, твердя об одном и том же. Лиззет, ты не знаешь, кого привела! Лиззет, он откусит тебе руку! Лиззет, не подходи близко! Умом я понимала, что есть в словах друзей здоровое зерно, но сердце каждый раз сжималось, что малыш прижимался ко мне, обхватывая обеими руками. В глазах его все время стояли слезы, и я не могла позволить ему плакать.

— Нет, — признала я в конце концов, падая на колченогий стул у окна, — поведаете?

Айден рыкнул, резко поворачиваясь ко мне. Выражение его лица не предвещало для меня ничего хорошего. Вероятнее всего, я снова напоролась на отповедь, после которой буду чувствовать себя последней идиоткой. Никак не могла этого допустить.

— Господин Советник, — мирным тоном обратилась я рыцарю, — никаких нравоучений, пожалуйста. Только факты.

При прослушивании краткой поясняющей сводки, я похолодела. Мда, так глубоко в трясину приключений я еще не заглядывала. И кто меня только за язык-то тянул?!

Мальчик, которому я легкомысленно дала обещание разыскать мать, оказался детенышем злобного и кровожадного племени, которое было знаменито только тем, что их представителя ты видишь один раз. В первый и последний раз.

— То есть, — медленно, сводя мысли друг к другу, — я подписалась помочь существу, который может на раз-два распороть грудную клетку и полакомиться моим еще бьющимся сердцем?

Виллан ухмыльнулся мне со своего насеста:

— Суть ты уловила. Ну что, еще хочешь искать его мать?

Под четырьмя парами глаз, укоризненно взирающим на меня, я задумалась. Отказаться сейчас было бы разумным решением, доказывающим, что идиотские поступки более не про меня. Но...

Влажные глаза, испуганный взгляд и надежда в голосе.

— Как он здесь оказался? — задумчиво уточнила я у Шарттиар, которая выглядела наименее враждебной. Та пожала плечами:

— Корды живут далеко, на островах за морем. Возможно, кто-то из иллюзионщиков

резвился и призвал мальчишку сюда, из родного селения. Но точно сказать не могу.

Айден остановился напротив, все еще в расстегнутой рубашке и распущенными волосами. Я молча проглотила все комментарии по поводу внешнего вида, пребывая в собственных мыслях. И только отметила про себя — хорош, собака, нечего сказать.

— Лиззет, подумай хорошенько. Если тебя сожрут корды, ничего хорошего не произойдет.

— Не могу ему отказать, — я с сожалением покачала головой. Какое-то сильное чувство, интуиция или что-то иное, толкало вперед, и я знала на все сто процентов, что поступаю правильно. — Я верну его в семью, даже если придется пойти одной.

Повисла гнетущая пауза. Айден утомленно прикрыл веки, массируя виски, как при мучительно терзающей головной боли.

— Будь по твоему, — надменно произнес он, все еще возвышаясь надо мной, — но это твое решение. Я его полностью не одобряю.

Пускай, подумалось мне, когда рыцари покинули комнату, чтобы собраться в дальний путь. До Замка, куда мы так стремились попасть, осталось всего ничего — полдня ходьбы. А теперь нам придется развернуться на 180 градусов. «На острова кордов так просто не попасть» — Шарттиар предпочитала не смотреть мне в глаза: то ли сильно злилась, то ли чувствовала себя за что-то виноватой. «Нам нужен будет корабль, самый быстроходный из существующих. И ты даже не представляешь, с кем придется иметь дело, чтобы его заполучить».

Надев простую белую рубашу, которой так благосклонно поделился Виллан, я ощущала себя полностью разбитой. Чужое неудовольствие больно било по самолюбию и нервам, особенно, когда Айден смотрел так...разочарованно? Сердце сжалось, и я шикнула на него, мол, заткнись, глупое. Пора было вырвать с корнем все так не кстати проклюнувшиеся чувства, пока они еще ростки. Вырастут и войдут в силу, будет непросто их убить.

— Ты готова? — хмурая Шарттиар заглянула в комнату. Она вновь сменила одежду, возвращаясь к привычной форме рыцаря Талла, и ее нагрудник сиял, словно начищенное столовое серебро. За ее спиной, выглядывая украдкой, стоял кордик. Я не знала его имени, не было времени спросить, но такое соседство Шарттиар совсем не тревожило. Напротив, она вполголоса обращалась к малышу, и даже получала внятные ответы.

— Да, уже иду, — торопливо кивнула я, накидывая неприметный серый плащ, которыми всю команду упаковал трактирщик.

— Подожди, — Шарттиар задержала меня в дверях, протягивая маленькую кожаную сумку. Я заглянула внутрь и едва не воскликнула от радости: она была полна маленьких склянок.

— Спасибо, — улыбнулась я, прижимая сумку к груди. Шарттиар возвращалась в Храм Ковру посреди ночи?

— Не благодари меня, — она пожала плечами, словно так и должно быть. В воздухе повис запах горьких трав, струящийся из сумки за моей спиной.

Я хотела сказать еще несколько слов, но Наставница уже спустилась вниз, и ничего больше не оставалось, как последовать за ней.

Вилма смотрела на меня исподлобья, не открывая глаз, пока мы спускались по лестнице и забирали сумки с провизией. Боялась, что я расскажу отцу о сцене трогательного свидания на лестничной клетушке второго этажа? Возможно, но я прошла мимо, беря ребенка за руку,

больше обеспокоенная его судьбой, чем репутацией девицы из трактира. От взглядов, кипящих нежностью и тоской, которые Вилма кидала в сторону Айдена, хотелось ударить ее. Или Советника. Да хоть кого-нибудь, лишь бы не было так больно. Чувствовать себя не самым хорошим человеком было упоительно сладко.

Айден, стоя у порога, негромко беседовал с Вилланом, хмурия брови и кусая нижнюю губу. Виллан запускал пальцы в рыжие волосы, придавая им уж совсем невиданный объем. У обоих под глазами залегли синие круги, и если в случае Айдена я знала причину недосыпа, то изможденный вид его товарища вызывал у меня массу вопросов.

— Готовы? — я попыталась изобразить подобие улыбки, но не получилось. Grimаса на моем лице напоминала вымученный оскал, и Виллан ответил мне тем же.

— Руц скоро будет, — негромко сказал Айден, глядя в сторону. Он принципиально не встречался со мной взглядом, и я не собиралась молить о снисхождении. Пускай дуется, сколько влезет, если хочет.

Шартиар деликатно взяла меня за локоть, провожая к выходу.

— Мы там подождем, — она кивнула посторонившемуся Виллану, выводя меня на крыльцо. По ее серьезному тону и выражению лица я уже предвкушала разговор по душам.

На улице было свежо, и снова аромат цветов разливался по округе. Я принялась, закрывая глаза. Он не вызывал у меня никаких отрицательных эмоций, только предвкушение чего-то нового.

— Я хотела тебя спросить, — начала Шартиар издалека, задумчиво меня разглядывая. Я нервно пригладила волосы, стянутые на затылке в тяжелый узел. Мне все время казалось, что в волосах застревают листики и мелкие ветки, слишком уж длинными они были. Я даже отрезала несколько прядей у лица, но и не успела отложить ножницы, как они выросли заново. Пришлось смириться.

— Только не про ребенка, умоляю, — я тяжело вздохнула, поправляя капюшон на малыше-корде. Тот слабо улыбнулся, пряча в широких свободных рукавах волосатые ладони с черными, блестящими когтями.

— Что происходит между вами? — Шартиар резко задала вопрос, не желая больше ходить вокруг да около. Она, и правда, беспокоилась, переживала. Атмосфера в коллективе всегда сказывается на успехе предприятия, а между Советником и мной сверкали угрожающие молнии и искры, которые предполагалось толковать как вздумается наблюдателю.

Я пожала плечами:

— Не сходимся во мнении. Ничего нового.

— И?

— И все! — отрезала я, не желая продолжать утомительную беседу. Еще чуть-чуть и придется расколоться, выложить Шартиар все как на духу. Интересно, как она отреагирует, если я внезапно признаюсь, что я влюблена в Айдена? Как быстро меня опустят с небес на землю?

— Нет, — Наставница покачала головой, отменяя мои объяснения как не содержательные, — я же вижу.

Я вскинулась, раздосадованная тем, что Шартиар пыталась влезть мне в голову:

— Ну, что ты видишь?! Ничего ты не видишь!

Под языком стало горько. Был бы рядом дедушка, я бы рассказала все как есть. Я любила разговаривать с ним по душам, он был моим лучшим другом, и никаких секретов не

было между нами во веки веков.

Шартиар отстранилась, явно обиженная. Поджав губы, она отвернулась.

На крыльцо, один за другим, вышли рыцари. Я смотрела на них и гадала: неужели они все разочарованы во мне? Спорить с Айденем, обижать Шартиар, игнорировать Виллана и Руца... Я вела себя безрассудно и глупо, но никак не могла остановиться. Если бы я могла, мы бы уже шли к Замку. Но нет, меня тянуло в другую сторону.

За Айденем на улицу вышел Миккит, отзывая Советника в сторону. Их беседа заняла не больше минуты. Поблагодарив Миккита хлопком по плечу, Айден вернулся к нам.

— Миккит решил помочь, — негромко сказал он, указывая за спину. Трактирщик держал в руках сверток, который я с самого начала не заметила, и теперь чувствовала исходящую от него силу. Она расходилась кругами с заметным синим орелом по краю, и Миккит морщился, словно держать было трудно.

— Пойдем его "тайной тропой", — решительно произнес Айден, принимая из рук трактирщика сверток. Я прикрыла глаза, боясь ослепнуть, когда он развернет бумагу, в которую предмет был аккуратно завернут. Но этого не произошло.

Советник накрыл ладонью невидимый предмет, и все вокруг засияло зеленым и салатным. Волшебный свет струился из-под его руки, выстилая дорогу от крыльца вдаль.

Я хотела спросить Шартиар, что такое "тайная тропа", но она все еще была на меня обижена. Зеленые глаза казались печальными в полумраке, и вопрос никак не рвался с губ. Быть может, лучше и не знать? На помощь внезапно пришел Руц, кивающий на предмет в ладони Айдена:

— Ты же не знаешь о "тайных тропах"?

Я задумалась — название было знакомое, что-то такое встречалось в дедушкиных сказках. Вспомнить бы только что именно!

Я нахохлилась, обнимая за плечи маленького корда и прижимая к себе ближе. Его присутствие странным образом успокаивало меня. От ребенка пахло хвоей и дымом, но запах был не отталкивающий.

Айден забормотал что-то нараспев, все громче и громче. Голос его звенел в воздухе, и мне казалось, что он вот-вот достигнет чуткого слуха иллюзионщиков, и те схватят нас. Но нет, обошлось. Сияющая дорога осталась неизменной, но подернулась дымкой.

— Я вспомнила! — мой голос звонко разнесся над головой, вспугнув стаю робких птиц с дерева. Руц приподнял брови в ожидании, мягко улыбаясь, но я сумела его удивить.

— Ими пользуются для того, чтобы быстро скрыться, да? "Тайная тропа", по сути, зачарованный ход для скорого бегства.

Виллан уважительно присвистнул, глядя как я без опаски ступаю на "тайную тропу" и помогаю спуститься ребенку:

— Храбрости тебе не занимать.

— Трусость вся с кровью вышла, — криво усмехнулась я, указывая на шрам. Виллана передернуло.

— Прекрати, — тихо сказал Айден, когда мы встретились глазами, — он ни в чем не виноват перед тобой.

Я вздернула подбородок, проходя мимо. Да, верно, вины Виллана не было. Только в душе клокотали злость и обида, крышесносный коктейль.

"Тайная тропа" при каждом шаге хрустела под ногами, словно я шагала по свежеснежному снегу. Миккит стоял на пороге, наблюдая, как мы скрываемся из виду.

Теперь я понимала, что он пожертвовал самым дорогим, что у него было: последним шансом на спасение, если иллюзионщики нагрянут по его душу. Пожертвовал, потому что верил в меня.

Рыцари шли рядом, в двух шагах, но даже не пытались со мной заговорить. Гнетущая тишина шагала рядом с нами, тихо хихикая в кулак. Едва-едва налаженные отношения пошли прахом. Да и наплевать.

Мальш-корд хватался за мою руку, семеня рядом. Он опасался зеленого света, поднимающегося от земли, но мое присутствие рядом вселяло в него чуточку умеренности.

— Как тебя зовут? — внезапно вспомнила я. Корд доверчиво заглянул мне в лицо и робко улыбнулся:

— Вальд. Мое имя Вальд.

Часть третья. Глава 48. Синий Хитрец

— Как быстро мы окажемся на побережье? — когда пауза стала совсем гнетущей, я решилась подать голос. Ни к кому конкретно не обращаясь, словно разговаривала сама с собой. Так было проще абстрагироваться от всеобщего неодобрения, атмосфера которого царил в маленьком отряде, шагающему по "тайной тропе".

Она вела через древний лес, но магия, живущая в ней, несла нас вперед быстрее ветра. Для всех проходящих мимо мы были прозрачными тенями, скользящими мимо. "Тайная тропа" для них тоже не существовала. Только раз мы наткнулись на шестерку иллюзионщиков, во весь опор скачущих сквозь чащу. Я замерла от ужаса, но тут же получила мягкий толчок в спину. Айден приказывал не останавливаться. Внутренне сжавшись в комок, я заставила себя идти вперед, прорываясь через собственный страх. И чувствовала, как он сгорает и осыпается под ребрами рыхлым пеплом. Вы когда-нибудь ощущали, что спадают оковы, которые ты таскал с собой с самого рождения? Восхитительное ощущение, граничащее с эйфорией.

— Еще немного, — Виллан не отрывал глаз от горизонта, где уже появилась полоска лазурного цвета. Рука его нежно поглаживала ножны меча, словно с минуты на минуту ожидалось нападение. Я украдкой оглянулась: все рыцари выглядели встревоженными. С темными, хмурыми лицами, напряженными плечами и настороженными взглядами.

Вард цеплялся за мою ладонь, мелко-мелко дрожа. Из-за горизонта приближалось что-то, темное и тревожное.

— Что-то не так! — воскликнул Айден, хватая меня за руку и притягивая ближе. Рыцари остановились, вглядываясь в темноту, в которую вела "тайная тропа". Лазурь, радующая глаз исчезла, и теперь на самом краю тропы клубился сизый туман с черными завихрениями, и он стремительно приближался. В самом сердце дымки медленно распахнулась глубокая пасть, усеянная загнутыми зубами. Они светились в темноте, отчего зрелище было еще страшнее.

— Назад! — Виллан схватил Шартгар, толкая ее перед собой. Мы бежали, сломя голову, но "тайная тропа" медленно таяла под ногами, оставляя нас посреди леса, на съедение кровожадному туману.

Ледяной ветер хлестал в лицо, толкая назад, в лапы чужой магии. Я чувствовала злое, колючее волшебство, пробирающиеся под кожу. Искры скакали по одежде, синие и черные, прожигая дыры в плаще. Температура упала, осыпая головы пригоршней снега. От каждого выдоха изо рта шел пар.

— Миккит предал нас! — Айден прижимал меня ближе, не позволяя замедлить шаг. Вард, схватившийся за мою руку, едва успевал. Он спотыкался и чуть ли не падал, лихорадочно сжимая в кулаке мою ладонь. Когти больно царапали кожу до алых полос.

Туман ускорился, заворачивался в спирали и хватал Руца, бегущего позади, за пятки. Как бы не пытались ускориться, туман нагонял. Магический смерч затягивал в себя, игнорируя все наши усилия.

Поток воздуха подхватил меня, завертел волчком под землей и с утробным рыком закинул внутрь туманного монстра. Клубящаяся серая масса довольно заурчала, захлопывая пасть, чтобы спустя секунду исторгнуть меня в совсем другом месте.

— Ты в порядке? — Айден стоял передо мной на коленях, протягивая руку. Я безучастно смотрела на него, не ощущая ничего, кроме боли в отбитой спине. Приземление прошло не совсем удачно, я сильно приложилась о землю, и радовалась, что голова осталась целой. Не с чем было даже сравнить силу, с которой туманный монстр выплюнул нас на землю.

— Вроде бы, — ответила я, но не слишком уверенно. Пыталась пошевелиться, но резкий приступ боли в пояснице не позволил. Сердце замерло от страха, что все снадобья, спрятанные в сумке, были уничтожены. Айден бережно помог мне встать, приобнимая за плечи. Я потянулась за сумкой и со вздохом облегчения обнаружила ее, целую и невредимую, лежащую у моих ног.

Вард, насупившийся и испуганный, схватил меня за руку. Он так отчаянно вцепился, что снова ненароком поцарапал меня когтями, а когда заметил это, то лицо его сморщилось, как будто ребенок собирался зареветь.

Я нежно погладила его по голове, поправляя капюшон:

— Не плачь, мне совсем не больно.

А затем поняла: здесь были только я, Айден и Вард. И больше никого.

— Где мы? — я могла говорить только шепотом, потому что, казалось, стоит повысить голос, как отовсюду ползут монстры, обрадованные нашему появлению. — И где остальные?

Айден молчал, осматриваясь. Пустая поляна, выжженная дотла. И маленькая избушка в самой ее глубине, с покосившейся дверью, выбитыми окнами и провалившейся крышей. Черные от гари стены были заброшенными. Избушка таращилась на меня провалами окон, и я не могла отделаться от ощущения, что она похожа на череп. Даже выбитые доски в двери выглядели как редкие зубы верхней челюсти.

— Где остальные? — еще раз спросила, чтобы отвлечься. Я даже не понимала, что именно говорю, язык двигался сам по себе, откликаясь на страх, вновь пробудившийся в груди. Но он был совсем иного толка. Его источником была не видимая опасность, а предвкушение ее, еще не наступившей, но от этого не менее смертоносной.

— С ними все хорошо, — Айден улыбнулся, пытаясь меня ободрить. Вард тихонько хныкал, утирая чумазое лицо моим плащом.

— Миккит предал нас?

Я отстранилась, чувствуя в себе силы стоять на ногах самостоятельно. Айден нахмурился, но убрал руку с моего плеча. Он подозрительно приняхался, делая несколько шагов к избушке. В тишине леса раздался резкий скрежет, неприятно царапающий слух. Покосившаяся дверь со скрипом медленно распахнулась, приглашая нас войти.

— Стой здесь, — скомандовал Айден, направляясь внутрь. Я схватила его за рукав, поворачивая к себе лицом.

— Ни за что! Я не останусь здесь одна!

Советник прикусил губу, размышляя.

— Там может быть опасно, Лиззет.

— Здесь безопаснее? Сомневаюсь!

Мы таращились друг на друга, не находя слов. Я боялась остаться в одиночестве, Айден хотел найти путь к побережью, чтобы мы смогли исполнить данное мной обещание вернуть Варда в семью. Но как всегда, все шло далеко не по плану. Мы находились у черта на куличках, Миккит предал Айдена, опасность могла подстеречь на каждом шагу.

— Он был твоим другом? — тихо спросила я, уловив во взгляде Айдена невыносимую тоску.

Он задумался:

— Он был тем, кого я бы хотел назвать своим другом. Но теперь уже не смогу этого сделать.

— Почему он предал нас? — вопрос сам сорвался с губ, и я уже пожалела о нем, когда увидела, как болезненно поморщился Айден.

— Вопрос в другом: был ли он когда-нибудь искренне предан?

Реплика прервалась еще одним натужным скрипом: дверца покачивалась на несмазанных петлях под порывами отсутствующего ветра. От жалобного скрипа становилось жутко: мало ли кто притаился в темноте разрушенной избушки и теперь разглядывает нас из тьмы, приглашая войти.

— Там кто-то есть, — малыш Вард нахмурился, указывая рукой вперед, но не на домик, а на деревья, растущие рядом на единственном от огня уцелевшем пятачке. Их было всего три, и росли они так тесно, что с течением времени переплелись между собой ветвями, вросли друг в друга, пока не появилось многорукое трехглавое чудовище.

— Я чувствую, — Вард откинул с лица капюшон и оскалился, демонстрируя длинные острые клыки. Тихое рычание, совсем не подходящее ребенку, рвалось из его груди. Вспомнились рассказы Айдена, что корды — совсем не безобидные творения, а настоящие монстры, бьющиеся в схватки до последней капли крови. Своей или противника. Вард был еще совсем юн, но инстинкты убийцы в нем играли на всю катушку. Глядя на то, как он встает на мою защиту, я ощутила болезненный укол в сердце. Такой маленький, но такой храбрый.

Что-то рыжее промелькнуло впереди, за толстыми стволами сросшихся деревьев. Я вздрогнула, вспомнив огненные волосы До-Ка-Ри, но нет, это была не она. Мягко переступая изящными лапами с черными подпалинами, к нам кралась лиса. Иногда она останавливалась и принюхивалась, словно выбирала правильный путь, а затем вновь продолжала движение. Пышный рыжий хвост заметал все следы, волочась по земле. Зверь не скрывался, но действовал осторожно, как и любой любопытный обитатель леса, приближающийся к людям. Увидев меня, она облизнулась, высовывая красный язык, и негромко тьякнула.

— Я знаю ее! — подпрыгнув на месте, я дернула Айдена за плечо, разворачивая к себе. — В день, когда разбилось яблоко...

Вкрадчивый старческий голос оборвал рассказ:

— Не трудись, деточка, господин Советник и так знает, что случилось в ту судьбоносную ночь.

Дверь заброшенной хижины скрипнула в последний раз, являя очень высокого и худого старика, который не торопясь двинулся к нам, приглаживая всклокоченные седые волосы.

Все тот же синий костюм и галстук, на котором бирюзовые звезды кружились в затейливом танце. И цилиндр, темно-синий и атласный, который старик вертел в руках. В точности как в ту ночь, когда разбилось яблоко. На лице старого знакомого застыло немного рассеянное выражение, как будто он подзабыл, зачем вообще оказался здесь.

Лисица встретила появление хозяина возбужденным фырканьем, скача на задних лапах вокруг. Чудак в странном костюме не обращал на нее внимания, отпихивая коленом в сторону.

— Синий хитрец, — сквозь зубы проронил Айден, — что ты здесь забыл?

Старик поморщился, всплескивая руками:

— Господин, когда вы перестанете называть меня этим вульгарным и постыдным именем? Разве я не заслужил вашей милости? Столько лет службы...

Казалось, он вот-вот разрыдается — морщинистое лицо стало жалобным и плаксивым, раздались тяжелые вздохи непереносимого огорчения. Но выражение глаз — злобное и выжидающее, не оставляло вариантов — Синий Хитрец был шутком, балагуром, но прятал в рукаве нож. Стоило мне прийти в выводу, что он опасен, как старику надоело паясничать. Он выпрямился во весь рост и подхватил под мышку лисицу, настойчиво требовавшую его внимания. На меня он смотрел брезгливо и надменно, как на мелкую мошку, забывшую свое место.

— Лиззет, позволь представить, — холодно произнес Айден, не предпринимая даже попытки двинуться вперед, чтобы сделать ритуал знакомства менее формальным, — второй вассал Его Мрачнейшего Величества Талла, господин Сон. У него много имен, но сам он предпочитает называться...

— Колияр, — прервал его Синий Хитрец, отмахиваясь от многословных представлений, — зови меня именно так, элант'ем.

Лисица тихонько взвизгнула, облизывая Колияду ухо.

— Ты права, милая! Тебе пора! — он почесал лису между треугольными ушами, вновь опуская ее на землю. Зверь закрутился волчком, охотясь за собственным хвостом. Она двигалась все быстрее и быстрее, пока не рассыпалась снопом искр, оставив после себя темное пятно на земле.

— Вассал Его Мрачнейшего Величества? — старик почесал затылок, в притворном недоумении. — Откуда столько скромности, господин...

— Молчать! — рявкнул Айден, и голос его, усиленный магией или внутренней силой, разнесся на много километров вокруг. Налетел ураганный ветер, заскрипели деревья. Он бил в лицо Колияду, пытаясь сбить его с ног, но господин Сон даже не шелохнулся. И только выданный из рук цилиндр взмыл вверх, скрываясь из глаз.

Колияр проводил его грустным взглядом:

— Это был мой любимый, Советник. Я буду по нему скучать.

— Переживешь, — хмыкнул Айден, вытягивая из ножен меч, — говори, что тебе нужно. Или проваливай!

Колияр продолжал улыбаться, игнорируя нотки ярости в голосе Советника. Он был совершенно безмятежен. Ветер утих, перестав трепать его галстук и пиджак. Старик пригладил растрепанные волосы, одернул костюм и обернулся через плечо:

— Слышали, что он говорит? Нам надо проваливать, и никак иначе!

Старик издал сдавленный смешок, словно он подавился собственным смехом, стараясь его сдержать.

— Как обидно, — капризный голосок, словно комариный писк, вился вокруг, отвлекая внимание. Перед глазами промелькнули воспоминания, как кадры киноплёнки: кукольное личико, изуродованное таинственным светом, падающим сверху. Писклявый голос, горящие ненавистью глаза и...

Тьма позади Колияду заклубилась, заурчала, выкидывая в сторону восемь гигантских мохнатых ног.

— Эсмаэль по тебе соскучился, — доверительным тоном шепнул ветер, толкая меня в плечо. Айден едва успел схватить меня за руку, прижав к себе. Из провала портала выбралась

фигура — она грузно передвигала восемь ног и скрежетала зубами, которые прятались в глубокой пасти. Паун, только размером меньше самого маленького из племени гигантских пауков, живущих в катакомбах под замком Многоликой Аоры.

На его спине, хватаясь маленькими пальчиками из фарфора за жесткие волоски, сидела куколка.

— И зачем вы здесь? Особенно ты, Элеонор?

Кукла обменялась странными взглядами с Колиаром, который усмехался и даже не скрывал своего пренебрежения. Я вспомнила, что Айден отзывался о Синем хитреце как о весьма сложной личности, которая не питает к нему никакой симпатии. Элеонор усмехнулась, и ухмылка на детском кукольном лице казалась жуткой, совершенно неподходящей. Вард громко зашипел на пауна, ощерив клыки. Паун застрекотал, замотав головой.

— Ты тоже приходила ко мне, — проговорила я, указывая на куклу. Она надменно вскинула подбородок, но промолчала. В горящих глазах Элеонор было столько ненависти, что мне стало не по себе. Точно также на меня смотрела До-Ка-Ри, с ледяной злобой. Они ненавидели меня за одно только существование, разве это справедливо?

Вард зашипел еще громче, загребая воздух когтистыми ладонями. Я сжала его плечо, вынуждая притормозить. Неизвестно, чего хотят эти двое... Трое, поправила я себя, трое. Не стоит забывать про Эсмаэля.

— Господин, вам здесь не место, — доверительным тоном сказал Колияр, подмигивая обоими глазами, как пригревшаяся на солнце змея, — я хотел встретиться с Невестой наедине.

— Мы уже виделись, — грубо прервала я, складывая руки на груди. Синий Хитрец мог юлить сколько угодно, но я прекрасно помнила, какое представление разыгралось в антикварной лавке в тот злополучный день. В день, когда Несчастливая Звезда сверкала ярче других на небосклоне.

Колияр недобро усмехнулся, погрозив мне длинным узловатым пальцем:

— Юные леди не должны вмешиваться в чужие разговоры, элант'ем! Привычка перебивать других может обернуться вам во вред.

Я фыркнула:

— Пожелаю получить совет — спрошу сама. И точно не тебя.

Старик притворно оскорбился, прижимая руку к груди, как будто мои слова ранили его в самое сердце.

— Сколько гордости! Тяжело будет вашему супругу!

Он зубасто усмехнулся, глядя на Айдена:

— Советник, вы бессовестный лжец. Как и ваши друзья, рыцари, которые продолжают хранить верность клятве, которой более не существует.

Айден, которому надоело слушать странные и беспочвенные обвинения, выступил вперед. Я видела только его спину и темноволосый затылок, и от каждого его слова покрывалась мурашками.

— Я вырежу тебе язык и повешу на главных воротах замка.

Затем он обратил свой взгляд на Элеонор, которая сжалась в комок и попыталась спрятаться на спине Эсмаэля, но не вышло. Эсмаэль зашипел, роняя на землю ядовитую слюну. Защитить свою подружку он даже не пытался, будучи пораженным ледяным взглядом Айдена.

Тихий шепот, проникающий в кровь и плоть, достиг и Элеонор:

— Какое же наказание придумать тебе?

Я вспомнила одно из видений: Айден, в доспехах забрызганных кровью, с обнаженным мечом. И земля, пропитанная кровью. И багряный закат за его плечом.

Вздрыгнув, я прижала Варда ближе к себе. Да, мне было страшно, но я не знала, кого мне надо бояться сильнее: Колияра или Советника.

Элеонор слабо всхлипнула и закрыла глаза, смиряясь с собственной участью. Но Айден не спешил чинит расправу. Направив меч на Колияра, он уточнил:

— Тянешь время, старик? Ждешь, когда придет Вилф?

Синий Хитрец застенчиво шаркнул ножкой:

— Вовсе нет, зачем? Господин слишком занят, чтобы уделять время таким мелким сошкам, как ты. И смертная девчонка.

— Не слишком ли много у тебя господ? — спросила я, наконец, понимая, что перед нами стоит никто иной, как очередной предатель. "Не все здесь рады твоему появлению, Лиззет". Сейчас, как никогда раньше, я поняла насколько права была Шартиар.

— Заткнись! — прошипел Колияр, преображаясь. В воздухе разлился затхлый запах болота и гнили. Зубы вытянулись и почернели, не помещаясь во рту. Колияр клацал зубами, которыми он спокойно мог перегрызть берцовую кость. Тени, взмывшие вверх от его ног, колыхались вокруг, принимая вид женщин без головы, оскаленных морд диковинных зверей и непонятных силуэтов, которые внушали ужас.

— А как еще с предателями разговаривать? — я отмахнулась от особенно настойчивой тени, которая так и норовила забраться ко мне за пазуху, щекоча кожу легкими прикосновениями. Вреда они причинить не могли, только раздражали хаотичными мельтешениями перед глазами. И если я пыталась от них избавиться, то Айден даже не обращал на них внимания: тени проходили сквозь него, оборачивались вокруг головы, ныряли за шиворот и пытались оторвать серебряные эполеты мундира.

— Ты пошел в услужение Вилфу только чтобы мне досадить?

Колияр усмехнулся почерневшими зубами:

— Такие мелочи не имеют значения. Я верно расставляю приоритеты. Он уже не проснется, зачем так стараться? Надо двигаться дальше.

— Только посмей!

— А ты сможешь мне противостоять? Обессиленный, беспомощный... Такой слабый, Айден, ты такой слабый...

Колияр что-то забормотал себе под нос, размахивая руками. Тени закружились вокруг, заскользили юркими рыбками между растопыренных пальцев.

За его ладонями следовал дымный след, размывающий картинку перед глазами. Все вокруг погрузилось в туман, плотной завесой отделяющий поляну от остального леса.

Я зевнула, прикрывая рот рукой. Затем еще раз, и еще. Вард тоже протяжно зевнул во весь рот, демонстрируя клыки во всей красе. Он потер сонные глаза, борясь с сонливостью, навеянной волшебным туманом. И глядя на него, я почувствовала, как сильно я устала. Накопившийся недосып навалился на меня как гранитная плита. Земля качнулась, стремительно приближаясь. Выжженная трава под головой была мягче самой лучшей перины. Вздохнув, я поплотнее закуталась в плащ, разглядывая каменную спину Айдена. Он наклонился вперед, как будто пытался противостоять чужой магии.

"Подремлю минуточку и встану".

Колияр усмехнулся и запел.

Песня наполнила поляну и тени затанцевали. Когда Колияр говорил, голос звучал глухо и надтреснуто, но его песня... Она лилась по воздуху, оборачиваясь живой и настоящей. Теплые материнские ладони нежно касались моего лица, и мелодия становилась колыбельной.

"Белый, белый снег, Алая водица... Что же, девочка моя, Все тебе не спится?"

Тихий смех Элеонор, пронесшийся вдалеке, оборвался хрустом разбитой фарфоровой чашки.

— Прощай, э'латем! Сладких снов...

Часть третья. Глава 49. Тихое место

Дом был пуст и безлюден. На полках, бесконечных переходах лестниц, не запертых комнатах, везде лежала пыль таким плотным ковром, что когда я проходила по нему, она взывала вверх, щекоча в носу. Мне было страшно.

Я не помнила, как здесь оказалась. Я не знала, куда пропали Айден и Вард. Я очнулась в одиночестве посреди огромного, совершенно пустого дома, в котором не было ни души. Синий Хитрец оправдал свое прозвище, сыграл со мной злую шутку. Я боялась остаться одна? Пожалуйста, теперь я бродила босиком по ледяному полу, пытаюсь найти дверь наружу. Но дверей было много — целая череда по обе стороны, в каждом коридоре. Их были десятки, сотни одинаковых. Но ни одной — наружу, прочь из пугающего лабиринта переходов, лестниц и галерей.

Иногда мне казалось, что я слышу голоса, и тогда я бездумно бежала вперед, распахивая дверь, за которой мелькал свет. Но меня встречали только две подруги, пустота и тишина. Дом был необитаем, его населяли лишь призраки событий, прошедших много лет назад.

Мне было холодно и страшно. Комнаты были совершенно одинаковыми, и я бы не смогла отличить одну из них от другой — одни и те же интерьеры, идентичная мебель, закрытые наглухо ставни.

Я остановилась на одной из галерей, обессиленно опускаясь на пол и разглядывая витраж перед собой. Почему-то подумалось, что повсюду, на каждом шагу моего пути, попадались подсказки и пасхалки. Но я была слишком глупой, чтобы вникнуть в них и понять, что нужно сделать. Так здесь: витраж раскинулся от стены до стены, от пола до самого потолка. Загадочный свет, проникающий извне, раскрашивал и без того сочащийся цветами рисунок еще ярче.

Я уже видела его: прекрасная девушка, протягивающая тонкую, белую руку рыцарю. Тот припал на одно колено, склонив голову от красоты возлюбленной. Венец из костей сверкал на голове девушки, а в глазах черепа, в самой его середине, горели два драгоценных камня.

Такое же изображение было на книге сказок дедушки, затертой до дыр, растрепанной и древней. Девица с печальным одухотворенным лицом, была ослепительно красива. И чем дольше я рассматривала рыцаря, тем сильнее он становился похож на Айдена. Сердце защемило.

Не знаю, сколько времени я провела, скорчившись на холодном полу, не отрывая взгляда от витража. Я успела изучить каждую деталь: мерцающие рубины в костяной короне, груда черепов, на которых стояла красавица. Цветные пятна плясали на моих ладонях, лице и плечах, слепили глаза. Я была загнана в ловушку, из которой не было выхода. Страх — естественная реакция организма, когда не знаешь, откуда может прийти угроза. Но в этом доме не было ничего, совсем ничего. Я снова осталась одна, и это горькое отчаяние, затопившее меня изнутри, я уже ощущала. Когда Даной покинула меня у ворот столицы.

Чужие шаги послышались на лестнице внизу. Я пошевелилась, приныкая к перилам, чтобы получше разглядеть. Маленький огонек двигался по лестнице, разгоняя тьму. Кто-то медленно поднимался ко мне, освещая себе путь свечой. Шаги были тяжелые, шаркающие, как у столетнего старика.

Несколько минут я прислушивалась, а затем тихонько поднялась на ноги и бесшумно рванула к ближайшей двери за углом, потому как интуиция подсказывала, что не может

встретиться ничего хорошего в заброшенном доме, из которого нет выхода.

Мягкая пыль скрадывала мои шаги, однако на темно-сером полу оставались следы моих босых ступней. Поразмыслив немного, я приоткрыла дверь, сделав внутри еще несколько шагов, якобы ведущих к шкафу, а сама юркнула в соседнюю, до которой было рукой подать. И аккуратно закрыла за собой дверь.

Теперь чужая поступь звучала глухо, издалека. Шаркающей походкой, с паузами, человек поднимался по крутой лестнице, точно зная, где меня искать. Прижавшись ухом к двери, я считала шаги. Раз, два, три...

Спрятаться в комнате было негде. Старая, продавленная кровать, да платяной шкаф с покосившимися дверцами, внутри которого жутко пахло старыми газетами и сыростью подвала. Забраться под кровать? Я мельком заглянула туда и в ужас отпрянула. Пыль и грязь, собравшись в комки, полностью обжила свободное пространство, нечего было и думать, чтобы попытаться туда протиснуться.

Что же делать? Оставалось только одно — сидеть в комнате и ждать, когда единственный обитатель жуткого дома пройдет мимо и скроется в бесконечных переходах. Быть может, я смогу выбраться наружу, не попавшись ему на глаза?

Шаги стали громче. Кто-то приближался, тяжело дыша и отдуваясь, и шел прямо ко мне! Я слышала, как он миновал соседнюю комнату, не обманувшись моими следами, а затем застыл напротив двери, к которой я еще прижималась щекой. Нас разделял тонкий слой дерева, за которым я различала хриплое дыхание и пугающее бормотание на два голоса.

Помедлив, он толкнул дверь, и комната озарилась тусклым мерцанием единственной свечи в его руке.

Зажмурившись, я отскочила назад, готовясь к драке. У меня не было оружия и в поединке я бы не выстояла и минуты. Но я была нацелена на борьбу.

Айден, застывший на пороге, с изумлением рассматривал меня, сжавшую ладони в кулаки. Измазанная пылью, чумазая, но с дико воинственным лицом.

— Все...хорошо? — он с трудом произносил слова, то и дело заходясь надрывным, сухим кашлем. Я выдохнула, отпуская тревогу, которая поселилась на сердце. А затем рванула вперед, повисая на шее Советника. Тот охнул, едва не роняя свечу, но устоял на ногах.

— Теперь все хорошо, — всхлипнула я. Слезы сдержать не было сил, от облегчения они сами текли по щекам, оставляя светлые борозды.

— Где мы? — шепотом спросила я, отстраняясь.

Айден пожал плечом, отводя взгляд:

— Найдем хозяев и узнаем.

Ответ меня не устроил. Я помотала головой:

— Здесь никого нет, я все проверила.

Айден лукаво улыбнулся, вновь выходя в коридор и маня за собой.

— Как ты узнал, где меня искать? — я едва поспевала за размашистыми шагами Айдена, который спускался все дальше и дальше по главной лестнице. Она была шире других, которые я встречала в заброшенном доме, а каменные ступени оказались покрыты вырезанными в камне рисунками. Если смотреть на них, вдумчиво и внимательно, они начинали скакать перед глазами, а если отвести взгляд, то они не пропадали, как будто узоры выжигались на сетчатке.

Когда восторг от встречи с Айденем потускнел, я поняла одно — что-то не так. Дом, до того совершенно пустой и заброшенный, наполнился голосами и смехом. Я отчетливо слышала их, доносящихся с нижнего этажа, и недоумевала. Я обошла его весь, сверху донизу, когда очнулась на полу в коридоре, после магического сна, заколдованного Колиаром. И здесь никого не было, только пыль и тишина. А теперь дом оживал.

— Айден! — окликнула я рыцаря, хватая за рукав. Он шел вперед, видя перед собой только темноту, которую рассеивало смутное пламя свечи. Свеча оплывала в руке Айдена, заливая расплавленным воском ладонь и рукав, но он игнорировал этот факт, ведя меня все глубже и глубже в темноту.

— Что? — Айден обернулся через плечо, напрягая мышцы шеи. Что-то в нем было совсем не так — я не могла отделаться от ощущения, что синие глаза, чистые как глубокое озеро в ясный день, становятся стеклянными. Уголок рта пополз вниз, словно мужчина не мог контролировать мимику. Он тоже, что ли, никак в себя прийти не может после чужого волшебства? Было что-то жуткое в том, как натягивалась тонкая кожа, покрываясь уродливыми морщинами, не присущими молодому мужчине.

— Как ты нашел меня? — я подозрительно приняухалась. В воздухе удушливо запахло жареным мясом, которое передержали на открытом пламени.

Айден улыбнулся, странно и пугающе:

— Было просто. Только ты могла оставить столько следов.

Я вспомнила отпечатки босых ладоней на полу и смутилась. Навыки маскировки у меня страдали, однозначно.

— А еще запах...

Я вскинулась, думая, что ослышалась. Но Айден шел вперед, раздвигая перед собой темноту. Звуки стали громче, а аромат еды — почти отвратительно острым. Я не была голодна, и от одной мысли о пище желудок пронзила острой иглой боль.

— Сюда, Лиззет. Пойдем, — шептал Айден, скрываясь за ближайшим поворотом. Там, за углом, слышались голоса чужаков, говорящие о том, что замок обитаем. Так далеко я не заходила, признаюсь. Но почему они ютятся в подвале, тогда как остальные комнаты покрываются пылью.

Я отстала. Свеча все дальше удалялась от меня, погружая коридор во тьму. Надо было слушать интуицию, внутренний голос, который иногда подавал дельные идеи. Но сейчас он молчал, позволяя мне самой решить: следовать ли за Айденем, который странно выглядит и ведет себя. Или же развернуться и бежать, сломя голову.

— Ты долго еще? — Айден обернулся, и его лицо, озаренное неверным пламенем свечи, показалось мне на редкость жутким. Нос заострился, глаза ввалились, а нижняя челюсть выдвинулась вперед, демонстрируя развитые глазные зубы. Меня пробил холодный пот.

А затем Айден сделал шаг назад, входя в арку, и все стало как прежде. Иллюзия монстра, причудившаяся мне, растаяла как дым.

— Хозяева ждут, — Советник подарил мне улыбку, лукавую и интригующую. Я шагнула вперед, перебарывая отторжение. "Показалось, мне просто показалось"

Убеждать себя всегда проще, ведь если ты захочешь поверить — так и будет.

Я последовала за ним, обуреваемая десятком вопросов, но когда миновала арку, замерла на месте, открыв рот.

Замок был обитаем, теперь я была в этом совершенно уверена.

В огромном, почерневшем от времени и жара очаге, горело пламя. На металлическом

штыре, истекая соком, жарилась туша неизвестно животного. Огонь шипел и трещал, пожирая огромные поленья, которые заботливо подкладывал хмурого вида мужчина.

Здесь располагалась дворцовая кухня: молчаливые и такие же хмурые женщины драили глубокие казаны и кастрюли, словно намечался какой-то грандиозный пир. Изредка они перекидывались короткими репликами, но все были погружены в работу.

И посреди суеты возвышался Айден, окидывающий кухню властным взором. А в углу... Я охнула, кидаясь вперед:

— Вальд!

Мальчишка, вгрызающийся в шмат мяса, угрожающе взглянул на меня. Он не переставал драть кусок мяса когтями и зубами, весь перемазанный в жире и крови. Я сделала его один шаг к нему и услышала утробный, грозный рык. Желтые глаза Вальда вспыхнули, уставившись прямо на меня. Я отшатнулась назад.

Айден за спиной тихо рассмеялся. От его смеха у меня поползли мурашки, таким неестественным и пугающим он был.

Я застыла на месте, обхватив себя руками.

Теперь стало понятно, что я оказалась в осином гнезде, где все вокруг — сплошной ночной кошмар.

Часть третья. Глава 50. Гнильцы

— Ну, чего замерла? — Айден по-хозяйски коснулся ледяными пальцами моей шеи, вызывая

водопад мурашек, который скользнул вниз по позвоночнику.

— Что это за место? — изо всех сил я старалась не встречаться взглядами с женщинами, которые наводили порядок на кухне. Их движения были отработаны до автоматизма, мне в них виделась механическая четкость, корнями уходящая в века.

От размышлений меня отвлекло еще одно прикосновение: ладонь скользнула в сторону, Айден до боли сжал плечо и толкнул меня вперед, к низкому табурету напротив Варда. Я без сил повалилась на него: странности только множились. Отделаться от мысли, что Айден — не Айден вовсе, а его плохо слепленная копия из глины и грязи, — никак не выходило. Кухня представлялась мне декорациями, слабыми и сделанными наспех, специально, чтобы ввести меня в заблуждение. Дотронься ладонью до стены, и та провалится вовнутрь, окажется картонкой на подставке. И от этих мыслей голова шла кругом. Я не забыла предупреждение Айдена — здесь нельзя никому

доверять, зазеваешься — слопают.

Вард злобно сверкал золотистыми глазами, раздирая зубами куски подозрительно выглядящего мяса, которые ему подкидывала на тарелку очень худая, высокая женщина. Похоже, она здесь была за главную: остальные обитатели кухни, при ее появлении рядом, почтительно опускали глаза в пол и старались прощмыгнуть мимо как можно незаметнее. Женщина низко надвинула на лоб серый, обтрепанный платок, который скрывал ее глаза, но не мог скрыть ее торжествующей улыбки. Та светилась на ее потрескавшихся обветренных губах, словно маяк.

Поленья в очаге трещали, пожираемые жадным огнем. Искры отлетали маленькими кометами и таяли на ледяном полу, по которому бродили сизые, плотные тени.

— Так что это за место?

Айден лишь на секунду задумался, а потом медленно, по буквам, произнес:

— Замок.

Мимика Советника неуловимо изменилась — тень легла наискось, извратив красивое благородное лицо. Теперь оно больше напоминало потрескавшуюся глиняную маску. Верхняя губа задралась, обнажая кривые и острые зубы с зеленым отливом.

— Здесь встречаются начало и конец. И каждый открывает свое истинное лицо....

Айден содрогнулся, как будто в припадке неконтролируемой дрожи, и иллюзия рассеялась. Он вновь выглядел обыденно, даже уныло, но мой пульс сразу же подскочил. В попытке избавиться от тянущего ощущения фальшивости происходящего, я потянулась к Вальду. Но тот разразился утробным рыком: ему почудилось, что я собираюсь отобрать самый жирный кусок мяса, лежащий перед ним на тарелке. Я оцепенела, опуская руку.

Хуже некуда, оказаться между двух огней. С одной стороны, на меня рычал обзленный корд, готовый сию же секунду вцепиться в горло. С другой же, Айден, который гипнотизировал меня странным взглядом, как будто ожидал каких-то действий, поступков или слов, а я застыла на табурете, вцепившись до боли в сухое старое дерево. Я боялась шевельнуться, чтобы не потревожить Варда, который сгреб тарелку и придвинул к себе ближе, отгородившись от меня локтем.

В коридоре, оставшемся за спиной, что-то громко упало, звякнув, послышались торопливые шаги, и эхо этой какофонии прокатилось по коридорам. Айден медленно повернул голову, прилагая чуть больше усилий, чем было необходимо, и стеклянным взглядом уставился на темноту, клубящуюся под аркой.

— Я сейчас. Сиди здесь, — жестко приказал он, направляясь в сторону арки и скрываясь во тьме. Его шаги отражались от стен, звуча похоронным набатом.

Стоило Айдену уйти, как ко мне бросилась одна из женщин, хватая меня за руку. Пальцы больно впились в кожу, ощупывая плоть. Она наклонилась, шумно втянув воздух над моей головой, как будто приняховивалась.

— Ты привела чужаков?! — проскрипела она, сверля меня полубезумный взглядом. Я замотала головой, едва понимая, о чем она говорит. Женщина внушала страх, я не смела подать голос. Лицо ее было молодым и гладким, но ворох седых прядей, выбившийся из-под темного платка, принадлежал глубокой старухе.

Она еще сильнее стиснула мое запястье, и руку прострелило болью до самого локтя:

— Смотри у меня!

А затем сгорбилась и отошла, громко шаркая и бормоча себе под нос. Нехорошее предчувствие пригвоздило меня к стулу, но я нашла в себе силы оглядеться. В отсутствие Айдена на меня обращали внимания не больше, чем на мебель — странные обитатели замка были слишком заняты уборкой. На очаг усилиями трех мужчин уже взгромоздили огромный чан с водой, которая утробно булькала, закипая. Они негромко переговаривались между собой, как будто имели общий секрет. И он их страшно веселил — до моего слуха то и дело доносились сдавленные смешки, которые еще сильнее нервировали.

Вард, увлеченный поглощением пищи, тоже не смотрел в мою сторону. С невозмутимым видом я поднялась на ноги и не торопясь подошла к стене, делая вид, что заинтересовалась рисунком, который покрывал все пространство от закопченного потолка до щербатых каменных плит пола. Узор состоял из толстых, извилистых линий, похожих как две капли воды на те, что украшали изнутри Хранилище Сердец, разве что только не светились. Я скользила пальцами по углублениям в стене, следя за линией, высеченной в толще холодного камня. Она вела влево и вверх, и проходя сразу над аркой, но если в Хранилище от рисунков исходило едва ощутимое тепло, то здесь при взгляде на узор, горло обхватывала удавка из отчаяния и тоски.

Выждав момент, когда ни один из взглядов не будет направлен в мою сторону, я рванула вперед, скрываясь в долгожданной темноте. Она благосклонно распахнула передо мной свои объятия, но я так сильно хотела сбежать, что не заметила фигуру, которая следила за мной со следующего лестничного пролета. Чужие руки грубо обхватили меня поперек груди, затягивая в глубину лестницы.

— Да тише ты! Они услышат! — мгла зашипела мне на ухо, все сильнее стискивая руки на теле, чтобы удержать меня на месте. Но я забилась в клетке жестких объятий, больше похожих на удушьющий захват. Чужая ладонь легла поперек рта, не позволяя мне закричать.

— Молчать! — голос стал чуть тише, но внушительнее. Я замерла.

Айден.

Стоило мне перестать бороться, как объятия стали ослабли, но я все еще целиком и полностью находилась в чужой власти. И право голоса мне было дано только после того, как я раздраженно дернула плечом и шумно выдохнула через ладонь, которая зажимала мне рот.

— Что там случилось? — хрипло прошептала я, оборачиваясь. И не узнала Советника. Черный форменный китель исчез, осталась одна белая сорочка, покрытая алыми пятнами. Лицо прочерчивали глубокие борозды порезов, но они уже не кровоточили. Кровь запеклась плотной коркой, и когда я коснулась пальцами раны, на подушечках остались бурые струпы.

— Кто тебя поранил? — я прикусила губу, не зная, что и думать. На кухне было слышно ни криков, ни отзвуков драки, но вот, окровавленный Айден стоит передо мной, с темной печатью боли на лице.

— Ты — настоящая? — он вцепился в мои предплечья, и я ощутила, как под кожей расплываются синяки, наливаясь чернильно-фиолетовым цветом. От боли я дернулась, но Айден оказался сильнее.

— Ты — не настоящая, — забормотал он, притискивая меня к стене. От усилий, с которыми он меня встряхнул, я ударилась затылком, и в голове взорвался разноцветный салют.

Я не успела ничего сказать, ничего возразить. Айден отстранился, а затем вновь навалился на меня. В темноте скользнул блик, и я ощутила холод металла, прижавшегося к моему горлу. Меч, направленный острием вверх, при малейшем шевелении царапал нежную кожу. Приложи Айден чуть-чуть усилий, и лезвие войдет в мягкое горло как раскаленный до красна столовый нож в масло.

Жидкий синий свет, который по капле сочился на нас сверху, разбавлял плотные сумерки, и в его окружении взгляд Айдена был совершенно безумным. Остекленевшие, ледяные глаза, в которых нет ничего, кроме ненависти.

— Почему именно ты?! — прошипел он с отчаянием, нажимая ладонью на клинок. Тот чиркнул по коже, оставляя за собой царапину, которая медленно закапала багровыми, масляными каплями.

— Айден, прекрати, — голос дрожал и срывался, и мне хотелось зареветь, но что-то мне подсказывало, что обезумевший Советник без сомнений разделается со мной, если я дернусь или издам громкий звук. — Ты же еще десять минут назад был в порядке!

То ли мой тон, то ли слова привлекли внимание Айдена. Он дрогнул, ослабляя хватку, но он по-прежнему был полон презрения и недоверия.

— Если ты — Лиззет, то скажи мне: как мы познакомились?

Я прикрыла глаза, вызывая в памяти нужные воспоминания:

— Моя спальня, раннее утро. Ты вместе с...

— Нет, — обрубил Айден, вновь налегая на меч. Тот впился в плоть, грозясь вот-вот прорезать ее насквозь. Представив, как холодная сталь вонзается в мое тело, я сморгнула злые слезы.

— Я упала в лужу, ты помог мне подняться.

На лице Айден, полускрытом за тенью, промелькнуло узнавание. Взгляд стал осмысленным, трезвым, как будто морок слетел с него в одно мгновение, и он стал тем, кем всегда и являлся. Рыцарь Талла, Советник Айден.

— Лиззет, — прошептал он на вдохе, едва не захлебнувшись от облегчения. Меч, звякнув, упал на пол. Айден, подавшись вперед, сгреб меня и сжал в объятиях. — Лиззет!

Я окончательно перестала что-либо понимать.

*

— Откуда столько прыти, ты ушел несколько минут назад, — пробормотала я, не пытаясь вырваться из чужих рук, сомкнувшихся вокруг меня плотным кольцом. Чувствовать

тепло его тела было приятно, ведь все, что меня окружало, было ледяным на несколько десятков полутонов. Постепенно согреваясь, я успокаивалась.

— Я боялся, что не найду тебя, — горячий шепот коснулся уха, погружая меня в транс. Вечность бы так стояла, хоть и боялась в этом себе, или кому-то другому, признаться.

— Ты с ума сошел? Тебя не было минут десять, — но я уже поняла, что это неправда. Тот Айден, что встретил меня в коридорах замка, был фальшивкой, грубой подделкой. Тот, что стоял передо мной, был настоящим.

— Они показали тебе меня? — Айден моргнул, становясь до смешного недоверчивым. Он с

сомнением покосился на меня, как будто сомневался в здравости рассудка. Неужели я сказала что-то смешное или нелепое?

— Они...показали? — я нахмурилась, не понимая, к чему он ведет.

— Да, гнильцы, — Айден кивнул в сторону арки, которая осталась далеко внизу, но оттуда по-

прежнему доносились голоса, приглушенные каменными ступенями. — Это их Замок.

Он хотел еще что-то сказать, но тут черные, глухие факелы на стенах вспыхнули. Яркий свет ударил по глазам, на мгновение ослепив. Айден шагнул вперед, заслоняя меня своим телом.

— Так, так, так, — насмешливо грянул голос, который дробился на три-четыре ноты, и казалось, что на площадке стоит не один, а целая толпа. — Смотрите-ка, кто к нам пришел!

Да, они были похожи, но это была схожесть оригинального произведения искусства и его копии, вышедшей из-под рук кустарного мастера. Дублер не вникал в детали, а пытался подстроиться под мои ощущения и воспоминания, теперь это стало очевидно.

Айден был выше и легче, дублер же оказался шире в плечах и крепче сбит. Волосы не того оттенка, да и прочие мелкие отличия можно было перечислять до бесконечности. Но самое главное — серебряную звезду, символ должности Советника, гнилец скопировал точь-в-точь. Как будто украл.

— Как ты сюда пробрался? Прошмыгнул как подлая крыса, — лже-Айден шагнул вперед, у бедра звякнула шпага. Он выглядел вполне миролюбиво, но слова выплевывал ядовитыми пауками изо рта. — Кто тебя звал?

Айден напряженно наблюдал за своим близнецом, как будто пытался уловить что-то очень важное.

— Кухм, не дури, — сказал Айден, протягивая руку гнильцу, но тот был непреклонен.

— Мы бы покончили с девчонкой быстро, она бы ничего не почувствовала, — Кухм горько вздохнул, смиряясь с какой-то особенно тяжелой мыслью, — но теперь...

Гнилец улыбнулся: черные с зеленым налетом зубы были острее волчьих. До меня дошло

значение огромного котла над очагом в кухне, и деловитая спешка жителей Замка поскорее навести порядок. Они готовились к пиру.

Из арки потянулся народ: женщины прихрамывали, толпясь и оттирая друг друга плечами.

Мужчины, менее многочисленные, тянулись следом, подволакивая негнущиеся ноги. Эта

безмолвная толпа, упорно преодолевающая десятки ступеней, чтобы дотянуться до цели, была похожа на все фильмы о восстании живых мертвецов сразу. В воздухе повисла

завеса сладко-приторного аромата гниющего мяса.

— А ТЕПЕРЬ МЫ СОЖРЕМ ВАС ЖИВЬЕМ!

Лже-Айден прыгнул вперед. Черные, длинные когти метили мне прямо в горло.

Часть третья. Глава 51. Вальд

Как в замедленной съемке я наблюдала полет гнильца, и при приближении он так же постепенно терял человеческий облик. Кожа чернела и облазила лоскутами, обнажая коричневые волокна мышц и желтоватые кости, хрупкие и пористые. Но вот зубы у монстра остались прежними — острыми и устрасшающими.

Уроненный меч Айдена под ногами звякнул и тихонько запел, вибрируя. Песня стали пронеслась между нами и гнильцами, все сильнее замедляя время, а затем — на секунду остановившись, — время понеслось с сумасшедшей скоростью, как будто пыталось наверстать упущенное.

Масса гнилого мяса, которая слабо напоминала человека, обрушилась на меня со всей силой. В воздухе мелькнули черные ногти, стремящиеся дотянуться до шеи, клацнули ядовитые зубы, но вместо плоти оказался воздух.

Первый удар Айден принял на себя: гнилец врезался ему в грудь, раздирая когтями и без того окровавленную рубашку. Не смотря на кажущуюся хлипкость, гниющая туша держалась крепко, и гнилец устоял на ногах. С рыком он потянулся к шее Айдена, но тому удалось отбросить его в сторону, приложив недюжинную силу.

Я видела, как от натуги вздулись жилы на шее Советника, и едва не пропустила задушенное шипение «Бежим!». Но прежде, чем рвануть вверх по лестнице, Айден наклонился и одним движением сорвал с груди гнильца горящую серебряную звезду.

— Это мое, мерзость ты гниющая.

Кухм, сползая по стене, сверлил нас алчным злобным взглядом, утирая ниточку слюны, которая стекала из разъетого временем и тлением уголка рта. Но от удара силы покинули его, только и оставалось, что скрежетать зубами и отфыркивать ядовитую пену.

Гнильцы клацали зубами, тянули тонкие руки с пятнами гнили, цеплялись за рубашку, выдирая из ткани лоскуты. И клинок Айдена, оставленный под ногами, так и остался лежать на холодном полу. В спешке бегства ни я, ни Айден не подумали его поднять.

Бежать по лестнице вверх оказалось непросто: я путалась в ногах, спотыкаясь на каждой ступеньке, а Советник пребольно тянул за руку, пытаюсь как можно быстрее вытянуть меня из опасности.

— Здесь нет... выхода, — выдохнула я, стараясь не обращать внимания на то, как за спиной стенают гнильцы, лишившиеся своей добычи. Стоило сбавить темп, как я ощущала чужие пальцы, путающиеся в распущенных волосах, утягивающие в темноту, назад. Гнильцы визжали, стонали, охали и ругались на сотню голосов, и в этой какофонии я различала знакомые интонации: дедушкин тихий, ласковый голос; Виллан, декламирующий очередную шутку; Шарттиар, которая твердила, что мне стоит развернуться и сдаться на милость победителя.

Голова закружилась. Я споткнулась, собираясь затормозить. Конечно, я не верила, что за спиной бежит сам дедушка или Шарттиар, но сердце приказать невозможно. Я должна была убедиться, одним глазком взглянуть!

— Не вздумай останавливаться! Они имитаторы! Притворщики!

Крик Айдена меня образумил. Я тряхнула головой, скидывая с себя наваждение, а гнильцы, понимая, что их фокус не удался, зарычали еще громче.

Лестница, коридор, лестница, еще одна. Все вокруг смешалось в огромный

пластилиновый ком из залов, перил, покрытых пылью, и яростного рычания гнильцов за спиной.

— Сюда! — Айден круто развернул меня на девяносто градусов, протискиваясь в невыносимо узкий коридор. Там удушливо пахло пылью, затхлым воздухом было невозможно дышать. Гнильцы, оставшиеся позади, оглашали весь замок криками, захлебываясь бессильной злостью.

Запоздалая мысль легонько толкнула меня в спину, и я затормозила, утягивая за собой и Айдена. Он обернулся, не понимая, что происходит.

— Вальд... — прошептала я, прижимая руку ко рту. Он был внизу, один на один с мясом, и в толпе гнильцов я его не видела. А значит...

— Он здесь? — Айден нахмурился, по красивому лицу бродили тени тяжелых раздумий. Я закивала, прекрасно осознавая, что мы сами загнали себя в ловушку. Неподалеку бродили гнильцы, перерывкаясь, царапая стены и сотни дверей на этаже. Ту щель, в которой мы нашли укрытие, не привлекала их внимания.

Наконец, Айден принял решение. Горячие пальцы сомкнулись вокруг моего запястья, и меня вновь потянуло в темноту:

— Пойдем, я знаю, что надо делать.

Меня изнутри затопило теплой волной: рядом с Айденом, пускай мы частенько и не ладили, я чувствовала себя в безопасности. Да, он был безоружен, волосы разметались по плечам, окровавленная сорочка прилипла к широким плечам. Но даже сейчас он был способен голыми руками защитить меня от любой опасности.

Глаза защипало, во рту встал горький ком. Я чувствовала себя грязной предательницей, пускай и не знала, кого предаю.

— Они — живые мертвецы, — Айден протискивался в узкий коридор, не забывая вводить меня в курс дела, пускай я и не просила. Замечательно бы прожила, даже не зная, что гнильцы — мерзкие создания, куча гниющей плоти, которые искусно притворяются твоими близкими, чтобы в итоге сожрать тебя и обглодать косточки.

— Не дай себя укусить, а то... — остановившись, Айден обернулся через плечо. Синие глаза казались огромными на бледном лице. Я мотнула головой, изображая полное смирение. Сейчас мне вовсе не хотелось спорить, как на протяжении всего пути. Я полностью отдавала себя в руки Советника.

— Я поняла.

— Умница, — он неожиданно-тепло улыбнулся, отчего в животе стало еще жарче. Я опустила голову, занавешиваясь волосами, чтобы Айден не заметил, как вспыхнули щеки.

Свежий воздух ударил в лицо, заставляя задохнуться. Я, словно птица, выпорхнула на свободу, которая оказалась узеньким балкончиком, где едва-едва хватало места развернуться нам двоим. Запах соли здесь был особенно острым, а за преградой корявых, ужасающих в своем уродстве, деревьев блестело мелкими волнами море. То самое, куда мы так стремились, пока дорогу не перешел нам дорогу.

— Иди сюда, — Айден протянул руку, и я крепко схватилась за нее. Никогда не отпущу, мелькнула в голове глупая мысль, от которой я с остервенением отмахнулась.

Обхватив меня за талию, Советник аккуратно перекинул ноги через парапет. Я помедлила, не уверенная в том, что не сорвусь. Но крепкое плечо рядом, ободряющее пожатие ладони, и вот я стою рядом с Айденом, балансируя на узком, в несколько десятков сантиметров, выступе.

— Первым пойду, — Айден огляделся, выискивая внизу, под ногами, признаки недоброжелателей, но судя по всему, гнильцы редко покидали свой замок, предпочитая уютиться в кухне, ожидая пришествия незваных и очень желанных гостей. Я обеспокоенно вскинула голову, но он улыбнулся, подмигивая мне с неизвестной до этого момента игривостью:

— Не бойся, поймаю.

И прыгнул вниз. Я отчаянно зажмурилась, опасаясь услышать гулкий звук удара и стон боли, но донесся лишь шорох кустов, который быстро смолк.

— Давай! — прошептала темнота голосом Айдена, но я вцепилась в каменные перила до побелевших костяшек. Мне было страшно, до ужаса, до дрожащих коленей, до злых слез на ресницах.

— Ты веришь мне? — Айден стоял внизу, обратив на меня взгляд синих, как море на горизонте, глаз. И от этого взгляда за спиной выросли крылья. Но мгновение мне показалось, что он — нереален, еще один гнилец, чересчур удачливый по сравнению с остальными своими родичами, но — нет. Он был самый настоящий. Я сделала глубокий вдох и шагнула вперед. Земля стремительно приближалась.

Объятия были такими горячими, что на секунду мои чувства, которые я так долго заталкивала в самое нутро, вырвались из-под контроля. Всклипнув, я вжалась лицом ему в шею, вдыхая солоноватый запах теплой кожи.

— Все хорошо, Лиззет. Ты справилась, — шептал он мне в макушку, глядя по волосам. Я дрожала всем телом, отчаянно цепляясь за плечи и руки Айдена в поисках опоры.

— Вальд до сих пор в замке, — прошептал он, мягко отстраняя меня. Я прикусила губу, беря себя в руки.

— Спрячься, — он толкнул меня в сторону раскидистых кустов. Некоторые ветви были обломаны — напоминание о месте приземления Айдена несколькими минутами ранее. Я послушно доковыляла до кустов, зарываясь в самую их середину. Убедившись, что меня не видно из-за зеленого занавеса листьев, Айден выпрямился, размял руки и вновь пошел к главным воротам замка.

Зажмурившись, я считала про себя. Семьсот тридцать четыре, три тысячи двадцать восемь... Но Советник так и не появился. В Замке было подозрительно тихо, и в моем воображении Айден уже варился в котле на кухне.

Истошный вопль сорвался камнем с балкончика над головой, но я не рискнула высунуться, чтобы проверить, кто там беснуется.

Белая сорочка в бурых пятнах замаячила впереди, Советник бежал вперед, неловко подволакивая правую ногу. Я рванулась к нему, чувствуя, как злые ветви цепляются за волосы и одежду, вырывая клочья. Но я наплевала на боль, желая как можно быстрее оказаться рядом с ним. Он тащил за собой за шиворот темную маленькую фигурку, в которой я, не без труда, опознала Вальда. Корд шипел, пучил горящие глаза и норовил укусить за Айдена за руку. При моем появлении на горизонте, Вальд озадаченно моргнул и перестал сопротивляться.

— Уходим, — Советник поджал губы и с силой тряхнул Вальда, который уже не чинил препятствий.

Мы поспешили по заросшей тропинке прочь от замка, где на сотни голосов стонали и выли гнильцы, оставшиеся без добычи.

На ходу я разглядывала широкую спину Айдена. В который уже раз? Да кто же знает, но теперь это зрелище не вызывало у меня отторжения. Напротив, я бы отдала что угодно, лишь бы всегда видеть его перед собой. Но что-то меня смутно тревожило. Я лихорадочно искала причину, и она нашлась: на белой ткани рубашки масляно блестело свежее пятно. Кровь пропитала ткань насквозь, и та плотно прилипла к мышцам спины.

— Ты ранен? — я схватила Айдена за плечо, но тот раздраженно дернулся, вырываясь из захвата. Я растерянно вздохнула, понимая: пробиваться пришлось с боем.

— Мы на месте, — Советник указал вперед, туда, где разливалось бескрайнее синее море. Я затаила дыхание, ожидая увидеть что-то невероятное, но реальность оказалась жестокой.

Широкая пристань была давным-давно заброшена. Доски под ногами прогнили, крошась в труху под каждым шагом. А корабли... Вероятно, когда-то эта пристань была обитаема и оживлена, и даже сейчас у причала еще стояло несколько кораблей. Сломанные мачты, порванные паруса, разбитые корпуса кораблей представляли собой жалкое зрелище. Я сглотнула, осматривая разоренный причал. Здесь явно не могло оказаться корабля, который смог бы доставить нас на остров кордов.

— И что мы теперь будем делать?

Часть третья. Глава 52. Мирошник

— Сколько раз повторять, Лиззет, что надо быть внимательнее? — Айден нетерпеливо выдохнул, и я проглотила болезненный укол. Он был прав, я чего-то не замечала. Но чего? Столько вопросов, а ответом как не было, так и нет.

Ну, хорошо. Я чуть пристальнее взгляделась в печальные скелеты кораблей, надеясь отыскать зацепку. Маленький ключик, который смог бы привести меня к ответу. И, кажется, нашла.

— Там кто-то стоит, — сказала я, откровенно сомневаясь. По началу я приняла фигуру, застывшую на одном из кораблей, за причудливую тень, которую откидывала мачта с изодранным в лохмотья парусом. Но нет, он определенно был живым. С места обзора я видела, как поднимается-опускается грудная клетка, когда человек дышал.

Вместо ответа Айден двинулся вперед, прямым в кораблю. Тот выглядел чуть лучше, чем его товарищи, но тоже не казался мне подходящим для дальнего путешествия. Потрескавшаяся фигура без головы на носу корабля внушала мне суеверный ужас.

Я, робея, шагала следом, сжимая в ладони крохотную ладонь Вальда. Он был необычно молчалив, прятал лицо в глубине капюшона и дышал тяжело-тяжело, еще не оправившись от встречи с гнильцами. Я не знала, как на вардов действует магия, но, полагаю, ему пришлось нелегко.

Сердце вновь кольнуло болью жалости. Я прекрасно понимала, что он чувствует. Мне тоже хотелось домой, к родным, подальше от ужасов, через которые меня вынудили пройти.

Фигура, застывшая на корабле, оказалась мрачного вида головорезом, бритым наголо. Глаза мертвой рыбы, бугрящиеся мышцы под кожаной, потрепанной безрукавкой. Когда мы подошли, он передвинулся и теперь торчал вместо мачты на палубе, не сводя с нас тяжелого взгляда. Пустые глаза следили за каждым нашим шагом и словно предупреждали: "Никаких резких движений".

— Он мне не нравится, — прошептала я еле слышно, но шаловливый морской бриз разнес шепот по пристани, добавив звука.

— Пока ты со мной, он не сможет причинить тебе вред.

Но мне с трудом верилось, ведь головорез выглядел чересчур угрожающим, даже по меркам этого мира. В его грузной фигуре черным по белому читалась откровенная угроза.

В голове вновь зазвучали слова: «Нам нужен будет корабль, самый быстроходный из существующих. И ты даже не представляешь, с кем придется иметь дело, чтобы его заполучить». Но я, хоть, убей, не могла вспомнить, кому они принадлежали. Неужели имелся в виду он?

Пока я рассуждала про себя, Айден легко взбежал по ступеням мостика и остановился рядом с бритоголовым. Я последовала за ним, не отпуская руки Вальда. Малыш спотыкался на каждом шагу и хлюпал носом, как будто собирался разрыдаться.

— Я хочу видеть капитана, — ясный, чистый голос Советника разнесся над водой, и бриз подхватил его, играючи унося вдаль.

— Кто ты такой, чтобы что-то требовать? — разбойник был выше на полторы головы, и чтобы произвести еще большее впечатление, он наклонился вперед. Свернутый, перебитый в двух местах нос задергался, как будто великан пытался унюхать запах страха.

— Здесь наша территория, мы не подчиняемся ни Таллу, ни его собачонкам, —

бритоголовый сложил руки на груди, символизируя окончание разговора, — уходи, пока цел.

В воздухе загремела неприкрытая угроза, но Айдена так просто было не пронять. С истинно нордическим спокойствием он смотрел в лицо собеседника, молчал и ждал. Чего?

— Кому сказал: проваливай! — фыркнул бритоголовый, понимая, что Советник не собирается удаляться, и сделал шаг вперед. Под его поступью прогнулись и жалобно застонали гнилые доски палубы. Я надеялась, что вот-вот под его тяжелыми сапогами они проломаются, обезоруживая противника, но не смотря на свой феноменальный рост и массу, он двигался по поверхности корабля словно танцор.

Глаза моряка медленно наливались кровью, уровень ярости поднимался, так же медленно и неотвратно, как растет волна цунами. Из-за пазухи неуловимым движением был извлечен короткий, кривой нож, на который бритоголовый смотрел почти влюбленно.

— Моя малышка, — прошептал он, поглаживая мозолистой ладонью металл, — она убивает совершенно безболезненно. Вы даже ничего не почувствуете!

Жуткая улыбка, блуждающая на его губах, вызвала у меня приступ паники. Я зажмурилась, вспоминая ощущения холодной стали, которая вонзается в плоть. Воспоминания были еще слишком свежи, пускай шрам на горле уже выцвел, благодаря стараниям Даной. Вальд испугался не меньше моего и захныкал, обнимая меня за пояс в попытке спрятаться от угрозы. Один только Айдена нерушимой скалой стоял на месте и, казалось, даже не моргал, испытывая бритоголового на прочность.

Но тот не успел даже замахнуться. Маленькая дверь с разбитым окошком, спрятавшаяся в деревянной плоти корабля, распахнулась, повинувшись мощному пинку изнутри. Зевая и потягиваясь, из нее показался юноша, едва ли старше меня. Объемная копна кудрей на его макушке шевелилась под порывами соленого ветра, который переменными волнами доносился от водной глади.

— Кого там принесло? — реплика незнакомца оказалась невнятной, смазанной очередным зевком. Он неторопливо приблизился и, подбоченившись, встал рядом, оглядывая нас. То, как он наморщил нос, едва сдерживая смех, говорило, что незнакомца страшно веселит наш потрепанный вид. Не сомневаюсь, выглядели мы жалко: грязные, оборванные, с остатками паутины и пыли в волосах.

— Здравствуй, Мирошник. Давно не виделись. Нам нужна твоя помощь.

Капитан расхохотался, на первый взгляд очень искренне, но я никак не могла отделаться от ощущения, что он пристально наблюдает за нами через завесу кудрявой челки. Даст ли Айдена слабину?

Но посмеявшись вдоволь, Мирошник вновь зевнул и покачал кудрявой головой:

— Помощь, говоришь? Увы, но ты меня разбудил. А я очень не люблю...

— Нам нужно на северный остров, — Айдена беззастенчиво перебил его, и я содрогнулась, увидев, как напряглись плечи Мирошника под темно-синей рубахой. Ну вот, теперь помощи точно не видать, как своих ушей. Капитан подумал о том же. Он демонстративно переглянулся со своим головорезом, все еще держащимся в стороне, и пожал плечами.

Я считала секунды, которые утекали как песок сквозь пальцы. Каждое мгновение за спиной могли грянуть крики гнильцов, которые кинулись в погоню за добычей, но нет, вокруг слышался только вкрадчивый шорох волн.

Развернувшись на носках, Мирошник проплыл к бочкам, стоящим на палубе, и легко взлетел на самый верх. Так и смотрел на нас сверху вниз, болтая ногами и загадочно

улыбаясь.

— Зачем вам на северный остров? Там только корды и живут, а у них даже мясо невкусное.

Он помедлил, безошибочно нашаривая взглядом Вальда, стоящего между нами. На реплику о невкусном мясе, Вальд отчаянно зашипел и рванулся вперед. Но был остановлен в полете Айденем, который не дал сделать ему больше, чем два шага. Эта сцена Мирошника только развеселила. Он облизнулся — язык прошелся по темным губам, коснулся зубов:

— Я так давно не ел мяса. Иди сюда, малыш, не бойся.

Вальд зашипел громче, выпуская когти, но Айден пихнул его в сторону, заслоняя от Мирошника, который продолжал показушно облизывался:

— Тронешь его хоть пальцем — останешься без рук. Я не шучу.

В голосе Советника зазвучало что-то такое, после чего ему хотелось верить, невозможно было не верить.

Мирошник покорно склонил голову к плечу и лениво вздохнул, подтягивая колени к подбородку. Он смотрелся худым подростком, которому, почему-то, дали управлять кораблем. В быстроходность корабля я тоже не сильно верила, но других обитаемых и, вроде бы, целых кораблей на заброшенной пристани не было, и выбирать не приходилось.

— Скучные вы, даже поиграть не хотите! Хорошо, я отвезу вас, но не за бесплатно.

Я встрепелась — он требует оплаты? Я машинально потянулась к штанам, запоздало вспоминая, что кошелек остался лежать на тумбочке в прихожей. В моем мире, чей облик в памяти давно уже поблек.

— У меня нет денег, — испуганно шепнула я на ухо Айдену, но он только усмехнулся, отзеркаливая насмешливую ухмылку Мирошника:

— Деньги здесь не в ходу.

Капитан корабля улыбался со своего насеста, как будто наперед знал, что деваться нам некуда. Денег у меня с собой не было, да и Советник утверждал, что бумажные купюры и монеты нашего мира не решились бы вопроса. Он ждал, пока Айден размышлял.

Его можно было бы назвать красивым — я уже не помнила ни одного персонажа в этом мире, который бы отличался невыразительностью черт лица, или чем-то подобным. Кудрявые волосы до плеч трепал ветер, в ухе игриво блестела тяжелая серьга. Челка все так же заслоняла глаза, и как бы Мирошник не пытался смахнуть ее в сторону, она упрямо возвращалась на место. А улыбка у него была неприятная, и стоять рядом с ним мне не хотелось. Мурашки бежали. Интуиция твердила «Он опасен, пускай и прикидывается беззащитным котенком с виду». У милых котят тоже есть острые когти.

— Ну же, Айден! — когда ему надоело ждать, Мирошник насупился. Подзуживать Советника,

который колебался и не мог решиться на последний шаг, казалось ему страшно веселым. Я слышала, как Мирошник едва сдерживает смех, изо всех сил стараясь выглядеть серьезным.

Айден поднял руку, на ладони блеснула серебряная звезда, которую он сорвал с груди гнильца. Даже измазанная мутной жижей, которая напоминала разлитые чернила, она была ослепительно прекрасна: крупные ограненные камни светились в лунном свете, приковывая взгляды. Казалось, даже Мирошник перевел дыхание, когда увидел ее на ладони Айдена.

— Я отдам тебе ее, — весело произнес Айден, протягивая капитану звезду. Тот поптичьим образом склонил голову, ловко смахивая знак отличия к себе в ладонь. А затем поднес ее к

глазам, которые все так же были скрыты за волосами.

— О как! Теперь я Советник Его Мрачайшего Величества? Такой карьерный рост мне определенно нравится.

Глядя на то, как Айден самолично отдает в руки подозрительному элементу знак своего положения, я ощутила как в желудке стало холодно.

— В чужих руках она не более, чем дорогое украшение, — хмыкнул Айден, которого рассмешил энтузиазм Мирошника. Тот на замечание не обиделся, только подкинул звезду на ладони.

— Этого не хватит, — с сожалением произнес Мирошник, протягивая звезду обратно Айдену, но тот не спешил ее забирать. Наше предприятие могло оказаться под угрозой только из-за того, что мы пришли к нему с пустыми руками.

Я запустила руки в волосы, пытаюсь успокоиться. Все будет хорошо, все будет хорошо. Но глядя на улыбку головореза за плечом Мирошника, в это уже слабо верилось. Скорее, нас отправят восвояси — в лучшем случае. Или на дно морское, кормить мелких юрких рыбешек, которые играли в салочки на мелководье. Пальцы нащупали что-то металлическое и легкое, скользнули по мочке уха. Вот оно, наше спасение!

— Я отдам тебе это, — рубиновая серьга, давным-давно оставшаяся без пары, казалась маленькой и тусклой по сравнению с жертвой Айдена. Украшение было единственным, что осталось у меня от бабушки, а вторая... С содроганием я вспомнила, что ее пара по-прежнему оставалась у Вилфа Красноглазого, как напоминание о моем долге.

Мирошник спрыгнул с ящиков, мягко приблизился и двумя пальцами ухватился за серьгу, поднимая ее в воздух. Рубин горел изнутри, отбрасывая на лицо капитана алые всполохи. Я затаила дыхание, с нетерпением ожидания приговора.

— Пойдет, — серьга, как и звезда, пропали из виду. Отработанным движением Мирошник спрятал драгоценности и хлопнул в ладоши. — Этого хватит на билет в один конец.

От облегчения у меня подкосились колени, и только невероятным усилием воли я устояла на ногах.

— Пошевеливайтесь, мерзавцы! — окрик Мирошника заставил меня вздрогнуть, но обращался он не к нам. Десятки теней, которые недвижимыми лежали на палубе, поднимались вверх, обретая плоть и кровь, и вот перед нами стояла целая команда, жтуко недовольная тем, что их разбудили. — Отправляемся через десять минут!

Как по щелчку пальцев паруса, висевшие грустными обрывками, преобразились. Взметнулись вверх, приныкая к мачте, а игривый ветер скользнул между ними, надувая полотнища до скрежета канатов.

— Неужели в путь? Не прошло и трех сотен лет, — ворчливо пробормотал старик, стоящий ближе всего. В руках он держал целую связку просмоленных канатов и оглядывал корабль со смесью тоски и восхищения. Как давно они вот так стоят?

Пока команда суетилась, Мирошник пинком открыл дверь, ведущую во внутренности корабля.

— Добро пожаловать, гости дорогие, — он отвесил нам шутливый поклон, кривляясь и гримасничая, — позвольте мне проводить вас в апартаменты.

С лестницы, ведущей вниз, несло запахом сырости и плесени, и мне страшно не хотелось туда идти, но раз уж путешествие будет долгим, мне пришлось перебороть собственные капризы.

— Надеюсь, у тебя нет морской болезни, цветочек? — Мирошник галантно придерживал дверь, позволяя нам пройти вперед, и его шепот заставил волоски на загривке встать дыбом. Во фразе мне слышался очень четкий намек. Но было уже поздно убежать.

Часть третья. Глава 53. Морское путешествие

Каюта, в которой разместил нас Мирошник, провоняла морской водой и гнилью. Даже для двоих она была слишком тесной, мы с Айденем едва могли развернуться на маленьком пятачке, не занятом ящиками и койками, а рядом с нами был еще и Вальд. Лицо Айдена было слишком близко, что тоже не прибавляло энтузиазма, я и так сделала слишком много рискованных вещей, за которые теперь было стыдно.

Капитан оглядел захламленную каюту и надулся от гордости:

— Самую лучшую для вас выбрал. Располагайтесь!

Айден скептически огляделся: койки были направлены несвежим бельем, под ногами шуршали непуганые крысы, нагло обвивая щиколотки хвостами, а в углах клубились комья плотной, застарелой паутины. Здесь давненько уже никто не обитал, и могло показаться, что нам специально выдели самую неприглядную каюту, но остальные помещения, между которых мы шагали цепочкой, выглядели еще хуже. Сырые, покрытые плесенью проемы, с которых капала вода. Черные от плесени стены. Гнилые доски под ногами.

— Удачи, — легкомысленно отсалютовал Мирошник, оставляя нас одних, — отбываем через несколько минут.

— Как они живут здесь? — я с брезгливой гримасой отодвинула от себя подальше комковатое, грязное одеяло, которое помнило еще мою прабабушку и рассыпалось на волокна прямо в руках. — Тут же невыносимо!

Айден помог Вальду откинуть подвесную койку и забраться туда с ногами. Обыкновенная

деревянная доска, прикрепленная к стене петлями и цепями. Наши постели располагались ниже, но желания отдохнуть у меня не возникло.

— Команда просыпается только зову капитана, — Советник нахмурился, словно вспоминая детали, — пока Мирошник не позовет, они могут годами пребывать в состоянии сна, скользить тенями по воде от берега к берегу и назад.

Вспомнилась книга сказок: где-то на желтых, хрупких страницах, я уже встречала корабль со спящей командой. Только в той истории встреча героев с призрачным судном была не слишком-то удачной.

— Дедушка рассказывал мне про корабль, который заманивает на борт наивных путников, а затем — топит, — тихо произнесла я, усаживаясь на самый краешек койки. Прикасаюсь к чему-либо голыми руками я опасалась. Вальд, уютно устроившись на своей полке, в полутьме сверкал желтыми глазами. Айден уселся напротив, но койки были так близко, что мы коленями прикасались друг к другу. Очень некстати вспомнилось, как тесно я прижималась к нему у замка гнильцов. Можно было оправдаться, сказать, что во всем виноват стресс, но в глубине души отлично знала правду. И от осознания этой правды в груди что-то глухо ныло, не унимаясь.

В ответ на мою реплику Айден тихо рассмеялся. Мягкий смех в полумраке обернулась вокруг меня пушистым облаком, жарко вспыхнули щеки. Его поведение было непредсказуемым — в один момент он нежно улыбался мне и гладил по волосам, в попытке успокоить. В другой же — строго выговаривал за невнимательность, упрямство и грубость. И эти две крайности удивительно гармоничным образом объединялись в одном человеке.

— Возможно, Мирошник был бы и рад отправить нас на дно морское, но он не может.

— Стесняется? — фыркнула я, обхватывая себя руками, чтобы согреться. Меня потряхивало от влажного, прохладного сквозняка, которым поддувало из десятка щелей в двери и деревянной обшивки каюты.

— Нет, — невозмутимо покачал головой собеседник, — мы ему заплатили. Сейчас он по рукам и ногам связан договором, условия которого обязательно выполнит. Правда, ничто не мешает ему утопить нас после.

По еще одному смешку я поняла, что Айден шутит. Неуклюже и нелепо, как человек, долгие годы проведенный в изоляции от других.

Корабль упруго дрогнул, выходя в бухту. Над головой слышались топот и яростные крики членов команды, но в самой каюте было тихо и спокойно. Фрегат, влекомый ветром в парусах, несся вперед, разбивая высокие зеленые волны. Те шипели, распадаясь комьями пены, и этот шепот успокаивал лучше любых колыбельных. Я прикрыла глаза, не сдержав тяжкого вздоха. Минутная передышка казалась благословением. Я и не помнила, как давно могла вот так — сесть и забыть, что за спиной по пятам крадется опасность.

И главная угроза — Вилф Красноглазый, никак не выходил у меня из головы. Мне удалось выиграть время, но кто сможет гарантировать, что если он меня найдет, кара не будет еще страшнее? Да и сережка. Зачем было получать от меня обещание исполнить одну-единственную просьбу, а затем — убивать? Шрам на горле кольнуло призрачной болью.

— Устала? — тихо спросил Айден, потянувшись ко мне через полумрак. Мне показалось, что он сейчас протянет руку, коснется моих волос, но нет, замер на полпути. Непонятно отчего, но я расстроилась:

— Есть немного.

— Отдохни, — посоветовал он, поднимаясь с койки, — я переговорю с Мирошником.

Я хотела возмутиться, что не стану спать на грязной кровати, но стоило Айдену скрыться за дверью, как на меня напала дремота, которой я не смогла сопротивляться. Веки стали тяжелыми, словно я не спала несколько недель. Я ничком повалилась на кровать, уткнувшись лицом в продавленную, тощую подушку. Будь что будет.

Меня страшно тошнило. Тошнота пришла внезапно и накинулась на меня из темноты. Айден, вернувшийся в каюту, застал меня на полу, где меня выворачивало наизнанку. Вальд, слетевший со своей койки, суетился вокруг меня, уговаривая вернуться в постель, но я только отталкивала его руки, содрогаясь. Я давно ничего не ела, во рту застыл кисло-горький привкус желчи.

Пророчество Мирошника о морской болезни сбылось на все сто процентов, как в воду глядел. Озноб пропал, и температура тела медленно, но верно повышалась, выжигая меня изнутри. Меня трясло в жестоком приступе лихорадке, и качка, каждый толчок волн, отзывались болезненным спазмом в животе.

Айден был рядом, стирал холодный пот со лба, разговаривал со мной. Его спокойный, тихий голос действовал успокаивающе, но я все равно страдала. Еда и питье, которые он приносил мне трижды, не лезли в глотку. От одного вкуса меня полоскало еще сильнее, и Советник безропотно ухаживал за мной. Садился на край кровати, убирал слипшиеся пряди, шептал что-то невнятно, но умиротворяюще. Я вслушивалась в его голос и пыталась задремать, когда метка Иллюзионщиков, клеймо на моей коже, вспыхнуло. Перед глазами все плыло, но уши заложило от крика. С каким-то удивлением я поняла, что это я кричу. Срывая связки, я пыталась перекричать боль, которая пришла ко мне вместе с лихорадкой.

Айден, стоя на коленях перед моей кроватью, сжимал мои руки в своих. Лицо его распадалось на диковинную мозаику — наполовину синее, узорчатое, наполовину — красное, в прожилках как крылья бабочки. Не будь мне так больно, я бы рассказала ему, как он красив сейчас. Я бы много чего рассказала, если бы могла говорить. Но я могла только кричать.

— Прости меня, прости, — Айден прижался прохладными губами к моей ладони, запечатлевая неуклюжий, робкий поцелуй на горячей коже. И тут же обернулся, голос зазвучал ожесточенно и грубо:

— Чего тебе нужно?

Мирошник, привлеченный моими страданиями как пчела пыльцой, по-кошачьи вошел в каюту и наклонился надо мной:

— Она умирает? Хочу посмотреть!

Айден разозленно зарычал:

— Проваливай! И без тебя забот хватает.

Капитан, пожав плечами, двинулся к выходу. Грубость Айдена его не задела, и через пелену бреда я видела как его силуэт раздвоился и вновь сложился. Где я видела это лицо? Но я была слишком слаба, чтобы вспоминать.

— Стой, — негромко и как-то обреченно окликнул Айден Мирошника. Тот с готовностью обернулся, отвечивая шутливый поклон Советнику:

— Чем могу помочь, мой лорд?

— Хватит паясничать. Дай мне ее.

— Ее? — переспросил Мирошник, задумчиво почесывая острый подбородок, хотя прекрасно знал, о чем идет речь.

— Ее, звезду, — Айден терял терпение, а мое сознание вновь растворялось в подступающем приступе боли. Хуже было только терпеть восстановление тела после процедур Даной. Меня преследовали видения, куда хуже, чем кошмары с участием Вилфа, во много раз хуже.

Мирошник запротестовал, складывая руки на груди:

— Она моя! Ты сам отдал звезду мне!

— На одну минуту, — глухо ответил Айден, прижимаясь лбом к моему плечу.

Они спорили так долго, что я, утомившись от гневных выкриков, позволила темноте подхватить меня на руки и унести далеко-далеко. Боль притупилась, ослабла, и я облегченно выдохнула. Но чужие ласковые руки вновь вернули меня в сознание.

Наклонившись надо мной, Айден взглянул мне в глаза и горько прошептал:

— Прости меня, пожалуйста.

За что он просит прощения? Я беспомощно смотрела, как Айден прижимает к Мертвой Голове свою звезду. Та вспыхнула и загорелась. Хрустальное, прозрачное пламя объяло ее, перебегая на мое запястье. Оно проникало под кожу, выжигая метку иллюзионщиков, оставляя после себя только ожог. Свежий, розовый и блестящий.

Боль никуда не делась, она все еще была со мной, внутри меня. Но теперь она была другого толка.

Прерывисто выдохнув. Айден поцеловал мое запястье и сел на край кровати. Сгорбившись, спрятав лицо в ладонях, он просидел так несколько часов. Не двигался, не говорил, даже не смотрел на меня. Я, выныривая из вязкой, душной дремы, видела его спину перед собой и вновь засыпала, успокоенная его присутствием.

Из транса его вытащил только зычный крик Мирошника, который на рассвете донесся с палубы:

— Остановка: северный остров. Прибыли, гости дорогие! Выметайтесь!

Часть третья. Глава 54. Глубокое море

Когда я поднималась наверх, гнилые ступеньки под ногами чавкали, и мои следы быстро наполнялись водой. Корабль Мирошника был посудинной, которая держалась на крепком словце и нашей плате за проезд.

Меня штормило, и если бы не Айден, мягко поддерживающий меня за талию, то непременно бы рухнула, обдирая колени.

Слабость поселилась в ногах, локтях и спине, я сама себе напоминала безвольную медузу, выброшенную безжалостным прибоем на берег, где ее ждет неминуемая гибель.

Мирошник, сидя на бочке, подкидывал в воздух серьгу, грани рубина тускло блестели в жидких сумерках. Вода у борта корабля призрачно светилась, как будто на дне поселилась колония светлячков, и от этого потустороннего света туман, скрывающий за собой остров кордов, принимал бледно-зеленой оттенок, становясь похожим на переход в царство мертвых.

«Поздно беспокоишься, девочка,» — забормотал в голове голос, очень сильно похожий на

дедушку, — «ты уже там».

— Нехило тебя полоскало, да? — Мирошник не удержался от подначки, и даже тяжелый вздох Айдена, предупреждающий не лезть на рожон, не смог с него спесь. Мирошник самозабвенно заигрывал с опасностью, жонглировал ей, наслаждаясь бегом по самому лезвию ножа. Он с нетерпением ждал, когда «гости дорогие» выметутся на берег острова, чтобы никогда больше нас не встречать.

Дождаться нас, чтобы вернуть обратно на континент, он не собирался, пускай Айден всеми силами настаивал на этом. Мирошник ускользал от прямого разговора, рассуждал об отвлеченных вещах, делал вид, что не слышит. Я едва стояла на ногах, мутным взглядом обводя команду, которая столпилась на палубе. Дранные лохмотья, гнилые зубы, потухшие, запавшие глаза. Они не выглядели счастливыми, никто из них, кроме Мирошника, который упивался близостью с морем, втягивал соленый воздух носом и счастливо вздыхал.

Наконец, Айден не выдержал.

— Отвезешь нас назад, — он не спрашивал, а утверждал, — нам нужно совсем немного времени. Вы же все равно будете возвращаться в порт.

Мирошник опять попытался улизнуть, изобретая все новые и новые отговорки: команда устала, спать хотят, ведь столько времени находиться в спячке — вызывает привыкание. Тебе ли не знать, господин Советник? Да и море не спокойно.

Я сделала несколько неуверенных шагов, хватаясь за борт для равновесия. Волны упрямо бились в деревянную плоть корабля, как будто надеялись, что он вот-вот снимется с места и умчится на всех парусах вдаль, оставив одинокий остров проживать свои печальные, наполненные одиночеством, дни. Никаких предвестников бури, на которую намекал Мирошник, даже ветер теплый и соленый, обнимал меня, стоящую на самом краю.

— Отвезешь, иначе...

— Я не согласен, — пропел Мирошник, и ветер унес его низкий, мелодичный голос к дальним

берегам, — к тому же, у вас нет средств, чтобы оплатить дорогу назад.

— Сочтемся, — тихо произнес Айден, делая рукой замысловатый жест, который можно

было

толковать как душе вздумается. Капитан подумал минуту, поднес к лицу серьгу и вздохнул, как будто сделал нам величайшее одолжение.

— Я даю тебе и человеческой девчонке час. Успеете — молодцы, нет — останетесь на острове, пока корды не изобретут что-нибудь, что сможет доставить вас на континент.

— То есть, навечно, — Айден кивнул, обращая взгляд на остров, который тонул в плотном, сизом тумане, — договорились.

— Один час, — прокричал нам в спину Мирошник, когда мы усаживались в маленькую лодку,

которую с жутким скрипом спустили на воду трое из команды. Они в глубокой, почти похоронной тишине выкинули за борт веревочную лестницу и отошли в сторону, не оборачиваясь. Айден шел первый, ловко спрыгивая с лестницы в суденышко, которым играли волны. От зыби, которая пробегала по водной глади, меня вновь замутило, но на свежем воздухе морская болезнь переносилась гораздо легче. Было ли то последствиями воздействия магии Айдена, то ли организм обнаружил дополнительные ресурсы? Неизвестно, но даже проведя всю ночь в приступе лихорадки, я чувствовала себя куда лучше.

Следом за Айденом в лодку шмыгнул Вальд — он приняхивался, скреб когтями дерево, чуть ли не сваливался за борт, стремясь как можно быстрее добраться до родного дома. На предупреждающие окрики со стороны Советника корд реагировал предсказуемо — огрызался и продолжал раскачивать лодку, нетерпеливо перебирая ногами.

Я аккуратно спускалась по веревочной лестнице — широкие рукава хлопали на ветру, волосы, сбившиеся в колтуны, лезли в глаза. Я знала, что не похожа на невесту Талла, скорее — на бродяжку, которая скиталась по улице несколько недель. О душе я только мечтала, на голове — воронье гнездо, под ногтями грязь. Скажи мне кто-нибудь, что я буду ходить в грязной, местами порванной одежде и с плотными колтунами в волосах, я бы послала подальше шутника. Сейчас же я смирилась, но все бы отдала за куцый хвостик, с которым ходила несколько лет.

Айден помог спуститься, бережно обхватив талию и опуская меня в лодку. Он вел себя слегка отстраненно и не смотрел в глаза, как будто всеми силами не замечать моего присутствия.

— Северный остров, — еле слышно выдохнула я, глядя на заволоченное туманом побережье. Корабль плавно покачивался на волнах, поражая пустотой: никто не подошел к борту, чтобы проводить нас, никто не выглядывал в круглые, разбитые окошки трюма, чтобы удостовериться, что «дорогие гости» точно отбыли.

Не сошли ли мы с ума? Плыть на остров, населенный кровожадными тварями, с риском остаться там навсегда — без оружия, теплой одежды, припасов. Со стороны вылазка на северный остров смотрелась форменной попыткой самоубийства. Будь здесь остальные рыцари, было бы проще. Но реальность всегда куда более жестокой, чем все домыслы.

Айден взялся за весла, заскрипели уключины, давным-давно заржавевшие за ненадобностью. Без слез на это средство передвижения, которое и лодкой-то назвать было сложно, смотреть не получалось: если корабль был наполовину гнилой, то здесь дно было покрыто глубокими трещинами, через которые сочилась вода.

Лодку сносило течением, а плотный туман, до которого было рукой подать, смещал ориентиры, и берег, казавшийся таким близким, только отдалялся. Время утекало быстрее, чем мы предполагали. Айден налегал на весла, но на каждый рывок вперед, течение сносило

нас в сторону на два таких же. Вода под ногами все прибывала, и уже доставала до щиколотки, с каждым мгновением поднимаясь все выше и выше.

Вальд самый первый осознал, что барахтаться по волнам на лодке, которая медленно идет ко дну, можно до бесконечности, и я, словно в замедленной съемке, наблюдала как он перегнулся через борт судна и рыбкой скользнул в объятия моря.

— Вальд! — я рванулась вперед, забывая обо всем. Если погибнет он, тогда зачем все это?! Рука по локоть вошла в воду, мертвящий холод мгновенно обжег кожу, словно я сунулась в кастрюлю с жидким азотом.

Черная тень, почти неразличимая на фоне остальных, стремительно плыла к берегу. Айден со спины шипел что-то невнятное, но совершенно точно предупреждающее. Лодка ходила ходуном, подчиняясь движениям бутылочного цвета волн, которые стали только выше и жестче. Предрекаемая Мирошником буря все-таки начиналась.

— Не смей! — грохот волн заглушил крик Айдена, но я ощутила его коже. Колкие брызги били в лицо, волны поднимались выше бортика, и в холодной воде руки быстро деревенели и соскальзывали с влажного дерева.

— Надо! — я пыталась перекричать бурю, которая мотала лодку из стороны в сторону. Один из толчков едва не перевернул ее кверху дном, что поставило бы жирную точку в моем приключении. Айден бы вновь оказался в Хранилище Сердец, в ожидании воскрешения. Мне бы пришлось не так сладко.

— Нет, Лизет! Не смей! — закричал Айден, надрывая связки, когда увидел, что я, скользя и

срываясь, перегибаюсь через борт. Он потянулся за мной — потоком воды весла были выдернуты из креплений и поглощены жадными волнами. Я поднялась на ноги, чувствуя, как под ступнями волнуется море и дрожит утлая лодчонка, постепенно уходящая на дно, и без страха шагнула вперед.

Зеленая бездна с радостью встретила меня и поглотила с головой.

Вода моментально заполнила легкие. Я бултыхалась в зеленой, мутной воде, пытаюсь выбраться на поверхность. Но едва я поднимала голову над водой, как меня накрывало с головой волной с пенным гребнем, которая затягивала меня на бездонную глубину.

Преодолевая боль в мышцах, которые моментально сковало холодом, напрягаясь изо всех сил, я рванулась вперед, туда, где за толщей воды, больше похожей на стекло, я смогла различить темный силуэт Варда, выходящего на берег.

Море поддалось, расходясь под мощными гребками, выпуская меня на волю. А затем и чужие руки вздернули меня вверх, выкидывая на берег.

— С ума сошла?! — вне себя от бешенства, Айден встряхнул меня за плечи, словно тряпичную куклу. Темные волосы прилипли, заслоняя лицо, рубаха промокла насквозь и облепила тело. Айден был в бешенстве и не собирался скрывать своих чувств.

— Что бы я делал, если бы ты утонула?! — проорал мне в лицо Советник и внезапно осекся, как человек, сболтнувший лишнего в приступе злости. Отшатнувшись, он с усилием расцепил руки, не зная куда их деть. Откинул волосы со лба и мутным взглядом нашарил Вальда, который застыл на берегу.

— Что?...

Маленькая фигурка, в мокром плаще, стояла сгорбившись и дрожа. До меня доносились горестные всхлипы. Хрупкая спина содрогалась от рыданий, колени подкосились и ребенок

упал на колени, загребая ладонями мокрый песок.

Деревня кордов, если те руины, что покрывали побережье, можно было назвать деревней, была разрушена. Смертоносная разрушительная сила прошла здесь ураганом и не оставила камня на камне. Смерд гари перебивался ароматом соли, а великодушные волны погасили огонь, утащили на глубину и похоронили невинных жертв, но не смогли никого спасти. Все, от морского берега до серых, плоских скал, было сожрано огнем и сверхъестественной жестокостью. Везде только пепел и засохшая кровь.

Я уже видела подобную картину, и от воспоминаний к горлу подступила тошнота, не имеющая ничего общего с морской болезнью. Деревня каритидов была вырезана тем же безжалостным образом.

— Здесь никого нет, — с горечью констатировала я факт, и Айден покачал головой, не в силах опровергнуть мои слова. Вальд замотал головой, разбрызгивая в сторону крупные соленые капли. Слезы или морская вода?

Мы вернули Вальда на родной остров, но у него больше не было никого, к кому он мог бы вернуться. Северный остров был совершенно необитаем и мертв.

— Нет! — воскликнул корд, вскакивая и хватая меня за руку. Острые когти впились в нежную кожу, там, где еще не прошел ожог от Звезды. — Она там!

Ребенок указывал на серые, пустые скалы на горизонте, до которых было далеко. Они стояли особняком и смотрелись нелепо рядом с песчаной пустошью, припорошенной пеплом.

— Там? — я с сомнением взглянула на черный провал пещеры, на которую указывал Вальд. Я не была уверена, что он не повредился умом, обнаружив, что его дом превратился в развалины, залитые кровью. В ответ Вальд оскалил клыки, в отчаянной попытке убедить меня, и я почти поддалась, но между мной и пещерой ледяной стеной встал тихий, серьезный голос Айдена:

— Время истекает, мы не успеем вернуться.

— Я не могу оставить его здесь! Пройти столько, чтобы бросить его на могиле его семьи?

Эти слова я почти выплюнула в лицо Советнику, от чего тот поморщился, как будто я отвесила ему звонкую пощечину.

— Что ты предлагаешь?

Столько неприязни во взгляде Айдена я не видела еще ни разу. В груди появилась ужасная тяжесть, которая пульсировала, обдавая меня изнутри жаром подавляемой боли.

— Пойти туда, — я указала рукой в сторону пещеры, которая неприветливо ощерилась каменными зубьями, напоминающими челюсть доисторического животного. Вальд в благодарность сжал мою ладонь, тихонько подталкивая меня в сторону скал. Шаг за шагом, я приближалась к входу в подземелья, ведомая лишь чувством долга перед крохотным существом, которое хотело найти свою маму. А разве я отличалась от него? Я тоже хотела вернуться домой, обнять дедушку и понять, что все злоключения, которым не было числа, закончились. Тепло дома, запах лимонов и старой полироли в дедушкиной лавке, милая и привычная обыденность. И никакой магии, никаких испытаний. Никакого Айдена, который так глубоко запал в душу. Он был занозой, которую надо было вытащить с мясом и не бояться, что рана будет болеть и кровить.

— Ты уверена? — поджав губы, Айден кинул взгляд на корабль, который покачивался на волнах. Время истекало, он был прав, но я не могла оставить Вальда в одиночестве.

— На все сто процентов.

— Я запрещаю тебе туда идти.

— Тогда я сделаю как и всегда, — шальная мысль вызвала у меня смутную улыбку, в ответ на которую глаза синие глаза Айдена стали холоднее арктических льдов, — нарушу твой приказ.

Часть третья. Глава 55. Северный остров

Вальд погонял меня нетерпеливым писком, тянул за руку вперед, словно боялся, что я поддамся на уговоры Айдена и оставлю его в одиночестве, сбегу на корабль и помашу издалека ручкой. Корд то и дело оглядывался на фигуру с окаменевшими плечами, которая подсвечивалась блуждающими огнями под водой. Айден был окутан дымкой, которая размывала очертания его лица, но взгляд был невыносимо тяжелым даже на отдалении. У самой пещеры я замерла, глядя на черный провал, обрамленный острыми зубами — осколками горных пород. Вальд рванулся вперед — когти вновь чиркнули по коже, испещренной множеством порезов и ссадин. На моих ладонях и предплечьях не осталось живого места, сукровицей сочились ранки, не успевая заживать.

— Пойдем! — Вальд вцепился в меня мертвой хваткой, заглядывая в лицо. Свинные глаза пылали влажным, желтым огнем, слезы лились по щекам. Он ничем не отличался от человеческого ребенка — хрупкий, беззащитный, испуганный, только оскаленные клыки напоминали, что он — порождение этого мира. И как когда-то была такой же — цеплялась за пальто дедушки, пришедшая в ужас от того, насколько мир большой и суровый, а я — маленькая букашка.

— Ты уверен, что нам надо именно туда? — сомнения, как злые насекомые, роились в моей голове, пребольно кусаясь, но я была настроена идти только вперед. Доведенная до отчаяния усталостью и тем, что сердце противно ныло, наполняясь безответной любовью, как темным ядом. Я была отравлена, больна и разочарована, не самое лучше настроение для совершения подвигов.

— Раньше здесь все было по другому, — Вальд утер нос рукавом своего безразмерного плаща, устремляя взгляд в темноту, подступающую к носкам сапогов. — Все изменилось, когда пришли они... И наша деревня пала.

При упоминании о нападавших его передернуло, и я ощутила, как его затапливает боль от страшных воспоминаний, не дающих покоя. Я бы отдала все, что угодно, лишь бы не знать — каково ему, но я знала. Шрам на горле, полустертый, скрытый воротом, кольнуло, напоминая о пережитом.

— Они?

— Да, монстры. Слепые и жестокие, — Вальд ускорил шаг, таща меня за собой как на буксире, — они выжгли все до тла. Пламя поднималось до неба...

Иллюзионщики, и здесь они. Точно так же, как они вырезали деревню каритидов, они расправились с кордами. И ничего у них не дрогнуло. Неужели магия выжигает в них все человеческое? Люди ли они вообще? Неужели у Вилфу ни стоило ничего щелкнуть пальцами и указать на беззащитных жителей отдаленного острова, приказывая его уничтожить?

— Как ты выжил?

Под ногами то и дело попадались косточки мелких грызунов, которые звонко хрустели под подошвой сапога, когда я на ощупь пробиралась вперед. На мой вопрос Вальд чересчур весело усмехнулся, показывая белоснежные, очень острые зубы:

— Я умею за себя постоять.

— Не сомневаюсь, — пробормотала я, сжимая его ладонь крепче.

— Здесь у нас гнездо, — маленький корд, способный в один укус перегрызть мне любую, даже самую твердую кость, очень обыденно рассказывал о таких страшных вещах:

его родственники и остальные жители деревни скрывались в крошечной темноте от опасности, которая могла вновь обрушиться на них. — Они прячутся здесь, уже очень давно. Когда пришел корабль, весь остров захлебнулся в крови.

Вальд рассказал, что один из иллюзионщиков нашел его, забившегося под куст, так он и стал чужой игрушкой.

— Они издевались над тобой? — я содрогнулась, представляя, на что способны иллюзионщики, не имеющие никаких моральных принципов и ориентиров.

— Тот, кто попытался — лишился самого важного, — щелканье челюстей прервалось, когда со спины через плечо прыгнул огонек. Маленький сгусток света, он завис передо мной, мигая и дрожа, и его розоватый, нежный оттенок был неуловимо знакомым. Вальд зашипел, когда я протянула руку, и огонек с готовностью прыгнул ко мне в ладонь. Он был теплым и пульсирующим, словно живым. И как только огонек принял меня, Вальд утих, но смотрел неодобрительно.

— Магия, — проворчал мальчишка, отворачиваясь, как будто не желал иметь ничего общего с этим, — ненавижу магию. Я же, напротив, чувствовала, как тепло заполняет мои вены и сосуды, согревая изнутри. И я знала, чья это работа.

— Айден, — прошептала я, шурясь на пламя, которое при упоминании этого имени разгорелось чуть раньше, как будто напиталось силой. Он не смог оставить меня в темноте, даже смертельно оскорбившись.

Вальд шагнул вперед, чутко прислушиваясь к тишине, которая разбавлялась тихим щелканьем. Очень знакомым, кстати говоря.

— Они там! — издал странный звук, намереваясь рвануть вперед, но я успела ухватить его за рукав.

— Мы идем вместе.

Гнездо кордов напугало меня своими размерами и...заброшенностью? Под ногами клубы сухой пыли, на которой оставались четкие следы, а вытянутые, бесплотные тени жались к стенам, стараясь не попадать в полукруг света, отбрасываемый огоньком.

— Есть кто-нибудь? — робко спросила я, устремляя вопрос в темноту и удерживая на месте Вальда, который рвался вперед, как сумасшедший. Не спорю, ему было виднее, но я не могла отделаться от мысли, что это все — декорация, очередной обман, чтобы заманить меня в ловушку. Еще и Айдена рядом нет. Кто вообще даст руку на отсечение, что я прихватила с собой из замка гнильцом верного Айдена, а не ходячего мертвеца, который только и ждет, чтобы отхватить от меня кусок?

Тени зашевелились активнее, но никто не откликнулся.

— Никого, — констатировала я факт, ведь пещера выглядела, как минимум, заброшенной. Но Вальд был со мной категорически не согласен.

Ощерившись, он полоснул меня когтями по руке и скрылся в темноте, с громким криком:

— Мама, я вернулся!

Потревоженные тени замерли, а затем стали сползаться в центр, где под ногами был выложен светлым камнем широкий круг.

И тут я поняла, что это не тени вовсе, а корды. А затем — и кто такие корды.

Вампиры. И если в Вальде оставалось что-то от обыкновенного ребенка, то взрослые корды потеряли все, что могло их роднить с людьми. Вытянутые глазные зубы, достигавшие

подбородка, запавшие глаза, горящие оранжевым, мерцающим светом. Их было несколько десятков — высохшие фигуры, закутанные в древние лохмотья. Они тянули ко мне руки и заслоняли чувствительные глаза от света, который при их появлении стал только ярче. Тьма рассеивалась под упрямыми лучами, которые пробивались через мои пальцы.

— Вальд... — голос был похож на шелест старой бумаги, которая вот-вот обратиться в пыль, — я думала, что никогда тебя больше не увижу...

Голос плыл из дальнего угла, где было так темно, что даже магический свет не мог разогнать тьму. Вальд, появившийся в поле зрения, остановился рядом со мной. Он тараторил в тот угол, не смея сделать последний шаг.

— Мама?

Хриплый смешок разрезал тишину пополам, и тень, едва различимая на фоне холодного камня, обрела плоть и двинулась к нам.

Если бы не Вальд, издавший радостный возглас, доказывающий, что фигура, появившаяся перед нами, и есть его мать, я бы рванула назад, наружу. Но осталась на месте, с ужасом разглядывая сухую, потрескавшуюся кожу, которая обтягивала череп. Мать Вальда выглядела мумией. От человека в ней не осталось ничего, только боль в глазах, когда она увидела, что ее сын прижимается ко мне. Еще один тяжелый шаг, и я поняла, что дрожу. Воображение нарисовало картинку: она бросается вперед, вгрызаясь длинными, кривыми клыками в шею и жадно лакая кровь.

Но она лишь улыбнулась, подходя совсем близко. Высушенные тонкие руки потянулись к Вальду, и он, всхлипнув, приник к ее груди. В каждом ее движении — в том, как она обняла его, погладила по волосам, — скользила невыразимая материнская нежность.

— Ты привел человека? — в сухом шелесте не было угрозы, только обреченность. Вальд запрокинул голову, заглядывая в глаза матери.

— Она помогла мне вернуться домой, мама.

Безотрывный взгляд вампирши я вынесла с достоинством, даже не содрогаясь от ужаса, пронизывающего меня насквозь. Мне стали понятны полунамеки Айдена, который отговаривал меня от визита в гнездо кордов.

Отодвинув в сторону сына, она шагнула ко мне и властно приказала:

— Подойди, человеческая девчонка.

Помимо моей воли ноги двинулись вперед. Я пыталась остановиться, но не могла — оранжевый огонь в пустых глазницах заставлял меня делать один шаг за другим.

— Мама, не надо! Она помогла мне! Пожалуйста, мама! — Вальд сорвался на крик, зная, что сейчас произойдет, но он не мог мне помочь. Две тени, бесплотные и сухие, подхватили его под руки, оттаскивая в сторону. Его надрывной плач отражался от стен, а я даже не могла двинуться с места. Не для того, чтобы спасти себя, нет, а чтобы успокоить ребенка, который, сам того не зная, заманил меня в ловушку. Теперь я стану кормом для его оголодавших сородичей.

От нее не пахло ничем, не смотря на пугающий облик, а я почти смирилась со своей судьбой. Когда вампирша оказалась на расстоянии шепота, я закрыла глаза. Оставалось только надеяться, что все будет быстро и безболезненно. Сейчас, вот сейчас...

Сухие губы нежно коснулись моего лба, оставляя легкий поцелуй.

— Спасибо, Лиззет. Второе испытание засчитано.

Я распахнула глаза, чтобы увидеть, как черный смерч с гибкой черной ножкой проходит сквозь мать Вальда, пожирая звуки вокруг.

Холодный ветер больно ударил меня в груди, подхватил над полом и вытолкнул наружу, на сырой песок, как тряпичную куклу.

Я смотрела в небо, разглядывая тусклые звезды, и вспоминала слова, отпечатанные в голове, как выжженное клеймо: "Второе испытание засчитано".

— Лиззет!

— Сколько меня не было? — я позволила Айдену поднять меня на ноги, чувствуя, как колени все еще дрожат.

— Не знаю, — Айден поморщился, как от боли, — несколько минут, может быть? Что там было?

Я заглянула ему в лицо. Он знал, это было очевидно. Но мне не хотелось устраивать скандал — выглядел Айден откровенно плохо. Неестественно бледный, на лбу выступил холодный пот, темные круги под глазами стали почти черными. Обхватив себя руками в тщетной попытке согреться, он трясся как осиновый лист — зуб на зуб не попадал.

— Что с тобой? — я коснулась его плеча, но Айден дернулся в сторону, уворачиваясь от прикосновения.

— Немного устал, не страшно.

Я хмыкнула: не страшно, так не страшно. Это же Айден, капитан рыцарей Талла, его ближайший Советник. Что с ним могло случиться? Он на моих глазах переборол смерть!

Но вид корабля, медленно уходящего обратно в море, моя ухмылка моментально стерлась.

— Мирошник обманул нас! Они уплывают!

Айден неловко обернулся, успевая заметить, как, стоя на корме, Мирошник насмешливо помахал ладонью. Прощался с нами, оставляя на произвол судьбы на Северном Острове.

Часть третья. Глава 56. Не та

Не сговариваясь, мы с Айденом рванули вперед. Перевернувшуюся лодку разнесло в щепки о прибрежные скалы, и ее обломки плавали на поверхности. Остановившись на краю, я с отчаянием смотрела, как корабль, словно издеваясь, медленно удаляется.

— Ну, нет, — процедила я сквозь зубы, без разбега бросаясь в объятия волн. Мне было наплевать, смогу ли я добраться вплавь до корабля, или же захлебнусь мутной зеленой водой с привкусом ила. Я должна была попытаться!

Айден не пытался возражать, кидаясь вслед за мной. Бороться с тяжелыми волнами, которые равнодушно и методично били в грудь, было непросто, но я видела перед своими глазами темно-бурую корму и не видела препятствий. Но хотела бы, чтобы все подчинялось моему желанию.

Соленые брызги разъедали кожу, и все раны, которыми было покрыто мое тело, горели огнем. Словно меня окутало невидимым, но осязаемым пламенем, которое обстоятельно пожирало меня сантиметр за сантиметром. Ноги стали тяжелыми, руки едва ворочались, разрезая толщу воды, чтобы продвинуться чуть дальше. И только бледное лицо Айдена, с запавшими глазами темнее морской глубины, не давало мне сил уйти на дно. Но силы покидали меня — силуэт Советника удалялся, приближаясь к пузатому боку корабля. Рваные паруса в нетерпении бились о мачты, сопротивляясь натяжению дряхлых канатов, которые натягивали, с криками и воплями, матросы на палубе

— Еще немного! — жестокий ветер уносил голос Айдена вдаль, и я видела только как двигаются посиневшие, дрожащие от холода губы. Все приходило отрывочными фрагментами: корабль замедляет ход, давая нам последний шанс, Мирошник свешивается с кормы и с любопытством наблюдает, как мы приближаемся.

— Давай, Лиззет! — Айде оглянулся через плечо, ободряюще улыбаясь. И длинная веревочная лестница заходила из сторону в сторону, когда Айден подтянулся вверх и протянул мне руку. Она была так близко, но свинцовая тяжесть утягивала меня на дно. Я барахталась, сражаясь с волнами, которые озлобленно толкали меня в грудь, стремясь унести меня подальше от корабля. Но долго так продолжаться не могло... Зеленый полог сомкнулся над головой, и я медленно уходила на дно. Глубина распахнула свои объятия, и я ждала что вот-вот почувствую онемевшими ступнями густой морской песок.

Кто же знал, что так закончится? Из груди вырвалось облако пузырей — последний воздух покинул легкие.

"Неужели, я прошла весь этот путь, чтобы вот так глупо умереть?" — подумала я отчаянно и разозлилась. Этот мир призвал меня и решил, что я должна погибнуть?! Да что он вообще себе позволяет! Я выжила после удара ножом Вилфа, я смогла ускользнуть от незрячих глаз иллюзионщиков, я прошла уже два испытания, в конце-то концов! Могу ли я сдать так легко? Нет!

И словно дожидаясь моего решения, ко мне вернулись силы. Я чувствовала энергию, которая, набирая скорость, бежала по моим венам. Первая попытка пошевелиться далась мне с трудом — тело одеревенело и не хотело слушаться. Вода не поддавалась, она хотела оставить меня себе. Я вновь малодушно подумала, что надо сдаваться. К тому же, воздуха уже не хватало — я едва справлялась с желанием открыть рот. Угасающим уже сознанием, но понимала, что вместо кислорода наглотаюсь воды, и тогда я точно не жилец. Но до меня

смутно доносились крики — это кричал Айден. И я не хотела заставлять его ждать.

Я не знаю, каких усилий стоило мне подняться на поверхность — ломило все тело, но едва моя голова показалась над поверхностью, я тут же попала в тесный плен чужих рук.

— Я уж думал, ты решила сбежать, — хмыкнул Айден мне на ухо, подталкивая к лестнице. Я схватилась за нее, и жесткий волос обжег ладони. Перебарывая себя, я поднималась вверх, стараясь не вспоминать, как нервно звучал голос Айдена. Это был голос человека, который за одно мгновение потерял надежду, а затем вновь ее обрел.

— Не утонула, — констатировал Мирошник, как будто бы разочарованный, едва мы, мокрые и дрожащие, появились на палубе.

Я вскипела, бросаясь вперед и хватая его за ворот.

— Ты нарушил обещание! Пытался уплыть раньше!

Голова Мирошник мотнулась, как у куклы, но с обветренных губ не сходила спокойная улыбка. Я пугала его не больше, чем ребенок, который пытается ударить взрослого. Где-то в глубине черепной коробки звякнул тихий колокольчик, и я разжала руки, делая два шага назад.

Мирошник невозмутимо поправил воротник рубахи и снисходительно проговорил, потирая шею:

— Советую обратить внимание не на мою вероломность, а на то, что действительно заслуживает внимания.

Кудрявая голова склонилась к плечу, и пускай я не видела его глаз, взгляд Мирошника был направлен за мою спину. Я растерянно обернулась, не понимая о чем он.

Айден, согнувшись и держась за бок, дышал тяжело, как загнанная лошадь. Темные волосы спутались, на прядях мерцали крупинки соли.

— Каюта в вашем распоряжении, — Мирошник удалился, помахав ладонью, — приятной дороги.

Игнорируя злобные взгляды моряков, недовольных тем, что их капитан вновь принял на борт чужаков, я подошла к Айдену и нерешительно тронула ладонью напряженное плечо.

— Все хорошо?

— Просто устал, — глухо ответил он, с видимым усилием выпрямляясь. Взгляд его был направлен вдаль, затуманенный болью. Я чувствовала ее, как собственную: горячая и жестокая, она лилась и затапливала меня, словно приливная волна.

— Я прошла второе испытание, — пробормотала я, надеясь облегчить боль, от которой становилось тошно. Айден шумно выдохнул, закрывая глаза, но ничего не сказал.

Пошатываясь, он отошел, намереваясь добраться до каюты раньше меня.

Глядя ему в спину, я пыталась понять, почему я чувствую себя... как? Обиженной? Уязвленной? Нет.

Преданной.

Мне не спалось. Когда я вошла в каюту, Айден уже лежал, отвернувшись к стене. Спал. Пускай дыхание его было и хриплым, и тяжелым, но размеренным. Помявшись на пороге, я легла на свою койку, укрытую грязным и потертым плащом. Но на безрыбье и рак рыба. В каюте чувствовался зябкий, ощутимый сквозняк, и в насквозь мокрой одежде легко было подхватить какую-нибудь гадость — пневмонию, например. Я содрогнулась, поплотнее запахивая плащ и стараясь не думать, что за гнилостный душок от него исходит.

Но сон не хотел приходиться, как будто я его чем-то обидела. Айден был совсем рядом —

каюта была слишком маленькая, только руку протяни, но когда я потянулась к его плечу, взгляд упал на запястье. Вместо метки Мертвой Головы там остался лишь гладкий, блестящий пяточок зажившего ожога. Я боялась, что мне вновь станет плохо — как было плохо на пути к Северному Острову, но опасения оказались напрасным. Кроме нервного озноба, который вот уже четверть часа сотрясал тело, я была в совершенном порядке. Только в груди болело, но боль была иного свойства. От нее не было таблеток, не помогли бы и заговоры старух-травниц. Она была глубока, как будто в сердце засела ледяная игла Снежной Королевы. Только та убивала все чувства в своем обладателе, а я, напротив, чувствовала все настолько остро, что на глазах выступили злые слезы.

— За что же вы так ненавидите меня, господин Советник? — выдохнула я в низкий потолок, нависший надо мной лезвием гильотины.

Я не ждала ответа — Айден спал и видел десятый сон. Но хриплое дыхание, до того момента наполняющее каюту, стихло. Айден шевельнулся, с болезненным стоном переворачиваясь на спину. Слепые со сна глаза нашарили меня в полутьме. Я приподнялась на кровати, заглядывая ему в лицо.

— Боюсь, — хрипло произнес он, протягивая руку и касаясь моей щеки. Я замерла, надеясь продлить мгновение — он так нежно гладил холодными, как лед, пальцами кожу, что хотелось только одно. Чтобы это не заканчивалось.

— Чего? — я закрыла глаза, пытаюсь запечатлеть в памяти каждую секунду. Айден вздохнул, словно не хватало воздуха. В комнате стало душно и жарко, как будто весь кислород испарился. Или же виной было то, как горели мои щеки?

— Боюсь узнать, что ты — не та.

Я распахнула глаза, успев заметить, как Айден соскальзывает со своей койки. Прикосновение губ, горячих до неистовства, лишило меня самообладания. Я позволила Айдену повалить меня спиной на плащ, а сама, захлебываясь от переполняющих меня чувств, ответила на поцелуй.

Я никогда не думала, что в холодном и спокойном мужчине, может скрываться столько страсти. Держа мое лицо в ладонях, Айден целовал меня так жадно, как будто стремился осушить меня до дна, получить от мгновения слабости все, что оно могло дать.

Губы горели от контраста горячих поцелуев и ледяных пальцев, а голова кружилась. Неправильность происходящего, и тяжесть тела Айдена, которая придавила меня к кровати, сводили меня с ума. Оторвавшись от моих губ, Айден скользнул глазами ниже, к горлу. Шрам поперек вызвал у него судорожных, горький вздох.

— Прости меня за это, — прошептал он вновь, как тогда в ночи, стирая с моей руки знак Мертвой Головы. За что он сейчас извиняется? Но прикосновение губ к нежной кожи щрама ответило на все вопросы, которые жалили меня разъяренными осами. Я выгнулась дугой, не выдерживая остроты ощущений.

— Остановись! — мой шепот прозвучал жалко, и я зажмурилась, стыдясь собственной трусости. — Что скажет Талл? Ты же его ближайший друг...

В груди заболело еще сильнее. Айден поднял голову — растрепанные волосы заслоняли лицо, и я не могла увидеть, что на самом деле он чувствует. Темные пряди, свешиваясь, щекотали мое лицо.

— Ты права, — выдохнул Айден, отстраняясь, — Талл будет в бешенстве... Какая хорошая у него невеста.

Шатаясь, как пьяный, он рухнул на свою койку, закрыв лицо руками. Я лежала, не

шевелилась, и прислушиваясь к его дыханию. Оно с каждой минутой становилось глубже и размереннее, но иногда прерывалось отчаянными всхлипами. Айдену снились кошмары — он содрогался всем телом, бормотал что-то и скрежетал зубами.

Выждав, я неслышно поднялась с кровати и выскользнула на палубу.

Надеялась глотнуть свежего воздуха и привести мысли в порядок. Я перестала понимать, что происходит. Мужчина, в которого я была влюблена... Испытывал ли он те же чувства? Стоило ли мне принимать поцелуи, если я предназначена другому? Выходить замуж за Талла я не собиралась, сюда я пришла только для того, чтобы вернуть дедушку и остальных жителей моего мира. Но до момента, когда я взгляну Таллу в глаза и откажусь от судьбы, предсказанной хрустальным яблоком и пророчеством, я была его невестой, хотела я тогда или нет. А потому, как бы я не была влюблена в Айдена, даже против своей воли, отвечать на его поцелуи я не имела права. Быть может, позже, — промелькнула в голове мысль, подсвеченная робкой надеждой, но я и сама знала ответ. И позже — ничего не получится. Проснувшись и получив, Талл вернет меня домой. У этой истории любви нет ни единого шанса на счастливое продолжение.

Ночной ветер встретил меня запахом соли. Я прикрыла глаза, ощущая дуновение морского бриза, ставшего ласковым и нежным, как котенок. В столь поздний час палуба была пуста — команда, как и их вероломный капитан, прятались по каютам. Корабль, ветхий и скрипучий, самостоятельно справлялся с тем, чтобы найти верный маршрут к большой земле. В нем было что-то, магия, быть может? В огромном пространстве зеленого, успокоившегося моря, корабль казался крошечным, словно игрушечным.

— Не спится? — насмешливо уточнил голос за спиной. Мирошник встал рядом, как будто пытался проследить за моим взглядом. Он подкидывал на ладони мою серьгу, наслаждаясь тихим звоном, которым она отзывалась на каждое прикосновение.

— Тебе тоже, судя по всему, — я дернула плечом, смиряясь с его присутствием, — Мирошник? Или же правильнее будет — Вилф Красноглазый?

Капитан восторженно хихикнул, поворачиваясь ко мне. Ветер колыхнул кудрявую челку, блеснули в темноте ярко-алые глаза.

Часть третья. Глава 57. Дом на краю света

— У меня много имен, — движением, полным достоинства, Мирошник отвел в сторону челку, которая упрямо лезла в глаза. Он смотрел на меня в упор, уже не скрываясь. — Не удивлен, что ты догадалась. Но, цветочек, я сгораю от желания узнать — как?

— Видела твое лицо, — нехотя призналась я. Вилф или Мирошник, не важно, как его называть, суть от этого не изменится, стоял в двух шагах, а страха не было. Без своей маски он терял большую часть той жутковатой ауры, что окружала его при каждой нашей встрече, но шрам все равно кольнуло призрачным напоминанием о боли. Я прижала ладонь к горлу под насмешливым взглядом глаз, алых как кровь.

Мой ответ Мирошника немало встревожил:

— Видела? Меня?

— В одном из своих кошмаров мне привиделось твое лицо. Именно поэтому ты показался мне таким знакомым, когда мы встретились на причале. И все же, где маска?

Праздный интерес был утолен, Мирошник лениво пожал плечами, по старой привычке забираясь на бочки. Они для него были своеобразным тронem, с которого она насмешливо созерцал меня сверху вниз. Глаза угрожающе багровели во тьме, пульсируя в такт сердцебиению.

— А как ты думаешь?

Я сердито нахмурилась — играть в игры мне надоело давным-давно. Время для них закончилось, когда острый клинок разделил мою жизнь на "до" и "после". Вилф мог попытаться закружить меня словами, зачаровать, но, почему-то, не шевелил и пальцем. Только ветер, с горьким соленым ароматом, колыхал тугие кольца кудрей.

— Ты здесь, как напоминание о том, что идешь по пятам?

Мирошник тихо хихикнул, сцепляя ладони в замок и устраивая подбородок на колене:

— Прости за маленький обман. Хотя, если рассуждать глобально, что такое обман? Считается ли ложью, что я не нарочно ввел вас с Советником в заблуждение, касательно своей личности? Думаешь, меня когда-нибудь спрашивали: "Мирошник, дружище, имеешь ли ты отношение к великолепному, могущественному магу, чья красота славится везде и всюду?"

Он вопросительно уставился на меня, ожидая ответа, но я упрямо молчала. Стоит вступить с ним в полемику, и беседа будет длиться до бесконечности.

— Нет, не спрашивали! — не дождавшись внятного отклика, Мирошник раздул щеки от негодования и фыркнул. — А значит, и обмана никакого не было. А то, что я сам не спешу посвящать других в свое происхождение — так кто сможет меня за это осудить?

— Маска, — сквозь зубы процедила я. Вилф моргнул, с трудом вспоминая, о чем шел разговор.

— Ах, маска... Иногда мне хочется от нее отдохнуть.

Воспоминания о кошмаре, как липкие хлопья паутины, тут же всплыли в памяти. В моем сне маска, раскрашенная завитками и спиралями, мучила Вилфа, доводя его до сумасшествия. Она изводила его не хуже, чем сам Вилф издевался над жителями мира, которые остались без защиты, пока Талл дремал, набираясь сил и ожидая свое Невесту.

— К тому же, — беспечно махнул рукой Мирошник, словно говорил о чем-то будничном, — маска существует в единственном экземпляре, и на мои копии ее сила не

распространяется. Сейчас это тело беспомощно, как котенок. Хочешь, убей меня?

Серьга из ладони пропала, сменившись коротким и широким ножом. По зазубренному лезвию пробегали волны, как будто металл жаждал крови до дрожи.

Мирошник протянул мне нож рукоятью вперед, без страха держась за обнаженное лезвие. Лукаво улыбаясь, он играл с клинком как с любимой игрушкой.

— Какой смысл? — с вызовом произнесла я, жестом отказываясь от щедрого предложения. — Ты же сам сказал, тело — обычная копия. Убью тебя — и ничего не изменится.

Мирошник заулыбался, словно мои слова его обрадовали. Нет, смерти он не боялся, определенно.

— Оригинал сейчас... — он прислушался, склоняя голову к плечу, как будто пытался подобрать верное слово, — занят. Очень занят. Иначе, прикончил бы тебя на месте. А я, так, игрушка, забытая создателем. Напоминание о днях, когда эксперименты с магией интересовали меня больше власти и могущества.

Голос стал почти печальным, и я бы даже поверила в его тоску, если бы не чувствовала на своем лице жар от взгляда алых глаз.

— О милосердии Вилфа Красноглазого ходят легенды, — я красноречиво обвела пальцем шрам, повторяя его четкую, выпускую полосу. — И что, мне сделать, позвать Айдена? Устроить тебе масштабный допрос?

Мирошник поморщился, не впечатленный предложением:

— Бесполезно. Все равно ничего не скажу. Магический блок, вот здесь, — легкое касание к левому виску, — спалит извилины раньше, чем успею открыть рот. Тот "я" даже не знал, что вас на северный остров понесет.

Он поморщился, выражая неудовольствие, и россыпь темных веснушек на переносице стала еще ярче.

— Так что же не доложишь? Оригинал бы встретил нас с распростертыми объятиями, безоружных и уставших. А ты, напротив, ведешь нас к замку, — я скрестила руки на груди, кожей чувствуя, как сгущаются тучи над головой. Безоблачное ночное небо с редкими всполохами звезд становилось объемнее, нависая ниже и ниже над морской гладью.

— Я занят, — Мирошник злобно оскалился, демонстрируя острые зубы, — не играй с огнем, цветочек. До замка Талла еще надо добраться.

Он захихикал, радуясь какой-то мысли, которая внезапно пришла к нему в голову. Смех перетекал в истерический хохот, но глаза оставались совершенно серьезными.

— Спокойной ночи, — холодно произнесла я, посчитав за благо удалиться. Но в груди поселилось гадостное ощущение — будто крыса цепкими коготками задевала струны, отчего по телу пробегала дрожь. Дурное предчувствие крепко вцепилось мне в горло. Я сбежала по короткой лесенке, как ветер, не чуя под собой ног. Мне нужно было увидеть Айдена, пускай и мирно спящего и не подозревающего о хаосе, что творился в моей душе. Быть может, я смогу мило улыбнуться и сделать вид, что ничего не произошло?

Но как только я прокралась в каюту, ставшую за время моего отсутствия еще меньше и теснее, от одного взгляда на темные, длинные волосы, разметавшиеся по постели, стало горько и страшно. Глотая слезы, я опустила на свою койку, прижимаясь спиной к обшивке, и до самого рассвета смотрела в пустоту.

Вилф точно что-то замышлял или знал. Но что?

На рассвете в дверь бесцеремонно забарабанили. Айден отозвался тихим стоном, с трудом открывая глаза.

— Кто там? — прохрипел он, и в щель между гнилой створкой и косяком протиснулась голова матроса.

— Капитан требует свистать вас наверх, а затем выкинуть с корабля, — гаденько улыбаясь, доложил матрос весьма вежливым тоном и улыбнулся. От лицезрения почерневших зубов меня передернуло.

Айден сел, слепо шаря по кровати ладонями:

— Мирошник приказал выбросить нас за борт? Я не против охладиться, здесь ужасно душно.

Я с тревогой следила, как он медленно опускает ноги пытается подняться, цепляясь за стены. Айдена пошатывало, кожа обтянула скулы, как будто давно не пил. Синева глаз помутнела, зато круги под глазами налились темным цветом, словно чернилами. Кроме того, Айдена лихорадило, по лицу катился пот.

— Не, — матрос хмыкнул, по достоинству оценив шутку, — большая земля близко. Высаживаем вс в долине. Давайте живее, команда спать хочет.

— Близко к замку, слишком близко, — пробормотал Айден себе под нос. Он продвигался к выходу, пошатываясь и шаркая как древний старик. Я шла следом, чутко контролируя каждое его движение. Не дай бог подкосятся колени, обуяет слабость. Что же с ним происходит? В спину нетерпеливо сопел матрос, недовольный черепашьей скоростью, с которой двигался наш маленький отряд.

Мирошник уже стоял на палубе, с наслаждением втягивая носом острый, озоновый аромат приближающейся грозы.

— А вот и Харвингаст! — воскликнул он, стараясь перекрычать рев ветра и плеск волн. — Отсюда быстрее всего добраться до замка Талла.

В его словах слышался намек, не явный, но понятный только мне. Я без зазрения совести отмахнулась от него — состояние Айдена беспокоило меня куда сильнее. В голубоватой бледности его кожи мерещилось что-то нездоровое, жутковатое. Черты лица заострились, челюсть выдавалась вперед, и Айден судорожно сглатывал, как будто боролся с тошнотой. Хватаясь за борт, он пытался устоять, но расшалившееся море, повинувшись близкой буре, не располагало к тому, чтобы твердо стоять на ногах.

Корабль вошел в бухту, не боюсь обломать мачты о скалы. В долине было ничего — пустота, и только замок Талла на горизонте врезался острыми шпильями в пухлое небо.

— Проваливаем, — нараспев произнес Мирошник, щелкая пальцами. Матросы, до того момента стоявшие поодаль, медленно двинулись вперед, оттесняя нас к сходням, спущенным на берег. Равнодушные лица, на которых было написано, что они и за шиворот выкинут нас за борт, если того потребует капитан, пугали меня до икоты.

— Пойдем, — я потянула Айдена за рукав к сходням, аккуратно делая шаг за шагом. Он следовал за мной, как слепой щенок, полагающийся на голос хозяина.

— Эй, Советник!

Айден едва успел поднять руки, чтобы поймать тряпку, которая Мирошник небрежно бросил ему в лицо. В изодранной ткани с трудом можно было опознать форменный китель Советника, который был потерян в замке гнильцов. Помедлив, Советник натянул китель, застегивая его под самое горло и даже не задался вопросом, откуда китель у Мирошника. И только я знала правду.

— Считайте прощальным подарком, а то выглядишь ты неважно, — с фальшивой заботой произнес Мирошник и подмигнул мне, — обещаю не присылать своих головорезов. Пока-пока!

Стоя на краю равнины, я с тревогой смотрела, как корабль быстро удаляется, становясь точкой на горизонте.

— Куда нам идти?

Айден на ответил. С тихим стоном он упал на колени, загребая мокрый песок руками. Его выворачивало наизнанку черной маслянисто блестящей жижей. Я опустилась рядом с ним, наплевав на то, что острые камни скал раздирают колени до кровоточащих ссадин.

— Тебе плохо?!

— Просто устал, — невнятно ответил Айден, утирая рот рукавом. На ткани остались бурые разводы. Взгляд его был мутным, как пена на поверхности говяжьего бульона, а сил, чтобы подняться не осталось.

— Пошли, осталось совсем чуть-чуть, — я говорила вслух, помогая ему встать, и чувствовала, что мой голос обладает успокаивающим эффектом. Да, мне было страшно, но смотреть на то, как страдает Айден было еще хуже.

— Нужно туда, — дрожащая ладонь указала на замок за долиной, и навскидку дорога пешком заняла бы у нас не меньше суток. Айден, оперевшийся на мое плечо, казался мне невыносимо тяжелым, рука онемела.

Каждый шаг давался нам с трудом, он едва волочил ноги, а я, сгибаясь под его тяжестью, что-то тихо говорила, стараясь не останавливаться. Стоило мне замолчать, Айден раздражался надрывным кашлем, от которого кровь в жилах обращалась в лед.

Ему становилось хуже. Постепенно кашель стал непрерывным, а жижа, выходящая из легких, приобрела красный оттенок. Я прикусила губу, не отводя глаз от замка на горизонте. Еще немного, еще чуть-чуть!

Долина была совершенно пуста, если не считать маленького горбатого домика к югу, в окружении голых деревьев. Сторожка казалась необитаемой, но паника не давала мне задуматься о том, правильно ли я поступаю. Айден был неподъемным, но я не могла его бросить, даже зная, что его жизни в принципе ничего не угрожает. Хранилище Сердец всегда рада принять к себе погибших рыцарей Талла, чтобы вновь вернуть их к жизни поцелуем.

Я не помнила, как смогла дотащить Айдена до ветхой избушки в самом центре долины. Пот застилал и жег глаза, Айден уже не кашлял, но хрипел. Голые деревья вблизи оказались настоящими исполинами, и при нашем появлении ветви зашевелились, обросли перьями. Я ощутила, как на меня направлено несколько сотен круглых, маленьких глаз. Сглотнув, я отвела взгляд: птиц-кровопийц я узнала бы где угодно. Они возбужденно заклекотали и защелкали зубастыми клювами, когда я забарабанила в ветхую дверцу домика.

— Есть кто-нибудь?!

Дверь распахнулась, явив мне высокую, под два метра, даму, закутанную в шаль. Седые волосы ее были уложенные вверх острой спиралью, а глаза затянули бельма. Узрев меня на пороге наперевес с Советником, дама покачнулась, скребя длинными, извилистыми когтями по дереву, а затем, с громким стуком, дверь захлопнулась перед моим лицом.

— Никого нет дома! — донесся истерический вскрик из домика, потонувший в раскате грома, на секунду оглушившем меня. Гроза приближалась с моря.

— Пожалуйста, помогите!

Меня душили рыдания, я кусала губы, чтобы не завывать в голос. Ощущение, что бесценное время уходит придавило меня каменным ярмом к земле.

— Пожалуйста!

На крики и стук в дверь хозяйка не реагировала. Окончательно ослабев, Айден сполз с моего плеча, уткнувшись лицом в порог бессердечной дамы. Потеряв всякую надежду, я уселась рядом с ним, обнимая за плечи и следя, как буря становится все ближе и ближе.

"Вот и конец" — подумала я с каким-то облегчением.

За спиной тихо заскрипели давно несмазанные петли.

— Как тебя зовут, человеческая девчонка?

Я подняла на хозяйку хижины чумазое, залитое слезами лицо:

— Лиззет.

И грянул гром.

Часть третья. Глава 58. Пифия

— Как же вы мне надоели! Ходят и ходят! Стучат и стучат! — ворчала хозяйка, без всякого усилия втаскивая бессознательного Айдена через порог. Птицы-кровопийцы возмущенно разинули зубастые клювы и зашипели, разочарованные тем, что легкая добыча ускользнула прямо из-под носа.

Поперек двери легла стальная полоса, намекающая на то, что незваных гостей здесь, и правда, не привечают.

— Кто вы? — робко спросила я, во все глаза разглядывая даму. Она казалась слепой, бельма на глазах уж точно не могли быть зрячими, но она точно видела меня как свои пять пальцев. Высокая, статная фигура напоминал мне о Даной. Та тоже стояла на земле так уверенно, как будто вросла в нее корнями.

— Я — Пифия, — она сложила пальцами треугольник, словно так имя принимало сакральный смысл. Я почтительно склонила голову, приветствуя свою спасительницу, но она не впечатлилась.

— Предсказываете будущее? — предположила я, стараясь не смотреть на лицо Айдена, лежащего у моих ног. Пифия приподняла тонкие серебристые брови, как будто общалась с идиоткой. Разговор не клеился.

— Знала бы, что зайвится человеческая девчонка с мертвецом на плече, ни за что бы дверь не открыла, — пожаловалась она чучелу страшного, мохнатого зверя, стоящего в углу маленькой хижины, разделенной на две части куцей перегородкой.

— Айдено жив! — возмутилась я, но темно-серое лицо Советника говорило о том, что если я и права, то ненадолго.

Пифия картинно расхохоталась, прижимая к лицу когтистые ладони:

— Мне казалось, это я здесь — слепая! Смотри, дурища!

Она плавно опустилась на колени рядом с Айденом, раздирая на груди и мундир, и рубашку. На боку гноилась рана, глубокий укус, оставленный на память после побега из замка гнильцов. Зрелище было, мягко сказать неаппетитное. В контрасте с бледной, прозрачной кожей груди черный гниющий укус внушал страх.

— Что это?! — спросила я, хотя сама уже знала ответ. — Что же делать?!

Пифия скептически оглядела рану, втянула носом воздух и постановила:

— Необратимо. Он умрет.

— Рыцарь Талла не может умереть, — возразила я с нервным смешком, — он просто перенесется в Хранилище Сердец.

Пифия усмехнулась, поворачивая ко мне слепое лицо:

— Наивная девочка. Этот процесс необратим, Советник обречен!

Я прикусила губу, понимая, что она говорит правду.

— Но... Хранилище Сердец...

— Хранилище Сердец разрушено, девочка. Ему некуда возвращаться. Но даже если бы мерзавка До-Ка-Ри не сожгла Хранилище дотла, Айдено бы это не помогло.

— Почему? — губы не слушались меня, я дрожала всем телом, понимая, к чему она клонит. Пока мы плыли до северного острова и назад, Айдено страдал, сражаясь с болью, которую причиняла ему страшная рана. И молчал. Боялся меня потревожить? Или же не доверял мне?

— Яд гнильцов практически нельзя вывести. Если жертва укушена, она обречена. Я могла бы попытаться, конечно, но...

Страшные картины Айдена, превратившегося в гнильца, испугали меня. Даже если есть хоть малейшая возможность, я готова вцепиться в нее всеми руками и ногами.

Решившись, я вцепилась в руку Пифии с силой, которая испугала меня саму:

— Вы можете спасти его?! Пожалуйста! Я вас очень прошу!

Словно откликнувшись на мои слова и мольбу, которая в них прозвучала, Айденом застонал, шаря рядом с собой руками. Я упала на колени рядом, согревая его ледяные ладони в своих.

Пифия поджала губы, становясь похожей на строгую классную даму. Ей не хватало только очков в тонкой оправе и указки. Размышляла она лишь секунду:

— Держи его крепче. Когда начнется обращение, будет не до трепы.

Пол в хижине оказался занозистым и грязным, но я гладила Айдена по холодному лбу, пропуская пряди через пальцы, прислушивалась к рваному, хриплому дыханию.

Пифия рылась в ящиках, распахивая скрипучие дверцы, звенела склянками. Со спины она все сильнее напоминала Даной.

— ...

— Что? — я нахмурилась. Пифия обернулась, улыбнувшись уголком рта:

— Ты похожа на деда. Такая же наивная и веришь в лучшее.

Я открыла рот, медленно переваривая информацию:

— Ты знакома с моим дедом? — сил удивляться уже не осталось. Рука Айдена становилась все холоднее и легче. Контур тела рыцаря смазался, зарябил и истончился, как весенняя льдинка.

Пифия кокетливо подбоченилась:

— Конечно. Стала бы я отзываться на вопли какой-то девицы, пусть даже ты трижды невеста Мрачнейшего.

Щеки обожгло, то ли стыдом, то ли гневом. Про свадьбу-то я позабыла, все померкло перед страхом, что Айденом уйдет.

— Как он был красив! — мечтательно пропела она, погружаясь в воспоминания. Она смахнула с полки котелок, засыпая в его серебристую пыль. Из длинной, изогнутой бутылки вылила в него вязкую, черную жижу, которая звонко булькала, обволакивая котелок изнутри. Соединяясь с пылью, она издавала свистящий звук, наполняющий хижину. Под котелком из пустоты вспыхнул огонь.

За стенами хижины начиналась гроза. Ветер терзал деревянные перекрытия, которые едва выдерживали яростный натиск, а песчаная буря заволокла окна.

Все новые и новые ингредиенты отправлялись в котел, а Пифия приговаривала над ним, словно читала заклинания. Со стороны она походила на сумасшедшую ведьму: в суете седые волосы растрепались, свешиваясь неаккуратными прядями на лицо.

— Если не успеем, он медленно обратится в гнильца, — пояснила она, зачерпывая странную, светящуюся субстанцию из маленькой, плетеной корзинки. Пифия повеселела, перестала хмуриться, как будто ворожба приносила ей давно забытое удовольствие.

Айденом на моих коленях застонал, выгибаясь дугой. Мышцы болезненно, до разрыва, напряглись, а рана сочилась черной, мутной жидкостью.

— Не так медленно, как хотелось бы, — подумав, добавила Пифия.

— Вы будете лечить его, или продолжим болтать? — сквозь зубы процедила я, пытаюсь

удержать Айдена на одном месте.

Пифия прищелкнула языком:

— Дерзкая, неудивительно, что он выбрал именно тебя.

Странное чувство дежа вю затопило меня изнутри, но у меня не было желания разбираться в собственных ощущениях. Я могу поковыряться в себе уже после, когда Айден будет жив-здоров и в полном порядке.

— Он?

Пифия не ответила. То ли не расслышала, то ли проигнорировала, но как только отвар в ее миске закипел, она радостно хлопнула в ладоши как девчонка. Вариво бурлило и клокотало, на его поверхности вздувались зеленые и синие пузыри. Все это выглядело весьма угрожающе и капельку ядовито.

— Это точно безопасно? — робко спросила я, невольно притягивая Айдена к груди. Ответом на это стало:

— Или это, или следующую свиданку будете устраивать в замке гнильцов.

Сглотив, я качнула головой:

— Действуйте.

Получив карт-бланш, Пифия, расплылась в улыбке, которая почти тут же померкла.

— Не готово! — с досадой проговорила она, касаясь поверхности жижи в миске пальцами. Жижа в ответ недовольно зашипела.

Над равниной Харвингаст грянул гром и засверкали бирюзовые молнии. Мы синхронно вздрогнули. Время время убегало от нас как песок сквозь пальцы: по крупитцам, но ошеломительно быстро. Некогда было пугаться обыкновенной грозы, но в царстве Талла не бывает ничего "обыкновенного".

Айден обмяк и теперь лежал тихо, дыхания не было слышно. Из рваной раны в боку текла черная липкая жижа. Яд гнильцов делал свое дело, превращая храброго рыцаря Талла в гниющий ходячий труп. Черты лица его исказились от боли и мучений, верхняя губа задралась, зубы стремительно чернели, а кожа слезила с лица лоскутами. Тяжкий рык вырвался из его горла. Я задрожала, но не отпустила его руку, хоть длинные синие ногти вцепились в нее до покрасневших царапин.

Умри Айден сейчас от предательской раны чужого клинка, вернуть его было — раз плюнуть, что бы не говорила Пифия. Хранилище бы восстановили, в этом я не сомневалась. Но превратиться в гнильца... Стоило ядовитой крови добратся до сердца, как самый благородный из рыцарей Талла станет другим существом. Потеряет свой облик, потеряет память, и будет жадно рыскать в округе в поисках мяса. Человеческого мяса.

Пифия читала какое-то заклинание нараспев, но мы не успевали. Буря снаружи, внезапная и жестокая, неистовствовала. Смерч, угольно-черный, вырывал с корнем исполинские деревья, врезаясь в стылую землю подобно тарану. Равнина сотрялась, молнии ослепляли. Грохот стоял такой, словно один из мифических титанов вырвался на свободу после тысяч лет заключения. Нет, даже думать не хочу об этом!

Пифия сняла вариво с огня и испуганно запричитала:

— Он будет недоволен, ох, недоволен!

Странно, даже пугающе было видеть выражение безграничного ужаса, поселившееся на этом суровом лице. Не успела я задуматься над этим, как Пифия рванулась вперед и вцепилась в мою руку:

— Нужна твоя кровь!

— Что?!

— Без нее ничего не выйдет! Я бы дала свою, — доверительно прошептала она, склонившись к самому моему уху, — но у меня в жилах только ртуть и морская вода. Нужна твоя!

Хватка была железная. Пальцы Пифии впивались в мою кожу сильнее когтей Айдена, оставляя фиолетовые полосы.

— Давай же!

Один из длинных острейших когтей прошелся по моему запястью и нежно погладил. На лбу выступил холодный пот. Выбор был небольшой, собственно говоря, выбора не было совсем. Либо я спасаю Айдена, либо нет. Меня терзали сомнения, что дело обойдется парой капель, но я знала, что жертва будет совершенно добровольная. Затаив дыхание, я вытянула руку. Пифия хищно заулыбалась, словно пиранья, почуявшая запах свежего мяса. Слепые глаза ее, с отражающимися в них бирюзовыми бликами молний, внушали ужас.

Острый ноготь чиркнул по запястью там, где раньше была метка Мертвой головы, но боли не последовало. Красный росчерк, и кровь каплями покатилась в ловко подставленный Пифией котелок. Жидкость пенилась и шипела, как соляная кислота. От моей крови по ее поверхности пошли радужные круги.

Пифия торопливо дернула мундир Айдена в сторону, освобождая как можно больше места для маневра. Меня замутило, и я поспешила отвернуться.

Она аккуратно зачерпывала пальцами мазь, в которую превратился загустевший отвар, и легко, едва касаясь, наносила на края рваной раны. Я считала про себя минуты, вздрагивая от каждого раската грома.

— Теперь ждем, — шепнула Пифия, жадно разглядывая тело Айдена в поисках изменений. Я зажмурилась: вероятность того, что мазь поможет, была минимальная, я видела это по лицу Пифии. Она сама не верила в собственные силы, но что-то свыше оказалось к нам снисходительным.

Через пару минут все было кончено. Плоть отторгала яд, излечиваясь изнутри, а Айдена перестал метаться в бреду.

И наступила тишина. Буря, сотрясавшая Харвингаст, стихла.

Пифия поднялась на ноги и молча, пошатываясь, удалилась за перегородку. Рыцарь, который по-прежнему хватался за мою руку, как за спасительный плот, захрипел и очнулся. Синие глаза смотрели в пустоту и казались стеклянными.

— На...клонись бли. ближе.

Я послушно подалась вперед, не сводя глаз с бледных потрескавшихся от жажды губ Айдена.

— Что?

У меня остались силы только шептать, боясь потревожить его. За перегородкой то ли плакала, то ли смеялась Пифия, раскидывая в стороны опустевшие склянki. Звон битого стекла напоминал похоронные колокола.

Холодная, почти ледяная рука коснулась моей щеки. Не отдавая себе отчета, я накрыла ладонь Айдена своей, пытаюсь согреть, и улыбнулась. Выглядела я еще той красоткой: зареванная, чумазая.

Бледные губы дрогнули:

— Испытание засчитано.

Между нами вспыхнула алая звезда и юркой кометой взмыла вверх, сквозь крышу в

вечно ночное небо Харвингаст. И рассыпалась там, оповещая, что непутевая невеста Мрачнейшего прошла третье испытание.

Меня захлестнула волна негодования, вполне объяснимого, на самом деле. Гнев вскипел в жилах. Все, что мне оставалось — беспомощно глотать ртом воздух, как аквариумная рыбка, ведь я не могла выплеснуть его на виновника торжества.

Айден секундой ранее растаял в моих руках черным, ночным туманом.

Конец третьей части.

Часть четвертая. Глава 59. Восхождение Невесты

— Что куколка, слинял твой красавчик? — Пифия отвлеклась от методичного уничтожения стекла и отряхнула ладони, усыпанные осколками. То, что Айден рассыпался в моих руках, оставив после себя аромат свежескошенной травы и морской соли, ничуть ее не удивило. Быть может, она удивилась чуть сильнее, останься Айден в хижине. Но до нее мне не было дела: на глазах вскипали злые слезы, от которых перехватывало дыхание.

Ощущать себя преданной в сотый, в тысячный раз, было тяжело. Предательство легло на грудь каменной, неподъемной глыбой, и обида не собиралась уходить.

Конечно, я злилась на Айдена, а кто бы не стал? Но не могла определиться с истинной причиной гнева: то, что он молча страдал от раны, или то, что я оказалась бесправной игрушкой в сложной, многоступенчатой игре, смысл которой до сих постичь не удалось. Интриги, запутанные взаимоотношения между обитателями мира, куча мутных личностей...

— Я Невеста Мрачнейшего, — глухо произнесла я, не находя в себе сил подняться на ноги.

«Испытание пройдено» — в ушах все еще слышался тихий, надрывный голос мужчины, которого я так беспомощно и безответно любила. Да, все три испытания были пройдены, вопреки множеству препятствиям и чужим козням. Я прошла их, оставив позади ядовитые слова До-Ка-Ри, что я лишь одна из тысячи. Преодолела все, чтобы развеять страх Айдена, что я — не та самая. Лишь бы не замечать, что вся моя храбрость — белыми нитками шитая, а я — одинокая девчонка в чужом мире, от которой ждут чего-то невероятного. Кто бы знал, как я устала и как сильно я хочу домой. Войти в дедушкину лавку, услышать его добродушное ворчание и понять, что все это было лишь страшным сном. Но нет, я точно не сплю.

От невеселых мыслей заболел шрам, но руки казались тяжелыми как гранит, и не осталось сил, чтобы их поднять, прижать к горлу и унять боль. Что мне дальше делать? Остаться здесь? Идти к замку?

— Что ты сказала, куколка? — Пифия прикинулась глухой, наклоняясь ко мне и подставляя

вытянутое, острое ухо, торчащее из-под седых прядей.

— Я прошла три испытания. Я — Невеста Мрачнейшего.

Губы едва шевелились, всем весом навалились апатия и усталость. Айден исчез, но тупая боль в сердце осталась. Я вновь ощущала себя преданной и разбитой: испытания-то я прошла, но путешествие не окончено. Бог сна и смерти, мирно дремлющий в замке, уже заждался меня. И только один невысказанный вопрос терзал меня.

— Ты сказала, что знала моего деда. Откуда?

Вопрос застал Пифию врасплох. Она попятилась, скидывая с плеч цветастую шаль и становясь похожей на растрепанного пестрого попугая. Шаль развернулась передо мной, покачивая тяжелыми кистями, и я оказалась очарована ее узором. Широкая спираль сворачивалась, чтобы в самой сердцевине распуснуться огненным цветком.

— Знала, знала, — засуетилась, запричитала Пифия, отворачивая лицо, — но недолго. Очень недолго. Давно это было...

Семеня, Пифия по кругу обходила свои владения. Шаль мелькала перед моими глазами, как будто она пыталась меня зачаровать, заставить забыть о вопросе. Я загостилась, но

Пифия не знала, как намекнуть, что пора уходить. Ее суровый облик никак не вязался с тем, как она нервно двигалась, заслонялась от меня шалью. Танцуя, ее руки перепархивали с места на место, дотрагиваясь до многочисленных статуэток диковинных, угловатых животных и пузатых бутылей, наполненных разноцветными жидкостями, мягко светящимися в полумраке.

Я терпеливо молчала, ожидая внятного ответа, хотя становилось понятно, что Пифия отвечать не спешит. Она старательно отводила мое внимание от чего-то очень важного. Я огляделась украдкой, обшаривая взглядом все полки, сундуки и прочий хлам, которым хижина была забита до отказа. Да где же?

Даже то, как Пифия вертела шалью, оттягивая внимание на малозначительные, но любопытные вещи, такие как сухая ветка дерева с живыми, распустившимся цветами; тонкокостный змеиный череп, издававший едва слышное шипение и еще много всякого, — не смогло меня переубедить.

Кто ищет, тот всегда найдет, и искомое обнаружилось довольно быстро: за рамой зеркала,

покрытого глубокими трещинами, от которых отражение дробилось, появляясь лишь кусками. Пожелтевшая от старости черно-белая фотокарточка, на которой был изображен вполоборота юноша, расплывшийся в улыбке. Эти смеющиеся глаза, запечатленные на карточке, я узнала бы где угодно.

С годами морщин на молодом, цветущем лице прибавилось, буйные кудри улеглись и посеребрились, но глаза остались все теми же, как и в далекой, беззаботной юности.

— Дедушка Лео, — прошептала я, принимая это за добрый знак. Надо было идти дальше, в замок. Пересечь долину Харвингаст, чтобы поставить точку в путешествии, которое растянулось на долгие-долгие недели. В какие-то моменты мне казалось, что я давно забыла, почему согласилась прийти сюда и встретиться с Таллом. Но нет, память о дедушке и родителях, ответственность за миллиарды других жизней, лежала на мне, и я не собиралась никого подводить. Слишком много дорог уже пройдено, слишком много ошибок совершенно, чтобы взять и повернуть назад. Одно я знала наверняка — в свой мир я вернусь совершенно другим человеком.

Мальчишка с фотографии улыбался мне, широко и искренне, как будто читал мысли. Интересно, подумала я мимоходом, так ли выглядел дедушка, когда впервые встретился с Айденом той дождливой ночью?

Заметив, что ее сокровище обнаружено, Пифия оскорбленно зашипела, заслоняя фотографию своим телом.

— Нахалка! Я пустила тебя в свой дом, я помогла тебе!

— Передать ему привет, когда вернусь? — пошатываясь от слабости, но твердо уверенная в своем решении идти вперед, я встала. От подобного предложения Пифия растерялась: на бледных щеках появились яркие пятна, когти впились в плотную ткань шали, в которую Пифия куталась в надежде на защиту. Шумно сглотнув, она пробормотала недоверчиво:

— Как будто он меня помнит.

Глядя в глаза, подернутые молочно-белой пленкой, я дала себе зарок: если вернусь живой и невредимой, обязательно передам дедушке привет. Хотя бы в благодарность за спасение Айдена.

То ли выражение лица Пифии, то ли глубокий встревоженный голос, но меня не

покидала

уверенность: что эта история куда более значительная, чем на первый взгляд.

Быть может, Пифия говорила что-то еще, но я уже не слушала. Дедушкина улыбка на старой фотографии убеждала меня, что я все делаю правильно. Если я — Невеста Мрачнейшего, то дорога у меня одна. Во дворец Талла.

Пифия молча смотрела, как я ухожу: пересекаю порог, оглядывая гнезда птиц-кровавиц, которые изрядно потрепал ураган. И не пыталась меня остановить.

Буря, пронёсшаяся по долине Харвингаст, оставила после себя лишь тишину. Дождевую воду поглотила иссушенная земля, потрескавшаяся от жажды, а тучи медленно расходились, давая совсем чуть-чуть света. Это звезды победно мерцали, радуясь тому, что грозе не удалось сорвать их с небосклона.

— Ну, пошла, — я обернулась через плечо. Пифия, с непроницаемым, суровым лицом, застыла на пороге и комкала в руках шаль.

— Кто же знал, — хмыкнула она, словно выныривая из темной бездны, в которую был обращен ее внутренний взор, — что человеческая девчонка сможет вынести столько потерь и испытаний. Ты спрашивала, вижу ли я будущее?

— Вы не ответили.

— Мне был дан великий дар в момент рождения, множество столетий назад. Моей платой за этот дар стали глаза. Никогда не увидеть свет солнца, никогда не отследить полет птиц... Зато я вижу, как началась эта история. И предвижу, как она закончится. Желаете ли ты узнать?

Какое заманчивое предложение! Мудрая Пифия давала мне выбрать: хочу ли я приоткрыть туманную завесу над будущим? Но, взвесив все за и против, я приняла решение.

— Нет. Ничего же все равно не изменить, верно?

— Мудро. Удачи тебе, девочка, она тебе пригодится.

Я улыбнулась и ступила на дорогу, ведущую к замку. Петляя, она вилась через долину Харвингаст, чтобы привести меня к самому сердцу этого мира.

Очертания замка на горизонте, поначалу нечеткие и размытые, моим единственным ориентиром. Я ощущала себя Элли, которая шагает к Изумрудному городу по дороге, мощенной желтым кирпичом.

Я не сводила с замка глаз, раз за разом прокручивая в голове каждую минуту своего пребывания в мире из дедушкиных сказок. Как будто с лица сорвали вуаль, заслонявшую обзор, и теперь я видела все отчетливо и ясно.

Дедушка сочинял сказки, чтобы развлечь пугливую, вечно хнычущую внучку. Девочку со светлыми хвостиками, на которую только у него хватало времени. Он усаживал ее на колени и рассказывал истории, каждый день — новую, и ни один вечер не обходился без сказочного ритуала. Кто-то из знакомых, узнав об этой традиции, посоветовал написать книгу для детей, но дедуля Лео наотрез отказался. Говорил, что ему достаточно одного, самого верного, слушателя.

Годы шли, а сказки не иссякали. Откуда дедушка брал сюжеты и вдохновение? Давно знакомые персонажи появлялись в них наравне с новыми, а приключения не заканчивались. Я равнялась на тех, про кого рассказывал дедушка, и мечтала оказаться в сказке, чтобы бок о бок пройти все испытания, выпавшие на долю дедушкиных героев.

Такой шанс мне выпал, и что из этого вышло?

Грязная и усталая, я едва волокла ноги. И слезящимися от пыли глазами наблюдала, как замок медленно и неотвратно приближается. А потом, в одно мгновение, он вырос передо мной: величественный и ужасный. Я видела и каменные ступени, ведущие в дружелюбно распахнутые двери, и смогла различить огонь, ярко полыхающий в чашах сигнальных башен. В толще темного, матового камня, из которого был выстроен замок бога сна и смерти, были вырезаны символы: кости, звезды, треугольники и спирали. Каждый из них хоть раз, но встречался на моем пути. Кости — в костяной тюрьме и в

замке Многоликой Аоры; звезды — на галстукке Колияра — Синего хитреца и в хижине Даной; треугольник — Пифия, спасающая жизнь мне и Айдену. И спирали — маска Вилфа Красноглазого.

Разве это не знак, что путешествие заканчивается? С чего все началось и продолжалось, тем и закончится. Таков закон жизни.

Замок был окружен тьмой, тоской и тишиной, от которых сжималось сердце. Деревья, стоящие у главного входа, устремили к небу голые, черные ветви, а опавшая листва покрывала ступени плотным ковром. Они хрустели под моими ногами, когда я медленно, шаг за шагом поднималась по лестнице.

Перед тем, как нырнуть под арку и войти, наконец, во дворец, я помедлила. А вдруг меня там ждет ловушка?

«Какая разница» — ворчливо пробормотал внутренний голос, так похожий на дедушку Лео. «Ты же уже здесь?»

Веро, поздно отступать. Пора было покончить с этим.

— Добро пожаловать! — грянул сонм голосов, застигая меня врасплох. Неподвижные фигуры, затаившиеся в темноте, которые я, пересекая порог, поначалу приняла за каменные статуи, оказался почетным караулом рыцарей Талла. Я сделала несколько шагов вперед, в упор разглядывая незнакомые лица. Все юные, все прекрасные, как на подбор. Череди рыцарей при полном параде, в блестящих нагрудниках, выстроились в две шеренги по обе стороны от прохода. При моем появлении они склонили головы, прижимая правую руку к сердцу:

— Приветствуем э'лантем, истинную Невесту Его Мрачнейшего Величества Талла! — пафосно произнес один из рыцарей, давая отмашку. Десяток мечей взметнулись в воздух, создавая коридор, по которому мне предстояло пройти.

«Элант'ем» значит "предреченная». Разговор с Шартиар в храме глубоко под землей еще был свеж в памяти.

Я и шла, жадно заглядывая в лица рыцарей, в надежде обнаружить знакомые черты. Но ни Шартиар, ни Виллана, ни даже Руца там не было, а про то, чтобы увидеть Айдена даже думать было больно. Я все еще ощущала на ладонях тепло его тела, которое рассыпалось туманом и пропало.

Широкий холл ввел дальше, в широкий зал под витражным куполом, через который лился яркий звездный свет. Проникая сквозь витражи, он разбивался на несколько отдельных лучей, которые подсвечивали прямоугольный предмет в самой середине зала. При взгляде на него, сердце испуганно забилося, как птица в тесной клетке. Хрустальный гроб, точь-в-точь как в Хранилище Сердец, я узнала издали. Прозрачный, прикоснись — и рассыпется. И не смогла к нему подойти, как будто натыкалась на невидимую стену. Только та стена была порождением моего собственного разума.

— Что же ты, трусишь? — мягкий и очень знакомый голос коснулся моего уха.

Поочередно рядом с гробом полукругом возникали фигуры: одна, вторая, третья. Руц, Шарттиар и Виллан. Нагрудники сверкают, а лица возвышенные и серьезные. И затем, чуть помедлив, из воздуха соткалась еще одна фигура. Распущенные темные волосы, руки покоятся на рукояти обнаженного меча, устремленного в пол. Синие глаза безотрывно следили за каждым моим движением. Я сглотнула, чувствуя, как дрожат колени. Я разрывалась между желанием кинуться Айдену на шею и хорошенько отхлестать его по лицу. И второе желание перевешивало. Да еще и хрустальная усыпальница, заполненная до краев мелкими розами, чьи лепестки отливали цветом полных сумерек. Я уже видела их!

Шарттиар шагнула вперед, вставая между мной и усыпальницей Талла. Блеснули очки в металлической оправе, отражая звездный свет, льющийся через витраж купола.

Взволнованный, хриплый голос взмыл ввысь, отражаясь от древних стен:

— Три испытания пройдено! Пророчество исполнено!

Щелчок пальцев, и с громким скрежетом пришли в движения секции витража. Цветные стекла менялись местами, создавая новую картинку и рассказывая историю. Мою историю. Запрокинув голову, я смотрела как витраж рассказывает о моих приключениях и ошибках.

Зверь и девушка, защищающая подругу посреди леса. Молчаливое противостояние, которое закончилось бегством Зверя.

— Невеста Его Мрачайшего Величества должна быть храбра, и первое испытание Лиззет выдержала с блеском. Ценой угрозы своей жизни она защитила меня, тем самым первое испытание было засчитано, — в голосе Шарттиар прибавилось торжественности. Я кусала губы, чтобы не высказать свою точку зрения, но правда была на стороне рыцарей. Первое испытание было подстроено ими, Айден и не скрывал это в свое время. Но остальные...

— Та Самая, которую мы искали долгими годами, обязательно будет соперничать своим подданных. И второе испытание пройти для тебя не составило никакого труда.

Снова заскрежетали панели, вырисовывая очертания Северного острова, утонувшего в подступившем тумане. Маленькая фигурка, застывшая на берегу, была Вальдом, который, наконец, обрел свой давно потерянный дом.

Не составило никакого труда?! Я покрепче стиснула зубы, от греха подальше. Если устроить скандал, ничего не поменяется. Пускай считают так, как удобнее им.

— Девушка, которой суждено стать королевой, не сможет оказаться в стороне, если от нее зависит чужая жизнь. Третье испытание...

Я зажмурилась, чтобы не видеть, как витраж показывает события, которые я бы хотела забыть. Бледный, расхристаный Айден на моих коленях, и из моего запястья в подставленную миску льется темно-красная, почти багряная кровь.

Тогда это было моим искренним желанием — спасти Айдена, помочь ему. Но сейчас стыд затопил меня изнутри, и я не могла найти этому причины.

— Тут нечего стыдиться, Лиззет, — мягко произнесла Шарттиар, подходя ко мне и протягивая руку, — ты избранная. Позволь, я представлю тебя твоему жениху.

Не сводя глаз с хрустального саркофага, я старательно подбирала слова: что я скажу Таллу, когда окажусь с ним лицом к лицу? Как мне убедить его, что мне будет лучше в своем мире? Ведь я не смогу остаться здесь, где мне причинили так много боли. От волнения перед глазами встала пелена, и я едва видела куда иду. Уткнувшись взглядом в пол, я позволила Шариару вести меня, как тряпичную куклу.

— Ты прошла столько дорог, чтобы встретить свою судьбу. Помнишь ли ты, что она неумолима? И что она лучше знает, что нам нужно? — Шартиар стиснула мою ладонь в своих пальцах, сигнализируя о том, что самый главный и самый долгожданный для многих момент настал. Она цитировала слова моего дедушки, которые въелись в память с самого детства, но я уже не удивлялась.

Я ждала, но не было ни скрипа хрустальной крышки, ни шороха розовых лепестков. Ровным счетом ничего.

Ничего не понимая, я подняла глаза. Шартиар подвела меня не к хрустальной усыпальнице, о нет. Я стояла напротив Айдена, который улыбался, тепло и радостно. Так радостно, что в животе у меня скрутилась тугая спираль, а дыхание сперло до боли.

Черный, поглощающий звездный свет мундир, только нет серебрянной звезды, отданной в плату Мирошнику. Айден выглядел точь-в-точь как в нашу первую встречу. Отражение в луже не соврало. Рыцарь протянул мне руку, и от улыбки шрам на переносице стал темнее и четче.

— Здравствуй, Лиззет.

Глаза его в полумраке горели синим огнем.

Часть четвертая. Глава 60. Невеста Лжеца

— Я ничего не понимаю, — попятившись, я вырвала свою руку из пальцев Шартуар, которая только горестно вздохнула, словно ничего другого и не ожидала от меня. Мысли смешались в один огромный пластилиновый ком, в голове царила сушая неразбериха. Сердце в груди колотилось, что тоже не способствовало здравому поведению.

Неужели они узнали о моих чувствах, и это злой и жестокий розыгрыш?

Радость, освещавшая лицо Айдена внутренним светом, исчезла. И на ее место пришла горькая вина.

— Где Талл? — дрожащим голосом спросила я, обхватывая себя руками за плечи, чтобы сдержать дрожь. Нет, хватит! Сколько можно?!

Рыцари переглянулись, словно делили одну тайну на всех, которой вот-вот суждено стать открытой, но никто не решался сделать первый шаг. За них ответил Айден.

— Я Талл, — Айден вскинул голову, становясь на миг пугающе серьезным. Лучи света, проникающие через витраж, окрасили красивое, строгое лицо в багрянец. Голос его, отраженный стенами, двоился и оглушал, отчего по заливку побежала стая испуганных мурашек. Рука Айдена легла на крышку хрустальной усыпальницы, без усилия сдвигая ее в сторону.

— Он Талл. Мы — Талл.

Дрожа всем телом, я бросила взгляд на лицо мужчины, мирно дремлющего на дне саркофага. Безмятежное лицо, руки сложены на груди. И черные розы, вечно свежие и прекрасные, усыпавшие его тело до ключиц. Они были точно такого же оттенка, как и те, что укрывали Айдена в Хранилище Сердец. Картинка сложилась с громким хрустом, — это разбилось мое сердце.

— Вы близнецы, — проговорила я, одновременно и понимая все, и окончательно запутавшись в паутине чужой лжи. Становились понятны намеки всех встреченных, которые удивленно смотрели на меня, когда я начинала говорить про Талла в присутствии Айдена. То-то они повеселились, глядя на наивную человеческую девчонку, которую так просто оказалось обмануть.

Виллан, не выдержав гнетущей тишины, шагнул ко мне, простирая руки:

— Лиззет, они не просто братья. Они — две половины единого целого. Вспомни дедушкины сказки, ты ведь знаешь это? Как звали в них бога сна и смерти?

— Мориус, — имя само всплыло в памяти, но я покачала головой, отвергая его слова. Он пытался уверить меня в своей правоте, но я стояла на своем. — Но какое отношение к этому имею я. и Айден?

Виллан болезненно сморщился, словно я причинила ему невыносимую боль. Мало было радости в том, чтобы убеждать меня в том, что все, что случилось со мной в этом мире, имело смысл. А имелся ли смысл, когда мне всю дорогу лгали?

— Когда она умерла, я был безутешен, — Айден отстранил Виллана, решив самому держать слово. Зря он это сделал, ведь из трещины в моем разбитом сердце сочились яд и презрение, особенно к нему. Все, что он говорил, я пропускала через призму перенесенного предательства. Конечно, я вела себя по-детски, но я не могла иначе.

— Безутешен? Разве у такого мерзавца как ты есть чувства? — мне было больно, я пыталась ужалить его как можно сильнее. Все, что я знала ранее, рушилось, и стоя на

обломках, я пыталась понять, как мне жить и вести себя дальше.

— Да. И вместе со мной страдал Мориус. Не только потому, что у нас одна сила на двоих, но и потому, что Верелл была ему самым близким другом...

— Но Верелл был мужчиной! Я помню из дедушкиных сказок!

— И что же в них говорилось? — Айден взглянул на меня с такой тоской, что сердце заплакало ядом еще горше. — Что после смерти Верелла, Мориус погрузил свои владения в вечный мрак?

"...В день, когда почил его самый любимый герой, юноша Верелл, с сердцем храбрым, но чутким, безутешный в своем горе бог Мориус приказал потушить солнце.

— Не достойно оно, — раздавался его громopodobный голос над всеми равнинами и горами, океанами и пустынями, — светить, раз этот достойный муж покинул нас.

И погасло солнце, и воцарилась ужасающая мгла. Землю окутал туман и стужа, гиб скот, горевали люди. Смотрел Мориус на плачущих подданных своих, и плакало сердце его..."

— Да, — еле слышно ответила я, понимая к чему он клонит. Дедушка исправил сказку, сделал ее не о великой любви, а о дружбе, что, в принципе, тоже было правдой. Рассказал лишь кусочек правды, скрыв все остальное. Сейчас я понимала, что дедушка Лео скрывал от меня многое — например, то, отчего его фотография занимает почетное место в доме Пифии. Или отчего он так много знает про этот мир.

— Верелл была прекрасна. Я любил ее так, что при взгляде на нее мое сердце начинало биться в два раза быстрее. Мориус и наши подданные души в ней не чаяли. После того, как она покинула меня, я поклялся найти ее, сколько бы времени не заняло ее возвращение. Я поклялся найти тебя.

Я вздрогнула, делая еще шаг назад. История принимала какие-то невиданные повороты, и от волнения и смертельной обиды меня стало мутить. Копия Айдена, Мориус, невинно дремал на дне хрустального саркофага, даже не зная, какая драма разворачивается совсем рядом. Шартиар опустилась на колени, нерешительно дотрагиваясь до сложенных рук Мориуса. Она смотрела в ему в лицо с такой любовью и печалью, что и столетия не хватило бы, чтобы измерить глубину этих чувств. Слезы текли из изумрудных глаз, скатываясь на черные лепестки первой росой.

— Любовь моя, — она прикоснулась к бледному лицу Мориуса, не прекращая беззвучно плакать, — вернись ко мне!

Айден вновь подал голос, обращая мое внимание:

— Наши силы стали иссякать, и Мориус вспомнил про дар, который он преподнес Верелл перед нашей несостоявшейся свадьбой. Он потратил последние остатки своей мощи, чтобы зачаровать хрустальное яблоко, ставшее компасом в моих поисках. Пророчество его гласило, что стоит яблоку разбиться в руках юной девы, то значит Верелл вернулась ко мне. К нам.

— Зачем же ты создал еще несколько сотен таких же яблок? Чтобы запутать самого себя?

Айден горестно вздохнул, устав от объяснений, которых нельзя было избежать:

— Вилф. Набирая власть и мощь, пока я был без сил, а Мориус погрузился в сон, Вилф оказался не готов к тому, чтобы все потерять. Красноглазый поклялся уничтожить яблоко или Невесту, если такая объявится. Тогда я создал копии, чтобы увести его внимание от истинного яблока. Того, что хранилось в лавке твоего деда. Я узнал его в тот вечер, когда он

приютил меня во время дождя. Мы созданы друг для друга, Лиззет, ты не можешь этого отрицать.

Быть может, так оно и было. Но оставался один, немаловажный, фактор. Он мешал всю эту красивую сказочку про потерянную и обретенную любовь, с грязью, от которой ни мне, никому уже был не отмыться.

— Ты лжец, — процедила я сквозь стиснутые зубы, глядя прямо в синие глаза. В душе не было ничего, кроме пустоты. — Верни меня назад. Верни дедушку и остальных. Немедленно!

Айден грустно покачал головой, разводя руками. Его до ужаса виноватый вид вызывал у меня только отвращение.

— Я не могу. Последнее, на что у меня хватило сил, уничтожить Мертвую Голову с твоего запястья. Теперь я практически смертный.

— Почему я должны тебе верить? Аора ведь предупреждала, что я предназначена в жены лжецу. Жаль, что я ее не послушала.

Айден содрогнулся, как от пощечины, каждое мое слово било в болевые точки, но он не сдавался:

— Согласись стать моей женой — и все будет. Наши силы вернуться, Мориус проснется, а смогу расколдовать Лео.

Я прищурилась, даже мысленно продолжая сражаться. Да, возможно, я проигрывала, но уверенности в собственной правоте меньше не становилось:

— Это шантаж, ты в курсе? Если я — Невеста, то зачем был весь этот фарс?! Зачем я, стирая ноги, прошла столько дорог? Зачем я пролила столько крови?

От его ответа по моему лицу потекли слезы — последняя капля переполнила чашу моего морального состояния:

— Надо было убедиться, что ты — Та Самая. Я очень боялся ошибиться.

Я утирала слезы рукавом, а они продолжали катиться и заливать лицо. Столько лжи, столько боли. И для чего?

— Куда ты?! — воскликнули одновременно Руц и Виллан, когда я развернулась, чтобы уйти.

— Сваливаю, — зло огрызнулась я, выпуская всю ярость, которая меня душила, — счастливо оставаться.

Я не понимала, куда я иду. Но мне надо было уйти, да поскорее, пока тихие рыдания не перешли в истерику.

Каменная плита, на которую я ступила, без звука лопнула, осыпав меня дождем гранитной крошки. Как в замедленном действии я смотрела, как по замку проходит взрывная волна: как трескаются вековые стены, плиты пола выгибаются дугой, и как с тихим звоном разбивается витраж, а смертоносные осколки летят вниз, прямо на рыцарей, Мориуса и Айдена.

— Нет! — я дернулась назад, но упала, больно обдирая колени и щеку о гранитные осколки. Моя нога провалилась в щель между разбитых плит, и я могла биться сколько угодно — без посторонней помощи выбраться мне не удастся.

— Айден, мой милый Айден, — пропел знакомый голос над головой. Вилф, появившийся из неоткуда, склонил голову к плечу, словно сожалел о разгроме, который устроил. То, что это именно его рук дело, не подвергалось никакому сомнению.

— Без брата и любимой ты всего лишь пыль под моими ногами. Даже уничтожив

Мертвую Голову, ты не смог избавиться от ее магии.

Сквозь поднявшееся облако пыли мне было плохо видно, но я смогла различить миниатюрную фигурку, распластавшуюся сверху на хрустальном саркофаге Мориуса: Шарттар закрыла любимого своим телом. В ее спине, пробив насквозь нагрудник, переливался десяток разнокалиберных осколков.

— Даже твои жалкие потуги ничего не изменили, — к ногам Айдена, охваченного клубами пыли, упала покореженная серебряная звезда. — То, что она появилась здесь с невидимой меткой на руке, дало и мне пропуск. До такого ты не додумался, правда?

Тихий, торжествующий смех Вилфа прорвал визгливый голос из темноты:

— Может, закончим уже начатое?

До-Ка-Ри пробиралась через портал, который походил на открытую, сочащуюся рану.

Красноглазый дернул плечом, но стерпел дерзость. Наперерез До-Ка-Ри бросился Виллан, на ходу извлекающий меч из ножен. Лицо его было залито кровью из глубоких порезов, а рыжие волосы слиплись острыми иглами.

— Привет, сестренка! — воскликнул он, взмахивая мечом. До-Ка-Ри едва успела подставить посох под острие, чтобы не быть разрубленной от плеча до пояса.

В ответ она ядовито зашипела, змеей выворачиваясь из-под череды ударов, которые наносил Виллан, ничуть не запыхавшись:

— Надо было давно убить тебя, братец. Всяко лучше, чем видеть твою оскорбленную рожу!

Портал, будучи распахнутым настежь, выплевывал все новых и новых врагов. Иллюзионщики брели вперед, размахивая руками, и зал наполнился миазмами гнили. Из-под земли вырастали плоды их магии — отвратительные, с оскаленными мордами, призванные существа походили на тех, что приходят в самых страшных снах.

Серая сухая кожа трескалась, когда кто-то из иллюзионщиков чересчур активно выписывал руками круг, чтобы призвать очередное ужасное создание.

Натиск иллюзионщиков и их миньонов сдерживал Руц. Вращая кистью, он превращал их в мешанину из лохмотьев и плоти. На помощь ему уже спешили остальные, безымянные рыцари. Но их было слишком мало — в портале, стремясь прорваться на эту сторону, толкались плечам и щелкали зубами прибывающие враги.

Но что же Айден ничего не предпринимает? Я подняла голову, ненароком обращая на себя внимание Вилфа.

— Здравствуй, цветочек! Спасибо за помощь.

Хоть маска и скрывала его лицо, я поняла, что он подмигивает. Глаза за маской горели тлеющими углями, и при мысли о том, что именно я виновата в разрушении замка и в том, что власть вот-вот сменится. Кровавым и жестоким путем.

— Как только я закончу с этими двумя, — небрежный кивок в сторону Мориуса и Айдена, заставшего безмолвной статуей, — я разберусь и с тобой. Обещаю.

Я вскинула голову, отыскивая силуэт Айдена. Он как стоял, опираясь на меч, так и остался стоять. Смертоносные осколки лежали вокруг него ровным кругом, словно не смогли пробиться сквозь защиту. Лицо — бесстрастное, почти безразличное, тогда как вокруг творился форменный кровавый кошмар.

Виллан пропустил тычок в бок, выбивший воздух из легких. На нагруднике от удара осталась вмятина с аккуратной точкой в середине, из которой тонкой струйкой брызнула темная кровь. Рыжие волосы До-Ка-Ри стояли дыбом, а тело дрожало, то и делалось

оборачиваясь темной тенью, с вращающейся бирюзовой сферой вместо сердца. Виллан покачнулся, хватаясь за бок, захрипел.

— Теперь точно сдохнешь, братец! — торжествующе расхохоталась она, примеряясь для контрольного удара.

Руца теснили к выходу, и маленький отряд рыцарей понес потери. Один из них уже лежал на полу, под ногами сражающихся. Белые волосы пропитались вязкой кровью и закрывали лицо.

Но Айден смотрел только на меня. Звуки битвы нарастали, от криков боли и торжествующих воплей иллюзионщиков, от рычания их чудовищных миньонов, мне хотелось плакать. Он знал, что ничего не изменится, если он вступит в бой. Разве что окажется убитым быстрее, чем планирует Вилф.

Красноглазый, держась выше кипящей битвы, приблизился к Айдену и теперь развлекался тем, что обстреливал того мелкими клубками огня. Гранит под ногами Айдена крошился, дробился, но тот даже бровью не вел. Лишь смотрел, как его подданные сражаются, а в синих глазах плескалась боль.

Все зависело от меня. Но согласиться стать его женой равно остаться в этом мире навсегда. Откажусь — мы умрем. Все, до единого. Щиколотка, зажатая между гранитными плитами, пульсировала болью. Болели и шрамы, которых на моем теле был не один десяток. Я скучала по своему миру, по всему, чтобы было мне дорого. Но профиль Айдена, отчаявшегося, но не сломленного, был для меня дороже всего остального. Пришло время в этом признаться, хотя бы самой себе. Он лгал мне, он манипулировал мной, он...

— Я согласна!

Крик потонул в суете и хаосе битвы и ничего не произошло. Я распахнула глаза, испуганная, что уже поздно. Вилф все также издевался над Айденем, оттягивая самый сладкий момент своей победы.

А потом... Время замерло и обратилось вспять.

Часть четвертая. Глава 61. Последняя битва

Возможно, мне лишь показалось, что время обратилось вспять, но на какое-то время оно замерло вокруг меня ледяным коконом. Холод прошел сквозь меня — пощипывая кожу, оставляя на ней отчетливый след инея. Гомон в разрушенном зале стих резко, словно кто-то на минимум выкрутил рычаг громкости, и это было самым явным признаком, что произошло что-то значительное. Не только для меня, но и для всего этого мира, который уже долгое время балансировал на краю пропасти. Не было других вариантов, либо вернуть сияние былой славы, либо окончательно рухнуть во тьму.

Я не пыталась стать героиней, показательно пожертвовав собственной свободой ради тех, кому угрожала опасность, вовсе нет. Пускай я уже не верила в благополучный исход, все равно продолжила следовать зову своего израненного, разбитого сердца. Это была последняя попытка сделать правильный выбор.

— Маленькая дрянь, — Вилф медленно, угрожающе развернулся, едва не захлебываясь ядовитым шипением, — давно пора было перерезать тебе горло!

Маска пошла волнами, спирали закрутились в яростном танце, повинувшись щелчку пальцев Вилфа. Воздух вокруг колдуна заискрился от мощи, которую он едва сдерживал в своих ладонях от ярости.

— Уже пытался — ничего не вышло, — храбрости хватило лишь на то, чтобы вяло огрызнуться, потому что последняя надежда покинула и меня, и всех рыцарей, который отходили ближе к Айдену, застывшему в отдалении. Они признали поражение и не хотели продолжать бесполезный, кровавый бой. В их усталых глазах читалось решение погибнуть, защищая Айдена и только его.

Вилф потянулся ко мне — я видела, как ко мне приближается рука, с аккуратным до ужаса

маникюром. Было в этом что-то жуткое, особенно когда алые искры проскакивали между

скрюченных от злобы пальцев. Не было в нем ничего от мягкой насмешливости копии - Мирошника, его тугих кудрей и низкого, бархатного голоса. Была только жгучая ненависть,

способная испепелить всех вокруг.

Вспышка света разлилась по разрушенному залу с силой штормовой волны, и темный матовый силуэт Айдена был выжжен на этом сияющем полотне. Вспышка была такая яркая, что проникала под кожу, въедалась в кровь. Всепоглощающий жар, возникший у самого сердца, сводил с ума своей силой — дыхание сперло, мысли смешались.

Громopodobный голос, идущий откуда-то извне, сотряс замок до основания:

— Защищать ее! Защищать даже ценой своей жизни.

Те рыцари, что еще могли стоять на ногах, замерли — смутная радость проступала на лицах, покрытых брызгами чужой крови. А когда первые мгновения ликования прошли, рыцари выстроились в замкнутую цепь, оставляя меня в середине. Никто из них не помогал мне выбраться из каменной ловушки, они с холодной решимостью смотрели на Вилфа и иллюзионщиков. Обнаженные мечи, измазанные кровью, обещали любому, кто хоть приблизится ко мне, быструю, но мучительную смерть.

Вилф отскочил в сторону, звонко цокнули о гранит каблуки. — Думаешь, меня сможет

удержать жалкая кучка воинов? Да я...

Он не успел договорить. Оглушающий свет обернулся плотным облаком темной энергии, которая трещала и плевалась искрами, не выдерживая натиска собственной мощи.

Облако заволокло Айдена, скрывая его от чужих глаз, но свечение верного меча, которое напомнило клинок изнутри, пробивалось даже сквозь это марево.

Айден, увлекаемый силой, взмыл вверх и завис, вбирая в себя то, что было давно потеряно.

Вилф сделал его пару нервных прыжков сторону:

— Не может быть! — злобно выплюнул он, вновь начиная двигаться. Гранитные плиты, на которых он касался хотя бы краем плаща, незамедлительно взрывались изнутри. Словно сам замок не терпел его присутствия внутри — Вилф не успевал соткать заклинание, чтобы спастись от настойчивой магии.

— Да будь бы проклят, Айден! — истошно возопил колдун, подсакивая на месте и зависая над полом. Там, куда падала его долговязая, тощая тень, гранит ходил ходуном.

Тьма, окутавшая Айдена, постепенно исчезала. Она впиталась в его тело, сила возвращалась к хозяину. Он остался все тем же, только в глазах сверкали молнии, а каждое движение наполнилось мощью. Позволив последней капли энергии скользнуть по виску, Айден сделал шаг, прислушиваясь к себе. Руки его немного подрагивали, как будто откликались на усилия, которые Айден прикладывал, чтобы укротить вновь обретенную силу.

— Как будто заново родился, — пробормотал он, поднимая руки к лицу. Меч, замерший в воздухе перед ним, требовательно зазвенел, требуя отмщения.

Айден с усмешкой привычно перехватил рукоять поудобнее, поворачиваясь к Вилфу лицом. Маска скрывала эмоции колдуна, но злоба, переполняющая его, могла бы сбить с ног кого-угодно, но только не Его Мрачайшее Величество.

— Хочешь помериться силами, Вилф? — меч Айдена со свистом совершил полный оборот, а мягкое сияние лезвия отбрасывало на стены всполохи. Стоило иллюзионщикам оказаться на пути солнечных зайчиков, как они с истошными криками пытались скрыться во тьме сумеречных углов.

— Уничтожу тебя щелчком пальцев, — хмуро отозвался Вилф, но уверенности в его голосе не было ни капли. Он перебирал воздух тонкими, паучьими пальцами, отказываясь принять, что битва проиграна. Такие как Вилф никогда не мирятся с неудачей. Любой проигрыш для нас — лишь повод утроить усилия. В животе свернулась тугая пружина дурного предчувствия.

Да, рыцари, окружавшие меня непреодолимой стеной, в нагрудниках, забрызганными кровью, были готовы лечь костями за свою некоронованную королеву, но Красноглазый был слишком коварным, чтобы так просто сдаться. Я готова была побиться об заклад, что он уже измышлял способ нанести на последок как можно больше вреда. Он был слишком близко — алые глаза пульсировали, как раскаленные угли. Можно было даже рассмотреть потеки краски на маске, которая покрылась мелкими трещинами от злобы, которая распирала Вилфа изнутри. Самое главное было очевидно: Айден вернул силы, игра была окончена.

Айден двинулся вперед, и каждый его шаг откликался ощутимой дрожью. Я прижала ладонь к гранитной плите, чувствуя, как она вибрирует, а вместе с ней дрожала и я.

Проходя мимо, Айден ласково коснулся спины Шарттар ладонью. Страшные раны

затягивались, а осколки осыпались на пол, хрустя под ногами моего супруга. Супруга? На миг я ужаснулась своим мыслям. Пускай я и сказала заветное "я согласна", видеть в Айдене мужа было пугающе... Могущественный бог, в ком была заключена мощь, управляющая смертью и сном, и человеческая девочка, попавшая в переplet. Разве может быть что-то более нелепое? Но при одном взгляде на красивое, холодное лицо, синие, синие как морские глубины, глаза и развевающиеся темные волосы, я становилась до одури счастливой. Я злилась на него за все, что он сотворил со мной, за ложь и манипуляции, но любовь — как сорняк. Цепкими корнями врастает в сердце так, что вытащить ее можно только с мясом.

Не знаю, быть может Айден услышал мои мысли, но та улыбка, которой он меня походя одарил, была полная любви и благодарности. И от ее тепла мне стало тошно, ведь пружина в животе резко разжалась, причиняя боль.

Вилф не был бы Вилфом, хитроумным и жестоким, если бы не умел использовать любую подвернувшуюся возможность. Ему хватило краткого мгновения, когда взгляд Айдена был направлен на меня, чтобы сотворить заклинание. Оно врезалось в цепь рыцарей, раскидывая их в стороны, как кегли. Красноглазый, издав ехидный смешок, опустился на землю и присел рядом со мной на одно колено. Испуганные иллюзионщики во главе с До-Ка-Ри сбились в кучу, даже не пытаясь нападать. Они следили за Вилфом, который должен был выдрать победу из наших рук зубами.

— Однажды ты смогла ускользнуть от смерти, цветочек, — ласково произнес он, склоняя голову к плечу, — второму разу не бывать.

— Не трогай ее! — сиреневая плеть огня пронеслась в сторону Вилфа, но он не глядя отбил ее ладонью. Айден чересчур осторожничал — боялся задеть меня, и атака была неудачной. Удушливо запахло горелым мясом — кисть колдуна обуглилась и почернела, но, казалось, он даже не обратил внимания. Громкий щелчок пальцев, и красная с искрой стена встала между нами и Айденем, и сколько тот не бился в нее, разбрызгивая вокруг магию, она даже не трескалась.

— Ты не сможешь, Айден, — Вилф тяжело дышал, запрокидывая над головой здоровую руку. Блеснуло лезвие ножа, того самого, который не так давно едва не стал причиной моей гибели. Ритуальные руны, покрывавшие его лезвие, еще были заполнены моей кровью, которая со временем обернулась бурыми хлопьями. В груди что-то заныло и оборвалось. Ну, вот и конец.

Айден бы не успел. Все, что требовалось — резкий и сильный удар, который бы положил мне конец. Умри я — сила Айдена исчезнет, на это Вилф и рассчитывал.

Наивная, вечно испуганная девочка, которой я была недавно, замерла бы как мышь перед змеей и покорно ждала своего конца. Только этой девочки давно не существовало. Как и страха перед Вилфом Красноглазым.

Я подалась вперед, приближая свое лицо к аляпистой, слишком яркой маске, которая теперь мне казалась смешной:

— Не надоело? Эту битву ты уже проиграл. Уходи.

Битва взглядов продолжалась несколько минут — я не отводила глаз, не находя в себе страха. Напряжение трещало между нами искрами. Айден пытался пробиться сквозь защиту, но даже его сил, сил бога, не хватало. Вилф все еще был слишком силен.

Нож задрожал в пальцах, Вилф хмыкнул, первым отводя взгляд. Решение, которое он принял, было тяжелым, но ожидаемым. Лучше быть проигравшим, но живым, нежели

мертвым упрямым.

— Жаль, но этот мир, верно, сделал тебя другой. Надо было в прошлый раз удостовериться, что ты мертва. Хорошо, я уйду, цветок, но я еще вернусь.

Он мог говорить, что угодно, правда была на моей стороне. И я молчала.

Благоразумно не снимая защиты — она преследовала его непробиваемым щитом, Вилф приблизился к До-Ка-Ри и подал знак отступить. Та бесновалась, шипя как кошка, которой наступили на хвост. До меня доносились лишь обрывочные фразы ее истерики, но общий смысл был ясен:

— Она должна тебе! Прикажи... убей... пусть сдохнет, Вилф!

Не произнося ни слова, Вилф щелчком пальцев заставил Повелительницу Душ замолчать. До-Ка-Ри обмякла, сползая к его ногам. Перекинув девицу через плечо, он самым первым шагнул в портал — за ним потянулись десятки иллюзионщиков с поникшими плечами. Серые хламиды были изрядно потрепаны мечами рыцарей, иллюзионщики сталкивались плечами и локтями, стремясь как можно скорее ускользнуть из замка.

Я не могла поверить собственным глазам — неужели все кончится... вот так просто?

— Он еще вернется, — сквозь зубы бросил Руц, опускаясь на колени рядом с Вилланом. Тот тяжело дышал, пытаясь содрать с себя нагрудник и добраться до раны, которая все еще лениво кровоточила.

— Сколько мне осталось? — прохрипел он, закатывая глазами. Руц, мельком осмотрев рану, лишь сурово бросил:

— Жить будешь.

Этого было достаточно. Виллан расслабился, перестав терзать доспехи. Рыжие волосы, измазанные в крови, исполосованное лицо и тяжелые дыхание — выглядел он неважно, меня оторопь брала, когда представляла, что все могло закончиться еще хуже. Убитый рыцарь, одиноко лежавший среди гранитных осколков, медленно становился прозрачным и таял, как мираж с наступлением ночи. Хранилище Сердец будет восстановлено, подумала я, словно заглядывая на в столь далекое будущее, он еще вернется на службу.

С хрустом портал сомкнулся, и зал погрузился в тишину, только трещали осколки заклинаний, медленно исчезая. Защита, сотворенная Вилфом, испарилась вместе с создателем, и уже ничто не мешало Айдену в одно мгновение оказаться рядом, легко откидывая в сторону гранитную плиту, придавившую мою ногу.

Я смутилась, не в силах прогнать неловкость, которая поселилась в ладонях, плечах, коленях. Даже встав на ноги с помощью Айдена, который трепетно придерживал меня, прижимая к себе, я не смогла заставить себя взглянуть ему в лицо. Наверное, я должна была радоваться? Да, я была рада, что долгое приключение закончилось. И победа была одержана, и никто не погиб. Но...

— Ты же понимаешь, что нам надо поговорить? — произнес Айден, не сводя глаз с моих губ, словно собирался меня поцеловать. Не знаю откуда, но в его голосе появились властные, звенящие нотки. Вернув себе силу, он лишь с виду оставался тем, с кем я была знакома. А внутри что-то неуловимо изменилось. Но если смотреть шире — разве тот Айден, с которым я познакомилась, был настоящим?

— Это действительно нужно? — чужие руки, обхватившие меня за талию, обжигали даже сквозь одежду. Мы уже стояли так однажды — у лужи, когда я впервые увидела знамение судьбы, от которой и не стоило убегать. Тогда я еще не знала...

Айден недоуменно приподнял тонкую бровь, настроенный продолжать дискуссию вне

зависимости от его желания, но радостный крик Шартиар смог разогнать эту гнетущую атмосферу.

Мориус сонно зашевелился в своей хрустальной усыпальнице, небрежно откидывая в стороны черные розы.

— Чего вы так орете? Поспать не дают...

Щурясь и зевая, он обвел взглядом разгром, который его окружал. Шартиар утирала лицо от крови и слез, не веря своим глазам.

Я украдкой рассматривала его — они с Айденем были похожи как две капли воды, отличаясь только цветом глаз и шрамом на переносице, которым щеголял старший из братьев. Был ли долгий сон тому причиной, но Мориус казался почти юным, тогда как Айден был красив очарованием молодого мужчины.

— Сколько я проспал? Что здесь произошло?

Шартиар помогла ему выбраться из саркофага, то и дело прижимаясь лицом к его плечу, чтобы скрыть дорожки от слез, капающих из глаз. Ее лицо светилось от радости и любви.

Айден вздохнул, опуская, наконец, меч.

— Это будет очень долгая история, братец.

Мориус задорно улыбнулся, и при взгляде на его улыбку я ощутила, как в душе какой-то давно потерянный кусочек встал на место.

— Думаю, у нас целая куча времени.

От счастливого смеха Шартиар в ответ на душе стало легко. Теперь все точно будет хорошо.

Радость, захлестнувшая дворец, была подобна волне шампанского — искристые пузырьки всеобщего ликования наполнили каждого его обитателя, и только меня они обошли стороной. Меня раздражали и заразительный смех, звучащий за каждым углом, и веселые песни оставляли меня равнодушной. Самой себе я казалась отшельником, который украдкой подглядывает за остальными, не испытывая при этом ничего, что могло бы волновать душу.

Справедливость восстановлена, Мориус пробудился ото сна, а звезда Его Мрачнейшего Величества Талла вновь воссияла на престоле. Повелитель сна и смерти Мориус, а рядом — его верный Советник. Две половины единого целого, кажется, так Айден говорил? Сколько я не вертела в голове эту мысль, пытаюсь сложить кусочки пазла верно. Почему Талл, если их двое? Почему старший из братьев избрал себе скромную роль советника при правящем младшем? Осколки пазла ни в какую не хотели складываться в единую картину. Вопросов, которые терзали меня, был целый рой, злой и кусачий. А ответов найти не получалось. От постоянных размышлений начинала невыносимо болеть голова, а вместе с головной болью приходили душные, тягучие кошмары, совершенно неотличимые от реальности.

Во сне я снова и снова убегала от Вилфа, петляя между гигантскими корнями векового дуба, постоянно спотыкаясь и падая. Колени разбивались в кровь, и при пробуждении тело откликалось тупой болью, от которой хотелось выть, уткнувшись лицом в подушку. Каждый раз, проснувшись, я давала себе слово, что больше никогда не сомкну век. Пускай погибну, пускай сойду с ума, но терпеть эту медленную пытку ужасом, — нет уж, увольте. Однако, надолго решимости не хватало.

Разбитое тело напоминало, что следует отдохнуть и набраться сил. Но стоило прикрыть глаза, поддаться соблазну и уснуть, как темные объятия кошмарных сновидений окутывали меня неразрывными цепями. И так по кругу.

В какой-то момент я стала бояться, что это месть Айдена. Ну, или Мориуса. Да кого угодно, на самом деле, я была готова даже предположить, что Вилф пытается зачаровать меня через сон, чтобы использовать в своих подковерных играх. Я хотела только одного — чтобы все это прекратилось. Я хотела вернуться домой.

После битвы, сумбурной и нелогичной, дворец на несколько часов погрузился в тишину. Стихли стоны раненых и смех Шартиар, который сменился тихим шепотом. Их с Мориусом фигуры, посеребренные лунным светом, очень четко выделялись на фоне разрушенных стен и треснувших гранитных плит. А затем пришли слуги, прятавшиеся до этого момента — мужчины, женщины, дети. Они с трогательной улыбкой оглядывали нас, пряча глаза, сверкавшие радостью, и кланялись, приветствуя своих повелителей.

Айден не отпускал моей руки, не позволяя отойти в сторону. А я слишком устала, чтобы качать права. Слабость прокралась незаметно, превращая колени в кисель, и Айден легко

подхватил меня на руки.

— Подготовьте спальню для моей невесты, — бросил он короткий приказ, направляясь к лестнице, которая едва-едва устояла при нападении Вилфа Красноглазого. Некоторые ступеньки оказались выщербленными, но Айден с легкостью преодолевал их прыжком. Обессилено прислонив голову к твердому плечу, я считала секунды, которые превращались в

минуты. Меня грызла злая тоска, которой не было причины. Или все же была?

Айден торжественно нес меня на руках по коридору, тихо мурлыкая под нос давно забытую песенку. От звучания этой мелодии хотелось разреветься — я ужасно соскучилась по дедушке.

«Белый-белый снег,
Алая водица.
Что же, девочка моя,
Все тебе не спится?»

Дворец лишился трех башен и большей части крыши в длинных переходах, как будто здесь прошел жестокий ураган. Но трепетный звездный свет, падающий на лицо сквозь прорехи в крыше, делал все вокруг таинственным и полным волшебства.

— Тебе надо поспать, — мягко произнес Айден, бережно опуская меня на свежие, прохладные простыни. Он помедлил с секунду, а затем поцеловал меня в лоб. И отступил назад, как будто не уверенный, что имел на это право.

— Прости меня, — эхом воспоминаний прозвучал тихий голос, полный вины. Я закрыла глаза, лишь бы не отвечать. Сон накрыл меня трепещущим пологом, преисполненным шумом луговых трав и щебетанием птиц.

Спальня, в которой я обитала, была украшена с поистине королевским шиком. Громоздкая кровать с изголовьем из красного дерева, была обтянута атласом. Шелковые простыни приятно охладили кожу — то и дело у меня поднималась температура. Жар и лихорадка мучили меня не хуже кошмаров. Стены были покрыты рисунками, изображающими подвиги Талла, и я не могла понять, кого именно — Мориуса или Айдена. Иногда сюжеты менялись, и вот на стенах история восхождения Вифла Красноглазого, от юного мальчишки до злобного колдуна, жаждущего власти.

Вырезанные из камня черепа и кости венчали столбики кровати, не забывая напоминать мне, в чьих именно владениях я нахожусь.

Несколько дней мой распорядок дня составлял лишь сон, тревожный и мучительный, прерывающийся на прием пищи. Иногда, в полудреме, я переживала — не ужалил ли меня Вилф каким-нибудь заклятием, под воздействием которого я медленно превращалась в героиню сказки о Спящей Красавице?

Но нет, целая толпа хмурых лекарей, сгрудившаяся над моей кроватью по приказу Айдена, единогласно постановили, что мое апатичное состояние всего лишь реакция на стресс. От их терпких, травяных настоев я наотрез отказывалась, один только их аромат вызывал у меня мрачные, пугающие видения, так не похожие на обыкновенные кошмары. Точь-в-точь как те, что преследовали меня во время выздоровления в хижине Даной. Мне показалось, что я видела ее силуэт в толпе лекарей, но чуть позже поняла, что ее здесь быть не могло. Все лишь причудливые игры сонного разума.

Айден не появлялся у моей кровати в редкие часы бодрствования — справлялся о моем самочувствии у Руца или Шартиар. Виллану же был предписан постельный режим, и, будучи прикованным к кровати, он слал мне короткие записки, передавая их через Наставницу или слуг. Одна из них гласила, что мы непременно отправимся на охоту, как только ему разрешат встать на ноги. Я благоразумно промолчала, посылая в ответ пожелания скорейшего выздоровления. Я точно знала, что не задержусь здесь дольше, чем потребуется мне для восстановления сил. Дедушка уже ждался меня.

Но порой мне чудилось, что Айден после полуночи проскальзывает в мою спальню и

сидит у постели, нежно поглаживая мои руки. Я сквозь сон ощущала тепло его ладоней, слышала тихий шепот, который твердил о любви. Ближе к утру призрак Айдена растворялся в тишине дворца, чтобы вернуться снова ночью.

Требовательный стук в дверь согнал с меня дрему. Я затаилась — быть может пронесет? Но нет. Стук в дверь повторился, на этот раз гораздо настойчивее. Посетитель начинал терять терпение, а войти без разрешения в мои покои никто бы не посмел.

— Войдите, — простонала я, надеясь, что визитер сам поймет, что я не хочу никого видеть и тихонько удалится. К несчастью, Шартиар пренебрегла подобными условностями.

— Сколько можно валяться в кровати? Вставай!

Комната наполнилась головокружительным запахом свежесрезанных роз, которые Наставница держала в руках. Ежедневно она приносила свежие цветы, украшая ими комнату, как будто мне было какое-то дело до ее убранства. Даже посели меня Айден в каморке под лестницей, я не увидела бы разницы. То же самое касалось еды — она вся имела для меня вкус размокшего картона, вне зависимости от того, какие деликатесы мне предлагались.

Я молча накрылась одеялом с головой. После всех приключений, что выпали на мою долю, единственным желанием было остаться в кровати на ближайшее столетие.

Но у Шартиар были другие планы.

— Сколько можно унывать?

— И вовсе я не унываю, — ворчливо отозвалась я из-под одеяла, но мысленно признала ее правоту. Она видела меня насквозь, так же как и Айден, и я не могла отделаться от ощущения, что она видит во мне не меня. Каждый угол во дворце, каждый квадратный метр земли в этом мире были пропитаны скорбью по Верелл. На фоне всеобщей любви к почившей Невесте, я чувствовала себя некачественной, бракованной заменой. И хандрила.

— Я хочу домой, — глухо пробурчала я из импровизированного укрытия, — дедушка...

..давно пришел в себя, — весело закончила за меня фразу Шартиар, усаживаясь на кровать и настойчиво оттягивая одеяло на себя. Я боролась до последнего, не готовая показать в самом неприглядном свете, но в итоге Шартиар оказалась сильнее. Она скептически оглядела мои всклокоченные волосы, сбившиеся в колтуны от того, что я в бреду и кошмарах возилась на влажных простынях. Темные круги под глазами (пару раз я все-таки находила в себе силы доползти до зеркала в золоченой раме) делали меня похожей на унылую панду. А синеватый цвет лица не добавлял мне очарования.

— Заклятие, наложенное Айденом, давно уже разрушилось. В тот же миг, когда они вернули свои силы. — мягко сказала она и тут же помрачнела. Упоминание о вечном сне, в который были погружены жители моего мира, напомнила мне о том, что мной манипулировали от начала и до конца.

— Он же переживает, что я пропала! Мне надо назад! — я подскочила на кровати, готова бежать так далеко, насколько хватит сил, но осеклась, когда увидела, что Шартиар смотрит на меня ласково и спокойно.

— Он думает, что ты в отпуске. И не ждет назад в ближайшие пару недель. Айден и Мориус вернули свои силы. Теперь все в полном порядке.

Но я считала совсем иначе.

— Я не могу... — сдавленно произнесла я, с силой сглатывая ком, который встал в горле. Я боялась, что мне придется сказать больше, вывернуть душу наизнанку, но нет, Шартиар и так все знала.

— Я с самого начала знала, что мое сердце будет принадлежать самому замечательному

мужчине, — тихо сказала Шарттиар, грустно улыбаясь, — и я встретила его в тот самый день, когда поступила на службу к Таллу. Мориус увидел меня в стане новичков, улыбнулся и я пропала. Но мы были недолго счастливы.

От воспоминаний взгляд изумрудных глаз затуманился, я затаила дыхание.

— Когда я увидела его в хрустальном саркофаге, во мне что-то сломалось. Любовь только в сказках — чудесное чувство, которое не подчиняется ни боли, ни страху. Это ложь. Боль и любовь ходят бок о бок, рука об руку. Помни об этом, когда опять будешь жалеть себя, повторяя, что тебя предали.

Я молчала. А что я могла сказать? Она понимала меня. Как никто другой.

— Думаю, мне пора покинуть спальню, — нехотя признала я, с неожиданной робостью опуская ноги с кровати. Пушистый ковер мягко щекотал босые ступни. Тело казалось задеревеневшим от стольких дней без движения, но оно быстро вспоминало, что нужно делать. Я прошла по комнате, раздвинула портьеры, распахнула окно. В комнату хлынул свежий воздух, с горькой ноткой цветущей сирени. Но откуда здесь сирень.

Шарттиар ободряюще улыбнулась, а затем с невинным видом уточнила:

— А где Айден?

— Он не приходил, — ответила я, хмурясь. В голосе Наставницы мне почудился намек. Айдена я не видела уже очень давно.

— Как это? — Шарттиар недоуменно захлопала ресницами. — Разве он ночует не здесь?

Щеки мои вспыхнули при одной только мысли о том, чтобы разделить с Айденом постель:

— С чего бы вдруг?!

Шарттиар покачала головой и задумчиво почесала нос:

— Это его спальня, милая. Где же ему еще ночевать?

— Нет, его здесь не было, — кусая губы, ответила я, боясь сболтнуть лишнего. Быть может, Айден у моей постели лишь чудился мне в лихорадочном бреду.

Видя, как горит мое лицо, залившееся краской, Шарттиар пожала плечами, едва сдерживая улыбку:

— Я пришлю слуг, они помогут тебе привести себя в порядок.

Все еще смущенная, я мотнула головой, позволяя ей толковать этот жест как угодно. Ветерок обдувал лицо, которое все еще пылало, а за окном, впервые за несколько столетий, вставало искристое, рыжее солнце, освещая землю, которая давно забыла, что такое солнечный свет.

Пол в на галерее был ужасно холодный, но отсюда прекрасно был виден восстановленный тронный зал. И Айден, который с жутко занятым видом, раздавал приказы слугам и строителям. Длинный деревянный стол у дальней стены был завален подарками — поданные слали подарки и открытки с наилучшими пожеланиями молодым. В столице, защищенной от иллюзионщиков отрядами рыцарей Талла, каждый вечер пускали салюты, едва опускались сумерки. Жители праздновали возвращение своих повелителей и возвращение Невесты, которая должна была принести процветание и благоденствие.

А в это время Невеста украдкой подглядывала за своим суженным. Стянутые в высокий хвост волосы Айдена блестели в солнечном свете и мягко покачивались, когда он двигался, плавно и уверенно, словно танцор.

Черный мундир был небрежно брошен на стул, и я разглядывала широкие плечи,

обтянутые белой рубахой, пытаюсь найти в себе ответ на самый главный вопрос — почему он?

Я не исключала, что намеренно избегала встречи с Айденем. Дворец был огромен, и ускользнуть от нежеланных встреч было легче легкого. Но никто мне не запрещал следить за ним вот так, украдкой. Я видела из окна, когда он встречал послов с подарками. Наблюдала как он руководит восстановлением замка, где все еще не хватало двух башен.

Или же пряталась на галерее и следила за тем, как он управляет своими подданными.

Сегодня украшали тронный зал, готовя его к торжественной церемонии — моей свадьбе. Нашей свадьбе.

Конечно, мы даже не разговаривали с той ночи, когда состоялась последняя битва, но мое желание выходить замуж и его отсутствие, было лишь номинальным. Я уже дала согласие. Заключение брака, как объяснила мне позже Шарттиар, произошло в тот самый момент, когда я сказала "Я согласна". Праздник и белое платье всего лишь атрибуты, да и то, совсем не обязательные.

Чувства к Айдену с каждым днем только крепили, и стоило мне подумать об этом, как он поднял глаза, безошибочно отыскивая меня на галерее. Одной его улыбки хватило, чтобы понять — то, что я слежу за ним, для Айдена не было тайной.

Я отшатнулась, прячась за массивной статуей, которая так удачно разместили на верхней галерее. Сердце билось, как сумасшедшее, заглушая шаги Шарттиар, появившейся на галерее неслышной тенью.

— Хватит прятаться, принцесса, — весело заявила она, помогая мне подняться на ноги, — оглядываешь свои владения?

Я опасливо выглянула с галереи, но Айдена в тронном зале уже не было. Там сновали только слуги, словно трудолюбивые муравьи, драпировавшие стены темно-синей атласной тканью. Приближающееся торжество будоражило воображение всех обитателей замка.

Два золотых трона, установленных на возвышении, внезапно напомнили мне кое о чем. Я развернулась к Шарттиар, которая мечтательно смотрела в широкое окно. Через долину Хаврингаст мчался на гнедом скакуне Мориус, и ветер трепал его распущенные волосы. От того, что Шарттиар лучилась теплом и любовью, в сердце преобладало кольнула ледяная игла.

— Я уже видела это, — я указала вниз, — на стене в Хранилище Сердец. Два трона. Когда ты сбежала, я ощутила, что ты любишь Талла и то, что ты страдаешь. Тогда это имело смысл — я предназначалась ему в жены! Но Мориус и Айден...

Я задохнулась, не в силах продолжать.

Шарттиар свернула стеклами очков, виновато улыбаясь:

— Да, мне было больно и страшно, но лишь по той причине, что и всем остальным. Я боялась, что ты — не та. Пойдем со мной, я кое-что покажу тебе.

В библиотеке дворца я уже бывала, но почти все книги, которые здесь хранились, были написаны на неизвестном мне языке, а потому не могли ни помочь мне, ни развеять скуку.

Мраморная шкатулка, к которой устремилась Шарттиар, выглядела вполне обыкновенно. Я бы даже прошла мимо, но Наставница бережно сняла тяжелую крышку, извлекая тонкий свиток из недр шкатулки.

— Братья правили бок о бок. Айден всегда говорил, что не видит себя на троне, и Мориус взял самое главное на себя, — Шарттиар усмехнулась, расправляя свиток на столе. Я наклонилась ниже, различая черные буквы, много веков назад выведенные чьим-то острым старательным пером.

Талли'Айден и Талли'Мориус.

— Это же!...

— Да, — Шартиар кивнула, бережно сворачивая свиток и укладывая на место, — родовое имя. "Талл" может подразумевать любого из богов-близнецов.

— Или обоих сразу, — проговорила я.

— Или обоих, — с легкостью согласилась Шартиар, — но тебя все равно что-то тревожит, не так ли?

Прежде чем озвучить свои мысли, я колебалась. Но если не она, то с кем мне еще поделиться сомнениями?

— Я здесь чужая. Вы с Мориусом так счастливы, а мы...

— Поговори с ним, — посоветовала Шартиар, привлекая меня к себе. От теплых объятий тревога, бушующая у меня в груди, немного улеглась.

— С Мориусом? — я недоуменно нахмурилась. — О чем мне с ним разговаривать?

Тихий смех Шартиар пушистым крылом мазнул меня по щеке:

— Да нет же, с Айденом! Будь мудрой, Лиззет, поступи правильно.

Уткнувшись лбом в ее плечо, я пыталась найти в себе храбрости пойти на такой шаг. И не находила.

Айден поднял глаза от бумаг, улыбкой приветствуя меня, едва я только вошла в кабинет без стука. Если бы мне пришлось стучать, я бы растеряла последние крохи уверенности и сбежала, это сто процентов. А так, я накрутила себя до того порога, когда только в омут с головой.

Он взглянул на меня поверх свитка в руках:

— Ты красивая. Рад, что ты все-таки решилась ко мне прийти.

— Нам надо поговорить, — резко оборвала я его, ощущая, как начинают дрожать руки. Айден склонил голову к плечу, даже не показывая своего разочарования. Он вел себя совершенно иначе, неужели возвращенная сила вернула ему и это спокойствие, которому бы позавидовал и айсберг?

— Кто была та девушка?

Айден нахмурился, не понимая о чем я. Пришлось напомнить:

— Там, в таверне. Я видела вас.

Начинать разговор со сцены ревности было не лучшим решением, но я вспомнила о ней, едва пересекла порог. И уже не смогла выкинуть из головы сцену, где полуголая девица прижимается к Айдену со страстью и пылом.

Он тоже вспомнил и даже смутился на какой-то миг. Прикусив губу, Айден ответил, подбирая слова:

— Она сама ко мне пришла. После того, как я потерял тебя, я часто бывал в той таверне, сдружился с хозяином. Его дочь была лишь попыткой утешиться.

И видя, как изменилось мое лицо, Айден поспешил добавить:

— Я этим не горжусь. Напротив, я бы отдал все, что угодно, лишь бы этого не было.

— Ты потерял не меня, — через силу сказала я. — а Верелл. По ней ты страдал, а не по мне.

— Я люблю тебя, — от этих слов меня бросило в жар, а затем в холод. Я так хотела их услышать, и так боялась, что они окажутся очередной ложью.

Он поднялся на ноги, в два шага оказываясь рядом со мной и беря меня за руки. Руки его

тоже подрагивали, выдавая волнение.

— Я жизнь отдам за то, чтобы доказать, что это правда. Знаю, что ты хочешь вернуться в тот мир, — прошептал он, отводя выбившуюся прядь от моего лица, — но я не хочу, чтобы ты уходила.

— Я тебя совсем не знаю! Как мне жить, если..

Айден улыбнулся, нежно целуя меня в лоб, и все возражения стали каким-то беспочвенными.

— Послушай свое сердце. Разлука с тобой страшит меня куда сильнее сейчас, чем раньше. Мы только-только обрели друг друга, а ты хочешь сбежать.

Повинуясь порыву, я прижала лицо к его груди. Сильные руки мгновенно заключили меня в сладкий плен объятий.

— Я очень скучаю по дедушке Лео. И по своему миру.

Айден хмыкнул:

— Хочешь разделить время? Шесть месяцев здесь, шесть месяц там? Как в сказке?

Я отстранилась, заглядывая ему в глаза:

— Дай мне немного времени. Я вернусь, только приглашу дедушку на свадьбу.

Айден недоверчиво нахмурился, но я и не думала его обманывать. Я хотела, чтобы дедушка увидел, чем заканчивается его очередная сказка, своими глазами.

Нежный поцелуй, который коснулся моих губ, был прерван Вилланом, который ворвался в кабинет так резво, словно и забыть забыл про свои раны.

— Гости собираются! — выпалил он, вздрагивая. — Прибыла Многоликая Аора!

— Ты же должен ей танец, — не удержалась я от подкола, и выражение лица Виллана стала жалобным. Шартиар, заходящая следом, невежливо подвинула рыжего рыцаря бедром.

— Может она уже и забыла! — протянул он тоскливо, закатывая глаза.

— Аора никогда ничего не забывает, — сдержанно рассеялся Айден, отказываясь выпускать меня из объятий.

— Скажите Аоре, что ей придется подождать свадебной церемонии, — с намеком произнесла я, прижимая ладонь к щеке Айдена, — мне надо отлучиться.

— Так скоро?! — Виллан распахнул глаза, словно не веря своим ушам. — А как же первая брачная ночь?

Видя, как я заливаюсь краской, Шартиар отвесила Виллану звонкую затрещину.

— Я скоро вернусь, — прошептала я, запечатлевая на губах Айдена горячий поцелуй, — мне пора.

И под оглушительный звон колоколов я вышла из кабинета, в твердой уверенности, что обернусь в мгновение ока.

На подушке, среди пены кружев и шелка, лежала серьга: серебро и горящий глаз рубина. Рядом лежала книга сказок, раскрытая на странице, повествующей о том, как одна очень храбрая девочка прошла через многое ради своей любви. А где-то в глубинах дворца Айден, покинутый и печальный, разглядывал долину Харвингаст и считал минуты, прошедшие с моего ухода.

— Пожалуйста, возвращайся скорее.

Больше книг на сайте - Knigoed.net